

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

9-10 (494)

2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Алексей Славовский. Успеть. <i>Поэма о живых душах</i>	3
Ия Кива. «самое странное, что проявилось во времени в эти шесть лет...» и др. <i>стихи</i>	174
Кирилл Корчагин. 12 стадий близости. <i>Стихи</i>	179
Владимир Кошелев. Элегия Фрэнсиса Бэкона и др. <i>стихи</i>	187
Вадим Ярмолинец. Медведь. НЛО. пляж тысячи соборов. <i>Рассказы о Смирновских</i>	191
Павел Демидов. Куплеты на черный день.....	194
Игорь Силантьев. Созвездие кондуктора. <i>Рассказы</i>	199
Валерий Земских. «Он вышел из шинели...» и др. <i>стихи</i>	206
Борис Ильин. Всем на долгие годы. <i>Рассказ</i>	211
Рафаэль Шустерович. Новые стихотворения (2020-2021).....	217
Андрей Торопов. «Ласточки дом построили...» и др. <i>стихи</i>	222
Андрей Ломовцев. Друг мой Палыч. <i>Рассказ</i>	225

ПУТЕШЕСТВИЕ

Антон Ботев. Основы кировского акцента.....	231

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Валерий Силиванов. Анаграммы про жизнь на физтехе в 90-е.....	243

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Владимир Орлов. Вячеслав Лебедев: концерты без публики.....	247
Вячеслав Лебедев. Стихи из неизданных книг. <i>Публикация, подготовка текста Владимира Орлова</i>	251

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Дмитрий Бавильский. Введение в обездоленность <i>О кн.: Светлана Бойм. Будущее ностальгии</i>	260
Борис Кутенков. Не выходы, но тупики <i>О кн.: Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе</i>	265

Алексей СЛАПОВСКИЙ

УСПЕТЬ

Поэма о живых душах

Том I

*Ты целился в мишень, успев мечтой вонзиться
в успех, что разовеет все флаги над тобой.
Но на пути стрелы вдруг оказалась птица,
и кончился полет ее, стрелы и твой.*

Из «Попутной баллады»

Эта история случилась в конце болезненного две тысячи двадцатого года, от которого все так устали, что задолго до праздников украсили гирляндами и елками квартиры, дома, магазины и улицы, словно намекая времени, чтобы оно шло побыстрее. А в новом году, конечно, будет лучше или хотя бы как прежде, – всем казалось, что прежде было хорошо, но не ценили мы, глупые, имевшегося счастья.

За прошедшее с тех пор время о пандемии, о связанных с нею бедах, утратах, откровениях, заблуждениях и безумиях сказано и написано много правды, еще больше вранья, появилась куча книг и фильмов, авторы наперегонки высказывались по горячей теме; им эта чума 21-го века была только в радость, потому что у всех давно кончились и темы, и сюжеты, и идеи.

Кажется, ничего нового сказать нельзя, но дело ведь не в теме, не в сюжетах и не в идеях, а в людях. Да, ситуации могут быть похожими, но люди при всем сходстве и внешности, и поступков, – разные. Однако миллионы и миллиарды, пережившие что-то подобное, остались в неизвестности, а моим героям повезло, у них есть я, и я о них расскажу. Наверняка что-то напутая в деталях и частностях, которые легко мог бы уточнить в глобальной сети, но не хочется в сеть, хочется так, как рассказывали истории встарь – по памяти.

Алексей Славовский родился в 1957 году в селе Чкаловское Саратовской области, окончил филологический факультет Саратовского университета. Автор многочисленных журнальных и книжных публикаций, сценариев. Предыдущая публикация в «Волге» – «Ксю. Потусторонняя история» (2020, № 5-6).

Ведь именно по памяти, из уст в уста передавались священные легенды человечества, каждый рассказчик при этом добавлял что-то свое или убирал то, что казалось лишним. Записанные позже тексты являлись меж тем признанными шедеврами слова и мысли – и, мне кажется, именно потому, что случившиеся в реальности истории после многих обработок и доделок получились не такими, какими были, а такими, какими пожелалось их увидеть. Желания же выше реальности – они меняют ее, а не наоборот. Правда, желания сами вырастают из реальности, но из той реальности, что создана предыдущими желаниями, созданными, в свою очередь, предшествующей реальностью, истоком которой служили совсем уже древние желания, явившиеся в древней реальности.

Однако есть вещи очень конкретные, требующие точности, поэтому я перед публикацией разослал текст тем, чьи биографии и судьбы отражены в книге, с просьбой сказать, не соврал ли я где. Не в том даже дело, бывали или не бывали в их жизни именно такие случаи, а – возможны ли они были в принципе?

Короче и яснее других выразился мой старший брат Александр Иванович Слаповский, сказавший: «У нас возможно все!»

Эти слова достойны стать девизом не только моей книги, но, пожалуй, и всей страны. Я даже начал фантазировать, представляя, как в который уже раз переписывается гимн России (на ту же, естественно, музыку). Звучало бы примерно так:

Россия парит высоко, непреложно,
у всех на виду и у всех впереди.
У нас все реально, у нас возможно,
а кто не согласен, то лучше уйди.

Но к делу.

Итак, год две тысячи двадцатый, месяц декабрь, число двадцать девятое, вторник, страна Россия, город Саратов, место действия – вокзал.

I.

У кассы стояла небольшая очередь. Все были в масках, все соблюдали социальную дистанцию, но не предписанные полтора метра, поменьше. Полтора метра выглядят дырой, свободным местом, и его может занять кто-то наглый. Само собой, никто не позволит, выгонят, но лучше не искушать, не давать повода. К тому же, у наших людей веками выработалась привычка тесниться в любой очереди, напирать, наступать на пятки, опасаясь, что то, за чем они стоят, кончится. Или двери закроют, и тебя не впустят. Или, наоборот, не выпустят. Вроде бы, если ты сделаешь полшага вперед, ничего не изменится, близость к цели измеряется не расстоянием, а людьми, но слишком могуч инстинкт, и ты все-таки делаешь эта полшага.

Но все же не вплотную стояли, не как в доэпидемические времена, угроза научила осторожности. Лишь пара, молоденькие юноша и девушка, не только не соблюдала дистанцию меж собой, но, пользуясь преимуществом близких отношений, стояла в обнимку, ее рука на его талии, его рука на ее плече. Юноша, склонив голову, что-то тихо говорил девушке, почти прикасаясь к ее щеке губами, вернее, маской, щегольской, черной, с пиратским принтом в виде скрещенных сабель и черепа, а иногда и прикасался – приспустив маску, коротко целовал в щеку под ушком, будто отмечая цезуры своей речи, и, надвинув маску, продолжал говорить. Девушка слушала и улыбалась глазами; маска на ней была тоже красивая, красная, с золотыми серпом и молотом, как на бывшем советском флаге. Юноша и девушка понимали, что все на них смотрят, завидуют им, но как бы не замечали этого, создавая свой маленький безгрешный театр любовной игры.

У окошка кассы, традиционно имеющего вид арки, что намекает на особенность ритуала, будто здесь продаются не просто билеты, а пропуска в иной, лучший мир, стояла молодая женщина,

высокая, полная, в пальто фиолетового чернильного цвета из плащевой ткани, сквозь которую там и сям пробивались катышки подкладки, это бывает после стирки или очень долгой носки. Она не могла выбрать, каким поездом ехать в Москву.

– Махачкалинский когда отправляется? – спрашивала она.

– В четырнадцать сорок одну, – терпеливо отвечала кассирша.

– А саратовский?

– В пятнадцать семнадцать, почти сразу же. Что берем?

– Купе свободные в каком есть?

– И там, и там.

– А можно, чтобы в купе никого? Я с двумя детьми. Чтобы нам три места, и уже никого не сажать?

– Я этим не распоряжаюсь. Даже если тут придержу место, не продам, на другой станции кто-то возьмет билет и к вам подсядет. Имеет право.

– А все купе можно купить? Два билета на одно лицо?

– Да хоть весь вагон купите, правила не запрещают.

– Тогда все купе. В смысле, два билета на детей и два на меня.

– В какой?

– А махачкалинский хороший?

– Нормальный.

– Но там же с юга люди едут. Нахватались неизвестно чего. Да еще Кавказ сплошной.

– Чем вам Кавказ не нравится? – тут же послышался уязвленный, но вежливый голос.

Женщина оглянулась. В конце очереди стоял и, кстати, в отличие от прочих, соблюдал положенную дистанцию плотный мужчина лет пятидесяти в серой куртке и серой вязаной шапочке, с большими глазами, полными грусти оттого, что жизнь непростая, а Родина далеко.

– Да всем он мне нравится, но у меня дети! – с оправданным материнским вызовом ответила женщина.

– И что? Съедем мы ваших детей? – спросил мужчина, спросил весело, показывая женщине и всем остальным, что он шутит.

Женщина тут же возмутилась:

– Я ничего такого не говорила, а беру билет, а вас не касается!

И повернулась к кассе, продолжила уточнять подробности:

– Саратовский, значит, сразу после махачкалинского отходит?

– Полчаса разницы.

– Фирменный, наверно? Дорогой?

– Обычный. Цены такие же.

– И купе тоже есть?

– Есть. Везде есть, пустые поезда идут. Раньше перед Новым годом не пробьешься, все в столбцу рвались, а сейчас никого. Вот оттуда в Саратов билетов нет практически, понять можно – люди домой возвращаются.

– А в Москву саратовский когда приходит? Позже махачкалинского?

– Даже раньше.

– Как это?

– В пути обгоняет.

Женщина задумалась. Возможно, в слове «обгоняет» ей почудилось что-то опасное.

– А в смысле удобств есть разница? – спросила она. – У меня же дети!

– Никакой разницы.

– Хорошо, оформляйте на саратовский.

Кассирша занялась своим делом. Показалось, что очередь облегченно вздохнула.

За женщиной в чернильном пальто стоял невысокий мужчина довольно необычного вида: в замшевой куртке с белым меховым воротником, с бахромой на нагрудных и боковых карманах, в

голубых джинсах, в сапогах ковбойского фасона с острыми носами, окованными металлическими пластинками, а в руке он держал кожаную широкополую шляпу. Осанка, стать, прямые плечи, все в нем было молодое, и глаза казались молодыми – карие, ясные, и коротко постриженные волосы были густыми, темными, почти черными, с редкими искрами седины, но резкие морщины у глаз и борозды на лбу, казавшиеся незаживающими шрамами, выдавали его возраст – за пятьдесят, а то и больше. На голову ниже мощной женщины, он казался ее пожилым сыном. Может, потому, что было в нем что-то неуловимо мальчишеское, даже, пожалуй, пацанское, непоседливое, нетерпеливое.

Он выглядел человеком, впервые или после долгого перерыва попавшим на вокзал, а то и вообще в человеческое общество. С любопытством иностранца он смотрел на окружающее, на людей, с внимательным интересом слушал их – и что говорила женщина в чернильном пальто, и как отозвался обиженный кавказец, и как реагирует очередь на их диалог. Во взгляде его сквозило удивление: надо же, какие бывают люди, надо же, о каких занятых вещах они толкуют!

Сейчас он подвинулся в сторону и любовался через стекло девушкой-кассишей – так жадно, будто никогда подобных девушек не видел. А она и впрямь была хороша: светло-русые волосы до плеч, густые, ровного цвета и ровной плотности, волосок к волоску, красивые серые глаза. Мужчина смотрел на девушку в высшей степени одобрительно и жалел, что нельзя увидеть закрытых маской губ, которые гармонически дополнили бы лиричный славянский образ.

Этот мужчина был Василий Русланович Галатин, преподаватель одной из саратовских музыкальных школ. Также он подрабатывал в ресторанах, на корпоративных и семейных мероприятиях, нередко его приглашали сессионным гитаристом на концерты местных и заезжих рок-групп, он и сам являлся бывшим рок-музыкантом. Впрочем, рок-музыканты бывшими не бывают, как и русские офицеры, о чем давным-давно сказал в прекрасном фильме «12» Никита Сергеевич Михалков, слотнув патристический ком в горле и с трудом удержав в глазах честно выступившую гражданственную слезу.

Галатин послушно принял режим самоизоляции, а не так давно, когда умер один из педагогов, здоровый пятидесятилетний мужчина, он в приступе боязливой осторожности две недели просидел безвылазно дома со стариком-отцом. Но устыдился, вышел, нарочито прогулялся по центральным улицам, и ему показалось, что за эти две недели что-то изменилось в городе и людях. Или изменился он сам.

Пошел снег, Галатин свернул в магазин, это оказался магазин с ковбойским отделом: джинсы, куртки, шляпы, сумки, сапоги, ремни и все прочее. Этот стиль всегда нравился Галатину. Не потому, что он очень уж любил Америку или фильмы-вестерны, хотя смотрел их с интересом. В этой одежде – что-то приключенческое, авантюрное, чего Галатину всю жизнь слегка хотелось и чего он сознательно избегал, будучи человеком умеренным. И одеваться предпочитал просто – серые или темно-синие костюмы, одноцветные рубашки и однотонные галстуки.

В центре отдела стоял манекен в зимнем наряде. Галатин оценил добротность куртки, сапог, лихость вида манекена. И обратил внимание, что молоденькая симпатичная продавщица улыбается, глядя на него.

– Вы так на него похожи! – объяснила она свою улыбку. – Только лицо другое, а фигура – один в один!

– Так давайте его разденем и примерим, – вдруг сказал Галатин.

– Прямо с него снимем?

– Прямо с него.

И все Галатину пришлось впору, и он очень себе понравился.

– Вы даже не представляете, как вам идет! – искренне радовалась девушка.

– Вижу. Но смешновато как-то, нет? Будут смотреть как на клоуна.

– Да ладно! Завидовать будут, что они себе это не могут позволить, а вы взяли и позволили!

Галатин сомневался, но посмотрел на голый манекен и представил, что все вернёт ему, и стало обидно: что он ж, хуже манекена, что ли?

И купил этот наряд, потратив почти все деньги, что сберегались у него на банковской карте, куда ему перечисляли зарплату и пенсию. Так и вышел на улицу, держа в руках большой пакет с прежней своей одеждой. Сначала было неловко и непривычно, прохожие главели на него, кто исподтишка, а кто и открыто, с удивлением и усмешками, но Галатин укрепил себя такой мыслью: пусть смеются, зато небольшое развлечение, людям будет что рассказать дома – дескать, встретили ряженого чудака, который будто из кино выскочил. А то ведь все такое обычное и скучное вокруг, что и рассказать не о чем.

Но привык к новому образу удивительно быстро, дня за три-четыре. И как только перестал стесняться себя, заметил, что и окружающие перестали глазеть и удивляться.

При этом ощущение изменившегося мира осталось – вместе с ощущением изменившегося себя.

Женщина в чернильном пальто получила билеты и отошла, Галатин подал в окошко паспорт и сказал:

– На сегодня, на семнадцатый, одно купе, можно верхнее.

Девушка постучала по клавишам, посмотрела в монитор компьютера.

– Какой вагон хотите?

– Да все равно, – любезно сказал Галатин.

– Мне тоже, – ответила девушка. – Шестой, седьмой?

– Ну, пусть седьмой. Любое место, но не рядом с туалетом. Есть посередке?

– Есть. Нижнее, верхнее?

– Нижнее, ладно уж. Раз такой простор.

Девушка взяла паспорт, раскрыла его, глянула на фотографию, на Галатина. Галатин потянул было маску вниз – так требуют в некоторых местах при проверке документов, но девушка сказала:

– Не надо. Вам шестьдесят шесть?

– Совершенно верно. Без шестерки число зверя.

– Чего?

– Шестьсот шестьдесят шесть. Число зверя, Вельзевула, дьявола, Левиафана, сатаны.

Галатину показалось, что он сквозь голубую маску девушки увидел, как та скривилась. На самом деле он понял это по сузившимся ее глазам и чуть сдвинувшимся бровям: Галатин, как и все люди той поры, быстро научился считывать настроение современников только с глаз, без помощи других частей лица.

– Не знаю, какая там у вас сатана, – сказала девушка, – а нам на планерке сказали, что гражданам после шестидесяти пяти билеты продавать не рекомендовано. Зато новая услуга появилась, можно сдать невозвратный билет.

– У меня нет невозвратного билета, – сказал Галатин. – Я, наоборот, хочу купить билет. Что значит – не рекомендовано? Запрещено? Кем? Номер приказа, кто издал?

– Понятия не имею.

– Тогда будьте любезны, оформите билет.

– Не имею права.

– Почему?

– Я же говорю: на планерке сказали...

Галатин не любил быть напористым, но, если требовалось, умел.

– Кто сказал? Конкретно – должность, имя, фамилия?

– Начальница смены.

– У нее есть право запрещать продажу билетов каким-то категориям пассажиров? – ласково попытался Галатин.

– Она сказала – не рекомендовано, – со скукой ответила девушка.

– Вы уверены, что не рекомендовано и запрещено – синонимы? Мне кажется, это означает, что вы должны действовать, сообразуясь с обстоятельствами. То есть если человек явно болен и немощен, то, возможно, сначала направить его к врачу, а если он вполне свежий, бодрый, как,

извините, я, то почему не продать? Очень даже можно продать, никакими законами и указами, насколько я знаю, это не регламентировано, пока, по крайней мере, – втолковывал Галатин девушке, стараясь, чтобы в его голосе не было обидной нравоучительности.

Стоявшая позади Галатина дама в меховой шубе, возможно, норковой или бобровой, или соболей, рассказчик в этом не разбирается, дама солидная, с золотыми украшениями на пальцах и в ушах, такая бизнес-леди несколько устаревшего пошиба, не выдержала и сердито сказала:

– Что вы, ей-богу, придуриваетесь, мужчина? Не знаете, как у нас? Не рекомендовано – значит, запрещено! И не держите других, пожалуйста!

– А через интернет пробовали? – спросил молодой человек в пиратской маске.

– Пробовал! – ответил ему Галатин. – Не могу оформить, все заполняю, а подтверждения нет! Сбои какие-то в системе, так и пишут: извините, оформление в данный момент невозможно, попробуйте еще раз.

– И мы не смогли, вот и торчим тут, – напомнила девушка молодому человеку.

– Поэтому и спрашиваю, – ответил он. – Значит, везде сбой.

– Перекрыли кислород! – тоскливо отреагировал стоявший за дамой и перед молодыми людьми мужчина неопределенного возраста, с неопределенной внешностью и в неопределенной одежде. Такой может совершить убийство на твоих глазах, тебя будут потом допрашивать, как свидетеля, а ты не сумеешь вспомнить ни одной его приметы.

– Это в каком смысле? – поинтересовался у него Галатин.

– Во всех. Что хотят, то и делают. Сегодня вас ограничили, завтра нас обложат.

– Ерунда! Никаких оповещений не было! – возразил Галатин.

– Будут они вас оповещать, – сказал кавказский мужчина с горечью, но и с призывом почтения к бесконтрольной силе власти. – Поставят перед фактом, как всегда!

И махнул рукой, вспомнив неоднократные случаи, когда его ставили перед фактом.

Галатин повернулся к кассе.

– Голубушка, – сказал он, – вы уж простите, но вам деваться некуда. Или покажите письменный приказ, или продайте билет.

– Идите к начальнице смены или к дежурной, или вообще к начальнику вокзала, а я работу терять не хочу!

И девушка сунула Галатину паспорт, держа его за краешек двумя пальцами, словно намеревалась уронить, если он не подхватит. И Галатин подхватил, взял паспорт и отошел, потому что на него уже надвигалась бизнес-леди в своих соболях или норках.

Он направился к застекленному окну, на котором красовалась надпись: «Дежурный по вокзалу». А под ней: «STATION MASTER ON DUTY». Наверное, для форса – иностранцев в Саратове никогда много не бывало. Появился в девяностые «Корпус мира», да и тот быстро прогнали, заподозрив в шпионской деятельности.

За открытым окном никого не было, зато сидел на подоконнике милейший серый кот с белой треугольной манишкой. Он посмотрел на подошедшего Галатина, как тому показалось, с некоторым недоумением. И это понятно – вокзал почти пуст, пассажиров мало, дежурного, наверное, давно уже никто не тревожит.

– Привет, – сказал коту Галатин.

Сказал без заискивания, уважительно, как равному, но, похоже, кот не поверил, принял это за подхалимаж и не повелся на провокацию, не дрогнул ни усом, ни ухом, лишь устало смежил глаза, и на его погружавшемся в забытие лице читалось: «Мне бы ваши заботы!»

Галатин постоял, озираясь. Заглянул внутрь. На спинке кресла висела бирюзовая кофточка, а за креслом, у стеллажа с папками стояли теплые домашние тапки, бордовые, с узорчатой тесьмой по краям.

Не дождавшись дежурной, он поднялся по лестнице на галерею второго этажа, нашел дверь с табличкой «Начальник вокзала», постучал, вошел. В приемной находились две женщины в светло-серых форменных костюмах, одна постарше, другая помоложе. Та, что помоложе, сидела

за столом, это было ее служебное место секретарши начальника, а та, что постарше, устроилась сбоку. Они пили чай с шоколадными конфетами из коробки, поэтому маски были приспущены. Младшая тут же надела маску, а старшая пренебрегла, спросила:

– Чего хотели?

– Здравствуйте. Начальник у себя?

– Чего хотели-то? – повторила старшая, будто от ответа зависело, у себя окажется начальник или нет.

– Билет не продают! – развел руками Галатин, обращаясь к женщинам, как к сообщницам, которые должны понять и разделить его недоумение. – Ссылаются на мифические указания, что пенсионерам продавать билеты якобы не рекомендовано.

Старшая женщина сказала веско и официально:

– Не пенсионерам, а после шестидесяти пяти, и не мифические, а нам из управления спустили.

– Что значит спустили? Есть письменный приказ? Или устно распорядились?

– А какая разница?

– Такая, что устные распоряжения, уж извините, не имеют никакой юридической силы, – сказал Галатин так, будто и не рад был своей правоте, но не мог и скрыть ее.

– Вы юрист, что ль? – спросила старшая с неприязненной иронией; эта ирония основывалась на извечной убежденности всех российских чиновников в том, что жизнью правят указания начальства, а не законы, а кто ссылается и уповает на законы, тот либо не имеет опыта, либо глуп.

– Я не юрист, но я грамотный человек, – пояснил Галатин.

Младшая фыркнула сквозь маску и приспустила ее, чтобы откусить конфетку и отпить чаю. Она догадалась, что с таким посетителем правила соблюдать не обязательно.

– Если вы грамотный, то должны понимать обстановку в стране, – учила старшая женщина Галатина. – Ездят все, кому надо и не надо, а статистика ужасающая. Вы и себя подвергаете риску опасности, и всех. Себя не жаль – других бы пожалели!

Галатин приложил руку к сердцу:

– Очень жалею, но, согласитесь, я сам могу решить, надо мне ехать или не надо. И вынужден повторить: если вы отказываете в продаже билета, то обязаны предъявить мне письменные распоряжения, с печатью и подписью, на основании которых вы мне отказываете. Понимаете?

Младшая поддержала старшую.

– Ничего мы вам не обязаны, а обязаны выполнять, чего нам сверху посылают!

И она указала пальцем на то, откуда возникают послания – на монитор компьютера, где сейчас была анимационная заставка: красный небольшой куб медленно крутился в другом кубе, прозрачном, который тоже крутился, но в противоположном направлении. Наверное, эта заставка секретаршу успокаивала, а Галатину она показалась метафорой безысходности: торчит куб в кубе и не вырваться кубу из куба. Он решил смягчить ситуацию шуткой:

– И где там распоряжения? Давайте посмотрим.

– Вы не скандальте! – прикрикнула старшая. – Привыкли на простых работников отыгрываться! Если есть претензии, обращайтесь туда, где все решается!

– В правительство?

– Да хотя бы! А то вечно мы крайними выходим! И личную сознательность иметь надо, а то каждый сам по себе!

– Имею! – заверил Галатин. – Моя сознательность всегда при мне! Но и билет мне нужен. И вы меня очень обяжете, если прямо скажете, продадите билет или нет? Если нет – на каком основании?

– Да продадим, успокойтесь! – устала спорить старшая. – Но учтите, если вас с поезда ссадят, сами виноваты будете!

– Это почему же ссадят?

– Мало ли. Вдруг вы больной?

Младшая опять смешливо фыркнула, по-своему поняв слово «больной».

– Может, я и справку обязан предъявить? – осведомился Галатин.

– Не обязаны, но вдруг вы по факту нездоровый? У вас вон лоб какой-то красный. Вот что, пойдете-ка в медпункт и померяем температуру! – старшая встала. – Давно говорю, что пора пост выставить с градусником и на вокзал температурных не пускать! Пойдемте, чего вы?

Галатин понял, что пора перейти на строго официальный уровень общения. Не хочется, но надо.

– Послушайте, не знаю, кто вы по должности...

– Дежурная по вокзалу!

– Послушайте, госпожа дежурная по вокзалу, я вас, кстати, искал и не нашел на вашем рабочем месте, послушайте, я допускаю, что на поезд могут не пустить с температурой, но я сейчас не сажусь на поезд, я хочу купить билет!

– Боитесь идти в медпункт? – проницательно спросила дежурная. – Может, вы уже насквозь ковидный?

И надела маску.

И младшая подруга надела, глаза ее стали испуганными.

Тут открылась дверь начальника, и вышел мужчина лет примерно сорока. Он вышел задом, пятясь, закрыл дверь, повернулся и распрямился, и ясно стало, что начальнику он был подчиненный, а для женщин – сам начальник.

– В чем дело? – спросил он, тут же учуяв непорядок опытным административным нюхом.

– Скандалит тут, билет требует, а сам, наверно, больной, в медпункт идти не хочет! – пожаловалась дежурная.

– Я не больной и не скандалю! – возразил Галатин.

– Не шуми, отец, – посоветовал мужчина. – Тут люди работают, а ты мешаешь. Пойдем.

И он взял Галатина под локоть – довольно цепко и жестко.

Галатин тут же преобразился. Только что казался он чудаковатым, странноватым, как заблудившийся путешественник среди туземцев, и вдруг так распрямился, так глянул, что сразу стало видно старожилу здешних мест.

– Руку убрал, сынок, – сказал он негромко и внушительно.

Сынок удивился, замешкался, Галатин сам взял его руку сильными пальцами и отвел от себя подальше. Подержал ее там в воздухе секунду-другую, словно фиксируя и убеждаясь, что она никуда не денется. Отпустил. Повернулся к женщинам:

– Жаль, что мы не поняли друг друга. Всего хорошего, с наступающим вас!

Он сказал это с полным уважением – ему не хотелось, чтобы в душах женщин осталась обида на него, не хотелось также, чтобы они терзали себя и раскаивались. Считается, что раскаяние полезно, что оно исправляет человека. Не всегда. Оно на пользу только человеку умному и совестливому, а людей обычных злит и вызывает желание не исправить ошибку, а сделать что-то еще более гадкое, причем сделать осознанно, чтобы укрепится в своей злой, но привычной и удобной неправоте.

На старшую это не никак не подействовало, а младшая с неожиданной теплотой вдруг откликнулась:

– И вас так же!

Галатин благодарно кивнул ей и вышел, не глянув в сторону начальственного мужчины, – его реакция Галатина не интересовала.

А тот был тугодум и очнулся лишь тогда, когда за Галатиным закрылась дверь.

– Жизнь полна уродов! – сказал он бодро, показывая женщинам, что небольшое поражение, свидетельницами которого они стали, объясняется его снисхождением к престарелым идиотам – не драться же с дураком! Кстати, что жизнь полна уродов, это была не просто фразой, а его давнишним твердым убеждением. Он любил не уважать людей и ценил моменты, когда его нелюбовь получала подкрепление, это оправдывало ту череду ежедневных пакостей, которые он проделывал.

вал по службе для материальной личной выгоды, а вне службы для удовольствия, и об этом типе рассказчик мог бы сочинить целый роман, но и некогда, и противно.

2.

И тут же рассказчику стало совестно. Что значит некогда? Что значит противно? Да, этот маленький начальник был отчасти пакостник, но, чтоб вы знали, он, влюбившись в разведенную женщину с сыном-инвалидом, мальчиком, страдающим редкой болезнью – буллезным эпидермолизом, заботился о нем, как о родном, продолжая делать это, когда появилась своя дочь от любимой женщины. Если жена была на работе, а приходящая сиделка отсутствовала, он сам смазывал ребенку язвы и накладывал повязки, он возил его на консультации к лучшим врачам, а когда нашли наконец эффективные способы лечения, был счастлив не меньше матери. Мальчик, ставший юношей, выздоровел, завел семью, подарил родителям внука и внучку, порадовала и дочь: выучилась на архитектора, добилась международного признания, проектировала здания по всему миру и построила два особняка в Подмоскovie – себе и родителям, к тому времени подстарившимся; и весело было видеть, как на общей лужайке меж домами собирались дети, внуки, а потом и правнуки, и наш бывший маленький начальник чувствовал себя кем-то вроде Ноя, родоначальника нового человечества.

Секретарша же, если и ее упомянуть, на Новый год тосковала, встречая праздник одна на съемной квартире, – год назад ушла от родителей, доставших ее разговорами о замужестве. Тем не менее, она собралась провести с ними новогоднюю ночь, но мама позвонила и сказала, что отец подозрительно кашляет, лучше побережись. Никто другой, учитывая вспышку эпидемии, ее не позвал, она и сама никого не позвала, валялась на диване, глядя в телевизор и не желая ничего делать, но, глянув на часы – до Нового года всего ничего! – заставила себя подняться, сходила в магазин, купила шампанского и полуфабрикаты для приготовления оливье и селедки под шубой – чтобы все было как у людей. Можно было купить и готовые салаты, но чем тогда себя занять? Однако, взявшись за составление и смешивание салатных ингредиентов, она вдруг сначала заплакала, а потом рассмеялась, сказала: «Да пошли вы со своим Новым годом!» – и вывалила все в ведро, и злорадно заказала пиццу. Пиццу привез молодой человек, веселый и бодрый, несмотря на нелегкую работу. Значит, выносливый и с легким характером, девушка таких всегда ценила. Отдавая в крохотной прихожей коробку и принимая деньги, молодой человек глянул в квартиру-студию, где все было на виду, и спросил:

- Одна встречаешь?
- Типа того.
- Я тоже дома приму на грудь – и спать.
- Принять и здесь можно. Или еще заказы есть?
- Нет, твой крайний. Ты серьезно предлагаешь?
- Конечно. Только, кроме пиццы, ничего и нет. А пицца тебе и так, наверно, надоела.
- Смотря с кем есть. Но я не с пустыми руками! – и молодой человек достал из сумки бутылку

виски.

Они выпили ее шампанского, потом его виски, а тут и куранты торжественно ударили, и они поцеловались, как того требовал перенятый нами западный обычай; с этого поцелуя и началась их любовь, а потом возникла семья – ну, и так далее.

Дежурной по вокзалу повезло меньше, она осталась на праздник совсем и окончательно одна. Но это был ее выбор. В прошлом были у нее и отец с матерью, и муж, отец рано умер, мать через год заболела обыкновенным гриппом, но так тяжело, что попала в больницу и не вышла, а муж погиб в аварии. Каждую смерть несчастная женщина воспринимала как конец и своей жизни, но все же оправлялась, продолжала существовать. Не хотела замуж, не заводила подруг, ни к кому не приближалась душой, боясь будущей потери и горя, которое ее доконает. Так жила до старости, а однажды возвращалась домой, и ее встретил у двери подъезда мяукающий полуслепой котенок. Он не просто мяукал, он истошно орал, кинулся к ногам женщины, терся о них, тыкался носом в сумку, где были продукты.

– Даже не надейся, – сказала она. – Пожалеешь тебя, возьмешь, привыкнешь, а ты сдохнешь, мне оно надо? Ко мне вон на вокзале общий кот подласкивается, измором берет, а я игнорирую.

И пошла домой.

Котенок орал и ночью, и утром.

Измученная женщина высунулась в окно, посмотрела вверх, вниз, по сторонам, оглядывая бесчувственно молчащую пятиэтажку.

– Сколько людей, а ни одного человека, – сказала она. И котенку: – Брысь отсюда, имей совесть!

Котенок не ушел, наоборот, заблажил с такой силой, с таким отчаянием, с такой обреченностью, будто его волокли топить.

И она не выдержала, взяла котенка. Напоила и накормила, протерла ему салфеткой глаза. Но тот продолжал жалобно мяукать, словно говоря этим, что ему нужны не только вода и еда, а что-то еще. Три дня возилась с ним женщина, страдая от криков малолетнего животного и от невыносимо вонючего запаха его поноса, на четвертый записала котенка в старую сумку и повезла к ветеринару. Тот осмотрел, дал попить какой-то жидкости, прописал лекарства, объяснил, как кормить, как глистогонить и как вообще ухаживать.

– Надо же, – удивилась бывшая дежурная. – Сколько мороки с ними.

– А вы как хотели?

– Да никак я не хотела.

И остался котик у женщины, и полюбила она его всей душой, страшась своей любви и заранее тоскуя, что кот умрет, и тут соседи, уезжавшие навсегда за границу, уговорили ее взять их кошку. А потом появилась каким-то образом третья кошка, потом четвертая... Через год было двенадцать кошек. Женщина кормила и лечила их на всю свою пенсию. Соседи ругались, жаловались на запах, она отмалчивалась. Однажды пришли двое полицейских. Один, побледнев и схватившись за нос, тут же вышел, а второй, прижав ладони к лицу, мычал что-то упрекающее. Женщина сказала:

– Закон не запрещает!

И перестала впускать кого-либо в квартиру, общалась только через дверную цепочку.

Запах, конечно, был, хотя она приучала кошек к лоткам, регулярно меняя содержимое, и бранила тех, кто пренебрегал местами общего пользования.

Она и сама почувствовала себя матерью-кошкой. Однажды, чтобы понять своих питомцев, попробовала их корм. Понравилось, стала есть его регулярно наряду с обычной человеческой пищей. Было и такое: ощутила непреодолимое желание сходить на лоток. Совсем сбрендила, дура старая, сказала себе, но, бессонно поворочавшись несколько ночей, исполнила желание. Кошки стаей ходили вокруг, одобрительно мурлыча и задрав хвосты. Женщине стало легко и радостно, будто она окончательно сроднилась со своими кошачьими братьями, сестричками и детьми. Кошки старились, начали одна за другой умирать, женщина вместо выбывшей тут же заводила новую. Ей было жаль покойницу (или покойника, если кот), но не так нестерпимо, как ожидалась. Она поняла простую вещь: чтобы не страдать от потери частного, надо иметь много общего. И еще: смириться с печалью об ушедших помогает только забота о живых.

Расскажем и о красавице-кассирише. Она вместе с мужем уехала к его брату в Германию, муж выучился на сантехника и стал таким мастером, что был нарасхват, немцев поражали его пунктуальность, аккуратность, знание дела, скорость исполнения не в ущерб качеству. Не раз умелец слышал в свой адрес: «Wer von uns ist Deutscher, wir oder Sie?»¹ И с улыбкой отвечал: «Русский в Германии немец, во Франции француз, а у папуасов папуасом станет лучше самих папуасов. У нас жизнь то и дело меняется, вот мы и стали гибкие, умеем подлаживаться к любому дерьму!» Впрочем, вслух он произнес другое слово, не дерьмо, он политкорректно сказал – условия. Но мысленно в нем прозвучало именно то, что имелось в виду, и эта двойственность позволяла ему оставаться русским человеком. Кассириша же и в Германии стала кассиришей, только в торговом центре. У них родилось двое детей, которые растут не по дням, а по часам. Бабушка, мама кассириши, обожает

¹ Кто из нас немец, мы или вы? (нем.)

их, часто говорит по видеосвязи со старшим, Петром, он же Петер, а на младшую любителю молча: семилетняя Николь не знает русского языка или делает вид, что не знает.

3.

У Галатина была причина не идти в медпункт, причина довольно экзотическая: в течение дня у него могла повышаться температура до 37 градусов, иногда и больше. Галатин впервые заметил это лет пятнадцать назад, хотя, возможно, началось раньше. Никаких неудобств не ощущал, чувствовал только иногда легкое горение щек. К врачам специально по этому поводу не обращался, лишь спрашивал между делом во время периодических медицинских обследований, обязательных для него, как и для каждого педагога, отчего, дескать, это может быть? И, как правило, получал один и тот же ответ:

«Да отчего угодно. Вас это как-то беспокоит?»

«Не особенно».

«Вот и хорошо. Главное – организм у вас в полном порядке, не считая мелочей, даже странно для такого возраста».

Действительно, Галатин всегда был очень здоровым человеком – и наследственно, в отца, девятинадцатилетнего Руслана Ильича, и потому, что никогда не курил, чурался алкоголя, не объедался, регулярно посещал бассейн, старался много ходить пешком и вообще вел правильный образ жизни, что среди рок-музыкантов не такая уж редкость, взять хотя бы монстров-долгожителей Маккартни, Мика Джаггера, Кита Ричардса, Джона МакНелли, Грэма Эджа, эти восьмидесятилетние парни хоть будто бы и злоупотребляли в молодости выпивкой, наркотиками и беспорядочным сексом (наверняка тут больше самооговоров для популярности, чем правды), но в основное время жизни берегли здоровье ради творчества, они все, как на подбор, крепкие, энергичные и поджарые. Вот самое верное слово – поджарые, рок жарит, поджаривает, вытапливая лишний жир, оставляя лишь кости и мышцы.

Одно досадно – начинающийся артрит кистей рук. Артрит – ужас для любого музыканта. Какой ты скрипач, пианист или гитарист, если суставы пальцев болят, опухают и плохо гнутся, особенно по утрам? Правда, когда поиграешь с полчаса, разомнешься, становится легче. Галатин смазывает пальцы разными мазями, вымачивает в целебных растворах морской соли и овса, вызывает бинтами, пропитанными тертым хреном, врачам пока не сдастся, считает, что все болезни от головы, если ее содержать в порядке, то все поправимо.

Все поправимо, все в наших руках, любит он приговаривать, хоть и знает, что это не так, особенно если дело касается не тебя, а других, в том числе твоих близких.

Ближних, после того как двенадцать лет назад скоростно умерла жена Женя, а восемь лет назад скончалась тяжело болевшая мама, у Галатина осталось немного: отец Руслан Ильич, сын Антон тридцати семи лет и дочь Нина, ей тридцать четыре. И, конечно, дочь Антона, десятилетняя Алиса, Алиска, Лисенок, которую Галатин любит до смерти, так любит, что не мыслит без нее своего существования. До трех лет она росла на его глазах, а потом Антон с женой Настей уехали в Москву, где оба нашли работу, жили на съемной квартире, вскоре купили по ипотеке свою, хорошую, трехкомнатную, в новом доме, пусть и за МКАД, но инфраструктура столичная, хвасталась Настя, и Галатин каждый год ненадолго приезжал к ним, гостил, не отходил от Алиски, вел с нею разговоры о жизни, играл для нее на гитаре и ее учил играть, он радовался ладу семьи, тому, как ровно и хорошо общаются мягкий, добрый, немного медлительный Антон и веселая, улыбчивая и бойкая Настя.

С прошлого лета не видел он свою любимицу, страшно соскучился. Общаются по телефону, через интернет, но это не то. Звонил Галатин обычно раз в три дня, хотел бы и чаще, но боялся надоесть любимому существу. И вот вчера под вечер позвонил ей, Алиса не брала трубку. Он чуть позже позвонил еще, потом заглянул в интернет и увидел зеленый кружочек возле ее имени в одной из детско-родительских сетей, через которую дед и внучка иногда переписывались и созда-

нивались. Значит, она тут, в онлайн. Нажал на значок камеры, вызвал. Алиса ответила голосом, не включив камеру.

– Привет, Дедась, тебе срочно?

«Дедась, Дедась» – это с ее раннего детства повелось, превратилось из «дед Вася». Одно из первых ее слов, чем Галатин гордился – «Дедась». Антон, посмеиваясь, и сам стал иногда называть так отца. А Настя нет, только Василий Русланович. Соблюдает дистанцию.

– Покажи хоть себя, – сказал Галатин. – Давно не виделись.

Алиса включила камеру, Галатин увидел часть ее лица с печальным и, показалось, заплаканным глазом.

Встревожился:

– У тебя неприятности? Что-то случилось?

– У меня все нормально, – ответила Алиса, нажав на «у меня».

– А у кого ненормально?

– У папы с мамой.

– Что такое? Заболели?

– Они не велели говорить. Все, давай, мне пора.

– погоди! Ты не говори, ты намекни! – подсказал Галатин.

– Намекнуть? Как в крокодил мы с тобой играли?

– Точно!

Алиса подумала. Показала пальцами идущие ноги.

– Идут? Кто идет? Переезжают?

– Нет. А вот так?

Алиса сложила руки и тут же резко разорвала.

– Мама с папой поссорились?

– Хуже. Она на него в суд подала.

Теперь видно лицо Алисы целиком. Она не смотрит на деда, смотрит куда-то в сторону. У нее, как и у большинства нынешних детей, полный набор устройств: смартфон, планшет, ноутбук, иногда она общается по всем сразу с несколькими собеседниками. Но сейчас, скорее всего, делает вид, что занята, чтобы не показать, насколько ей грустно и плохо. Такая вот она особенная девочка, вся в себе, никаких внешних проявлений, плачет очень редко и не по капризу, а по серьезному поводу – если, например, больно ударится.

– В суд – зачем? – спросил Галатин.

– На развод, господи, вот ты тоже! Все, пока, у меня дела тут.

Галатин был ошарашен. Никогда он не замечал признаков тайного конфликта между сыном и невесткой, да и не было повода к раздорам: Антон человек положительный, без вредных привычек, как и отец, и дед, увлечен своей работой, он специалист по ремонту электроники, его охотно взяли в одно из московских подразделений «Apple», зарабатывает не очень густые, но приличные деньги, утром отвозит Алису в школу, уроки с нею делает, книжки вслух читает, на лыжах ходит с ней зимой по лесу, который начинается прямо за домом, золото, а не отец.

И все же Галатин, как ни горько это осознавать, был готов к такому повороту. Потому что Настя – совсем другая. С отличием закончила экономический университет, защитила кандидатскую диссертацию, стала преподавателем в этом самом университете, но для ее честолюбия и запросов этого было мало, она рассылала резюме по солидным московским компаниям и фирмам, и ее пригласили куда-то в «РосНефть» или «РосГаз», или «РосТранс» или «РосПил» (это – шутка Галатина), молодая семья тут же переехала в Москву, Настя вскоре перешла в серьезную государственную структуру, где зарплата была средняя, зато имелись перспективы роста, и она уже выросла на две или три административные ступеньки, возглавляла какой-то отдел. Дома не строила из себя начальницу, но была, несомненно, главной.

Вот пример из прежней жизни: Алиса просится погулять, отец не против, но ставит условие: собрать раскиданные по полу игрушки. Алиса не собирает, обращается насчет погулять к Дедасе.

Дедася тоже не против, но воспитание есть воспитание, и у него то же условие: собрать игрушки. Алиса не собирает. Приходит Настя, Алиса жалуется, что с ней не гуляют, а дед и отец жалуются, что она не хочет собирать игрушки.

«Девочка моя, – говорит Настя, – тут так: или ты собираешь и идешь гулять, или остаешься дома на всю неделю. Без вариантов».

Отец и дед тоже грозили чем-то подобным, на Алису не действовало, а теперь, нахмурившись и пытаясь, она начинает ползать по полу и собирать игрушки. Медленно, нехотя, страдая. И убрала все до одной. Разгадка нехитрая: строгости отца и деда она не верила, а строгости матери верила, потому что та была настоящей.

Галатин удивлялся, какими холодными становились небесно-голубые глаза Насти, когда она что-то приказывала Алисе – будто не на дочь смотрела, а на раздражающую помеху, будто прогоняла здесь, дома, та Настя, какой она была во внешнем мире, где никому нельзя давать спуску, где все жестко и где ситуацию надо всегда держать под контролем.

«Настасья Филипповна», называл ее иногда Галатин, шуточно намекая на мятушую и злодейски прекрасную героиню Достоевского, мощно мучавшуюся трагической придурью, и Настя улыбалась, польщенная. Она читала «Идиот» и могла бы оскорбиться, если бы главной чертой Настасьи Филипповны считала ее сладострастную подлость, но, конечно, видела лишь то, что и положено видеть женщине-читательнице – роковую красотку.

Ее родители, автослесарь Филипп Вадимович и продавщица Роза Степановна, называя так дочь, Достоевского не имели в виду, оба его сроду не читали, а когда люди более грамотные указали им на совпадение, то ли Филипп Вадимович, то ли Роза Степановна, а может, оба сразу хладнокровно ответили: «Идите вы со своим Достоевским, мало ли кто с кем совпадает, у Забыхов сын вообще Владимир Ильич – и чего?» Галатин, кстати, давно уже с родителями Насти не общается: нет у них ни о чем общих слов, поэтому позвонить им насчет Насти даже мысли не возникло.

Тут поневоле вспоминается, что и дети Галатина, Антон и Нина, тоже не великие читатели. И с общим кругозором у них так себе. У Галатина на этот счет есть теория перемежающихся поколений. Мы, говорил он, уроженцы пятидесятых-шестидесятых, если взять нас в целом, – самая образованная и разносторонне развитая генерация в истории России, мы, поднявшись на плечи отцов, оказались выше их, а вот наши дети на наши плечи карабкаться не захотели, теперешние сорокалетние (плюс-минус десять лет) – народ скудно практичный, без широкого кругозора, а главное – это поколение, оставшееся без больших дел: шестидесяти-семидесятилетние отцы крепко сидят на главных местах, правят страной, сорокалетние пацаны у них на побегушках...

Правда, исходя из этой теории, поколение next, двадцатилетние, должны быть опять умнее и развитее, но, увы, это не бросается в глаза, скорее наоборот, они еще проще, не сказать примитивнее. Но перемежение не обязательно должно быть в музыкальном размере двух четвертей – и раз, и два, и раз, и два, может начаться долбление по одной ноте или синкопа – растягивание одного поколения на несколько временных тактов, то есть двадцатилетние то же самое, что и сорокалетние.

Не стерпев, Галатин опять позвонил Алисе.

Получил сообщение из готовых шаблонов:

«Извините, не могу говорить. Оставьте, пожалуйста, сообщение».

Галатин написал:

«Только один вопрос».

«давай»

«Когда будет развод?»

«беспонятия»

«Без понятия!»

«без понятия»

«А без развода никак? Пожить отдельно и подумать? Они об этом говорили?» – Галатин стыдился, но продолжал спрашивать.

«без развода нельца за муж» – ответила Алиса.

Тут же исправила опечатку:

«нельзя»

«Мама собирается замуж?» – не отставал несчастный Дедася.

«типа того»

«За кого?»

«спроси сам у нее все мне некогда»

Пришлось Галатину все-таки звонить сыну. Сказав, что он из Алисы обманом вытащил информацию и попросив не упрекать ее за это, потребовал прояснить ситуацию.

– А чего тут прояснять?

– Как чего? За кого она выходит? Почему развод?

– Ее дело, – ответил Антон.

– Может, она ребенка ждет от него?

– Не волнует, – ответил Антон.

– А сколько ему лет? Кто он?

– Не интересовался, – ответил Антон.

– Олигарх, что ли?

– Пофиг, – ответил Антон.

– Тебе, что ли, вообще все это пофиг?

– Абсолютно, – ответил Антон. – Она хочет развестись, я ее за попу удерживать не буду. И за другие части тела.

– А как же Алиса?

– Будем видеться.

– У отца и матери равные права. Ты можешь оставить Алису у себя. Если захочешь. И если она согласится. Ты пробовал с ней говорить?

– Нет. Я вообще не собираюсь это ни с кем обсуждать. С тобой тоже, не обижайся.

– Я не хочу обсуждать, я понять хочу! Может, вас бытовые проблемы заели? Ипотеку выплачиваете, получается?

– Получается, хотя немного в долги залезли.

– Сколько?

– Пап, не надо, ты все равно не сможешь...

– Смогу, не смогу, мое дело! Сколько?

– Четыреста. Но это все решаемо, и она не из-за этого.

– Вот что, давай я приеду. Вмешиваться не буду, просто – поговорим.

– Нет смысла. Да не бойся, я не пропаду, не одна Настя на свете.

– У тебя тоже кто-то есть?

– У нас у всех кто-то есть. Я у тебя, ты у меня. И так далее.

– Антош, не морочь мне голову. Я чувствую, тут не только Настя замешана.

– Само собой. Развод всех касается.

– Антон, в виде исключения скажи серьезно. Только серьезно, ладно? Развод – ее инициатива? Или твоя? Или оба решили?

Антон после паузы сказал:

– Ее.

Сказал без выражения, а у Галатина ком встал в горле.

– Я приеду, – сказал он. – Завтра же поеду поездом.

– Не надо, пап. Опасно в твоём возрасте сейчас путешествовать. И деда куда денешь?

– Нина присмотрит.

– Дело твоё, но – не надо. Давай, пока, не хворай.

Галатин хорошо знал сына, он понял: тот не против приезда. Похоже, Антон в растерянности, в отчаянии, не знает, что делать, но не хочет в этом признаваться. Это – гордость мягкого чело-

века, имеющего стержневое чувство собственного достоинства, Галатин и сам вел бы себя так же. Но сейчас не в Насте дело, а в Алисе. Галатин представил: Алиса живет где-то с чужим дядькой. Возможно, деду не разрешат даже приехать, повидаться. А ведь у него давно зрело в планах не просто приехать и повидаться, а переехать в Москву, продав квартиру, взяв с собой отца и сняв какое-нибудь недорогое жилье – на покупку квартиры в Москве денег не хватит. С одной целью – чаще видеть Алису, без которой для него нет теперь жизни, которую он любит так, как никого никогда не любил.

Через полчаса после разговора с Антоном он не сдержался, написал с телефона Насте:

«Дражайшая Настасья Филипповна, ничего не хотите рассказать?»

Получил ответ:

«Нет».

И тут же вопрос:

«Кто проболтался?»

«Неважно, я сам узнал. Рано или поздно это все равно стало бы известно», – написал Галатин.

И тут же добавил:

«Если считаешь, что поступаешь правильно, зачем делать из этого секрет?»

«Никакого секрета, просто никого не касается. В том числе вас», – ответила Настя.

Через секунду добавила:

«Извините».

В этом извинении почудилось что-то ехидное. Дескать, не уважаю, но соблюдаю правила хорошего тона.

«Очень касается! – написал Галатин, не скрывая раздражения. – Антон мой сын, а Алиса моя внучка».

«С Алисой разрешу видаться», – Настя тут же сообразила, что больше всего волнует Галатина.

«Благодарствую!» – саркастически написал Галатин.

Но тут же ему стало очень худо, даже закололо сердце, которое сроду до этого не болело.

И Галатин малодушно написал:

«Мы можем хотя бы пообщаться на эту тему? Не письменно? Я позвоню?»

«Смысл? Все решено».

«Тобой? Ты решаешь за всех?»

«Да».

Это «да» было – как приговор. Нет, хуже, пренебрежительней, как – отвали, старче, тебя не принимают всерьез и не собираются перед тобой оправдываться.

Галатин тут же хотел купить билет через интернет, через сервис РЖД, не вышло, через другие сервисы тоже. Поэтому он и поехал утром на вокзал. А вчера позвонил Нине, предупредил, что утром зайдет поговорить о важном деле. Он собирался попросить ее побыть с дедом, потому что Руслана Ильича оставлять одного опасно. Может включить газ и забыть его зажечь. Может выйти на улицу и заблудиться. Без присмотра ему никак нельзя. Нина, конечно, будет недовольна, придется уговаривать. И вот сейчас, после неудачи на вокзале, он позвонил ей, она сказала, что не дома, будет к одиннадцати. Оговорилась:

– Там Гера, но он занят, поэтому раньше не приходи, ладно?

– Ладно.

Галатин шел от вокзала домой пешком – всего-то пятнадцать минут. Несмотря на рабочий день, город казался пустым. Витрины многих магазинов были украшены гирляндами, стояли искусственные елочки, Снегурочка-манекен, наряженная в голубую шубку и белую шапку, казалась живой из-за окружающего безлюдья – хоть что-то антропоморфное.

Он обдумывал положение. Да, билет не взял, но что-нибудь придумает. Сложнее с деньгами. У Галатина появилась идея раздобыть полмиллиона. Четыреста тысяч на покрытие долга Антона и сто тысяч на дорогу, на подарки Алисе и прочие дела, включая непредвиденные обстоятельства. Идея хорошая, но – у кого занять? Коллеги-педагоги и коллеги-музыканты сами бедствуют,

богатых бизнесменов у Галатина в друзьях нет. Гера, друг Нины, вроде неплохо зарабатывает, попробовать попросить у него? Неудобно, но надо. Попросить через Нину. Это тоже неловко, но не привыкать – ему с родной дочерью давно уже непросто общаться, и не поймешь, кто в этом виноват, она или он. Или оба.

4.

В детстве Нина была такой же обожаемой, как сейчас Алиса. Сына Галатин тоже любил, но спокойнее, дочери же отдавал все свободное время, покупал ей книги, игры, и до восьми-девяти лет Нина благодарно отзывалась на отцовскую дружбу. А потом охладела. Книжкам не особо радовалась, в совместные игры играла неохотно. Семье тогда повезло, они сменяли с доплатой свою двухкомнатную квартиру в пятиэтажке аж на четырехкомнатную в старом доме, в центре, рядом с родителями Галатина. Каждый заимел свою комнату, в том числе и Нина, вот там, в своей комнате, она и пропала, появляясь в общем пространстве редко и наскоро. Галатин и жена не могли понять, что происходит. Переходный возраст? – рановато. А что тогда?

– Склад характера, – сказала Женя. – Моя мама тоже такая была. Всю жизнь одна, без мужа, без подруг, сидела в библиотеке своей, а вечерами дома, и никуда не вытаскишь.

– Наверно, – соглашался Галатин, скучая о прежней Нине, но понимая, что ее не вернешь.

Родители ждали, в чем проявятся интересы дочери, – они ни в чем не проявились. После школы не захотела больше учиться, лениво бездельничала, валяясь у себя в комнате, слушала музыку – все подряд, смотрела телевизор – тоже все подряд, часами говорила с кем-то по телефону. Вечерами уходила, возвращалась поздно, брала на кухне еду и уходила с нею к себе в комнату, чтобы избежать общения с родителями. Своя загадочная жизнь. Потом устроилась официанткой в ресторан. Потом – продавщицей в небольшой обувной магазин. После этого ее посадили в табачный киоск в торговом центре, где ей понравился график – день с утра до вечера на работе, день дома. В свободный день долго спала, потом уходила и где-то пропадала до позднего вечера, до ночи, иногда и до утра. И так себя вела, так, вернее, себя поставила, что отец и мать стеснялись спросить, где и с кем она была. Попробовали все же выяснить с наивозможнейшей деликатностью, Нина сказала:

– Не курю, не колюсь, не нюхаю, не выпиваю, беременеть не собираюсь. В чем претензии? Остальное – моя жизнь, хорошо? Будет повод – будем говорить, нет повода – нет разговора. Спасибо за внимание.

Однажды Галатин, зачем-то зайдя в комнату дочери, когда та была в ванной, увидел включенный компьютер, машинально нажал на клавишу и увидел страницу переписки. Это была одна из социальных сетей, которые в ту пору начинали развиваться во всю мощь и ширь. Нина переписывалась с кем-то по имени Кей. А себя назвала почему-то на грузинский манер – Нино. Оглянувшись на дверь, Галатин быстро просмотрел страницу.

КЕЙ если у тебя претензии я готов

НИНО мог бы догадаться

КЕЙ о чем

НИНО я сто раз объясняла

КЕЙ смотря про что

НИНО ты знаешь

КЕЙ нет

НИНО тогда какой смысл???

КЕЙ чтото предъяви и я отвечу

НИНО уверен?

КЕЙ я всегда уверен

НИНО ты мне это сказал вчера и хочеш сказать что ты уже забыл????? не верю!!!!!!

КЕЙ мало что я говорил
НИНО то есть ты не отвечаешь за свои слова?????
КЕЙ я всегда отвечаю
НИНО тогда ответь
КЕЙ смотря что ты имеешь ввиду
НИНО ты знаешь
КЕЙ беспонятия
НИНО тогда НЕОЧЕМ говорить
КЕЙ ежли хочешь сказать что у нас все я пойму
НИНО я этого не говорила!!!! а ты какраз намекал что это так причем с моей стороны что вообще подлость!!!!!!!!!!
КЕЙ я тебе вообще ничего не говорил
НИНО а я и не сказала что мне с этого и надо было начать что ты не мне сказал а сам знаешь кому!!! и это у меня не умищается в голове как это можно это предательство так и знай
КЕЙ переведи на русский
НИНО если не понял то совсем тупой
КЕЙ будешь со мной так говорить я вообще не буду говорить
НИНО успокоились ладно?
КЕЙ мне надо оторваться по работе я скоро
НИНО я тоже у меня тут дела стукнусь через полчаса
НИНО иду в душ а ты помечтай
НИНО уже ушел?
НИНО ладно тебе же хуже

Галатин выскользнул из комнаты с чувством, будто что-то украл. Сидел в кухне, пил чай, не желая чая, – чтобы чем-то себя занять. Ему казалось, что в словах дочери видятся до обидного ясно ее пустота и мелкость, он чувствовал разочарование и этого разочарования стыдился: мы должны любить детей такими, какие они выросли, тем паче, что мы их и растили. Он хотел смириться и успокоиться, но не мог смириться и успокоиться.

Вошла в кухню после душа Нина – тоже попить чаю. Присела к столу. Галатин опасался глянуть на нее – вдруг догадается. Но дочь, съев печеньку, ушла с кружкой чая к себе. Как обычно.

После этого что-то окончательно оборвалось, Галатин прекратил попытки понять дочь, сблизиться с нею.

Нина стала ему неинтересна, и с этим уже ничего не поделаешь.

Осталось лишь родственное, кровное, привычное.

Потом умерла Женя, потом мама, отец стал плох головой, Галатин взял его к себе, а отцовскую двухкомнатную квартиру Нина выпросила себе, они стали видаться совсем редко. А потом появилась Настя, а вскоре и Алиса, новая любовь Галатина. Жили дружно, отец с сыном своими руками переоборудовали квартиру, соорудив два санузла и из черного хода сделав для Галатина отдельный вход, но сохранив и дверь меж его комнатой и остальными. И вместе, и отдельно, всем удобно, всем хорошо. Потом, когда Настя и Антон приняли решение перебраться в Москву, пришлось продать эту замечательную квартиру, чтобы дать им денег на обустройство, Галатин с отцом вернулись в родовое двухкомнатное гнездо, а Нина снимала квартиру или жила то у одного, то у другого бойфренда.

Полтора года назад у нее появился Гера Кружкин, человек неопределенных занятий, очень небедный. По предположению Галатина – авантюрист. Нина на вопрос о профессии и занятиях Кружкина, ответила коротко:

– Коучинг.

Галатин человек современный и нахватанный, все эти новые слова знает. Уточнил:

– И чему учит?

- Общению.
- Область неизведанная, загадочная, – иронично одобрил Галатин.

Утешительно, что Гера красавицу Нину ценит, балует подарками, летали вместе отдыхать на лазурные берега, недавно купил ей машину. А себе купил квартиру в хорошем малоэтажном доме на улице Мичурина, в пяти минутах от дома Галатина, и Галатин мог бы заходить хоть каждый день, но не очень-то приглашали, да не очень-то и хотелось. Поэтому он общался с Герой всего раза три или четыре, и то мимоходом. Себя перед собой оправдывал так: позавчера у Нины были какой-то Виктор, вчера какой-то Прохор, сегодня Гера, завтра будет кто-то другой, лучше ни к кому не привыкать. Ни какого-то Виктора, ни какого-то Прохора, ни Геру Галатин не видел отцами будущих детей Нины. По правде сказать, не очень расстраивался – не был уверен, что ему хватит душевных сил еще на одного внука или внучку помимо Алисы. Никого он так, как ее, уже не полюбит. А если вдруг полюбит, то получится по отношению к Алисе небольшое предательство, а на переживание предательства у Галатина тоже нет сил. Заметим тут не совсем к месту, чтобы не забыть: жизнерадостная подлость – штука нелегкая, она требует соответствующего здоровья и энергии.

До встречи с дочерью оставалось время, и Галатин заглянул домой, посмотреть, как отец.

Руслан Ильич завтракал: ел из кастрюльки макароны.

– Разогрел бы, – сказал Галатин.

– Нам, татарам, все равно, – ответил отец обычной поговоркой.

– Кефир пил?

– Пил.

На подоконнике стояла чашка, накрытая пластиковой крышкой. Галатин налил туда кефира утром, чтобы тот был комнатной температуры. Он поднял крышку: кефир не тронут. Поставил чашку перед отцом.

– Еще, что ли? – спросил отец.

– Тот самый. Не пил ты.

– Разве? А казалось, что пил. Вот память. Выпью, ладно. Как там погода?

– Зима.

– Холодно?

– Нормально.

Глаза человека в старости выцветают не цветом, а смыслом. Мы ведь даже не замечаем, как постоянно что-то обдумываем – и когда едим, и когда просто идем по улице, и когда чистим зубы, довольно туповато, надо признать, глядя в зеркало. Мозги ворочаются, совершается какой-то процесс, он отражается в глазах. А с возрастом процесс ослабевает, ничего не отражается, и это грустно видеть. Особенно у отца, остроумного красавца, короля пошивочного цеха, инженера-технолога, который ходил меж вздыхающих взглядов двух десятков швей, как капитан Грей, ожидающий, когда наконец сошьют алые паруса, хотя шили на этой фабрике трусы и майки для армии, милиции, больниц и тюрем. Внешне отец был очень похож на пианиста Вана Клиберна, кумира советского народа конца пятидесятых, волосы такие же кудрявые, только потемнее (от них давно ничего не осталось), выделялся в любом обществе, да еще умел и вести себя киношным аристократом. Мама была внешне попроще, советская женщина с обложки журнала «Работница», многие были уверены, что при такой жене муж обязательно погуливает, но нет, Руслан Ильич знал только работу и дом, жену ровно и преданно любил, уважая ее спокойный, тихий ум и ровную доброту, к рассказам друзей об амурных победах относился с брезгливым недоумением. Выписывал и прочитывал от первой до последней страницы журналы «Вокруг света», «Знание – сила», «Наука и жизнь», коллекционировал джазовые пластинки, сконструировал стереосистему с хорошим усилителем, любительски играл увлекался игрой на классической гитаре, никогда при этом не аккомпанировал застольным песням и не играл для гостей; он и выучил сына играть, а потом себя за это корил, огорчался, что Василий пошел не по технической части, стал музыкантом. Рок-музыку не принимал. Однажды Василий попросил отца послушать «Иисус Христос – суперз-

везда», ему дали две катушки на день – переписать. Тот внимательно прослушал и сказал: «Местами неплохо, но это же эстрада». (Слова «попса» тогда еще не было). Василий был не согласен, но спорить не стал.

После смерти жены Руслан Ильич за полгода высох телом и умом, стал похож на благородно безумного Дон Кихота из старинного фильма – в исполнении актера Черкасова. Впрочем, это кино, а на самом деле ничего благородного в безумии нет. Есть жуткое ощущение, что человек, физически оставаясь здесь, с каждым днем все больше уходит, опускаясь в небытие. Потому старость и называют глубокой, а не высокой, язык умнее ума и знает, что впереди не высь, а глубь.

И вот отец ест макароны, и все усилия разума потрачены на то, чтобы подцепить очередную толстую макаронину и не промахнуться мимо рта, а глаза – пустые, далекие от всего, в том числе от себя.

– Ладно, пойду, – сказал Галатин.

Отец вздрогнул и обернулся.

– Это ты? Когда пришел-то?

– Неважно. По делам мне надо. Пойду.

– Надо, так иди.

– Выпей кефир.

– Я уже пил.

– Вот он.

– Ох ты... А я думал...

– Пей при мне.

– Да выпью.

– Пей сейчас.

Отец послушно берет чашку, выпивает кефир, вытирает рукавом губы.

– Молодец, – хвалит Галатин. – Не мой, я сам потом вымою. Пойду.

– Как погода там?

– Зима.

– Холодно?

– Нормально.

– Ты одевайся потеплее.

– Хорошо.

– А я уж пока не пойду.

– Не ходи, холодно.

– Не пойду. Сильно холодно?

– Мороз.

– Тогда не пойду. Если бы оттепель, я бы пошел. А так – чего уши морозить?

– И я о том же.

– Когда тепло, я разве буду дома сидеть? А в холод даром не надо.

– Хорошо.

– Когда будешь-то?

– Скоро.

– Ну, иди. Может, мне тоже сходить? У дома погуляю.

– Нет, холодно. И гололед.

– Тогда не пойду. Чего я там буду в мороз делать?

– И я о том же. Не скучай.

– Мне не скучно. Поем сейчас и лягу.

– Давай, пока.

– Иди. Не холодно там?

– Холодно.

– Ты одевайся.

– Уже оделся.

5.

Галатин ждал у подъезда дочь. В одиннадцать она позвонила:

– Ты где?

– У подъезда.

– Вот и постой там, подожди. Я скоро.

Галатин послушался, стоял, дышал.

Подъехала, густо порывивая турбодвигателем, черная мощная машина, за бликами стекла Галатин не разглядел, кто за рулем; ожидался молодой мужчина житехозяинского типа, но выскользнула с гибкостью спортсменки высокая девушка с длинными светлыми волосами, в красной короткой курточке, в кожаных брюках; между брюками и курточкой показалась и скрылась, когда девушка выскальзывала, полоска обнаженной и загорелой летней кожи. На ходу надевая маску, она пошла к двери, набрала код, открыла дверь, обернулась:

– Вы к нам? Контакт?

Галатин не понял, но почему-то кивнул.

– Пойдемте. Вы кому звонили, мне, Гере? Или уже были у нас, я не помню. Всегда путаюсь из-за масок этих.

– Не был.

Галатин собирался в подъезде признаться в своей бесцельной шалости – дескать, просто растерялся. Но вошли в лифт, поднялись на третий этаж, вышли, девушка направилась к квартире, где жили Нина с Герой, и заинтригованный Галатин решил повременить. Девушка открыла дверь своим ключом. Они вошли. Девушка сняла высокие сапоги на тонких каблучках, повесила куртку в стеной гардеробный шкаф, оставшись в белой водолазке-топе – еще короче курточки, талия голая, край татуировки выглядывает из-под брюк, устремляясь от впадинки на животе вниз и скрываясь там. Галатин отвел невольно подглядывающие глаза, тоже разделся. Девушка по-хозяйски открыла обувной шкафчик, достала и надела туфли на шпильках, прошептала Галатину:

– Уже началось. Понаблюдайте пока, хорошо?

Она проследовала в гостиную, превратив несколько метров своей проходки в подиум для тысяч глаз, которых не было, но которые подразумевались: девушка была из тех, кто всегда представляет себя на виду у многочисленных зрителей, умея этих воображаемых зрителей с благородной царственностью как бы не замечать – не надо оваций, мы и сами знаем себе цену. А Галатин остался в двери, наполовину скрытый косяком и стоящим у стены шкафом. Хотел понять, что тут происходит.

Происходило следующее: Гера, сорокалетний, но юношески тонкий, с гладким зачесом назад темных волос, в черном костюме, в белой рубашке, в галстук-бабочке и черной маске, стоял в эркерной нише, а перед ним разместились в раскладных пластиковых креслах дачно-пляжного типа, на некотором расстоянии друг от друга, несколько мужчин и женщин разного возраста. Все – в масках. Гера, увидев вошедшую девушку, движением головы поприветствовал ее, она приблизилась, встала неподалеку, а он продолжал говорить.

– Как я уже объяснял, не бывает недостатков, из которых нельзя извлечь преимуществ. Почему с древних времен были популярны маскирады? Потому что анонимность раскрепощает, а таинственность заинтриговывает. Правда, маски надевались на верхнюю половину лица. Рот оставался открытым, и тому есть причина. Как думаете, какая?

Гера обвел глазами присутствующих, ждал ответа. Женщина в коричневом платье без рукавов, надетом на белую блузку, похожая от этого на странную пятидесятилетнюю школьницу, подняла руку.

– Да, – разрешил Гера.

– Чтобы говорить? – вопросительно ответила женщина.

– Говорить можно и через маску – матерчатую, сетчатую, в виде забрала. Мы же с вами – говорим. Еще варианты?

Руку поднял худой мужчина в толстом свитере, связанном рельефом кольчуги. У него сзади до плеч висели пряди полуседых волос, не стриженных, наверное, с самого начала пандемии.

– Когда только губы, отдельно, они эротично смотрятся.

– Верно! – подтвердил Гера. – Абсолютно верно! Вы удивитесь, но не бывает некрасивых губ! Они кажутся некрасивыми только тогда, когда мы видим лицо полностью и отмечаем, что губы расположены либо слишком близко к носу, либо слишком далеко от него, они не всегда образуют гармоничный косинус со скулами, и так далее. Масками прикрывали тривиальные части, которые и портят лицо – скулы, нос, а заодно формировали вырезами масок контур глаз, который не у всех бывает удачным. Ибо! – Гера поднял палец, – глаз некрасивых тоже не бывает, имеются в виду глаза как органы зрения – зрачки, белки, радужка. Суть в контуре, в форме, именно поэтому женщины изобрели раскраску, которая есть тоже не что иное как...

Гера ждал подсказку.

– Маска! – радостно догадалась женщина-школьница.

– Да! Маска! Она придает заманчивость, она обещает и намекает.

– И обманывает! – со знанием дела подал реплику длинновласый мужчина.

– Не без этого, – охотно согласился Гера. – Но мы с вами целое занятие посвятили теме первичного обмана как естественного средства эволюционной борьбы. И пришли к выводу, что обман не так страшен, как его малюют, дело не в нем, а в отношении к нему. Помните про двух женщин в одной?

– Меня тогда не было, – сказал кто-то у стены, ближе к Галатину, невидимый за шкафом.

– Тогда прошу прощения за повтор, расскажу еще раз кратко. Парадокс касается в первую очередь мужчин. Сплошь и рядом мужчина до самого момента сближения, понимаете, о чем я, не знает, с кем имеет дело. Он видит красивое лицо, стройную фигуру, он видит, и это главное, что его избранница нравится окружающим. Ему кажется, что он выбрал ее добровольно, на самом деле тут выбор тройной: во-первых, выбрала его уже она сама, во-вторых, выбрал и одобрил социум, окружение, и только в-третьих выбрал он сам или повелся на два предыдущих выбора. И вот сближение. Прекрасная ночь, беспощадное утро. Мужчина впервые видит свою любовь без маски, то есть без макияжа, видит, в сущности, другую женщину. И понимает, что она не только не красавица, а часто наоборот. Почему же он не разочаровывается, не бежит и не уходит? Потому, что он помнит: в маске его избранница опять станет красавицей и для него, и для всех остальных. Другими словами говоря, он любит не только ее, но и народное мнение о ней. И если народное мнение считает ее красавицей, он готов сколько угодно не замечать, что это не так. Фигуры, частей тела, которые он открывает для себя во всей полноте и во всех недостатках, это тоже касается: народное мнение считает ее фигуру превосходной, и все, и для него достаточно.

– Я не согласна! – негромко сказала девушка, сидевшая сзади, боком к двери, поэтому Галатин видел ее в профиль. Бледное лицо, обрамленное тонкими рыжеватыми волосами, такими жиденькими, что сквозь них видны просветы кожи. Глаза цвета слабо заваренного чая. Несколько веснушек у глаз.

– С чем вы не согласны? – спросил Гера.

– С тем, что женщины все напяливают маски и раскрашиваются. Давно уже в тренде естественность.

– Тем хуже для тренда, – парировал Гера. – На самом деле маски есть у всех и всегда. Вернее, полумаски: что не надо, закрываем, что надо – открываем. Не в макияже только дело. У мужчин вместо масок – деньги, положение в обществе, машины, одежда, возможности, у женщин обаяние, сексуальность, умение слушать и понимать, ум, в конце концов! – отнесся Гера непосредственно к бледной девушке. – И – речь, голос! Это, дамы и господа, и есть наша тема сегодня – голос. Как мы говорим?

Все молчали – вопрос был слишком расплывчатым.

– Смелее, смелее, дайте общую характеристику – как говорит большинство людей?

Круглоголовый юноша, сидевший рядом с бледной девушкой, попробовал угадать:

– Не очень хорошо?

У него самого голос был точно не очень хорош – скрипуче-басовитый, подростковый, с призвуком невысказанных обид и претензий к окружающему миру.

– Безобразно! – огорчил его и всех Гера. – Безобразные тембры, но это полбеды и даже совсем не беда, безобразные, вот в чем корень, интонации!

– Актерствовать, что ли? – спросила бледная девушка.

– Ни в коем случае! Управлять голосом! Владеть им! Это как с телом. Мало кто без подготовки сразу хорошо танцует. Но вот один урок, второй, третий, и человек начинает получать удовольствие от танца, от своих движений. И те, кто смотрит, тоже получают удовольствие. То же касается гимнастов, бегунов, вообще спортсменов. Наслаждение своим телом! Но голос у нас у всех – в полном забросе. Мы принимаем его как абсолютную и неизменяемую реальность, не пытаемся ничего с ним сделать, даже когда он нам не нравится. Вот вы, Петя, – обратился он к круглоголовому, – любите свой голос? Только честно?

– Не очень.

– И что делаете для того, чтобы он понравился? Ничего! А ведь это легко исправляется, так легко, что вы сами поразитесь! Если не трудно, встаньте и подойдите. Подойдите к Стелле.

Круглоголовый встал и вдоль стены, боком, по шагжку приблизился к напарнице Геры, которая смотрела приветливо и ободряюще.

– Осанку держите, осанку! – напомнил Гера. – Мы с вами три занятия на это ухлопали!

Круглоголовый выпятил живот и откинулся назад дугообразной сколиозной спиной.

– Ну, хотя бы так, – согласился Гера. – Теперь вот вам ситуация. Перед вами девушка, с которой вы хотите познакомиться. Эпидемия вручила вам бонус – полуанонимность за счет маски. Даже самый застенчивый человек становится вдвое менее застенчивым. Прикрытый рот раскрепощает. Уверен, что ученые психологи уже пишут об этом диссертации. Что видит девушка? Глаза. Глаза ей нравятся. Нужно добавить голос. Тут важно единство формы и содержания. Девушки любят оригинальность. Вы обычно что говорите, когда хотите познакомиться?

Круглоголовый Петя замялся. Все понимали, что он никогда не знакомился с девушками на улице или в общественных местах, и ждали, что он придумает.

И Петя придумал.

– Телефон спрашиваю, – сказал он.

– Тускло, плоско, не оригинально, – отверг Гера. – Предлагаю вариант: «Девушка, пандемия напомнила, что жизнь коротка, раньше я бы не решился с вами заговорить, а теперь вдруг я завтра умру, и вы не успеете узнать, какой я хороший. Не верьте на слово, дайте телефон, созвонимся, и вы поймете, что я вам нужен!»

– Длинно очень, – пробурчал Петя.

– Скажите короче.

– Попробую.

Петя тяжело вздохнул и выдал:

– Девушка, вдруг мы завтра умрем, дайте телефон!

Стелла удивленно округлила глаза и осмотрела окружающих, спрашивая их взглядом: это что за нелепое чудо тут нарисовались?

– По смыслу сойдет, – сказал Гера. – В вашей формулировке – простодушие, наивность, не так уж плохо. Но почему так мрачно, Петр? Веселее, легче, бодрее, чтобы не напугать! Девушки любят веселых и бодрых!

Бред какой-то, подумал Галатин. Неужели эти бедолаги воспринимают всерьез эту чепуху? Да еще, наверно, и деньги платят – иначе с чего купил бы Гера такую замечательную квартиру?

Меж тем Петя выставил ногу вперед, поднял руку, покрутил зачем-то в воздухе пальцем и крикнул, будто через улицу:

– Девушка, дайте телефончик, а то умру от ковида и не успею позвонить, а вы мне нравитесь!

Стелла засмеялась, засмеялись и другие, кроме девушки с жиденькими волосиками.

– Отлично! – ободрил юношу Гера. – По словам совсем хорошо, нелепо и симпатично, но голос очень уж клоунский. Интонация-то у вас веселая, но намерения-то серьезные, Петр! Еще раз!

Петя скрестил руки на груди и произнес со странно высокомерными нотками, будто одолжение делал:

– Девушка, такое дело, все могут умереть, а вы мне нравитесь. Дайте телефон, и я вам тоже поправлюсь.

– Уже лучше! – воскликнул Гера. – Но гонора поменьше, Петя, поменьше гонора! Откуда он у вас? Будьте самим собой! Хорошо, мы еще с вами позанимаемся, а пока сделаем так: разобьемся на пары и будем тренироваться. Тема: познакомиться, попросить телефон.

– У нас состав не парный, – заметил мужчина в свитере-кольчуге. – Женщин больше.

– Ничего страшного, они потренируются друг на друге. Важно освоить интонацию, найти голос, объекты в жизни все равно будут другие. Отстраняемся от конкретики, представляем, что никого вокруг нет, вы это уже прекрасно умеете!

Все, повернувшись друг к другу, начали тихо совещаться, готовясь к выполнению упражнения. Тут зазвонил телефон Галатина.

Только сейчас Гера заметил его.

– Василий Русланович?

И посмотрел на Стеллу.

Галатин достал из кармана телефон, успокаивающе помахал Гере рукой и пошел в кухню-холл, которая была не меньше гостиной.

– Ты где? – спросила Нина.

– Уже здесь.

– Где?

– В квартире.

– Я просила подождать!

– Ничего страшного. У вас же не секта, – пошутил Галатин.

– Не секта, но работа! Ладно, жди, сейчас буду!

В это время вошли Гера и Стелла.

– Здравствуйте, – сказал Гера, не снимая маски. – Нина мне не сказала, что вы придете.

– Хотел у подъезда подождать, а девушка вот ошиблась, позвала. Она не виновата.

– Я понял. Надеюсь, вам понравились наши игры?

– Даже не знаю, что сказать...

– Тут все просто, Василий Русланович. Вы, наверно, подумали, что мы флирт-коучингом занимаемся...

– Флирт-коучинг – это... – подхватила было Стелла, намереваясь объяснить, но Гера ей не позволил:

– Стеллочка, Василий Русланович – продвинутый человек, он все знает. Так вот, у нас не флирт-коучинг, не обучение тому, как знакомиться и общаться. Нет, и это тоже, но это обертка, фантик. Конфетка в том, что они думают, будто репетируют, а сами уже и знакомятся, и общаются.

– Уже пары наметились, – похвастала Стелла.

– Да! И потом, – Гера понизил голос и оглянулся, – разве в реальной жизни несчастный Петя осмелится попросить у такой девушки, как Стелла, телефон? И вообще заговорить с ней? А тут – пробует! Они ведь до пандемии все сидели по домам, общались и знакомились через сеть, а тут поняли, что могут сдохнуть в одиночестве, потянуло на волю!

– Вам на счастье? – с улыбкой спросил Галатин.

– И нам, и себе!

В это время в квартиру вошла Нина, быстро разделась и проследовала в кухню.

– Все нормально, – упредил ее Гера, видя, что она собирается сказать отцу что-то укоризненное. – Беседуем, понимаем друг друга. Я объяснил Василию Руслановичу, в чем гуманистическая суть нашей деятельности.

– Это не совсем официально у нас, – сказала Нина отцу. – Рассказывать не обязательно.
– Официально, – поправил Гера, – но вы же знаете, сейчас все клубы запрещены, все массовые мероприятия¹. Поэтому да, почти подпольно получается. Ну что ж, пообщайтесь тут, а мы еще немного поработаем.

Они со Стеллой ушли, и Галатин изложил дочери свою просьбу – пожить у отца несколько дней. Удобней было бы взять его к себе, но он ни за что не согласится оторваться от родного угла.

– А я хочу к Антону съездить, посмотреть, как там и что. Ты знаешь, что происходит?

– Знаю. Ничего особенного. Давно ему пора с этой креветкой разойтись.

– Почему креветка?

– Скрыченная она какая-то. По натуре. Скрычится, и не поймешь, что думает, как к тебе относится. Хитрая.

– Он ее любит.

– Не повезло. Ничего, молодой еще, найдет кого-нибудь. А ты ничем не поможешь. Поэтому, пап, нет. С дедом сидеть не буду, и тебе ехать никуда не надо. Ты как собирался, поездом, самолетом?

– Придумаю. На поезде проблема – из-за температуры могут не пустить. На самолете, наверно, еще строже. Да и дорого.

– У тебя температура?

– Ты же знаешь, иногда повышается.

– Понятия не имею. Часто?

– Каждый день почти. До тридцати семи, редко выше. Я читал, бывают такие люди. Живут до глубокой старости, просто у них такая особенность организма.

– А почему ты не говорил?

– Разве не говорил?

– Ни разу.

– Значит, не придавал значения.

– Ты не придавал, а другие придадут. А если с тобой в дороге что-то случится? Я что буду делать тогда?

– Имеешь в виду – помру? Действительно, за телом ехать, хоронить, морока.

– Плохие шутки! Ты разве не знаешь, для чего этот вирус создали? У китайцев перенаселение, они придумали – выморить своих стариков. А заодно всех стариков мира. Старики – плохие потребители! – уверенно рассказывала Нина; так гладко обычно излагают чужие мысли и слова, накрепко затверженные. – А китайцам надо сбывать товары, они убирают плохих потребителей, оставляют хороших! Ну, и пенсию старикам платить не надо.

– Насколько мне известно, в Китае не очень-то ее платят.

– А Америка? А другие страны? Они все сговорились, это реально третья мировая война, уничтожают лишнее население! Мы проснулись в другом мире, ты не заметил? Все против всех, все друг друга боятся!

– И ты тоже?

– Конечно! Я только в машине чувствую себя спокойно, когда одна!

– Поэтому не хочешь с дедом побыть? Заразы боишься?

– Боюсь, не боюсь, но лишний риск – ни к чему. Может, он уже носитель.

– И я, может, носитель.

– Если нет, после Москвы точно будешь!

– Похоже, тебя зараза больше волнует, чем родной брат, – не совсем логично высказался Галатин, и Нина удивилась:

¹Неподтвержденные данные. При общей путанице и неразберихе какие-то мероприятия и впрямь запрещались, а другие могли запретить, намерения и слухи принимались за реальность, поэтому многие запрещали свою деятельность сами, то есть сворачивали, не дожидаясь прямых приказов. *Здесь и далее примечания рассказчика.*

– Брат-то при чем?
– У Антона настоящая трагедия. Не жалко его?
– С какой стати? Он знал, на ком женится.
– Жесткая ты, дочурочка.
– Только дочурочкой не надо! Дочурочка, чурочка!
– Не буду. А вопрос можно?
– На здоровье.
– Кто тебе Гера? Сожитель, бойфренд, как это называется? А эта Стелла – кто? У вас тут тройничок, что ли? – с корявой игривостью спросил Галатин.

Нина поморщилась:

– Пап, я знаю, ты на уровне хочешь выглядеть. Не старайся, это смешно. И сапоги эти твои, шляпа дурацкая – тоже смешно. Показываешь, что не старый? А получается наоборот – ты не просто старым кажешься, а доисторическим каким-то.

– Я ничего никому не показываю, мне нравится. И ты ошибаешься, дочь, я не на уровне. Наоборот, я настолько ничего не понимаю в теперешнем мире, что жить в нем не хочу.

– Другого не будет.

– Знаю. Но он мне иногда глубоко противен.

– Мне тоже, это нормально.

– Для тебя все нормально.

– Поругаться хочется?

– С тобой поругаешься. Ты какая-то... Ничем тебя не прошибешь. Что тебя волнует или хотя бы интересует? Я не про то, как Китай стариков морит, я про тебя. Чем хочешь заниматься? Быть при Гере? А если он тебя бросит, что тогда?

– Неизвестно, кто кого бросит.

– Нет, правда, мы с тобой никак не поговорим об этом, но я понять хочу – в чем твое дело жизни? Семью – хочешь? Детей – хочешь? Чего хочешь вообще?

– Сейчас – помолчать.

– Довольно грубо с папой говоришь, не кажется?

– А не нарывайся.

Смута, тяжкая смута была в душе Галатина: кажется, что много можешь сказать, но не выразишь, что именно. Дело, наверно, в той далекой трещине, которая образовалась, когда Нина подросла, образовалась ни с чего, сама собой, и это невыносимо обидно, и хочется понять, в чем причина. Никогда Галатин не заговаривал об этом, и вдруг решил:

– Я вот думаю. Мы с тобой были очень близкие папа с дочкой, когда ты маленькая была, лет до восьми-девяти. И потом я тебя тоже любил, и сейчас люблю, а ты, мне кажется, перестала. И меня, и маму. Будто мы исчезли для тебя. Или я ошибаюсь? Скажи честно.

– А чего тут говорить? Я уродка, пап, – спокойно сказала Нина.

– То есть?

– Я безэмоциональное и бездуховное существо. Меня ничего не волнует, ты прав.

– Я думал, наоборот. У тебя всегда были с кем-то бурные отношения.

– Это я так, накручивала себя. Люблю накрутить, особенно когда выпью.

– Ты выпиваешь?

– Конечно.

Ну вот, думал Галатин, ты желал откровенного разговора, ты его получил. Радуйся.

– Может, я как-то...

– Нет. Ничем не поможешь, я только разозлюсь. Знаешь, очень жалко, что мама умерла, но, если бы она была живая, я бы ее ненавидела.

– За что?

– За все. Постоянно восторженная, все время восклицает, хочет, чтобы все вокруг такие были. Раздражало страшно.

– И я раздражаю?

– Меньше, но тоже. Меня все раздражают. Я, пап, людей вообще ненавижу. Наглухо. Ненавижу и презираю. Гера это хорошо понимает, он сам такой. Он в эпидемию прямо расцвел – все бегут к нему, как дети. Мне тоже нравится – люди притворяться перестали, показали, какие они слабые, какие убогие, ничтожные, трусливые. Я раньше думала, что одна такая, злилась на себя. Теперь вижу – все такие. Не вдохновляет, конечно, но успокаивает. Общая трусость примиряет с собственной.

Галатин чувствовал себя чуть ли ни раздавленным, будто узнал, что дочь тяжело больна. Но ведь и правда – больна. По ее безнадежным тоскливым глазам, глядя в которые плакать хочется, видно, насколько ей тяжело.

– Ты прости за то, что я сейчас скажу, Ниночка, – предупредил Галатин, – но, может, тебе со специалистом посоветоваться?

– С психиатром? Уже советовалась, таблетки пью.

– И ничего мне не говорила? Почему?

– Потому. Чтобы не видеть, как ты от этого мучаешься. Сейчас вот – мучаешься? Можешь не говорить, вижу. Думаешь, мне от этого легче? Только хуже. Пап, ты ничего не можешь сделать. И Антону тоже не поможешь. Успокойся. Скоро Новый год, купи елочку, сядьте с дедом, выпейте. Я забегу на полчаса, посидим, маму вспомним, она Новый год любила очень, поплачем. А?

– Ты прости меня, – сказал Галатин.

– За что?

– Я догадывался, что что-то не так. А поговорить боялся.

– И правильно делал.

Галатин вытер глаза, встал. И вдруг усмехнулся.

– Ты чего? – не поняла Нина.

– Да странная мысль. Что сейчас самый неподходящий момент попросить у тебя денег, но именно поэтому – попрошу. То есть у Геры – можешь для меня попросить?

– Сколько?

– Только не пугайся. Полмиллиона. Антон в долги влез, хочу ему помочь. И на поездку.

– Антон сам выкрутится, а на поездку просить не буду.

– Тысяч пятьдесят хотя бы.

– Нет.

– Окончательно?

– Окончательно.

– Ну и ладно. Тогда давай-ка встань, обниматься будем.

– Только не это! – воскликнула Нина.

Но встала, подошла к отцу, они обнялись и постояли так какое-то время. Тихо и молча.

Лет пятнадцать не обнимал родную дочь, подумал Галатин. Вот жизнь.

Умрет, жалеть ведь буду, подумала Нина. И шмыгнула носом.

Галатин шепнул:

– Приеду, и мы обо всем поговорим. Со мной можно говорить, я понимающий.

– Я и сама хотела. Но думала, тебе это не надо.

– С чего это?

– Казалось так. Когда была маленькой, была тебе нужна – как кошки нужны, как собачки. Типа – умиляться. Потом выросла в человека, а людям умиляться труднее. И ты перестал мной интересоваться.

– С ума сошла? Я сто раз пробовал к тебе как-то... Ты сама отделилась, отгородилась, разве не помнишь?

– Я же говорю: уродка.

– Да хватит, нашла слово! Пусть и уродка, все равно люблю. Дождись меня, нам обязательно надо поговорить.

- А куда я денусь?
- Действительно. Глупость сказал. А с дедом все-таки никак?
- Прости, пап, нет.
- Звони ему хотя бы.
- Это можно.

6.

Три задачи надо решить Галатину, три насущные задачи: найти, кто побудет с отцом, добыть денег и придумать, как добраться до Москвы.

Насчет добраться возникла идея – позвонить другу и бывшему однокласснику Ивану Сольскому. У Ивана три подержанных грузовика, которые курсируют по всей стране, не слишком отдалаясь от Саратова, чтобы не застрять где-то из-за своей ветхости, ездят в том числе и в Москву. Вдруг один из грузовиков как раз туда снаряжается?

И он позвонил, Иван обрадовал, сказал, что да, вот прямо сегодня вечером машина с грузом отправится в столицу, но говорить надо с водителем.

– Я к нему собираюсь, заеду за тобой, сам с ним обсудишь. Захочет – возьмет, не захочет – извини.

– Так у тебя, значит? Демократия?

– Разделение полномочий! – с веселой досадой сказал Иван. – Я где-то часа через полтора буду, ничего?

– Годится.

– Вот и хорошо!

Галатин зашел домой, увидел, что отец спит, и спустился на первый этаж к соседке Наталье Владимировне, которую знал с детства. Она уже тогда казалась дамой в возрасте, а сейчас ей за девяносто. Работала преподавательницей английского языка в университете, жила с дочерью, а потом одна в очень темной квартирке, окна которой были загорожены близко стоящими густыми деревьями, да еще решетки на окнах, да плотные шторы, почти всегда задернутые, потому что Наталья Владимировне не хотелось, чтобы ее рассматривали люди, проходящие по узкому тротуару между домом и деревьями мимо ее очень низких окон – подоконник на уровне пояса взрослого человека. Она была хромой из-за перенесенной в детстве болезни, о которой никогда не рассказывала, припадала на одну ногу, но припадала удивительно изящно, высоко держа при этом голову. Жители дома и подъезда считали ее заносчивой гордячкой – она ни с кем не общалась, только здоровалась. Но и здоровалась не по-людски, с преувеличенной вежливостью, которая многим казалась ехидной, а то и издевательской, не произносила, а почти выпевала: «Здрав-ствуй-те, здрав-ствуй-те!» Начитанному Василию Наталья Владимировна виделась барыней-дворянкой из девятнадцатого века. Никогда ни к кому не заходила по-соседски, и к ней не заходили. Тетя Тоня, которая не раз забегала к родителям Василия занять рубль-другой до получки, однажды высказалась о ней: «Какая-то она, знаете, не народная. Неприятная она!»

Для Галины Сергеевны, мамы Василия, Наталья Владимировна делала исключение, регулярно общалась с ней, и всегда это было церемониально.

«Не желаете ли на чашечку кофе зайти в воскресенье?» – спрашивала она Галину Сергеевну при встрече.

«С удовольствием!» – отвечала Галина Сергеевна.

Иногда брала Васю с собой и просила Наталью Владимировну оценить его знания английского.

«Ну что ж, молодой человек, блистайте», – соглашалась Наталья Владимировна и начинала говорить с ним по-английски. Василий забывал и то, что знал, терялся, мама переживала, милосердная Наталья Владимировна задавала несколько совсем простых вопросов из программы начальной школы, Василий отвечал, мама радовалась.

Галина Сергеевна сама очень неплохо знала язык, потому что закончила романо-германский факультет, и Наталья Владимировна, когда хотела сказать что-то, не предназначавшееся для ушей подростка, переходила на английский, мама волновалась и старалась, как на экзамене, запинаясь, но все же могла поддержать беседу, Василий ею гордился.

Наталья Владимировна встречала гостей всегда в нарядном платье и в туфлях, пусть и на низких каблуках, Галина Сергеевна тоже принаряжалась, это было похоже на маленький светский прием. Василию Наталья Владимировна казалась странноватой, особенно то, как говорит: вставляя, с улыбкой, последние слова предложений часто произносятся по слогам. И ни одной фразы в простоте, даже на вопрос о здоровье, отвечала так:

«Хотелось бы пожаловаться, но, знаете ли, не люблю приbedняться, поэтому сознаюсь, что чувствую себя здоровой просто до не-при-ли-чия!»

Выйдя на пенсию, она окончательно засела дома, лишь иногда отлучаясь за продуктами, при этом за последние десятилетия совершенно не изменилась: черные волосы с серебряными нитями, очень белое лицо, и все тот же голос, те же манеры, и темы бесед исключительно интеллектуально-духовные, ничто практическое и материальное ее не интересовало. Книг у нее было много, один двухрядный шкаф, но она читала с утра до вечера. Наверно, фантазировал Василий, начинает с верхней полки, слева направо, доходит до нижней, и, когда заканчивает последнюю книгу, берется опять за первую.

Однажды Галина Сергеевна, лет пятнадцать назад, когда зашла вместе с Василием, уже пятидесятилетним в ту пору, упомянула имя современного популярного автора и неосторожно сказала, что может дать почитать его книгу. Наталья Владимировна отозвалась следующим образом:

«Я, конечно, допускаю, что среди современных авторов есть такие, кто умеет более или менее внятно складывать слова, но мне крайне трудно представить, что кто-то из них лучше Толстого, Диккенса, Гоголя, Голсуорси или Че-хо-ва. Поневоле возникает вопрос: почему, имея возможность погружаться в первосортные тексты, я должна отнимать у себя время потреблением чего-то вто-ро-сорт-ного? Что не исключает, Женечка, вашего права этим интересоваться, видимо, вы более терпимы, нежели я, старая пе-реч-ница!»

Галатину казалось, что и сорок, и тридцать, и двадцать лет назад, и вчера он слышал от Натальи Владимировны одно и то же. Она давно не читает газет, да их и нет сейчас, у нее давно сломан телевизор, а новый она принципиально не покупает, поэтому живет в счастливом неведении относительно событий внешнего мира, хотя кое-что все-таки узнает из кухонного радио, от дочери, от внука, имени которого Галатин не помнит, от подростков двух правнучек. На новости она обычно реагирует одним презрительным и коротким словом: «Мерзость!» Кроме книг, у нее есть проигрыватель и два десятка пластинок с классической музыкой, иногда классику передают и по радио, Наталья Владимировна любит повторять, что каждый раз открывает в классике что-то новое, и это ее поражает.

Собственно, не Наталья Владимировна нужна была Галатину, а ее дочь Варвара, которая подрабатывала сиделкой и в свое время очень помогла, ухаживая за Евгенией Сергеевной. Он мог бы сразу позвонить Варваре, но вспомнил, что очень давно не заглядывал к Наталье Владимировне. Может, почтенная старушка уже Богу душу отдала, а он и не заметил. Стало, к примеру, ей плохо, скорая помощь увезла в больницу, там Наталья Владимировна и упокоилась, а похоронили из морга, и никто из соседей не знает, привыкнув подолгу не встречать ее и не видеть света в плотно зашторенных окнах.

Да нет, припоминал Галатин, кажется, месяц назад, возвращаясь домой вечером, он видел полосу света над шторами. И ведь была мысль зайти, спросить, как и что, почему-то не зашел. Чем-то занят был? Занятие сейчас одно: тревога и смятение. Занятие пустое, бессмысленное, но очень отвлекает от всего привычного, при этом замечаешь, что меньше думаешь о других. Печально.

Галатин позвонил и приготовился ждать: Наталья Владимировна обычно к двери шла очень долго. Прислушивался. Тишина. Позвонил еще раз. Приложил ухо к двери. Тихо. Достал телефон, чтобы позвонить Варваре. И тут щелкнул замок, открылась дверь. В прихожей стояла, держась

за дверь и стену, Наталья Владимировна. Все такая же – очень белое лицо и удивительно черные волосы. И такие же живые, темные, умные глаза, как и всегда. Она была в платье – одном из тех, в которых принимала Евгению Сергеевну, темно-синем с яркими цветами. Галатин мимоходом подумал, что платье ведь, наверное, труднее надевать, чем домашний халат, но Наталья Владимировна, наряжаясь, держит себя в тонусе. И, как всегда, улыбка на лице. Она вглядывалась в Галатина, тот спустил маску на подбородок.

- Васи-илий! – пропела Наталья Владимировна. – Как неожиданно! Чем обязана?
- Да я просто... Давно не заглядывал.
- Это правда. Что ж, у всех свои дела. Зайдете?
- Конечно.
- Прошу. И не надевайте вы этот намордник, от него никакого толка!

Наталья Владимировна пошла в комнату, припадая на больную ногу. Она была в тапках и толстых шерстяных носках, поэтому Галатин и не слышал ее шагов. Тапки и носки объяснялись тем, что в квартире было довольно холодно.

Наталья Владимировна села в кресло, которое Галатин помнит с детства, с накинутым на него гобеленовым ковриком. Накрылась шерстяной белой шалью, извинилась:

- Ничем не угощаю, слегка поиздержалась. Впрочем, там есть какой-то чай, хотите?
- Нет, спасибо. Как поживаете?
- Смотря что иметь в виду. А вы как?
- Ничего особенного. Прохладно у вас.

– Батарей совсем не греют, надо менять. Все угасает, Василий, таков закон. И я угасаю, но никак не у-гас-ну.

- Вы прекрасно выглядите.

– Знаю. И это ужасно нервирует. Я всегда прекрасно выглядела, хотя ничего для этого не делала. Вопрос: зачем прекрасно выглядеть, если это никому не нужно, в том числе и мне самой? Ответа нет. Бессмысленный парадокс при-ро-ды.

– Вы зря. Люди смотрят на вас и думают: если кто-то в таком, извините, возрасте так выглядит, может, и мне повезет.

- Смотреть некому, Василий. Ваш папа, надеюсь, жив-здоров?
- Жив, но нездоров. Я хочу вашей Варе позвонить, попросить ее, чтобы...
- Она умерла, – сказала Наталья Владимировна.

Галатин аж сел. То есть он действительно сел – на стул возле пианино. Это пианино он тоже помнит с детства, на нем хотели учить играть Варю, но у нее не заладилось, так оно и осталось молчащим – ни разу при Василии на нем никто не играл.

- Как это? – спросил он. – Когда?

– В начале лета. Давайте договоримся: я не хочу трогать эту тему. Не потому, что мне очень больно, это, Василий, уже не боль, это полное оупение. Я совершенно отсутствую, но при этом почему-то вижу, как я отсутствую, и меня даже моментами это за-бав-ляет. Я не выжила из ума, я все ощущаю, все осознаю, но пребываю в полном недоумении, зачем мне это надо.

- Постойте... А как же вы... К вам ходит кто-то?

– Конечно. У меня внук Тимофей, если помните, весьма уже зрелый мужчина, и две правнучки, старшей, Асе, уже, представьте, шест-над-цать. Вот Ася и забегает. Прелестное существо, ангел с дьявольщинкой. Встречали таких? Смерть мужчинам, я сама была такой когда-то, если вы, конечно, верите мне на сло-во!

– Это хорошо, – пробормотал Галатин, – но вы говорите... Что поиздержались. Извините за вопрос, у вас еда есть?

- Естественно. Ася была на той неделе.
- А можно, я посмотрю?
- Василий, это лишнее! Я абсолютно не нуждаюсь в бла-го-тво-рительности!
- Это не благотворительность, а... Не сердитесь, я все-таки гляну.

Галатин пошел на кухню. Открыл холодильник. Там полпачки масла, банка сгущенки, засохший кусочек сыра, майонез, два яйца, баночка варенья, бутылка йогурта. И все. Открывал кухонные шкафчики и ящики. Три картофелины, полусгнившая луковица, полпачки макарон. На одной из полок памятные с советской поры жестяные банки для круп, красные с белыми кружочками, как огромные божьи коровки, с надписями «Сахар», «Соль», «Крупа», «Специи». В «Специях» ничего не было, кроме легкого перечного запаха, в банке «Сахар» горстка сахара, в «Крупе» на доньшке гречка, зато «Соль» полна до краев.

Он вернулся в комнату.

– Наталья Владимировна, можно я в магазин схожу, куплю кое-что? Я у вас сто лет не был и чувствую себя полным подлецом. Не ради благотворительности, а... По-человечески.

– Да бросьте! – махнула рукой Наталья Владимировна. – Не надо никуда ходить. Я в любой момент могу позвонить Асе, она примчится. Но сейчас у меня все есть. Единственное, от чего, может быть, не отказалась бы, от шоколада. Почему-то второй день хочу шо-ко-лада. Такого, знаете, не стопроцентного, но и не молочного, а классического, с легкой горчинкой, понимаете, да?

– Вот за шоколадом и сбегая. Разрешите?

– Разрешаю, – смилостивилась Наталья Владимировна. – Я просто не хотела Асю беспокоить из-за такого пус-тя-ка.

– Вы меня простите, Наталья Владимировна, может, ваша Ася и ангел, но у меня такое ощущение, что вас голодом мordia!

– Глупости! Если хотите знать, живая я им нужнее, чем мертвая. Учитывая возраст и работу на оборонном заводе во время войны, я тогда еще девочкой была, мне начислили совершенно фантастическую пен-си-ю!

– И они у вас ее берут?

– Нельзя так думать о людях! Без спросу – ни копейки! Я сама даю им на мое питание, а остальное дарю, потому что мне не нужно. И я даже горжусь этим – я могу кому-то помочь! Хватит дискуссий, сами виноваты, сказали про шоколад, и мне теперь стра-а-стно хочется шо-ко-лада! Несите!

И Галатин поспешил в магазин, в супермаркет, что был неподалеку, где купил, конечно, не только шоколад, но и всего другого понемногу. Вернувшись, сказал Наталье Владимировне, что еще не завтракал, почему бы ему не приготовить завтрак здесь и не разделить трапезу с нею? Она согласилась, заметив, что по времени скорее пора обеда. Галатин быстро нарезал салат из помидоров, сварил четыре сосиски, нашел турку и приготовил кофе, он помнил, что Наталья Владимировна любила кофе, поэтому купил пачку молотого, не слишком дорогого, но и не самого дешевого. Спросил Наталью Владимировну, где лучше устроиться – в кухне или в комнате. Она обычно принимала Евгению Сергеевну в комнате, за круглым столом, что стоял в центре, считая угощенье в кухне дурным тоном.

– Конечно, здесь! – ответила Наталья Владимировна.

И он сервировал стол в комнате, все принес, расставил, Наталья Владимировна восторгалась:

– Кофе! Вы попали мне в самое сердце, Василий. Боже мой, кофе!

– Мы покушаем сначала, а потом кофе.

– За «покушаем» вам двойка, люди едят, а кушают, как известно, лошади, причем овес и сено. Или вы к моему возрасту так обращаетесь? Кушать – детишкам и беспомощным старичкам говорят. Неважно, но хочу кофе сейчас, а то ос-ты-нет!

– Подогрею.

– Пить подогретый кофе? Видела бы вас мама! Нет, только сейчас. А потом можно сварить еще, если вам не трудно.

Они выпили кофе, потом принялись за еду. О шоколаде Наталья Владимировна не вспоминала, хотя плитка его лежала на столе, она ела с видимым аппетитом, которого стеснялась, поэтому время от времени удерживала себя, задавала вопросы о том, что происходит в мире, но слушала невнимательно.

Потом Галатин сварил еще кофе, на этот раз Наталья Владимировна пила его с шоколадом. На белом ее лице выступил румянец – неожиданно легко-девичий, светло-розовый.

– А Варя молочный шоколад любила, – сказала она.

И заплакала.

Слезы обильно катились из глаз, она прикладывала к ним бумажную салфетку.

– Не смотрите, – попросила она Галатина. – Плачущая старуха – неэстетично.

Галатин отнес посуду на кухню, все вымыл. Когда вернулся, Наталья Владимировна сидела опять в кресле, успокоившаяся.

– Вот странно, – сказала она. – Когда мне хорошо, причем от элементарных вещей, от той же еды, я тут же вспоминаю Варю. Поэтому мне лучше, когда мне хуже, вы понимаете, Василий?

– Да, конечно. Ну что ж, я пойду? И буду заглядывать, если позволите.

– Не позволю, Василий. Это ни к чему. Сейчас я никого не жду, а придете раз, другой, начну ждать.

– Я и в третий приду, и в четвертый.

– Нет. Не надо. Не мешайте мне умирать. Я говорю серьезно.

Галатин хотел что-то сказать, возразить, но она подняла руку:

– Все, все, до свидания!

И Галатин ушел.

Он медленно поднимался на свой этаж, думая, что лучше или хуже: дожить до глубокой старости и утратить разум и память, как отец, или оставаться в полном разуме и сознании, как Наталья Владимировна?

Тут мысль его неожиданно скакнула: у Алисы тоже очень белая кожа. Как у Натальи Владимировны. Проживет ли она столько же? Если да, то застанет начало двадцать второго века.

И еще раз скакнула мысль, на этот раз болезненно, вспомнился вычитанный в интернете случай: мальчик, у которого разводились родители, прыгнул с третьего этажа. Надеялся, что только что-нибудь сломает и напугает родителей, и они образумятся, но убили до смерти.

Алиса, конечно, никогда этого не сделает, но...

Он остановился на площадке своего этажа и позвонил ей.

Алиса вместе ответа прислала сообщение:

«дедась у меня дела сори»

«Хочешь, я приеду?»

Алиса не ответила.

Галатин повторил:

«Хочешь?»

«да а зачем»

«Я соскучился. Буду твоим Дедом Морозом».

«это придумывают дедморозов нет»

«Зато я есть».

«хорошо»

«Что хорошо? Я приеду? Ты хочешь?»

«хочю»

«Хочу».

«хочю»

«Хочу!»

«хочю :-)- :-)»

«Издеваешься?»

«шутки надо понимать»

«Теперь дошло. Я тупой Дедася. Я скоро приеду».

«ладно»

«Но никому не говори. Маме не говори. Не скажешь?»

«нет»

«Целую тебя».

«ладно»

После этого Галатин позвонил в соседскую дверь, тете Тоне. Теперь только на нее надежда.

7.

Наталья Владимировна прожила еще три года и умерла во сне. Ася, пришедшая утром, не испугалась, она давно этого ждала. Позвонила в скорую помощь и в полицию, а сама открыла то отделение серванта, которое прабабка смешно называла секретером, и увидела несколько обернутых бумажками и скрепленных канцелярскими скрепками пачек денег, весьма, впрочем, тонких. На каждой пачке имя – кому предназначается. В том числе имя Аси. Она, оглянувшись на прабабушку, взяла свою пачку, пересчитала, листая пальцем. Потом пересчитала деньги в пачке с надписью «Тима». Потом в других. Схватила их все и запихнула в карманы джинсов. Подумав, взяла сумочку, переложив туда. Еще подумав, достала из сумочки, вернула все в секретер, аккуратно разложив. Закрывает секретер и замкнула на ключ, что торчал в замке, а ключ положила на полку.

Только после этого она пошла на кухню, сварила кофе и стала ждать скорую и полицию, глядя в окно, где было в тот день солнечно, морозно и снежно.

8.

Антон Галатин стоял в пробке на Третьем кольце перед Беговой улицей. Он ехал к знаменитому дому на ножках, где его ждала клиентка. Обычно в их мастерскую клиенты сами привозят свои макбуки, айфоны, планшеты и прочие устройства, и недостатка работы в этом году не было, поскольку, по выражению приемщицы Сони, весь реал ушел в виртуал, и пользователи запакивали гаджеты до изнеможения, но бывают исключения для ветеранов, инвалидов и тех, кто сидит на самоизоляции по болезни или подозрению на болезнь. Выезжают к ним обычно сотрудники помоложе, но Антон сам сегодня взял этот заказ, ему неважно было торчать в офисе. Там восемь человек в комнате, и хотя никто не знает, что с ним происходит, но кажется – чувствуют, догадываются, посматривают на него исподтишка.

Надо побыть одному, все обдумать, решить, как быть. Две недели Антон пытается это сделать, но никак не додумывает до конца. Похоже на «засыпалку», которой научила его в детстве бабушка Ира. Однажды Антон, ему было тогда лет двенадцать, почему-то долго не мог заснуть, ворочался, вставал попить воды, баба Ира что-то готовила на кухне, спросила:

«Не спится?»

«Да чего-то никак».

«А ты придумай засыпалку себе. Думай о чем-нибудь очень приятном, чего ты хочешь».

«Ага. Так захочется, что совсем не засну».

«Ты попробуй, попробуй. И лучше что-нибудь фантастическое, невыполнимое. Сам увидишь, что получится».

Антон попробовал. У него была готовая фантазия, он давно уже не раз представлял, как было бы здорово, если бы наконец изобрели левитацию, если бы люди умели летать. И вот он лег, закрыл глаза, представил, что стоит на крыше дома – с земли взлетать неинтересно и не страшно и, главное, не так весело. Он на крыше, он стоит на краю, лицом в сторону Волги, которую не видно за домами. Взмахивает руками, поднимается, медленно парит в воздухе, долетает до Волги, летит над нею...

И – заснул.

Бабушка оказалась права. На следующий вечер Антон опять представил полет, и опять он кончился над Волгой. С третьей попытки хотел усилием воли заставить себя лететь дальше, к городу Энгельсу, а потом в степь, до самого Казахстана. Но нет, опять заснулось над Волгой.

А потом засыпалось и без всяких фантазий, бессонницей Антон не страдал. Когда же все-таки она случалась, придумывал засыпалку – уже не только о полетах, Антон ведь рос, вырос, женился, фантазии менялись, появились в них, естественно, девушки и женщины, но и с ними было как с левитацией, то есть редко доходило до настоящего полета, все обрывалось в начале – так и во снах часто бывает.

Интересно, что представляла бабушка Ира, когда хотела заснуть? Мог бы ведь спросить – не спрoсил.

И вот теперь, как с детской засыпалкой: то и дело прокручиваешь в голове начало, а дальше – не идет. На что-то отвлекаешься, обнаруживаешь, что ты мыслями в каких-то совсем посторонних вещах, и опять возвращаешься к началу, к тому вечеру, когда Настя за ужином сказала:

– Антош, похоже, у нас сильно изменится жизнь.

– Мальчик, девочка? – спросил Антон.

Спросил весело, шутливо, а у самого судорогой свело живот, он даже руку к нему приложил. Почему-то эта часть тела у него самая нервно-чувствительная, первой отзывается на эмоции.

Но с чего бы?

И тут самое странное: Антон догадался, о чем скажет Настя. Ни разу за время совместной жизни, одиннадцать с лишним уже лет, он не усомнился в том, что они с Настей нашли друг друга на всю жизнь. И не то чтобы он никого больше не замечал, Антон нормальный мужчина, ему нравились и нравятся другие женщины, у него даже был эпизод из тех, что называют изменой, но какая тут измена – корпоративная тусовка, большой дом большого босса, куда тот созвал подчиненных, работников всех филиалов ради демонстрации демократизма и от неуправляемого желания похвастаться недавно отделанным особняком; Антон, не любитель шумных сообществ, со стаканом в руке вышел во двор, прогулялся вокруг дома, обнаружил беседку, поставил на ее перила опустевший стакан, прошел дальше, там, у забора, за рядом деревьев-пирамидок можжевельника, был сарайчик со штабелями дров и сеном на полу – для деревенского колорита, должно быть; возникла из темноты девушка, которую Антон до этого несколько раз видел, но не знал по имени, спросила: «Тоже скучно?» – Антон кивнул, девушка заглянула в сарайчик, взяла Антона за руку, они вошли, закрыли за собой дверь сарайчика, ну, и так далее. Приключение из разряда тех, на которые идут для того, чтобы понять, что оно того не стоит, – вышло все торопливо, скомкано, быстро, а из ощущений запомнилось больше всего, что сухое сено неприятно кололось. Потом они несколько раз пересекались, кивали друг другу, улыбались, но продолжения не хотелось ни ему, ни ей. Антон не чувствовал угрызений – будто всего-навсего выпил без спроса: Настя очень не любила, когда Антон выпивал без спроса, без нее, вне дома.

Так вот, если о себе Антон мог подумать, что с ним может произойти мимолетный легкий случай, то о Насте – никогда. Чтобы эта правильная, рассудительная женщина, которая не выносила житейской пакости настолько, что не включала в телевизор никакие каналы, кроме детских и просветительно-познавательных, а если случайно натыкалась на какое-нибудь ток-шоу об изнасиловании отчимом падчерицы или на сериал с обязательными постельными сценами, гадливо кривилась и тут же переключала, чтобы она что-то такое могла? Невозможно, непредставимо, весь мир перевернется, если это случится.

Но мир не перевернулся, а Антон почуял правду до того, как ему ее объявили.

Теперь он понимает, откуда эти предчувствия. В Насте всегда было что-то тайное, что-то очень свое. Вдруг задумается, вдруг как-то посмотрит, будто издали, вдруг невольно ответит на вопрос, но тут же приходит в себя, возвращается. Замечал ли это Антон? Замечал. Думал ли об этом? Нет. То есть думал, но так: у каждого человека есть в душе свои потаенные местечки, и это нормально, мало ли где может гулять наше подсознание, почитывали кое-что, знаем – Фрейд, скрытое либидо, все эти дела.

«Неважно, о чем ты думаешь, важно, о чем ты мыслишь», – изрек однажды офисный умник Степа Знобок. Антону понравилось изречение, он спросил, что оно означает.

«Думать – состояние, мыслить – процесс, – пояснил Степа. – Мы все всегда думаем, это естественное состояние человека, даже самого глупого, а вот мыслить способны далеко не все».

«Сам придумал?» – спросила Соня.

«Конечно».

«Гений».

«А толку? Все равно ведь не дашь».

«Не дам. Антон вон какой красавчик у нас, но ему тоже не обломится. Замужем я и однолюбка я».

Вот и Антон оказался однолюбом – умом хочет все принять, не дурак ведь, понимает, что настолько мил не будешь, а душа сопротивляется, принимать не хочет, надеется на что-то.

У нас сильно изменится жизнь, сказала Настя.

– Мальчик, девочка? – спросил Антон.

– Нет. Мы расстанемся.

– Да неужели? – Антон продолжал веселиться и не верить, хотя несчастный живот его крутило спазмами.

– Серьезно можешь выслушать?

– Нет. Поспи, а утром все скажешь.

– Утром на работу. И какая разница? Я и так полгода готовлюсь.

Полгода. Вот это было самое болезненное. Полгода его Настя жила другой жизнью, а он не подозревал. Полгода она ложилась с ним рядом каждый вечер, а ему и в голову ничего не приходило. Правда, были у нее иногда короткие командировки на два-три дня. Значит, во время этих командировок все и происходило. Его Настя была с кем-то другим. Обнаженная. Голая. Под, над, перед. Его родная Настя, единственная становилась чужой, посторонней. В чужих руках. Губами касалась чужих губ. Говорила ласковые слова в чужое ухо.

Галлюцинацией Антон видел это самое ухо: большое, мясистое, волосатое, свиное ухо. Мало этого, его ум, сам себя растравливая, видел и крупный хрящеватый нос, заросший седой щетиной подбородок, отвратительные губы цвета сырой говядины, покрытой пленкой, сизые и влажные, видел бугристый шерстяной живот, кривые короткие ноги, кривые пальцы ног с желтыми ногтями...

Очень хотелось взять самую тяжелую вещь на столе, хрустальную высокую вазу с букетиком засушенных цветов, и шарахнуть о стену. Сдержался. Нашло упрямое: ничего не хочу знать, никак не буду реагировать.

– Короче, Антош, история такая... – начала было Настя заготовленную речь, но Антон оборвал:

– Не надо. Ты уже все сказала. Ты хочешь расстаться. Я понял. На здоровье.

– Ты согласен?

– А тебе надо мое согласие?

– Нет, но... В конце концов, ты имеешь право знать.

– Пошла на хрен, пожалуйста, – с ласковой улыбкой попросил Антон.

На самом деле ругательство было другое, грубее. Никогда он при Насте так не выражался, а теперь – от души, с наслаждением.

– Если ты будешь в таком тоне, я ничего не скажу, – обиделась Настя.

– В таком и буду. Не скажешь – и не требуется. Меня твои подробности ни с какого бока не волнуют. Расстаться так расстаться.

– Но надо все обговорить.

– Зачем? Что потребуется, сделаю.

– Спасибо, конечно...

Настя выглядела немного растерянной. Слегка виноватой. Возможно, Антон этого как раз и добивался, но за это пришлось и расплатиться: Настя ему за свою растерянность и неловкость очень скоро отомстила. Не хочешь слушать? – не надо, я напишу! И написала.

Это было после, а в тот вечер Антон ушел в спальню, где лежа смотрел на планшете какое-то кино, а Настя разложила диван в зале, как они привычно, по-саратовски, называли гостиную. Перед сном Антон прошел через зал в комнату Алисы, чтобы, как всегда, поцеловать ее и пожелать спокойной ночи. Она тоже смотрела в планшете какое-то кино, что-то детское, Антон напомнил о времени.

– Еще пять минут, – попросила Алиса.

– Засаекаю.

Он посидел с нею эти пять минут. Протянул руку, погладил дочь по голове. Она, не отрываясь глазами от планшета, приподняла плечико, поежилась, показывая, что ласку заметила, и что она ей приятна.

Антон сидел на краю кровати, спиной к двери комнаты, и понял, что ждет: сейчас войдет Настя, обнимет его, обнимет Алиску и скажет, как говорила часто:

«Добром разойдетесь или водой разлить?»

«Водой разлить!» – как всегда, ответит Алиска, хватая Антона за руку.

«Ну, ну, папина дочка, не хитри! А ты, папочка, не потакай, где твоя совесть?»

«В самом деле, где? – Антон заглянет под подушку, под кровать: – Вот она! – сунет туда руку и вытащит, сжимая что-то в кулаке, приложит кулак к уху, скажет Алисе с сожалением: – Говорит, пора спать».

«Неправда!» – не поверит Алиса.

«Сама послушай».

Антон подставит к ее уху кулак.

«Слышу: никто не хочет спать!» – закричит Алиса.

И тут Настя станет строгой, перестанет улыбаться.

«Все, – скажет. – Все, концерт окончен!»

И Антон еще раз поцелует Алису, и выйдет из комнаты, спокойный и счастливый. И Настя выйдет, потушит свет, прикроет не до конца дверь – Алиса не любит спать с закрытой дверью, и они пойдут в кухню традиционно выпить чаю, немного поговорить, а потом отправятся в спальню, чтобы лечь вместе, Антону нравится засыпать вместе и, желательно, одновременно. Еще более желательно: повернуться к Насе, дотронуться пальцами до щеки, а губами до губ. Спросить: «Хочешь спать?»

И она: «Есть варианты?»

Он: «Конечно».

Ничего этого теперь не будет.

Утром – тогда, после оборванного им разговора, Антон проснулся поздно, Настя уже уехала, Алиса еще спала, у них в школе объявили карантин. Когда пил кофе, открыл почту, а там было уже письмо Насти. И не просто письмо, а целый вордовский прикрепленный файл. Накатала сразу на бело, экспромтом – Настя сочиняет тексты очень быстро, за что ее ценят на работе.

«Антон, я не знаю, чего ты боишься, почему не хочешь все обсудить, или надеешься, что я пошутила, или еще что-то в этом духе, но это не так. Я не собираюсь всю вину взваливать на тебя или считать себя во всем виноватой, но мы обязаны все до конца прояснить, чтобы к этому уже не возвращаться. Я знаю, как ты относишься к Алисочке, значит, ты имеешь право знать, какая у нее будет дальше жизнь, то есть это касается не только нас с тобой, надеюсь, ты это понимаешь, поэтому уйти от разговора невозможно, даже если ты не хочешь. Ты иногда вообще будто не хочешь понимать жизнь, и это одна из составляющих того, что произошло. Не буду вдаваться в подробности, все равно это тебя не изменит, но я не в претензии, каждый человек имеет право на свой характер. Но и другой человек имеет право принимать или не принимать этот характер. Может, ты и прав, что не хочешь знать подробностей, но рано или поздно тебе придется познакомиться с тем, с кем буду жить я и Алисочка. Он это настолько понимает, что проявляет инициативу и готов с тобой встретиться в любой момент. Независимо от этого придется пройти через судебную процедуру развода. Надеюсь, ты не будешь чинить бессмысленных препятствий. При этом я

очень тебя прошу пока не говорить на эту тему с Алисочкой и не перетягивать ее на свою сторону, потому что это ни к чему не приведет, кроме ее горя, а ей и так будет какое-то время непросто, я прекрасно это понимаю. На время, которое понадобится для развода, я очень прошу тебя быть мужественным и с честью выйти из этого сложного для нас всех положения. Нам сейчас будет трудно жить вместе, я все предусмотрела и нашла вариант съемной квартиры, две комнаты, недорого, я уже заплатила аванс и очень прошу тебя туда переехать. А потом вернешься, можешь продать квартиру с учетом ипотеки, это как-то делается, купить что-то дешевле, как тебе удобнее, а мы будем жить у него в Москве или в Подмоскowie, в его доме, могли бы и сейчас туда поехать, но там не все готово. Остальные подробности можем обсудить в любом формате. Алисочке потом придется все сказать, но только сами факты, без подробностей, хорошо? Да, для детей это тяжело, но не смертельно, намного хуже, если они видят, что у родителей все кончилось, а они мучаются и лгут друг другу, ложь травмирует и калечит людей хуже, чем даже смерть близкого человека. Если хочешь, я могу взять все объяснения на себя, но опять же без подробностей, а если Алисочка будет тебя спрашивать, можно сказать, что мы так решили, а остальные объясним ей позже. Это оптимальный вариант. Если хочешь что-то спросить, я отвечу».

Довольно длинное и пустое письмо, в котором ничего не сказано о главном, что мучает Антона – почему, за что она от него уходит и почему, за что выбрала другого...

Антон в то утро послал Насте сообщение:

«Адрес квартиры? И как получить ключи?»

Настя сообщила адрес и написала, что ключи в правом верхнем кухонном ящике, лежат на виду.

Антон собрал вещи, дождался, когда проснется Алиса, сказал, что ему пора на работу. И что придется уехать в командировку. На неделю или больше. Тут явилась вызванная Настей соседка Людмила Васильевна, их приходящая няня и помощница по домашним делам, Антон и ей взялся объяснять, что к чему, но она сказала:

– Я в курсе.

Неделю после этого он не появлялся дома, а потом позвонила Алиса, которой Настя наконец все объяснила, и Антон приехал, и был разговор на троих...

В этом месте обычно и срабатывает «засыпалка» – не хочется вспоминать об этом разговоре, не хочется думать о том, что будет дальше, ни о чем не хочется думать.

К тому же раздался звонок.

Высветилось: «Эста». Необычное имя клиентки, к которой ехал Антон. Он ответил.

Расслабленный, будто полусонный, голос:

– Это вы ко мне едете?

– Да, это я к вам еду, скоро буду, пробки.

– Как вас зовут?

– Антон.

– Антон, можно вас попросить? У нас рядом с домом «Пятерочка», зайдете?

– Зайду, что-то нужно?

– Да. Сигареты две пачки, пожалуйста, «Парламент Аква», и бутылку вина, если не трудно, «Мальвазия Нера», красное, оно недорогое и всегда там есть, я заплачу, конечно. Выручите?

– Без проблем.

– Спасибо.

Очень красивый голос. Может, и девушка красивая. Может, и одинокая. Всякое в жизни бывает: влюбится он в нее, а она в него, родит ему двух детей, начнется настоящее счастье...

Антон в это время подъезжал к ипподрому. Понемногу продвигаясь в пробке, смотрел на дома, впервые обратив внимание, какие они тут простенькие – кирпичные пятиэтажки, таких и в родном Саратове много. А вот торчит уродливая квадратная стела, на которой барельеф квадратной головы Ленина с вырубленными чертами лица, отчего оно кажется окончательно мертвым, словно человек умер дважды – в жизни и в памятнике, а из головы торчит что-то серо-белое с

трещинами; должно быть, имелось в виду знамя. За памятником вход на ипподром с колоннами, с фигурами лошадей наверху. Какие-то здесь скачки и бега устраиваются, есть тотализатор, люди выигрывают и проигрывают, впадают в азарт. Непонятно это Антону. Он ни в чем и никогда не впадает в азарт, уважая свое природное равновесие духа. А вдруг Насте это равновесие и надоело? Женщины любят наводить порядок не только в доме, но и в близких людях. А в Антоне порядок наводить не надо, вот и стало скучно. Или что?

Показался дом на ножках, Антон свернул, нашел место, где поставить машину, отправился в «Пятерочку», купил то, что просила Эста. Убранство магазина было новогодним: везде игрушки, украшения, открытки, елка стояла в углу. У них пандемия, а они празднуют, подумал Антон. Люди умирают, а они празднуют. Меня жена бросила, а они празднуют.

Назло своим предыдущим мечтаниям Антон представил: Эста – пьющая женщина, которой вовсе и не надо чинить ноутбук, она просто одичала от одиночества, вот и упростила прислать мастера на дом.

Когда увидел ее, открывшую дверь, подумал, что, похоже, угадал: в молодой женщине, одетой в ярко-алые облегающие спортивные брюки и такого же цвета футболку, было что-то явственно одинокое, особенно в ее глазах, устало-тусклых; она так смотрела на Антона, будто он ее давний и уже слегка поднадоевший знакомый.

– Проходите, – вяло сказала она. – Маску можете снять, я уже отболела. И сама не заразная, и не заражусь.

Антон вручил ей пакет с вином и сигаретами, она поблагодарила, он снял куртку, разулся, Эста ногой пододвинула ему мягкие безразмерные тапки.

Квартира была крохотной, чуть не треть комнаты занимала кровать, отделенная от прихожей стенкой-перегородкой, получилось что-то вроде ниши или алькова – Антон помнил слово «альков», но не помнил его точного значения. От постели до окна с балконной дверью тянулся по стене шкаф-купе с зеркальными дверьми, посредине комнаты стоял стеклянный стол на металлических ножках, было тут несколько стульев, тоже металлических, на стенах висели в рамках какие-то абстракции, как-то все холодно, безлико, бесприютно.

Эста пригласила Антона в кухню, где вручила ему штопор и попросила откупорить вино.

– Очень спешите? – спросила.

– Да так...

– Выпьете со мной?

– Я за рулем.

– Оно легкое.

– Нет, спасибо.

– Тогда я одна, можно?

– На здоровье.

Эста налила себе, отпила небольшой глоток, а потом пододвинула к себе чайное блюдце, на котором была россыпь белых таблеток. Эста пальцем отделила две штучки, подумала, добавила третью, еще подумала, вернула третью назад, к россыпи, а две таблетки положила в рот, запила вином. После этого закурила, приложила ладонь ко лбу, смотрела в стол. Так и сидела довольно долго и неподвижно, только рука время от времени размеренно поднималась, поднося сигарету ко рту, а потом бессильно опускалась, почти падала на стол.

Убрала ладонь, посмотрела на Антона, прищурившись.

А Антон смотрел на ее губы. Они были очень необычно оконтурены, словно обрисованы красно-бурым карандашом.

Эста заметила взгляд, сказала:

– Татуаж. Нравится?

– Эффектно.

– Еще недоделано, на все губы хочу нанести цвет. Перманентный татуаж. Немного болезненно, но безвредно, это не силиконом накачивать. Видели накаченные губы?

- Да.
- Нравится?
- Нет.
- Не понимаю. Ни один мужчина не сказал, что ему нравятся эти плюхи, а они все равно накачивают. Загадка. Андрей, не думайте...
- Антон.
- Прошу прощения. Антон, это не наркота, это стимуляторы. К сожалению, должна принимать. Хотите попробовать?
- Нет.
- И правильно. Вы, наверно, очень здоровый?
- Не жалуюсь.
- И красивый. Вам сколько лет?
- Тридцать семь.
- Прекрасный возраст. А мне, как думаете, сколько?
- Двадцать пять?
- Раньше давали двадцать.
- Извините.
- Наоборот, спасибо. Мне тридцать два. Но у меня феноменальная кожа. Я ничего с ней не делаю, а она не увядает. Смотрите.
- Эста приподняла край футболки и показала живот.
- Да, – сказал Антон.
- Бюстгальтера на мне, если заметили, тоже нет. И никаких подтяжек, никакого силикона, все от природы. Наверно, я сразу постарею и тут же умру. Я не против. Вы бизнесмен? Или каким-то творчеством занимаетесь? У вас творческое лицо.
- Я приехал ноутбук вам починить, – напомнил Антон.
- Ну да, конечно. Сейчас.
- Эста пошла в комнату, там что-то открывала, выдвигала, роняла.
- Принесла серебристый ноутбук, положила на стол. Антон открыл его, экран остался черным.
- Разряжен.
- И что делать?
- Зарядить.
- Нужен шнур?
- Да. Эста, в вашей заявке указано, что тормозит браузер, что все очень медленно открыва-
ется...
- Катастрофически! Вам нравится мое имя?
- Красивое.
- И настоящее. Никаких псевдонимов. Было другое, но я сменила прямо в паспорте. Долго искала вариант и нашла – Эста. Значит – звезда. Или, если по-английски, воздух. Воздушная звезда! Согласны?
- Вполне. Давайте я своей зарядкой заряджу и посмотрим, что тут у нас, хорошо?
- Вам виднее.
- Антон достал свой зарядный кабель, подключил ноутбук.
- И все-таки я не поняла, – сказала Эста. – Мы будем с этой ерундой разбираться? Время идет.
- Я для этого и приехал.
- Андрей, мы друг друга не поняли.
- Антон.
- Да. Антон, ты меня заводишь. Меня никто так не заводил уже сто лет.
- Спасибо, но...
- При чем тут спасибо? Я конкретно говорю.
- Хорошо. Ага, уже можно посмотреть.

Антон быстро протестировал оживший ноутбук и понял, что все работает нормально. Но, судя по обновлениям, вернее, их отсутствию, им довольно давно не пользовались.

Эста в это время проглотила еще пару таблеток, выпила вина, покурила, без интереса наблюдая за действиями Антона.

– Что там?

– Все в порядке.

– Он мне не нужен, зачем вы с ним возитесь? Я все делаю через телефон.

– Уже закончил. Вы должны мне только за выезд и диагностику. Тысяча двести. Плюс за вино и сигареты. Можете наличными или на карту, на телефон, как вам удобней.

– Ты о чем?

– Об оплате.

Эста прикрыла глаза и сидела так, покачиваясь. Антон ждал. Она открыла глаза, спросила:

– Прости, еще раз?

– Я говорю: можно наличными или на карту, как удобней.

– Все равно. Можешь на карту.

– Что?

– Заплатить.

– Я – вам?

– А кто еще?

– Эста, вы уверены, что понимаете, о чем мы говорим?

– Конечно. Это же ты ко мне приехал. Хочешь, удивлю?

Антон не успел согласиться, а Эста уже удивила: она сняла футболку, под которой и впрямь ничего не было (имеется в виду одежда, остальное было), и встала перед Антоном, подбоченившись и выставив ногу, как модель на подиуме.

– Ты не верил – убедись.

– Я верил...

– Удивительно, как ты меня завел! – поразилась Эста. – Все, быстро в душ, а мне не надо, уже была. Я жду!

Она пошла в комнату. Антон, не оборачиваясь, по мягким всхлопывающим звукам понял, что расстилается постель. Он собрал свои приспособления, зарядку, сложил в сумку. Встал, обернулся. Возле постели лежали комом спортивные брюки, всю Эсту в нише не было видно, только голую ногу от колена до ступни. Антон тихо пошел в прихожую, тихо обулся, надел куртку.

– Ты скоро? – спросила Эста.

Антон промолчал.

– Андрей?

Антон аккуратно отодвигал задвижку, но все же послышался тихий металлический звук.

– В чем дело?

Он оглянулся.

Эста стояла перед ним, чуть пошатываясь, и Антон не мог не оценить девическую удивительную стройность и ладность этой женщины.

Вот тебе и возможность хоть как-то отомстить Насте, подумал он. С красивой женщиной, пусть и ясно, кто она по профессии.

Но, хоть он и любовался Эстой, а желания – полный ноль. Будто не живую женщину видит, а скульптуру в музее. Да, красивая, очень красивая, но ты же не дошел до того, чтобы захотеть скульптуру. Ничего не выйдет при всем желании, если нет желания. Да, так и получается: желание желания есть, а самого желания – нет.

– До свидания, – сказал Антон, открывая дверь.

– Мальчик мой, это что за фокусы? Визит оплачивается независимо от результата! Плати, если не хочешь неприятностей!

– В другой раз, – сказал Антон и вышел.

Он долго сидел в машине, а потом написал Насте:

«Я хочу с ним встретиться».

Настя тут же ответила:

«Когда?»

«В любое время».

Через несколько минут Настя сообщила:

«Сегодня вечером в 19.00 Пушкин устроит?»

«У памятника?»

«Ресторан».

«Там машину негде воткнуть».

«Парковщики найдут место, не волнуйся».

Антон написал:

«Мне удобней в Му-Му у Щелковской».

Но стер, отослал короткое:

«Ладно».

И добавил:

«Он телефон мой знает?»

«Да. А вот его».

И номер телефона, переадресованный Настей из списка контактов вместе с именем, которое Антон наконец узнал: Дмитрий Алексеевич Согдеев. Официально записала. Для конспирации.

9.

Эста, прикончив таблетки, решила покончить и с собой, но было нечем. Прыжок с балкона, газ и прочее ее не устраивали, она хотела только отравиться. Нашла упаковку аспирина, проглотила штук двадцать, равномерно запивая остатками вина, вызвала скорую помощь, очень не скоро приехавшую, в машине судорожно металась, бредила, повторяла:

– Андрей, Андрей, Андрей! Где Андрей?

Врачи и фельдшерка держали ее, но она все кричала, и тут водитель догадался бодро крикнуть:

– Уймись, к Андрею и возем!

– Хорошо, – прошептала Эста и закрыла глаза.

10.

Тетя Тоня была крепкой женщиной лет восьмидесяти, она всю жизнь работала уборщицей в разных учреждениях, и сейчас работает – моет свой и соседний подъезды. И всю жизнь на ее шее сын Славик, закончивший когда-то филфак университета, работавший в многотиражных газетах, ведомственных мелких издательствах, еще где-то, постоянно выпивая, но редко при этом напиваясь, держась на подсосу; в сорок лет заполучил обширный инфаркт, как, по его выражению, и положено всякому интеллигентному человеку, и засел дома за своим стареньким компьютером, откуда он черпает причудливую информацию обо всем на свете – уверен, например, что Гитлер не самоубился, а прожил в Аргентине еще тридцать лет, что населения в России не сто сорок шесть с чем-то миллионов человек, а не больше ста, но эту правду скрывают, что правительство России финансируется американскими спецслужбами, они же запустили коронавирус – для того, чтобы с помощью обязательной вакцинации поголовно всех зомбировать.

Вот и сейчас он, обрадовавшись Галатину, начал делиться с ним последними поразительными новостями, раскрывающими заговоры мировых элит, но Галатин пообещал, что еще зайдет послушать, и повел тетю Тоню к себе, излагая свою просьбу:

– Отец, ты же знаешь, тетя Тонь, спит почти все время, надо только заходить регулярно и по-сматривать. Дней пять-десять, не больше. Рубликов за двести в день – устроит?

– Устроит, – покладисто отвечала тетя Тоня, проходя впереди любезно открывшего перед ней дверь Галатина и занимая дородным телом весь дверной проем.

Постаревший Дон Кихот и постаревшая Дульсинея, невольно подумал Галатин, глядя на отца и тетю Тоню. Отец стоял у плиты и варил в кастрюльке два яйца, зачем-то помешивая.

– Ты чего мешаешь, Руслан Ильич, быстрее не сварятся! – засмеялась тетя Тоня, войдя в кухню.

– Для равномерности, – ответил Руслан Ильич. – А то бывает, с одного боку твердо, с другого жидко. А я люблю, когда средненько.

Галатин объяснил отцу, а заодно и тете Тоне: ему надо уехать в Москву, тетя Тоня будет заходить, смотреть, как и что, продукты в холодильнике, в шкафах и ящиках, запас недели на две, разве только иногда прикупить что-нибудь скоропортящееся – кефир, творожок, это нетрудно.

– Ничего трудного, – подтвердила тетя Тоня. – Но лучше йогурт, а не кефир. Я себе беру, и вам советую. У меня всю жизнь поджелудочная щемила, а как начала йогурты пить лет двадцать назад, забыла, где она, поджелудочная, ей-богу говорю. Нет, все-таки, если сравнить про советское время, продукты лучше стали. И все вообще. Меня всю жизнь перхоть мучала, а начались все эти шампуни, раньше же мылом волосы мыла, да еще хозяйственным иногда, а как пошли шампуни, даже если дешевый взять – нет перхоти! Как отрезало!

Отец в это время достал яйца, положил на тарелку, сел за стол, насыпал на тарелку горку соли, начал облупливать яйца, придирчиво тыча в очищенные места пальцем – достаточно ли мягкие.

– Все понял, пап? – спросил Галатин.

– А?

– Тетя Тоня заходить будет.

– А ты куда?

– В Москву еду.

– Езжай, а она мне зачем?

– Невежливый ты, Руслан Ильич, – упрекнула тетя Тоня. – Зачем! Нравишься ты мне, вот зачем!

Руслан Ильич недоверчиво посмотрел на соседку.

– Шутишь, что ли?

– Какие тут шутки!

Руслан Ильич подумал, хмыкнул и продолжил свое кропотливое занятие. Облупил яйцо, приготовился обмакнуть его в соль, но замер. Поднял глаза на тетю Тоню:

– А ты давно из Москвы-то?

– Здравсьте, приехали! Откуда ты Москву взял?

– Он говорит.

– Я говорю, пап, мне в Москву надо. Антон у тебя там, внук, помнишь? С женой Настей и дочкой Алисой. Помнишь?

– Помню, а как же, – бесцветно сказал Руслан Ильич. – Всех помню. И Настю, и Алису, всех внушек помню.

Тетя Тоня и Галатин переглянулись.

– Не помнит, – сказала тетя Тоня. – Вот беда-то, на глазах увял человек. Какой был умный, я прямо гордилась, что такой сосед у меня. Хорошо, Женя не видит, что с ним стало. Можно сказать – инвалид по памяти. Но хоть ходячий, большое счастье, если вспомнить, как мама твоя лежала. Не дай бог мне так же слечь, Славик у меня погибнет сразу же, ничего сам не умеет. Господи, убереги!

Она перекрестилась на кухонную потолочную лампу и утерла глаза.

Руслан Ильич словно и не слышал, вдумчиво ел яйцо, закусывая его хлебом.

Тут позвонил Иван Сольский, сказал, что подъезжает к дому. Галатин вручил тете Тоне ключи и деньги. Добавил не в зачет тысячу:

- Это на йогурт и еще на что-нибудь, если попросит.
- Купим, не волнуйся. Ты когда едешь-то?
- Как раз сейчас решаю.

Галатин вышел, когда Иван подъехал на старом, заляпанном грязью джипе. Или это не джип, а как они называются? – универсал, кроссовер? – Галатин эти слова слышал, но что они означают, не понимает, у него никогда не было машины, ко всему механическому равнодушен.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и увидел перед собой смеющегося Ивана.

– Вот и все так путаются, – сказал тот. – Видят же, что я справа, а все равно эту дверку открывают. Садись с той стороны.

Галатин понял: у машины Ивана руль справа. Редкость для Саратова.

Зашел с другой стороны, сел, поехали. Галатину странно было сидеть слева, где обычно водительское место.

– А почему такая, Ваня? – спросил он. – Если бы в Сибири, на Дальнем Востоке, там, я читал, таких половина, а тут, я вижу, ты один.

– Не один, но с правым рулем у нас мало, это да. Ты разве раньше не ездил со мной, не знаешь? Это у меня уже третья праворукая. Почему? Потому что чистая японка. Ей двадцать лет, но я ее до ума довел, и она еще лет пять откатает без фокусов. На миллион километров до убоя рассчитана. А сейчас они делают – на двести тысяч, на сто пятьдесят. Чтобы быстрее запахал ее, выкинул или продал по дешевке и купил новую.

– Нечестно, – осудил Галатин.

– А что честно, Вася? Что где честно? Я вот эту машину, с которой ты поехать хочешь, запущу в рейс, и на этом все, сворачиваю лавочку. Достали!

– Чем?

– Да всем!

Иван крутанул головой, сморщился и цокнул языком, такой кислой для него была эта тема.

А голова у него была крепкая, коротко стриженная, лицо грубовато-энергичное, с резкими чертами, умными темными глазами, всегда, сколько помнит Галатин, немного насмешливое, но насмешка эта с горчинкой, а горчинка – от хорошего знания жизни. Такие лица, должно быть, бываю у отставных генералов, наблюдающих, как разваливается армия, которой они командовали.

Правда, Иван, насколько известно Галатину, отставным в этой жизни быть не собирается, всегда ворочал большими и малыми делами, поэтому и печально чувствовать его огорченное настроение. А сравнение с генералом объясняется тем, что Иван когда-то был военным, офицером, но по какой-то причине из армии довольно быстро уволился. Галатин никогда не расспрашивал об этом, а сейчас вдруг захотелось узнать.

– Ваня, а ты вот в армии служил и ушел, почему?

– Чего это ты вспомнил? – удивился Иван.

– Просто интересно стало.

– Ничего интересного. Да и долгая эта история. У меня брат двоюродный в Москве кино снимает документальное, подбивал меня: давай фильм сделаем про твою жизнь. Ты, говорит, в кадре, произносишь монолог, а я добавляю хроники. Целая эпоха, вроде того, получится. Даже название придумал: «Как меня убивали».

– Эффектно.

– Да уж. Я с Татьяной посоветовался, с женой, она говорит: тебе что, нужна такая слава? И люди, про которых говорить придется, они же реальные, могут обидеться. И я отказался. Убивали, не убивали, но по результату я до шестидесяти шести дожил, троих детей вырастил, внуков пятеро, всем до сих пор помогаю, можно гордиться.

– А что, правда – убивали? Ты не рассказывал.

– Не спрашивал, вот и не рассказывал. Могу изложить, если хочешь. Нам ехать полчаса, как раз успею. Тезисами. Или эпизодами. Как в «Звездных войнах». Вот тебе эпизод первый: я после

школы, как ты знаешь, поступаю в химучилище, которое потом переименовали в СВВИУХЗ¹, а потом сделали какой-то институт исследовательский на этой базе, сейчас и его нет, ликвидировали. Поступаю, учусь неплохо, меня ставят командиром взвода, и все годы я командиром взвода оставался. Что я понял? Понял, что работать с людьми умею и даже люблю. Кого кнутом, кого пряником, без зверства, но и без фамильярности. Будешь звереть – возненавидят, будешь тряпкой – не добьешься уважения. Главное, чтобы курсант видел – все, что ты с ним делаешь, ты делаешь для его пользы. Если он это видит, он зла на тебя никогда держать не будет. И мне это нравилось. Закончил училище, женился, этот счастливый момент опустим, послали в одну часть, другую, попадаю в третью, там солдат было мало, зато много техники, бензина, запчастей и прочей матчасти. Следствие? Пьянство и воровство. А я советский офицер с понятиями, я начинаю наводить порядок, и это никому не нравится. Ни солдатам, ни начальству.

– Почему? – спросил Галатин, хотя догадался и сам.

Иван его догадку подтвердил:

– Да потому, что каждый что-то с этого воровства имеет! А у нас с Татьяной уже сын и холодная квартира в панельном доме, потому что батареи зимой регулярно отключали. Конкретно мне отключали, холодом воздействовали на меня. Замполит лично приходил и говорил: будешь выпендриваться, заморожу тебя, жену и твоего ребенка! А если этого мало, то не удивляйся, говорит, если твой прохладный труп найдут в болоте. Болота у нас там были вокруг городка.

– Неужели он смог бы?

– Да нет, вряд ли, только пугал, но самое интересное, что он оказался пророком насчет болота, только без его участия и через полгода, летом. Как было: встречаю в городе своих солдат. Они взяли автобус будто бы для дела, был у нас там старый автобус системы «корогаз»², помнишь такие?

– Помню.

– Ну вот, и они свернули на этом автобусе к рынку, к пивному ларьку, и спокойно пьют там пиво. В форме, на глазах у всех. Я подхожу, делаю им замечание, требую вернуться в часть. Они меня посылают. Громко и при всей публике. Публика хохочет. Я иду к автобусу, чтобы уехать, они меня хватают, бьют по морде, затаскивают в автобус, везут. Явно не в часть. Один сидит у меня на ногах, другой задом на голове устроился, и обсуждают, в каком болоте меня утопить. Пытаюсь привести контраргументы – бьют. Едем, вдруг останавливаемся, я слышу – поезд идет. Переезд. А за переездом лес и болота, конец фильма. Понимаю, что у меня минуты две. И произношу речь. Если спросишь, о чем – не вспомню. Тема – ради жизни на земле, а что конкретно, вылетело из головы. Но, думаю, не хуже выступал, чем Ленин с броневики в семнадцатом году. Они начали между собой обсуждать: дело уголовное, подсудное, у пивного ларька их видели, как бы чего не вышло. С другой стороны, оставить в живых – он, сука, нас сдаст, все равно трибуналом пахнет. С этими разговорами выходят из автобуса – пиво наружу просится. Я потихоньку встаю, выглядываю – за автобус зашли. И – ноги в руки. Может, пытались догнать, не знаю, не оглядывался. Неофициально подтвердил первое место по кроссу в училище и третье по округу. Пригодилось. Являюсь в часть, пишу заявление, а они возвращаются, идут ко мне, прощения просят. Не держи зла, лейтенант, мы больше так не будем. А я зла на них не держу, Вася, я зло держу на всю эту систему, которая такие вещи допускает и даже поощряет! Подаю заявление, героев отдают под

¹ Саратовское высшее военное инженерное училище химической защиты.

² «Корогазами» за чадающий выхлоп и неказистость называли автобусы марки ГАЗ-651 и более поздние модификации этого ряда, они были служебными, но водители, отвезя своих работников, часто на обратном пути подбирали пассажиров за умеренную плату. Калымщиками этих водителей именовали. Начальники и милиция закрывали на калымщиков глаза: они разгружали пассажиропоток, с которым не справлялся городской транспорт, да и водителю надо же заработать что-то сверх скудной полочки. Между прочим, с детей денег они не брали. Я сам на таком полгода ездил до школы, пока не построили новую, знаю точно. А.С.

трибунал. Что началось! Ходоки ко мне пошли, как, опять же, к Ленину. Кто только за бедных мальчиков не просил!

– Родственники?

– И родственники. И командир части. И замполит. И гонец из округа приезжал. Родственники просят, а начальство обещает: если дам задний ход, старшего лейтенанта тут же присвоят, если не дам, зашлют меня в Забайкальский военный округ, чтобы застрелял там навечно, как Дерсу Узала, а то и самого отдадут под суд за клевету на советскую армию, я же в заявлении не только про один случай написал, оттянулся со всей душой! В Министерство обороны копию послал, думал открыть им глаза. Будто они сами ничего не знали. Знали лучше меня! В общем, я уперся. Результат: трибунал, солдатам дают сроки, начальство остается в белых мундирах, а я весь в дерьме, потому что вижу – сожрать меня хотят абсолютно все. Ладно. Отсылаю жену с ребенком в Саратов, к ее родителям, начинаю компанию по увольнению из славных рядов очень советской армии. Узнаю, что на меня заводят дело по политической статье и за хищения, которые я будто бы совершил. Советуюсь с друзьями, были у меня там из гражданских, в том числе врач, врач советует: ложись в психушку. Я ложусь, обследуюсь, выхожу, меня все равно не увольняют: у нас психи с таким диагнозом больными не считаются. И тут заместитель командира части, мужик хороший, в запас уже увольнялся с майорским званием, выше не поднялся из-за выпивки, встречает меня и говорит: зайти ко мне с бутылочкой, я тебе кое-что посоветую. Захожу, он советует: иди в библиотеку, возьми там сборники нормативных документов по содержанию техпарка твоей химической службы, много интересного узнаешь. Я иду, читаю документы и вижу, что мои машины не под моим присмотром в гараже должны стоять, а содержаться на балансе части, и командир части обязан раз в квартал лично мне отчитываться об их боеспособности. А то ведь как было: в автороте машины ломаются, они снимают запчасти с моих, я же не буду там ночевать все время, а вызскания – на меня! И вот я делаю выписки, иду к командиру части, раскладываю. Читать начальство по лени и малограмотности не любит, пересказываю своими словами. В том числе об отчетах за квартал. Сейчас я тебе, Вася, лирический вопрос задам: чего больше всего не любит власть?

– Непослушания, наверно.

– Молодец, умный. Но непослушание – это ведь что? Это несоблюдение закона и порядка. Правильно?

– Сериал такой есть. Не смотрел, но название встречал. «Закон и порядок». Американский.

– Не знаю, как в Америке, а у нас, Вася, власть ненавидит не тех, кто нарушает закон и порядок, потому что она сама то и дело нарушает закон и порядок, нет, она ненавидит до злости именно тех, кто закон и порядок знает и соблюдает! Ведь он, гад такой, и ее может к порядку призвать! Да убить его за это мало! И командир части, наверно, от всей души мне смерти желал. Орал как резаный: лейтенант, ты не охренел часом? Ты серьезно хочешь, чтобы я тебе доклады делал? Говорю: ничего я не хочу, инструкция предписывает.

И вышло так, как мне майор и предсказывал: они сами от меня захотели избавиться.

– А почему до этого-то не отпускали? Не хочет человек служить, его дело.

– Армия, Вася, она как злая жена. И не любит, и отпустить не хочет, потому что, если мужик уйдет, получится – она плохая. А плохой она считаться не хочет, вот и держит. И они держали, пока не поняли, что от меня одна головная боль. Отпустили, даже партбилет оставили. Парторг приходил, упрасивал: давай мы тебе задним числом взыскание хоть какое-нибудь напишем, меня же теребить будут – как ты позволил уволиться офицеру, у которого ни одного нарекания? Я говорю: дико извиняюсь, но нет.

– Дорожил партбилетом?

– Принципом дорожил, Вася. А партбилет я тут же засунул в дальний ящик. До сих пор храню, не знаю, зачем. Сувенир из страны, которой не существует. Не соскучился еще?

– Нет.

– Тогда эпизод второй: мирная жизнь. Живем в Саратове с женой и ребенком в полуподвале, работы нет, но тут помог отец, вернее, его друг, взяли меня в одну контору инженером по технике

безопасности. Родается дочь, и тут мне везет, опять-таки друг отца помог, влиятельный человек, дают мне аж трехкомнатную квартиру на нас с женой и двоих детей плюс теща. На первом этаже, дом панельный, край города, но для нас – счастье. Бросаю инженерство, ищу любую работу с хорошей зарплатой, устраиваюсь сварщиком на ТЭЦ. Осваиваю все виды сварки, пашу с утра до ночи, оплата сдельная, мастер участка на меня молится, товарищи от всего сердца презирают.

– За что?

– Да за то, что у нас шесть сварщиков, а я делаю половину работы! И получается, что из шестерых троих надо уволить. Или срезать расценки и увеличить нормы, что потом и сделали. Ты знаешь, за что все работники ненавидели стахановца Стаханова?

– А ненавидели?

– Еще как! Выдал он вместо двух тонн угля не помню, сколько, ну, двадцать, пятьдесят. Что это значит? Что он герой? Хрен-то, он уголь долбил, а ему десять человек помогали, уголь-то надо и отгрести, и вывезти! Он долбит, а ему пот платочком утирают, чтобы времени не терял. Главное: если товарищ Стаханов выдает такую кучу, то норма в две тонны – маловато! Надо сделать три, а лучше пять! И делают – при тех же расценках. И так оно и пошло: выдаешь больше продукции – повышают норму, режут расценки. Плохо работать – плохо, слишком хорошо – еще хуже. Ты работай в тюленьку, перевыполняй норму на ноль целых одну сотую, и все довольны, только нормально заработать при этом не мечтай. И в этом, Вася, вся советская плановая экономика. Лично я стал при том же объеме работы получать в полтора раза меньше, но даже это нашим пролетариям не нравилось. Не пьющий, к тому же, придаться не к чему. И тут около меня, аж ухо задело, падает двутавровая балка размером с половину рельса. Именно туда падает, куда я шел. Случайность? Может быть. Другой раз аппарат водичкой смочили и землю под ним, а сапог мой резиновый оказался с дыркой.

– Ударило током?

– Не ударило, а взорвало. Аж дым пошел – и аппарат вспыхнул, и земля, и я сам, мне показалось, как Хиросима, на воздух взлетел.

Галатин посмотрел на друга так, будто хотел увидеть следы взрыва.

– Обошлось, как видишь, – усмехнулся Иван.

– Даже не верится. Чтобы рабочие вот так...

– Не рабочие, а пролетарии. А пролетариям, как сказал будто бы Карл Маркс, нечего терять, кроме своих цепей. Обрати внимание – своих! И сказал это, Вася, не Маркс, а Жан Поль Марат, это меня Татьяна просветила, она историк, в школе преподавала всю жизнь. Тот самый Марат, которого в ванне зарезали. На этом второй эпизод заканчивается, начинается третий. Как раз у меня рождается еще один сын и наступает почти капитализм. Вокруг смута, безработица, дефицит, а я собираю бригаду, и мы едем возводить в богатый совхоз целую улицу домов. Как-то успели они финансирование получить, прихват у директора был аж в министерстве, и вот надо построить дома, освоить средства. Что люди из совхоза уже разбежались, никого не волнует. Ладно, строим. Учусь на ходу, я и прораб, и бухгалтер, и кладкой кирпича овладел, и штукатуркой, и кровельными работами, всем, что надо. Оплата аккордная, директор выдает по чуть-чуть, в конце полугодия обещает золотой дождь. Почему не поверить? – договора с печатями, директор человек приличный. Наступает время «че», он меня зовет, запираемся в его конторе, угощает красной икрой, коньяком и говорит: Иван, слушай меня внимательно. Я тебе все выдам до копейки, но хоть убей меня, половину оставишь тут. Я ему: убивать не буду, но и оставлять не буду, как я своим людям объясню? Отвечает: если ты меня не убьешь, убьют другие, потому что мне эти деньги дали с условием возврата половины.

– Откат?

– Тогда такого слова еще не знали, но да, откат. Я ему говорю: вали все на меня, скажи, что наглый подрядчик забрал у тебя все деньги и не хочет делиться. Ох, рискуешь, Иван, говорит. Ничего, рискну. Азарт меня тогда взял, Вася. Что за фигня, кто посмеет у меня отобрать честно заработанные деньги? Придумал так: сразу раздам своим ребятам и скажу, что на неделю всех от-

пускаю отдыхать. Чтобы все улеглось. Так и сделал, всех отпустил, а сам уехать не успел. Сижу в бытовке, готовлю отчетность для банка, для других всяких организаций, слышу – вроде трактор урчит. И бытовка начинает ехать. Я к двери – дверь закрыта снаружи. А окошко маленькое, да еще с решеткой.

– Бульдозером наехали?

– Догадался? Да, бульдозером. Хорошо, топор у меня был, я вырубил дыру в потолке и верхом вылез. Неудачно прыгнул, хромал потом полгода. А деньги они из меня все-таки выбили.

– Утюгом пытали? – невесело пошутил Галатин.

– Пытают в кино. Все проще: подъезжают к дому спокойные парни, просят выйти поговорить, ты выходишь, они спрашивают: у тебя правда трое детей? Правда. Ну, тогда ты очень неаккуратно себя ведешь. Во вред потомству. Давай-ка вноси взнос в детский фонд, а заодно в фонд мира. А то, сам посмотри, что творится, у тебя тут до школы даже тротуара нормального нет, ребенок в яму может свалиться и погибнуть до смерти. И ты все понимаешь без всяких утюгов... Дальше на несколько лет бессистемный промежуток, кем я только не работал. Была идея поехать на Шпицберген уголь рубить, как Стаханов, один попутчик в поезде рассказал, он там на российское предприятие сначала устроился, потом изучил норвежский язык, перешел к норвежцам, получать стал столько, сколько у нас министр. Сейчас я думаю, что привирал, а тогда поверил. Изучал тему, учебник норвежского купил. Но Татьяна сказала: только через мой труп или через развод. И я остыл. И тут эпизод следующий – встречаю Валеру Сазонова, помнишь его? В параллельном классе учился. Рыжеватый.

– Припоминаю.

– Валера знал, что я опыт имею по строительству, позвал меня возводить элеватор. Мы начинаем, но тут проблемы с материалами, с деньгами, ничего не получается. И один знакомый Валеры в это время нам рассказывает, что на производстве сейчас не заработаешь, даже не пытайся. Только торговля. Желательно крупная. И этот человек занимается тем, что возит на север фурами и эшелонами зерно, муку, овощи, а обратно везет лес. Объемы большие, ему нужны энергичные мужики в помощь. Мы с Валерой советуемся и соглашаемся. И начинается совсем новая жизнь. По-своему веселая. Правда, Валера меня через пару лет ощутимо кинул. Я ему: «Эх, друг, как же так, как тебе не аяй?» А он отвечает: «Ваня, ты не въехал в современность. Если ты не можешь переступить и через друга, и через брата, и через родного отца – не лезь в бизнес!» Я еще немного посердился, дал ему пару раз в физиономию, но, знаешь, гуманно дал, для обиды, а не для боли. Но он даже не обиделся. Ладно, работаю один. И получается! Репутация окрепла, все знают – Сольский слово держит, сроки соблюдает, никого не подводит. И у меня все если не в шоколаде, то в конфитюре, то есть – семью обеспечиваю. Но ведь хочется и квартиру наконец улучшить, и всем троим детям помочь, на глазах растут, запросы повышаются, а у жены зарплата маленькая, а теща больная, да и мои родители не очень здоровые. Что надо? Развиваться надо, расширяться, не размениваться на мелкие партии, работать по-крупному. И тут заказ на несколько эшелонов зерна. Не в бартер, за чистые деньги. И у меня как раз есть зерно, то есть знаю, где взять, есть подвижной состав, надо это все соединить, организовать. Рискнуть. Рискую, влезаю в долги, беру кредиты. Заказчики солидные люди, два городских депутата у них в деле и целый прокурор. Предоплату не могут оформить, говорят, что после первого эшелона заплатят, а дальше все пойдет как по маслу. Хорошо. Пригоняю эшелон. Жду денег. Денег нет. Иду к заказчикам, говорю: груз доставлен, господа депутаты и товарищ прокурор. Они говорят: спасибо. Я говорю: и? Они еще раз говорят: спасибо. Я говорю: господа депутаты и товарищ прокурор, я уже два раза слышал спасибо, мне этого как-то маловато. Он говорят: ну, тогда в третий раз спасибо. А деньги? А денег, говорят, не дадим. Вася, я восхитился! То есть, говорю, вы даже не притворяетесь, что меня кинули? Зачем, говорят, нам притворяться, мы люди честные. Мы тебе честно говорим: да, кинули. Езжай домой, и привет семье.

– Ничего себе! Это в девяностые было?

– Нет, Вася, это было в нулевые. И, кстати, если кто скажет, что девяностые кончились, плюнь тому в глаза. Один плюс – не так часто физически убивают. Но могут убить морально, что со мной и сделали. И что я мог? В суд пойти, как наш любимый президент советует? Ему легко говорить, у него иммунитет, он неподсуден, даже если, как Робин Бобин Барабек, сорок человек скушает. А если я пойду, меня же и засудят, потому что, Вася, так система наша устроена, что нет во всей стране ни одного человека, которого нельзя засудить. Любого можно.

– Я бы, наверно, после этого все бросил, – сказал Галатин.

– И я хотел бросить. Был уже почти под судом, квартиру переписал на тещу, сменил прописку – я, между прочим, до сих пор формально сельский житель, не дома как бы живу. Два года выпутывался из этой истории, продал машину, отличная машина была, продал дачу, перезанимал, чтобы отдать долги, пистолет с собой возил, пусть и газовый. Обошлось. Решил: никаких крупных дел, никакого бизнеса. Купил в лизинг грузовик и начал мотаться по всей России. Чую – здоровье не выдерживает. Геморрой, простатит, сердечко уже не в темпе валса танцует. Думаю: Ваня, как хочешь, а без прибавочной стоимости ты будешь сам себе чернорабочий. Начинаю понемногу расширяться. Покупаю один за другим три грузовичка, нанимаю водителей, беру их в долю, потому что на зарплате им неинтересно, и машины в первый же рейс угробят – не свои же. Кое-как начинает получаться. Систему «Платон» ввели – ничего, терпим, работаем. Конечно, есть вопросы: с доходов от «Платона» можно, к примеру, построить десять тысяч новых километров, а строят тысячу, как это? Или у нас дороги стоят в десять раз дороже, или девять эти тысяч километров оказались в чьих-то карманах в виде денег. Но мы люди маленькие и глупые, не понимаем государственной пользы. Или такой вопрос: почему в нефтедобывающей и небогатой стране для собственных граждан продают такой дорогой бензин? Или такой вопрос: почему налоговая система так устроена, что меня просто вынуждают ее обходить? Или еще вопрос: почему государство меня, пенсионера, наказывает за то, что я работаю?

– Как это?

– Так это! У меня назначенная пенсия четырнадцать шестьсот, а получаю одиннадцать двести. Три четыреста – налог за то, что не хочешь подыхать, а шевелишься, потому что с такой пенсии только подохнуть можно, да и то на гроб не хватит. Ты, наверно, и сам это знаешь, с тебя сколько снимают?

– Не интересовался. Наверно, по-другому, ты же частник, а я считаюсь госслужащим.

– Ладно, это все скучно. Давай я тебе сразу финал: в этом году меня прикончили. Государство на паях с коронавирусом доконали меня. Еле-еле выхожу в ноль, двое водителей отказались от такой работы, остался Виталий, я пока уговорил его работать из расчета пятьдесят на пятьдесят, все расходы и доходы пополам. А потом, если захочет, пусть выкупает машину по остаточной цене и рискует один. Одного машина еще прокормит, двоих – никак.

– На пенсию будешь жить?

– А что еще остается? Неработающий пенсионер им выгодней: денег на хорошую еду и на лекарства нет, быстрее помрет.

Иван замолчал, сам расстроенный своим монологом. В это время проехали переулком и оказались перед выездом на улицу, забитую транспортом. Машина стояла, они смотрели на бесконечный поток. Время от времени Иван чуть-чуть подавал машину вперед, показывая этим, что хочет выехать и встроиться в движение, но никто его не пропускал.

– Вот так и всегда, – сказал Иван. – Все в результате от кого зависит? От нас же. Видят, что я застрял тут, но им нужнее. И надеются, что кто-то другой пропустит, найдется добрый человек. А вот и нашелся! – воскликнул он и благодарно помахал рукой водителю остановившегося грузовика, и ринулся машиной в образовавшийся просвет.

– Значит, не все потеряно, – заметил Галатин.

– А иначе и жить бы не стоило, – рассудил Иван. – Если кто меня и выручал, то ни разу не система, а конкретные люди. Сейчас вот сошлись с товарищем, учились вместе, Толя Крючков, и мы с ним придумали идею. Идея отличная, надеюсь, все получится. Уже нашли площадку,

обустроиваем помаленьку, будем делать стартеры и генераторы. Этим в Саратове только в двух местах занимаются, а профильных мастерских вообще нет, в Энгельсе – ни одного пункта, по области – пусто.

– Выгодное дело?

– Конечно! Суть в чем – детали сейчас все меньше унифицируют, чтобы ты не ставил аналоговый, а побежал к производителю точно такой же модели или, еще лучше, расписывался бы, поставил машину ржаветь, купил новую. А выточить такую же деталь – нигде. И вот мы с Толей...

Тут Галатин словно выпал слухом: то, о чем подробно и увлеченно рассказывал Иван, было для него как иностранный язык – ничего не понятно. Он смотрел на Сольского и думал, что не президенту, не правительству, не всем этим думам и советам федерации принадлежит заслуга того, что Россия еще каким-то чудодейственным образом живет и дышит, а только таким неубиваемым и несгибаемым людям, как Иван, которые строят жизнь и свою, и своих близких не благодаря государству, а скорее вопреки ему. А оно, государство-то, обижается, что обходятся без него, вот и сует палки в колеса слишком инициативным личностям, которые, не будь этих палок, могут заботы государства не оценить и даже не заметить.

Он и раньше об этом подумывал, но сейчас все как-то обострилось. Может, потому что накладывается на его нетерпение, на горячее желание скорее попасть в Москву, к Алисе, а все препятствия странным образом связаны с тем, о чем рассказывал Иван.

Тем времени доехали до района, называющегося Есиповка, где сплошь частные дома, в одном из них жил водитель Виталий.

Ворота к дому были распахнуты, но въехать невозможно, во дворе стоял грузовик с кузовом-фурой. Кабина его была опрокинута вперед и смотрела в землю лобовым стеклом, а Виталий за нею возился с мотором. Иван и Галатин оставили машину у ворот, подошли к грузовику, поздоровались, Виталий выглянул, кивнул и продолжил копаться в моторе. Иван встал рядом с ним, они начали обсуждать что-то техническое, а Галатин осматривался. Было заметно, что хозяин не терпит пустоты. Двухэтажный дом простой кубической формы с пологой двускатной крышей громоздился поперек двора от забора до забора. Перед ним была площадка, занятая в центре грузовиком, а по бокам лепились друг к другу какие-то сарайчики, кладовки, что-то бревенчатое с маленьким окошком, наверное, баня. Пройти к самому дому можно было только протиснувшись боком между грузовиком и этими строениями. Был проход и за дом между забором и стеной, накрытый рядами металлических труб, которые, в свою очередь, были накрыты и увиты толстыми сухими лозами винограда; летом, наверное, тут тенисто и уютно. Над этой виноградной галереей нависал выступ из дома, опирающийся на кирпичные столбы, примыкающие к забору – хозяин на все сто использовал не только земные, но и воздушные владения своего участка. Галатин, любопытствуя, прошел за дом. Там в ряд тянулись четыре теплицы, накрытые прозрачным пластиком, на оставшемся участке поместились несколько яблоневых и вишневых деревьев. Все близко, тесно, не разгуляешься, но это все и не для гуляния, а для хозяйства.

Галатин услышал, как Иван зовет его, вернулся.

– Это Василий Русланович, музыкант, мой товарищ еще со школы, – представил его Иван. – А это Виталий, лучший водитель, какого я знал за всю жизнь.

Виталий, худой, примерно сорокапятилетний, серьезный до мрачности, спокойно кивнул, соглашаясь с этой аттестацией.

– Такое дело, Виталий, – обратился к нему Иван. – Человеку в Москву надо, подвезешь?

– Цена вопроса? – осведомился Виталий.

– Это мы с тобой решим, не волнуйся.

Галатин вмешался:

– Не надо вам ничего решать, я заплачу, я же понимаю – ехать долго, неудобства из-за меня.

– Никаких неудобств, – возразил Иван, – просто Виталий ничего даром не делает, принцип у него такой.

– На том стою, – подтвердил Виталий, всем видом показывая, что не собирается оправдываться. Но Иван и не обвинял, он сказал о принципе Виталия уважительно.

– Вот и объявите, сколько, – сказал Галатин.

Иван слегка рассердился, совсем слегка, лицо только чуть построжело, но Галатин ясно увидел, каким Иван был командиром, знающим себе цену сварщиком, прорабом, распорядителем, договорщиком, всю его нелегкую жизнь увидел.

– Василий, у нас с Виталием свои расчеты, я ему должен, он мне должен, мы решим. Я хочу тебе, как другу детства, помочь. Имею право?

– Имеешь.

– Вот и все. Ну как, Виталий, договорились?

Виталий, оглядывая шляпу, куртку, джинсы и ковбойские сапоги Галатина, спросил:

– Курите, выпиваете?

– Не курю и не пью.

– Это хорошо. А то выйдет как с тем пацаном, с Витьком, помнишь, Иван?

– Помню, и он помнит, как ты его посреди дороги посадил.

– Не посреди дороги, а у заправки.

– Это дальний мой родственник был, – пояснил Галатину Иван. – Приезжал из Москвы на свадьбу любимой девушки. Он на заработки метнулся, а она тут замуж вышла, он и примчался. Выпил с горя, начал куролесить, и я его с Виталием обратно в Москву отправил.

– А он купил в дорогу три полторашки пива, – продолжил Виталий, – и начал сосать. Сосет, плачет и про любовь рассказывает. Я терпел, терпел, потом говорю: Витек, или ты выбрасываешь свое пойло и молчишь, а самое лучшее – лезь на лежачок и спи хоть до Москвы, или до свидания. А он почему-то не поверил, да еще начал пальчики гнуть. Сам виноват. А вы чего в Москву едете? – спросил он Галатина.

– Да... Семейные дела. Внучку перед Новым годом навестить.

– А чего не на поезде?

– Билет не дали. Врут, что после шестидесяти пяти не продают билетов. Да еще температуру поволокли мерить, – неосторожно сказал Галатин.

Виталий насторожился:

– У вас температура?

– Иногда бывает повышенная. У меня всю жизнь так. Я беспокоился сначала, а потом прочитал, что таких людей много, особенно с гуляющей температурой. Утром нормальная, днем тридцать семь, вечером вообще тридцать пять.

– И вы, значит, пенсионер? – уточнял Виталий.

Иван засмеялся:

– Узнаю Виталия – дотошный человек! Ну, температура, ну, пенсионер, тебе-то что?

– А то, что остановят, проверят, и ему будет какая-нибудь санкция, назад завернут, и мне неприятность. Сам знаешь, им только дай повод!

– Какая санкция, ты о чем? – теперь Иван сердился уже на Виталия.

– Обыкновенная. Я в Москве был, там у пенсионеров право на проезд отняли. А кто после шестидесяти пяти в метро зайдет, отлавливают, берут штраф и сажают в изолятор!

– Бред, сплетни!¹ – возмущился Иван.

– Бред, не бред, а мне лишних приключений на попу не надо, – вежливо выразился Виталий.

– Ты серьезно? – не поверил Иван. – То есть – не возьмешь?

– Не возьму, – твердо сказал Виталий. – Если бы у него хотя бы справка была, что он здоровый...

– Будет справка – возьмешь? – поймал его на слове Иван.

Без того мрачный Виталий помрачнел еще больше: понял, что оплошал, сболтнул лишнее. Но, видимо, он был хозяин своего слова, даже случайного.

– Со справкой возьму, – буркнул он. – Если успеете. Я в ночь собираюсь, часов в восемь выеду.

---

¹Подтверждаю. Бред и сплетни. А.С.

– Успеем! – заверил Иван. – Но ты меня удивил. Мы вот с Василием Руслановичем старики, нам положено с головой не дружить, а ты молодой, а уже, извини, в полном маразме.

– Это не маразм, Николаич, а знание реалий жизни. Ты мне дашь гарантию, что не остановят из-за него, не придерутся, не прицепятся к чему-нибудь? Только честно?

– Не дам.

– Вот и все. Будет справка – пожалуйста. Или еще вариант, у жены моей двоюродная сестра на Украину летала на похороны матери. Прилетели, а из аэропорта не выпускают. Весь самолет обратно улетел, а ей разрешили, потому что телеграмма о смерти матери, у нотариуса заверенная.

– Предлагаешь, чтобы Василию Руслановичу телеграмму о чьей-то смерти прислали?

– Ничего я не предлагаю, а говорю, как бывает. В смысле причины, почему ехать надо. Я бы на словах тоже что-нибудь придумал. Справка справкой, а еще сказать, что кто-то умер. Смерть все уважают.

– Кому сказать?

– Кто остановит.

– Да почему ты так уверен, Виталий, что тебя остановят?!

– Потому что ты сам знаешь, Иван, это закон подлости: когда у тебя что-то не так, сто пудов остановят. Нюх у них на это.

– Ладно, с тобой говорить – только время терять. Поехали, Вася, за справкой.

Когда выходили за ворота, Виталий окликнул Галатина:

– Василий Русланович!

Галатин обернулся.

– Я извиняюсь, конечно, вы прямо вот так поедете?

– Как?

– Ну... Сапоги эти ваши, шляпа...

– Что сапоги, что шляпа?

– Виталий, ты совсем? Дресс-код устанавливаешь? – возмутился Иван.

– Никакой не код, а менты увидят человека в такой одежде, мысли возникнуть могут.

– Какие?!

– Да любые. Он на американца похож, а это уже подозрительно.

Галатину показалось, что Иван тихо выругался. Или вообще беззвучно, но слово угадывалось по движению губ. А вслух Иван спросил:

– Виталий, тебе сколько лет?

– Сорок четыре, – с достоинством ответил Виталий.

– Ты при Сталине не жил, случайно? Везде тебе репрессии мерещатся.

– Не жил, а жаль, – ответил Виталий.

– Вот и поговори с тобой.

– Ладно, – сказал Галатин. – Костюм надену. Или что-нибудь попроще.

II.

В машине Иван сказал почти с восторгом:

– Вот человек! Ему в министерстве служить, он бы там из любого кишки вынул и на руку наматал! Бюрократ урожденный!

– Уж да. Но где мы справку возьмем?

– Сейчас посмотрим.

Иван начал что-то искать в телефоне. Нашел быстро.

– Вот, пожалуйста. «Сделаем справку онлайн за один час. ПДФ на почту или доставка в тот же день. С гарантией прохода любой проверки, так как справки подписывает официальный врач».

– Звучит сомнительно как-то, – сказал Галатин. – Официальный врач подписывает, а шлюет ПДФ, то есть выглядеть будет как копия, как распечатка.

– Хорошо, что ты при Виталии этого не сказал. Вот что. Не нужны нам эти жулики, и врач нам не нужен. А нужен нам Паша Любезкин. Это мой компьютерщик, мастер на все руки, помогал мне с кое-какими бумажками. Нарисует, что хочешь, хоть доллар. И рисовал, кстати, один в один, не отличишь, но проблема – бумаги нет специальной. Да и честный он человек, не будет с этим связываться. Едем!

Ехали молча.

Галатин в последние годы редко выбирался из центра, поэтому с любопытством смотрел на новые высотные дома, торчавшие там и сям, все гуще и плотнее по мере приближения к центру, особенно вдоль Волги, что понятно: красивый вид повышает стоимость жилья, великая река застройщику ничего не стоит, а прибыль дает, потому что покупатели охотно платят за удовольствие взирать, особенно с высоты, на ширь главной русской воды, о которой спето столько песен. Конечно, все эти человеиники, как презрительно называют их многие, внешне не очень приглядны, но Галатин им это прощает. Он и в детстве, и в юности, и в молодости, да и потом не очень-то всматривался в окружающую среду, в архитектуру и прочее. Понимал, что особых красот в его родном городе нет, но Галатина интересовало всегда другое: как внутри домов живут люди в своих квартирах. Вот там он был любопытен до жадности, радовался за тех, у кого все устроено красиво и опрятно, огорчался, если видел беспорядок, ветхость и грязь. Еще интереснее ему было всматриваться в людей: как общаются, как говорят друг с другом, как проявляются доброты, забота, любовь, но и неприязнь, и вражда, и даже ненависть. Его родители за всю жизнь не сказали друг другу ни одного резкого слова, он со своей Женей тоже никогда не ссорился. И если вдруг оказывался где-то свидетелем скандала, страдал почти физически – Галатин был не просто пацифист, а пацифист болезненный. Казалось бы, такой склад натуры не вяжется с его увлечением рок-музыкой, она считается агрессивной, но это взгляд дилетанта, рок-музыка широка, а во многих своих проявлениях оптимистична и жизнеутраднa. Именно поэтому кумиром и идеалом Галатина был и остается сэр Пол Маккартни, образцовый англичанин и очень нормальный человек. Не то что выпендрожник Леннон, которого, конечно, жаль, но который изо всех сил показывал, насколько противен ему всякий истеблишмент, всякие нормы и приличия. Даже его демонстративное жевание жвачки во время концертов, интервью и прочих публичных мероприятий должно было демонстрировать степень его пренебрежения общественным мнением, что мелко, согласитесь. Норму, нормальность Галатин уважал и в других проявлениях жизни, то есть в жизни вообще, норму не обывательскую, которая всего боится и послушна любой власти, а норму, векторно направленную на идеал, пусть недостижимый, хорошего отношения всех людей друг к другу. Отношения спокойного, мирного и созидательного. Вот и сейчас, глядя на окна домов, одинаковые и безликие, как клеточки в тетради по арифметике, он представляет, что за одним из этих окон молодая семья, он и она, и у них маленький ребенок. Они счастливы своей новой квартирой, постоянно что-то улучшают, юный отец, чувствуя себя хозяином целого мира, своими руками настилает полы, белит потолки и красит стены, свинчивает шкафы, которые пусть и похожи на тысячи, а то и миллионы других шкафов, и вещи в них тоже похожи, но дело-то не в шкафах, а в радости, что это твое, твоей жены, твоего ребенка, которые делают уникальным типовой мир. А под вечер они, закутав малыша, выходят с ним на балкон, и отец говорит, показывая ему заснеженную ширь и даль, как свои владения: «Это Волга. Волга».

«Во-га», – воркует малыш, и папа с мамой смеются от счастья.

Паша Любезкин жил в микрорайоне «Солнечный», по соседству с Сольским. Иван предупредил его с дороги о своем приезде и заранее изложил просьбу, Паша согласился помочь. Оговорился, что болеет, но, кажется, не вирусом, тем не менее пятый день не выбирается из дома, температурит, голова немного кружится, кашель постоянный, он не хочет никого пугать, поэтому не ходил в магазин. Он попросил привезти кое-каких продуктов, прислал сообщение с точным перечнем, Иван по пути остановился у супермаркета, Галатин пошел с ним для компании. Сверя-

ясь со списком, Иван купил батон белого хлеба, половинку черного, картошку, квашеную капусту, лук, морковь, кусок недорогой говядины с костью.

– Паша щи варить собрался, – догадался Галатин.

– Ну да. Наваривает кастрюлищу, ему на неделю хватает. А на второе «Доширак», что тут у нас? – Иван заглянул в список. – Два со вкусом курицы, два с грибами, два с морепродуктами. Да Паша у нас гурман!

– Сроду не ел эту гадость.

– Ты у нас богатый?

– Откуда?

– Ну, и не кривись тогда. Паша без работы сейчас сидит. Следовательно, без денег.

Квартира Любезкина оказалась на первом этаже девятиэтажного панельного дома. Паша, мужчина очень высокий и объемный, с благородной полуседой бородой, довольно густой и длинной, был похож на путешественника, первопроходца полярных окраин земли, книги о которых Галатин любил читать в детстве. Так и видятся иней на бровях и сосульки на бороде. Но долго себя рассматривать Паша не дал, открыв дверь и показавшись пришедшим, тут же извинился:

– Прошу прощения, не успел надеть. Где она у меня тут...

Скрылся в прихожей, что-то выдвигал, чем-то шуршал и стучал, явился опять уже в маске химически-зеленого искусственного цвета, из-под которой торчала половина бороды.

– Проходите, – сказал он, а сам отступил на несколько шагов. – Буду подальше от вас держаться. Вы тоже маски наденьте, береженого бог бережет. Иван, ты продукты на кухню отнеси, спасибо тебе. Сколько я должен?

– Ничего не должен. В счет услуги.

– Она столько не стоит.

– Ты мне постоянно советами помогаешь бесплатно, так что – в расчете.

– Ну, если так...

Паша закашлялся и торопливо ушел в комнату, приоткрыл дверь лоджии, кашлял туда. Лоджия была глубокой, словно пещера, она делала единственную комнату квартиры темной, поэтому люстра на потолке была, наверное, всегда включенной. Люстра современная, две пары скрещенных металлических планок, так рисуют квадраты для игры в крестики-нолики. Вместо крестиков-ноликов – пять лампочек буквой Х, из которых горела лишь одна, центральная.

Еще комната освещалась настольной лампой у большого плоского монитора, занимающего половину стола. Пространство казалось уютным из-за этого света и отсутствия лишних вещей. Разложенный диван, накрытый пледом, платяной шкаф и огромный телевизор на стене напротив дивана, кресло за диваном, над ним висят книжные полки, вот и вся обстановка. Зато на столе, у стола, под столом были завалы кабелей и проводов, несколько, друг на друге, ноутбуков, несколько планшетов, полдюжины телефонов, еще какие-то устройства и приспособления.

Паша, прокашлявшись, закрыл дверь и сел за стол. Сольский, вернувшись из кухни, начал объяснять:

– Вот Василию Руслановичу надо...

– Да я уже все нашел, – сказал Паша. – Стандартная форма, только данные вписать и распечатать.

Галатин продиктовал свои данные, и через минуту из принтера, стоящего на краю стола, выползли несколько листов.

– На сегодняшнее число и на пять дней вперед, – объяснил Паша. – Чтобы всегда была актуальная бумажка. А то знаю я их, скажут: вчера у вас отрицательный был результат, а сегодня, может, вы уже больной.

– Кого их? – спросил Иван.

– Их, – не стал уточнять Паша. – Всех.

Получилось, что дело было сделано за пару минут, можно уходить, но это как-то неловко. Так лишь в учреждениях бывает: пришел за справкой, получил, отправляйся восвояси, не отвле-

кай служащих. Галатин придумывал, какой бы вопрос задать Любезкину о чем-нибудь компьютерном, айтишников ведь хлебом не корми, дай возможность показать свою компетентность, но Паша сам повернулся к Ивану и Галатину, сидевшим на краю дивана, и сообщил как бы между прочим:

– А у меня, Вань, супруга померла. Две недели назад. Я об этом не говорил никому, не писал, дело личное.

– Ох ты ж... От вируса?

– Онкология. Мы с ней давно расстались, а все равно ближе никого не было. Это понятно – дочь общая. Успела ее замуж выдать, и ага. Будто нарочно терпела, а потом за месяц...

– Ты прости, Паша, она у тебя какая была по счету?

– Первая.

– У Паши семь жен было, – сказал Иван Галатину, гордясь достижениями товарища.

– Неофициальных, – уточнил Паша. – Официальная была только первая. Могу рассказать, если интересно. Заодно чайку выпью. Полгода ни с кем чая не пил и вживую нормально не общался, с клиентами только онлайн или через дверь. И сам боюсь, и за них боюсь. Вас не угощаю, а то подцепите что-нибудь через посуду. Нет, вряд ли у меня вирус, но... Не против?

Иван посмотрел на Галатина.

– Не против, – сказал Галатин.

Паша ушел и вскоре вернулся с кружкой чая. Он сел подальше от Ивана и Галатина, в кресло за диваном. Поставил кружку на деревянную планку диванной боковины и закурил, пуская дым в потолок.

– Все не бросишь, – укорил Иван.

– Вот докурю и брошу.

Докурив, Паша вмял окурок в пепельницу и поставил ее на пол.

Отхлебнул чаю и сказал:

– Первый раз я женился рано и по любви. Но быстро понял, что ее-то я люблю, а быть семейным человеком не очень умею. В чем ей честно и признался. Она огорчилась, но расстались мирно. Как раз в это время я занялся увлечениями компьютерными делами. Устроился в маленькую фирму к Володе Борисову, не знал его? – спросил Паша Ивана.

– Нет.

– Ну, неважно. А был я тогда молодой и красивый, как и сейчас, но лучше. И в меня влюбилась одна новая русская бизнесменка, лет на десять постарше, энергичная, яркая, страстная. Может, лучшая женщина в моей жизни. Стали мы жить вместе, она была фактически моей второй женой.

И Паша отхлебнул чаю во второй раз.

– Живем, все хорошо, хотя слегка неудобно, потому что она меня всем обеспечивает, а я зарабатываю только на карманные расходы. И тут Борисов прогорает, я остаюсь без работы и своей Людмиле, Людмилой ее звали, говорю: ты как хочешь, но быть альфонсом не могу, прости и прощай. Плакала, уговаривала, предлагала к ней на работу пойти, но работать под женой – извините. Ушел. Через пару месяцев устраиваюсь в инвалидскую контору к Саше Мураховскому, знал такого? – спросил Паша Ивана.

– Нет.

– Ну, неважно. Гениальный человек, художник, поэт, но болел болезнью Бехтерева. Не сдавался, организовал фирму, через которую делались большие дела, а я ему обеспечиваю все, что связано с компьютерами, софт обновляю, железо починаю и так далее. Там я встретил девушку Нору. Одной ноги у нее не было, на протезе ходила, но ходила так, что не сразу поймешь, что одномоногая. При этом фантастической красоты девушка. Я тогда зарабатывал хорошо, был с Сашей в небольшой доле, взял у него немного взаймы, купил квартиру не где-нибудь, а у городского парка, мы там поселились с Норой, стала она моей третьей женой.

И Паша отхлебнул чаю в третий раз.

– Нора была лучшей женщиной в моей жизни, так бы я с ней навсегда и остался, но тут Саша умирает. Приступ язвы у него был, увезли на скорой в больницу, лечили от язвы, там он получил

воспаление легких, а умер, как потом сказали, от сердечной недостаточности. Так оно у нас и бывает: лечат от одного, болеешь другим, а помираешь от третьего. Фирма разваливается, с меня требуют долг, который я Саше не вернул, в счет долга отнимают квартиру, мы пытаемся жить у родителей Норы, поскольку моя мама с отчимом и моей сестрой в двухшке ютятся, я быстро понимаю, что с родителями Норы не уживусь, учитывая, что они меня в глаза называют тунеядцем, пришлось расстаться. Жить абсолютно не на что, отчим предлагает поехать к его брату в село, село пригородное, был совхоз, стала агрофирма, делами там ворочал интересный мужик, фамилия, не поверите, Борман, не слышали о таком? – спросил Паша Ивана и Галатина.

– Нет, – сказал Иван.

– Смутно, – сказал Галатин.

– Ну, неважно. Наверно, потомок поволжских немцев, их всех еще до войны выселили, а его предки как-то зацепились. Амбициозный человек, радио свое у него там было, ведущего нанял, интернет провел по селу, интернет-сообщество местное создали, но ведущий уволился, вот мой отчим и порекомендовал меня Борману через брата – вести передачи, быть модератором сообщества, все чинить и налаживать.

– Это в какие же годы было? – спросил Иван.

– В нулевые уже. Через пару месяцев я там – первый парень на деревне, всем нужен, всем интересен, снимал комнату у бабушки Зины, а у бабушки Зины внучка Эльвира, двадцать лет, красоты необыкновенной, она и стала моей, как вы догадываетесь, четвертой женой.

И Паша отхлебнул чаю в четвертый раз.

– Все отлично, но тут возвращается некто Рома, который отбыл срок за злостное хулиганство, и предъявляет Эльвире претензию, что она его не дождалась. Эльвира удивлена до крайности и напоминает Роме, что ждать его не обещала и не собиралась. Рома кричит, что тем хуже для нее, и начинает меня бить. Ее ругает, меня бьет. А был он не один, было их трое, и я оказался в больнице. Залег надолго, Эльвира приезжала, потом перестала, потом узнаю, что она вышла замуж за Бормана, а Рома куда-то исчез. Что там было конкретно, не знаю, не интересовался. Обижен был, если честно, на Эльвиру, впал в депрессию, но спасла Ольга, врач от бога, психолог от природы, разведенная, с сыном, забрала меня к себе и стала моей пятой женой.

И Паша отхлебнул чаю в пятый раз.

– Мы жили настоящей семьей, ее сын Артем меня обожал, а Олечка была...

– Лучшей женщиной в твоей жизни? – улыбнулся Иван.

– Вот ты смеешься, – упрекнул Любезкин, – а я потому так говорю, что на момент, когда я с ней жил, она мне и правда казалась лучше всех. Честолюбие во мне пробудила. Хватит, говорит, Паша, работать на других, заведи свое дело, у меня отец в банке работает, он тебе на бизнес-проект ссуду оформит. Я беру ссуду и открываю свою фирмочку. Комнатку снял, второй этаж старого дома, зато в центре, на углу Вольской и Московской, там еще магазин «Интим» был, может и сейчас есть, не знаете?

– Нет, – в два голоса ответили Галатин и Иван.

– Ну, неважно. Беру оптом компьютерную технику, всякое мелкое железо, продаю, заодно оказываю услуги по установке и эксплуатации, дела идут. Но тут в Саратов приходит своими оптовыми базами Москва, на этом все кончается. У нас же все Москве принадлежит, если вы не курсе.

– Еще как в курсе, – сказал Иван. – Москва – как спрут, по всей стране щупальца, весь крупный бизнес под ней. Вот хохлы предлагают Россию в Московию переименовать, глупость, конечно, но понятно почему: Москва – метрополия, все остальное – колонии.

– Точно, – согласился Паша. – Но мне от этого не легче. Я прогораю, у меня отбирают за долги помещение и абсолютно всю оргтехнику, хорошо я успел жесткие диски вынуть. Одновременно является папаша-банкир и говорит, что все мне простит и не посадит, если я исчезну из жизни его дочери, которая совершила ошибку и хочет сойтись с бывшим мужем, она с ним, кстати, официально не разводилась.

Тут Галатину вспышкой подумалось: бывает, значит, что распавшаяся семья воссоединяется. Тем более надо поскорей оказаться в Москве и своими глазами понять, что происходит, и попытаться как-то повлиять на события. И Галатин глянул на часы.

– Уже заканчиваю, – заметил его взгляд Паша. – По совпадению в это время мне звонит брат по отцу из Нижнего Новгорода, который меня нашел через сеть, говорит, что хочет повидаться. Можно, почему нет? И с папой заодно познакомиться, который от мамы ушел, когда мне полгода было. Я собираюсь, приезжаю, не сразу, недели через две, и узнаю, что папа как раз в это время умер. Хорошо, то есть плохо, но надо жить дальше. Снимаю комнатку – не в Нижнем, а возле города Городец, в поселке слепых, не помню, как он называется. Слепых там и правда было много, на мебельной фабрике работали. А я начинаю обслуживать Городец: консультирую, получаю заказы на покупку оборудования, раз в месяц отправляю деньги и список брату, тот передает посреднику, посредник покупает и отправляет мне товар за комиссионные. Живу одиноко, а за стеной кто-то слушает каждый вечер аудиокниги. Они там многие слушали на допотопных кассетниках, тогда в интернете мало еще книг было, и интернет там был слабый, через телефон. Слушает кто-то книги, и книги качественные – классика, «Мастер и Маргарита», «Сандро из Чегема», есть у человека вкус. А вход в ту комнату был с другой стороны дома, и комнат там десять или больше, я не сразу понял, кто это. Потом узнал и познакомился. Виола, Виолетта, слепая от рождения, дважды замужем была, но неудачно. Тридцать лет, выглядит прекрасно, фигура божественная, лицо ангельское. Час поговорили, а будто всю жизнь друг друга знаем. Предвижу твой ехидный вопрос, Ваня, – да, она была лучшей женщиной в моей жизни. Моей шестой женой.

И Паша отхлебнул чаю в шестой раз.

– Почти год счастья у нас был, и тут умирает брат. Больной он был очень, вес под двести кило, это папа нас наградил таким избытком, вот и... Похоронили брата, я звоню посреднику, который у меня накануне деньги взял, тот не отвечает. Неделя, две – тишина. Ни посредника, ни денег. Обращаюсь в милицию, они пробивают номер, выясняют: номер левый, ни на кого не зарегистрированный. А мои клиенты требуют деньги, а денег нет, они подают в суд. Женщине я был должен двадцать четыре тысячи, мужику одному тысячу и бабушке пятьсот.

– В каком году? – спросил Иван.

– В две тысячи седьмом.

– Даже для седьмого – не такие огромные деньги.

– Тебя я тогда не знал, одолжился бы, – ответил Паша. – Не огромные, но взять абсолютно нигде. Не у Виолы же. У нее были, копила на операцию, потому что она не стопроцентно слепая была, какой-то свет видела, тени какие-то, но и это стало пропадать, а для слепого хотя бы свет видеть – радость. Короче, суд. Я виновным себя не признаю, надеюсь на оправдание или хотя бы условный срок, а мне вдруг обвинитель требует пять лет колонии общего режима. Что интересно, судья даже у истцов спросила, не знаю, по протоколу или от души: как вам такой срок? Женщина в шоке: вы что, зачем столько, оставьте его на свободе, он так быстрее деньги отработает и вернет! А мужик, которому я тысячу должен, веселится: самое то, пусть сидит! А бабушка: я не знаю, вам виднее. Наши ведь бабушки, они только за своих внуков стоят, а остальных пусть Гитлер зажарит и живьем съест, глазом не моргнут. Суки наши бабушки, прости меня, господи.

– Гитлер-то при чем? – спросил Иван.

– Для метафоры, – ответил Паша. – В общем, дает мне судья, спасибо ей, не пять общего, а всего полтора года колонии-поселения. Прощаюсь с Виолеттой, прошу меня не ждать, предчувствия у меня были нехорошие, думал, что погибну. Но предчувствия не оправдались. Два месяца я в СИЗО просидел, полтора на карантине, потом поселение, и уже через год отпустили по УДО¹. За все время единственный по-настоящему негативный момент был – когда перед карантином нас запустили на помывку. Голый человек и так беззащитен и унижен, ненавижу бани, а тут еще входят отморозки из СДиП, это аббревиатура такая, секция дисциплины и порядка. Матерых зеков

¹ УДО – условно-досрочное освобождение.

подбирали с большими сроками, кто злой и кому терять нечего, на руках красные повязки, чисто СС, у одного на щеке свастика была, четко помню. И они начинают нас бить.

– За что? – удивился Галатин.

На самом деле удивление его было если не наигранным, то преувеличенным. Он, как и всякий россиянин, сам понимал, за что, но мы, все зная о непотребствах отечественной жизни, иногда делаем удивленный вид и задаем бессмысленные вопросы, будто не желая верить, что это возможно, притворяясь не ведающими: кто не ведает, тот и не причастен. На самом деле причастны все, и это сознавать тяжело. Правда, тяжело лишь тем, кто осознает. То есть абсолютному меньшинству.

Паша ответил так, как и ожидалось:

– Ни за что, для профилактики, чтобы жизнь медом не казалась, чтобы сразу поняли, куда попали. Мне повезло, целый остался, а одному парню селезенку отбили, его сразу в больничку, пришлось селезенку вырезать. Сейчас, я слышал, эти СДиПы отменили. Может быть, но селезенку парню не вернешь. И ведь не тридцать седьмой год, а две тысячи седьмой от Рождества Христова. Отсюда вывод, что если человек гад, он в любое время гад. Но те, кто этих гадов использует, еще больше гады. А на поселении жить можно было. Кормили плохо, зато я впервые в жизни похудел. Был ларек, магазинчик, но я триста рублей в месяц зарабатывал, только на сигареты, такие там были сигареты с фильтром, «Святой Георгий» называются, десять рублей пачка.

– Неужели так и называются, «Святой Георгий»? – не поверил Иван.

– Так и называются, только написано по-английски, «Сайнт Джордж». Получаю перед освобождением от Виолы письмо: операцию сделали успешно, она видит лучше, чем раньше, ее случаем заинтересовался врач из Чехии, зачем-то он к нам приехал, то ли перенимать опыт, то ли передавать, и не только случаем заинтересовался, но и Виолой, уговаривает ее поехать с ним, не женой, а неизвестно, в каком статусе, и вот она у меня спрашивает, разрешаю я или нет. Я отвечаю, что разрешать или запрещать не имею права, если считаешь, что так будет лучше, езжай, учитывая, что я к тебе вряд ли вернусь, пора домой, в Саратов. И вернулся, начал восстанавливать здоровье, перешел на индивидуальную работу, и познакомился с женщиной Натальей, в подробности вдаваться не буду, вижу, что товарищ у нас спешит...

– Если честно, да, – признался Галатин.

– И она стала моей седьмой женой, – кратко завершил Паша, отпив седьмой глоток и оставив пустую кружку.

Ровно на семь глотков распределил он свой рассказ о семи женах, вряд ли в этом был расчет, скорее, природное чувство соразмерности, которое присуще нашим соотечественникам, сколько бы их не упрекали в обратном.

– И тут у меня просьба, Ваня, – обратился Паша к Сольскому. – Ты сегодня в центре окажешься?

– Василия повезу.

– Да я на такси! – отказался было Галатин, но Иван спросил:

– У тебя деньги лишние? Я привез, я и назад верну.

И Паше:

– Что за просьба?

– Годовщина у нас с ней, с Натальей. А не виделись уже три месяца. Обычно она приезжает, живет недельку-другую. Или я у нее, но реже, хлопотно компьютерное хозяйство перевозить, а без него никак. В общем, три месяца в разлуке, а сегодня годовщина, у меня для нее небольшой подарок. И букет ей купи, Ваня, хороший букет, на тысячу.

Паша достал с полки заранее приготовленную коробочку с алой ленточкой, завязанной бантиком, под ленточку была всунута тысячная купюра. Паша взял с полки пузырек с пульверизатором, опрыскал и протер коробочку вместе с купюрой, подал Ивану.

– Теперь стерильно. Найти ее просто – угол Мичурина и Рахова, я тебе эсмэской адрес брошу, чтобы не забывать. Она ничего не знает, в домофон скажешь ей, что от Павла подарок, она сама выйдет, ей все равно с собачкой гулять. Нетрудно?

- Абсолютно.
- Вот и славно.

12.

Поехали обратно в центр.

– Повезло тебе, – сказал Иван, – то я тебе про свою жизнь эпопею пропел, то вот Паша.

– Я привык. Нет, правда, в этом году мне многие рассказывали про свою жизнь. И по телефону, и летом лично, когда передышка была, с живыми людьми встречался. Будто все торопятся исповедоваться, хотя при чем тут я, я же не поп.

– Ты лучшего попа – слушать умеешь, сопереживаешь. Я тебя со школы за это уважаю.

– Спасибо. Хорошо было в школе, да, Вань?

– Когда как. Я с классной до того конфликтовал, что в другой класс перевелся. Скандал был на всю школу, не помнишь?

– Если честно, нет. Из-за чего поскандалили?

– Орала на всех, оскорбляла, унижала. Я не стерпел. А в целом да, хорошо было в школе.

Иван довез Галатина до дома, чтобы налегке отправиться выполнять поручение Паши. Выходя из машины, Галатин, помявшись, спросил:

– У тебя нет никого, кто бы взаймы дал?

– Кроме меня, никого. А сколько надо?

– Полмиллиона желательно.

Иван присвистнул.

– Да я просто спросил, – виновато сказал Галатин. – Спасибо тебе за все, будь здоров. И телефон Виталия скинь мне, позвоню, обрадую, что справка есть. И договоримся, заедет он ко мне или как.

– Точно не заедет, он по окружной двинется, через Сторожевку, ему никакого резона в центр толкаться.

– Ну, значит, я к нему.

Иван уехал, а Галатин пошел домой.

Там оказалась Нина, но она уже одевалась.

– Зашла посмотреть, – сказала она. – Но сидеть не буду. Ты договорился с кем-то?

– С соседкой.

– Это хорошо. Он меня не сразу узнал. А потом узнал, но не понял, кто. Объяснила, что внука. Похоже, все равно не дошло.

Руслан Ильич стоял в двери комнаты и безучастно это слушал.

– Не передумал ехать? – спросила Нина.

– Нет.

– Ну и зря. Пока, целую.

Сказать сказала, а поцеловать не поцеловала, ушла.

– Приехал? – спросил Руслан Ильич.

– Приехал.

– И как там, в Москве?

Галатин хотел было сказать, что не из Москвы, но передумал. Объясняй, не объясняй, через минуту отец все равно забудет.

Он прошел в комнату, сел за стол, открыл ноутбук. Набрал: «Быстрый кредит». Открылось множество предложений, но все до ста тысяч, не больше. Может, хотя бы сотню взять? Или так: там сотню, там сотню, в пяти местах по сотне, вот и выйдет полмиллиона. Нет, наверняка они передают информацию друг другу. Или вообще все принадлежит одним и тем же хозяевам с единой базой данных.

Зашел в группу музыкальной школы – нет ли новостей? Пусто, последние сообщения недельной давности. Онлайн-занятий тоже нет.

Зато, вспомнил Галатин, у него есть частный урок сегодня вечером, с Полиной Буренцовой, дочерью богатого человека. До карантина Галатин ездил давать ей уроки в загородный район у речки Гуселки, где у Юрия Эдуардовича Буренцова было поместье. Полина и сама могла бы приехать, но так уж сложилось – когда договаривались об уроках, Юрий Эдуардович поставил условие: на дому, по вечерам, так ему будет спокойнее. И возможность посмотреть, послушать, как дочь учится, хотя она обычно его прогоняет.

Надо позвонить, отменить урок.

Не попросить ли заодно займы? Бог весть, чем занимается Буренцов, Галатин никогда этим не интересовался, но, кажется, что-то связанное с нефтепереработкой, следовательно, денег у него немеряно.

Галатин позвонил Буренцову, и тот ответил сразу же. Голос у него был странный – задыхающийся, громкий, бурный, будто он долго бежал, остановился и, не отдышавшись, торопится выкрикнуть что-то очень важное.

– Василий Русланович, приветствую! Только не говорите, что заболели!

– Нет, но приехать...

– А я заболел! Я так, ..., – Буренцов выругался, – заболел, что не вспомню, когда я себя настолько хреново чувствовал. Все болит, даже мозги под черепашкой чешутся! Так бы всунул туда палочку и почесал!

– Сочувствую. А у меня такое дело: не смогу приехать, срочно надо в Москву.

– Жаль, а хотел новым домом похвастаться.

Буренцов, проживая с семьей в трехэтажном особняке, купил примыкающий большой участок разорившегося соседа, где был заложен фундамент, разворотил этот фундамент и начал возводить не просто дом, а дворец со множеством помещений. Три года Буренцов его строил и еще год занимался отделкой, пригласив лучших дизайнеров, заказав элитную мебель в лучших фирмах Москвы.

– Спасибо, но...

– А вы когда конкретно едете?

– Вечером. В восемь.

– Так еще есть время! Вызывайте такси, я оплачу! Или могу водителя своего вызвонить, хотя он тоже под подозрением. Тест сдал, вроде здоровый, но, может, у него инкубационный период. Вообще никто ничего не знает. Сто видов вируса, говорят. А я думаю: сколько людей, столько и вирусов. И все болеют, но еще не поняли. Так что лучше все-таки на такси.

– Спасибо, Юрий Эдуардович, но мне до отъезда нужно решить важные вопросы. Финансовые, в том числе, – рискнул намекнуть Галатин.

– Вот со мной и решите.

– Нет, это не рядовой вопрос, мне полмиллиона нужно.

– Наличными, на карту?

– Все равно.

– Ну, дам я вам полмиллиона, в чем проблема?

– Неудобно как-то...

– Чепуха, приезжайте, жду!

Галатин был рад, что вопрос с деньгами решился так быстро, но что-то его смущало. Вернее, многое смущало. Он ведь не продумал, как будет отдавать долг. Продать нечего, заработков нет и неизвестно, когда будут. В крайнем случае поможет Нина, если увидит, что отец в безвыходном положении, не может не помочь. Но у нее своих денег нет, она возьмет у Геры, значит, Гере тоже надо как-то отдавать.

А еще он вспоминал необычный голос Буренцова. Болезнь болезнью, но такие интонации у Юрия Эдуардовича бывают, когда он крепко выпьет. Значит, придется выслушивать его длинные

монологи о политике, экономике и о женщинах. Буренцов считает себя великим знатоком женского пола, может часами говорить о коварстве и любви – о любви по касательной, а о коварстве подробно. У него был неудачный первый брак, для жены своей, красавицы Ирины, в которую Буренцов был влюблен со школы, он делал все, что мог, окружал ее комфортом и заботой, а она взяла да ушла вместе с семилетней дочерью к другому. Обидней всего, что другой был никто, ноль без палочки, нищий журналист со смешной фамилией Пяльчик, перебивавшийся редкими публикациями, за которые платили копейки. У этого Пяльчика не было даже собственного жилья, он, приезжий из поселка Мокроус Саратовской области, снимал две комнаты в халупе деревенского типа, каких много еще в Саратове, с нужником во дворе. То, что бывшая супруга в бриони, лабутенах и интимиссими бегаёт по морозцу в деревянный сарайчик со зловонной дырой, Буренцова яростно веселило, он мечтал увидеть Ирину сидящей над этой дырой, и так часто об этом говорил, что, наверное, в мыслях не раз ее в таком виде представлял – ярче, чем это могло быть в реальности. А Пяльчик из Мокроуса для Буренцова был заочно уморителен, он даже не предпринял попыток его уничтожить, хотя мог бы это сделать в течение часа. Буренцов не верил, что эта связь надолго, был убежден, что, посетив три-четыре раза морозный нужник, Ирина вернется, чтобы отмокнуть в одной из двух джакузи недавно построенного на берегу Волги дома, умастить себя маслами и кремами, опрыскаться духами, по триста пятьдесят евро флакончик, которые навсегда отобьют дух совершенной ошибки. Но она не вернулась, больше того, поехала с журналистом на его родину, и они прожили там почти год. Буренцов по-прежнему не имел мысли уничтожить соперника, да и как можно уничтожить Пяльчика из Мокроуса, который тем уже уничтожен, что он Пяльчик из Мокроуса? А Ирину – отрезал от себя. Холодно возненавидел. И дочь тоже. Жаль девочку, но Буренцов и к ней охладел, как к неродной. Естественно, не помогал ни рублем. Сначала ждал просьбы Ирины, ждал, что она подаст на алименты, но не дождался ни того, ни другого. Через год Пяльчик из Мокроуса вернулся в Саратов вместе с Ириной, ее дочерью и новорожденным сыном, где-то они жили, кем-то работали, Буренцов перестал этим интересоваться. Некоторое время считал, что можно обойтись и вовсе без семьи, и так даже веселее, особенно когда вокруг столько красивых и безотказных девушек. Но встретил в тренажерном зале, где занимался три раза в неделю, занимавшуюся там юную Ирину, тезку бывшей жены, что было всего-навсего совпадением, длинноногую красавицу, дочь крупного деревообрабатывающего бизнесмена, влюбился, ухаживал, добился, женился. Она-то и родила ему дочь Полину, которой сейчас шестнадцать, и сына Матвея, которому десять. Буренцов продал прежний дом, построил новый у речки Гуселки – вид Волги после ухода первой жены стал ему постыл. А теперь вот возвел и дворец.

Однажды Галатин осмелился спросить Юрия Эдуардовича, нет ли в его поступках комплекса Великого Гэтсби?

– Это кино про богача, который из-за первой любви в мафию подался и разбогател?

– Я про книгу, кино не смотрел. Наверно, сюжет тот же.

– Нет, не про меня. Там герой ей что-то доказать хотел, а я той сучке ничего никогда не доказывал. Для меня, кроме теперешней Ирочки моей, нет никого на свете, без шуток говорю. Если бы мне сказали, бабнику бессовестному, что я с одной женщиной восемнадцать лет проживу и никого, кроме нее, не захочу, не поверил бы.

– А если бы ушла, как первая?

– Василий Русланович, вы выпили, что ли?

– Вы же знаете – не интересуюсь.

– Тогда не рекомендую даже в шутку мне такие вещи говорить. Чтобы Ирочка ушла – вероятность ноль. А если бы вдруг, чисто теоретически, то – убил бы.

Подобные разговоры Буренцов вел с Галатиным довольно часто, Василию Руслановичу сначала казалось, что Юрий Эдуардович исподволь навязывает ему роль друга и конфиденанта, но потом понял – совсем наоборот. Он для Буренцова – как попутчик в купе, человек из чуждого Юрию Эдуардовичу мелкого мира, вряд ли он так раскроется перед людьми своего круга, перед

друзьями, если они у него имеются. Попутчик выслушал и забыл, а кто он сам такой и чем живет, абсолютно наплевать, поэтому Буренцов никогда не расспрашивал Галатина о его личных обстоятельствах.

Галатин ехал на такси довольно долго – предновогодняя горячка, люди катаются по городу за подарками, торопятся завершить свои дела, чтобы не переносить их на следующий год и не чувствовать себя должниками. А вон грузовик с елками, то есть с соснами: в Саратове сосновые деревья всегда предпочитали елкам. Деревья упакованы в сетки, так в кузове помещается больше, а хвойного мусора меньше. Надо бы домой тоже хоть веточку купить. Раньше обязательно ставили сосенку, и обязательно высокую, под потолок, Женя продумывала подарки, чтобы и красиво, и с пользой, а детей просила дарить что-нибудь самодельное, сотворенное своими руками, и они старались – резали картон и бумагу, клеили, Нина пыталась что-то шить. У Антона это старание сохранилось, а Нина после десяти или одиннадцати лет тяготилась необходимостью мастерить, в последний момент садилась за стол и на альбомном листе фломастерами рисовала елку, звезды, луну, приклеивала вырезанного из открытки Деда Мороза, выводила надпись: «Мама и папа, с Новым Годом!»

Галатин достал телефон, написал Алисе:

«Как ты?»

«нормально занята»

Через минуту добавка:

«sorry»

В маму девочка пошла. Соблюдает правила хорошего тона.

После микрорайона «Юбилейный» свернули влево, въехали в поселок обеспеченных людей. Дома большие, есть и красивые, и попроче, на участках не видно огородов, какие бывают в проstonародных загородных поселках, только декоративные деревья и изредка фруктовые – чтобы потчевать гостей своими яблоками, вишнями, абрикосами и грушами, и скромно этим гордиться.

А вот и дом Буренцова, а за ним высится воистину дворец. Облицован чем-то бледно-розовым, крыша металлическая, зеленая, как у многих исторических зданий в Петербурге. Галатин бывал в северной столице много раз, однажды прожил три месяца, пытался ее полюбить, но не смог породниться с исходящим от всего окружающего духом державности, государственности и официальности. Ему нравятся обычные дома, где живут обычные люди, даже хрущевские пятиэтажки кажутся милее своими разномастными балконами, хотя Галатин и видит всю их уродливость.

Он отпустил таксиста, переведя деньги за поездку ему на телефон: Буренцов хоть и обещал оплатить, но не уточнил, как это делает. Может, тут же и забыл о такой мелочи.

Вскоре вышел Юрий Эдуардович. Высокий, в шубе нараспашку, в шапке, похожий на Шаляпина с известного портрета Кустодиева. На лице не маска, а респиратор с клапаном. Стоя боком и отворачиваясь, протянул Галатину такой же респиратор.

– Все эти маски ерунда. Респиратор тоже ерунда, но все-таки. Все ерунда. Но лучше лучше, чем ничего.

Галатин увидел, что Буренцов не просто пьян, а сильно пьян. У всех это выражается по-разному. Есть у Галатина приятель Игорь Конягин, преподаватель университета, он, выпивая редко, но крепко, может хладнокровно одолеть литр водки, не шатаясь, сохраняя ясность ума и гладкость образцово правильной и всегда очень содержательной речи. Есть другой приятель, Андрей Певзнер, тоже педагог, консерваторский, он после первой же рюмки кажется сильно запьяневшим – взгляд плывет, руками размахивает, сшибая стаканы и тарелки со стола, правда, часто успевает подхватить, а если встанет, то шатается так, что, кажется, вот-вот упадет. Но удивительно – после первой рюмки он может выпить и вторую, и пятую, и десятую, и остается все в той же кондиции, продолжает беседу, вернее, монолог, потому что в этом состоянии не дает другим сказать и слова, его речи становятся все горячее, но, как и Конягин, он не сбивается ни с

мысли, ни с грамматики. У Буренцова все иначе, он до последнего твердо стоит на ногах, сохраняет размеренность движений, но говорит при этом так, что речь напоминает сумбурную картинку из паззлов, где ни один фрагмент не подходит к другому.

Галатин был с гитарой, как и всегда, когда приезжал на уроки. Он взял респиратор, приподнял ногу, поддерживая коленом кофр с гитарой, цепляя завязки на уши.

– Вернемся же, давайте отнесу, – сказал Буренцов и протянул руку.

Галатин отдал ему кофр, Буренцов отнес его в дом. Вернулся, потирая руки: чем-то их продезинфицировал.

Они пошли рядом, но Буренцов держался на некотором расстоянии.

– Не то что я наверняка, но вы же неизвестно, – говорил он. – Тесты! Идите вы со своими тестами! Я сам знаю, что чувствую, даже если. Из Италии плитку привезли, только что уложили. Но у нас с собой было! А вон в том доме вор в законе живет. Ему архитектор флюгер забацал в виде петуха. Сказки Пушкина, ё! Вор приехал, увидел петуха, архитектора чуть не убил. Твое место у параш!

Они обогнули забор, окружающий дом Буренцова, подошли к забору дворца, который странно было называть забором – нет, не забор, а ограда, слово, в котором слышится град, то есть город. Заборами забирают, закрывают то, что за ними, загораживаются от чужих взглядов, у большинства домов поселка именно глухие заборы, а ограда, наоборот, хоть и огораживает, но открывает взгляду то, что за ней, недаром ограды бывают у парков и храмов, в том числе и у последних маленьких храмов человека – у могил. Ограда дворца Буренцова была кованная, высокие прутья-пики увенчивались позолоченными наконечниками, какие бывают на древках парадных воинских знамен. Над полукруглой аркой ворот парило что-то, напоминающее герб, Галатин разглядел крылья и перья, и голову какой-то птицы, наверное, орла, а в центре был золотой вензель на черном фоне – Ю.Б. Юрий Буренцов, значит.

Буренцов достал из кармана какое-то устройство, нажал – ворота медленно раскрылись, плавно отходя половинками внутрь. Рядом с воротами имелась и калитка, но, наверное, Юрию Эдуардовичу очень уж хотелось сделать торжественным процесс вхождения в только что созданный им мир.

По дорожке, выложенной фигурной плиткой, контурами напоминающей то ли шахматные лады, то ли те пластиковые кости, которые дают собакам для игры, прошли к дому. Фасад с круглыми колоннами был похож на театральный, но без фронтона, вместо него – длинный ряд декоративных перил по краю крыши. Поднялись по широкой лестнице на крыльцо, вымощенное бежевым гранитом или каким-то другим камнем. Буренцов распахнул высокую, в два человеческих роста, дверь. Дверь была застекленная, с ажурными чугунных завитков, закрывающих стекло, черные цветы и листья показались Галатину странными, мертвыми.

– Большая, а легко, – сказал Буренцов. – Умеем, когда хотим.

Началась экскурсия. Из холла, по сторонам которого были тоже, как и перед домом, колонны, но не круглые, а квадратные, с вертикальными позолоченными бороздками, прошли в гостиную. Белые потолок и стены, обилие золотых виньеток, кресла и диваны, обтянутые белой материей с золотыми узорами, ножки тоже золотые, несколько столиков из красного дерева с инкрустацией, панель телевизора в половину стены; его черная обширная поверхность слишком заметно выбивалась из общего стиля, поэтому неведомый дизайнер придумал: заключил экран в массивную багетную раму, что сделало экран похожим на картину, причем картину не пустую, в ней мутно отражался интерьер, и она была похожа на творение абстракциониста, оказавшееся зачем-то в классической галерее вроде Лувра или Эрмитажа. За гостиной была столовая. Белизна и позолота, инкрустированное дерево, плотные шторы на окнах, тоже золотистого оттенка. Вернулись через гостиную и холл, оказались в малой столовой и кухне. Белые стены, белая мебель с позолоченными ручками и ножками. Поднялись на второй этаж. Паркет квадратиками, в каждом из которых восьмиконечная звезда, так изображают стороны света, деревянные панели до уровня плеч, над панелями, как и везде, белизна и позолота. Буренцов открывал белые с позолотой две-

ри, показывал гостевые белые с позолотой спальни, спальню супружескую, тоже белую с золотом, но кровать накрыта пунцовым покрывалом, и балдахин пунцовый, и шторы на окнах пунцовые. Показал кабинет, весь, как шкатулка, отделанный деревом, показал калянную комнату, устланную коврами, показал все ванны и туалеты с позолоченными кранами, вентилями, душевыми устройствами, держателями, унитазами, кнопки и ручки которых были тоже позолоченными, и у каждого унитаза стоял в позолоченной колбе на позолоченных ножках ершик для чистки с позолоченной ручкой. Показал Буренцов и детскую игровую комнату, где, среди всего прочего, был симулятор для вождения с рулем, экраном, педалями, приборной панелью, все как в настоящем автомобиле. Показал неожиданную комнату, там посередине стояла настоящая рулетка, в углу шахматный стол с фигурами, каждая в человеческую голову, по стенам несколько столов с зеленым сукном, а над ними большие фотографии залов казино с крупными подписями: «The Cosmopolitan», «Venetian Macao», «Monte Carlo», «Taj Mahal», «Baden-Baden».

Потом Буренцов провел Галатина в зимний сад со стеклянной крышей. К зимнему саду примыкала оранжерея, где были не только цветы, но и помидорные, и огуречные грядки, и фруктовые деревья в огромных кадках. Ни овощей, ни фруктов не было, но так и чувствовалась во всем послушная готовность плодоносить на радость хозяину. Последней на этом этаже была обсерватория с телескопом под раздвижным, сейчас закрытым, куполом. Галатин думал, что на этом все, но Буренцов завел его в лифт (красное дерево, позолота), они спустились на цокольный этаж, и экскурсия продолжилась: комната с двумя билльярами, русским и пулом, сауна, русская баня, бассейн-джакузи, пока без воды (ступеньки бассейна, отверстия, ручки, все, естественно, позолоченное), столярная мастерская с верстаком и множеством инструментов, гараж, пока пустой, рассчитанный на несколько машин. И даже технические помещения показал Буренцов, где стояли котлы, генераторы, стиральные машины и прочая техника-механика, созданная для удобства; глаза здесь, как ни странно, отдыхали – не было позолоты.

Показывая, Буренцов то и дело прикладывался к плоской никелированной фляжке с золотым вензелем «ЮБ», которую сначала доставал из кармана и опять совал туда, а потом оставил ее в руке, чтобы не тратить попусту время. Он показывал и рассказывал, и речь его все больше походила на бред спящего человека, который видит что-то свое, вскрикивает, а тот, кто рядом, ничего не может понять.

– Трансформер! – восклицал он в гостиной. – Студия Двадцатый Век Фокс не представляет! Чем не ширше талия, то моя Наталия, правда? Не бойтесь, я шучу.

– Никого не будет в доме, – вдруг пропел он в столовой. – Темнота и прошлое. Не вернешь, и не надо. Но натюрель, все натюрель, гарантия. Язвы нет? У меня тоже. Но впечатляет. Ракета земля-земля, и пустота. Абсолютно. Здравствуй, Маша, я Дубровский.

– СВЧ убивает человека, – довольно логично объяснял он в кухне. – Но все, что убивает, делает нас сильнее, – пытался держать он нить, и тут же потерял ее: – Найн фюр зайн. Андестен? Вот и я не андестен. Малый бизнес и кооперативы. А где коммунизм? Мы писали, мы писали, наши пальчики писали. Перспектива? Никакой? Но существенно!

– Греческая смоковница, – захихикал он в одной из спален, явно что-то имея в виду. – В старости все уроды. Я ей говорил, но ничего не вышло. И не выйдет, причем никогда. Вороны прилетят, все склюют. Откуда, если воробы исчезли? Ответ: экология!

– Книги – источник знаний, – вновь вынырнул он из бреда в кабинете, все стены которого были в шкафах с книгами, преимущественно толстыми, с золотым тиснением на корешках – какие-то энциклопедии и собрания сочинений. Но тут же опять нырнул в бред: – Не торгуй на площади, торгуй наедине. Или вообще не торгуй. Балансы! И заметьте, они отрицают! У них синий иней лег на провода. Контактв никаких. А вы как хотели? И я так не хотел. Но вынужден.

– У природы нет плохой погоды, – процитировал Буренцов в оранжерее, и тут же себе возразил: – Неправда! Все есть! И с этим надо считаться! Но почему я? Облако в Аляске, я здесь, почему? Или, например, вулканы. Никто ничего не может объяснить. Никто! С первого по тринадцатое! Никто никогда не узнает. Печать и подпись. До свидания. Я не вам.

В цокольном этаже, в технических помещениях, Буренцовым овладела тревога и печаль:

– Все равно не хватит! Если подумать, то крыть нечем. В деревне не надо строить метро. Ох-рана, двери, семь футов под килем, а толку? Рыболовецкие сейнеры ржавеют на рейде, – вдруг поделился он информацией с таким видом, будто сообщал важный секрет. – И какой Штирлиц это сделал? Никто не знает. Это общая закономерность, никто ничего не знает. Желтая раса завоеует мир. Но восемь миллиардов кубометров древесины, кто-то может это представить? Лишь только подснежник распустится в срок. Белорусы все делают правильно. На Баррикадной в Москве у меня офис, не знали? И не надо. Как говорится, крутят об ось медведи. Вы ведь не курите, Василий Русланович?

И тут произошел окончательный сбой. Буренцов посмотрел на Галатина ясным сумасшедшим взором, взял его руками за плечи и спросил с надрывом:

– Теперь вы поняли?

– Да, – наугад ответил Галатин.

– А чего же молчали? Чего ты молчал, если друг? Кто мне еще скажет? Василий, мы же сто лет друг друга знаем! Почему?

– Я не знаю...

– А кто знает? Кто? Ладно! – угрожающе вскрикнул Буренцов. – Раз так – посмотрим!

И он бросился к лифту. Галатин не успел войти за ним, дверки закрылись.

Как бы чего не было, подумал Галатин и пошел вверх по лестницам. Шел торопливо, возникло предчувствие чего-то нехорошего. Звуки разбивающего стекла это подтвердили. Галатин вбежал в комнату-казино, увидел: Буренцов хватает шахматные фигуры и громит изображения знаменитых игровых домов. Бунт, подумал Галатин. Сам, дескать, построил, сам и разрушу. Бешенство разочарования. Но, между прочим, хоть и бешенство, а громит Буренцов то, что подешевле – эти картинки стоят, по сравнению со всем прочим, копейки – стекло, бумажный постер и рамка, вот и весь убыток. И попадает, надо заметить, Буренцов, довольно точно, чтобы не попортить стены, которые дороже развешанных на них картинок.

И все-таки это напоминало белую горячку, пьяный психоз, Галатин с такими вещами сталкивался. Однажды позвонила плачущая жена Вени Душева, Оля, и попросила срочно прийти, потому что Веня пьет восьмой день без перерыва и совсем сошел с ума. Галатин примчался. Веня выглядел не пьяным, а злобно-решительным, он стоял у открытого окна с пушистым серым котом, крепко прижимая его к себе одной рукой, а второй хватал из застекленного шкафчика, что был в простенке между окнами, то хрустальную вазу, то тарелку из сервиза, и вскрикивал: «Что тебе дороже, тварь, мой котик или посуда?»

«Прекрати!» – кричала Оля.

«Котик или эта дрянь?»

«Котик!»

«Отлично!»

Тарелка или ваза тут же выбрасывались в окно, хватался следующий предмет, вопрос повторялся.

«Веня, послушай...» – начал было Галатин, но тут Душев метнулся к торшеру, схватил его, вернулся к окну, завопил:

«Торшер или котик?»

«Вень, там люди ходят, – сказал Галатин. – Убьешь кого-нибудь».

Веня будто ждал этих слов.

«Вот, – поучительно сказал он жене. – Вот что значит умный человек. Сразу понял. Не в котике дело и не в твоей долбанной посуде, бабушкино наследство, видите ли, а в людях!»

После этого он осторожно опустил кота на пол, пошел к дивану, сел на него и жалобно сказал Галатину:

«Худо мне, Вась. Надо остановиться, а не могу».

«Давно пора бригаду вызвать!» – закричала Оля.

«Уйди!» – приказал ей Веня.

Галатин взглядом показал Оле: в самом деле, лучше уйти.

Оля ушла, Веня встал, закрыл за нею дверь, повернулся к Галатину:

«Ты прав, пора. Давай бригаду».

Имелась в виду бригада по выводу из запоя, обычно врач и медсестра, таких бригад в девятые, а это было именно тогда, появилось много, работали частным порядком, но работали честно и действенно.

Галатину было, он помнит, страшновато, но и немного смешно смотреть на Веню. Сейчас было то же самое: и страшновато, и смешно. Он решил позвонить Полине, вышел в коридор и, слушая, как бушует Буренцов, сказал ей:

– Полина, привет, это Василий Русланович. Мама дома? Тут с папой твоим что-то нехорошо.

– Вы там? В мавзолее?

– Хорошее название. Да, здесь. Он мне показывал, а потом... Выпил много.

– Сейчас приду.

Меж тем звуки погрома прекратились. Послышались какие-то другие – из игровой комнаты. Галатин пошел туда и обнаружил Буренцова за автосимулятором. Он на своей машине гнался по какой-то трассе, ударялся об автомобили соперников, врзался в деревья, дома, ограждения, вскрикивал, ругался, выезжал опять на трассу, мчался, догонял и обгонял соперников, на экране появлялись надписи «6th place», «5th place», «4th place», Буренцов торжествовал, двигатель его машины ревел, к тому же все это сопровождалось оглушительной музыкой.

Галатин не услышал, а почувствовал, что сзади кто-то появился. Он обернулся: Полина. Светловолосая и светлокожая красавица, всегда тихая, спокойная и немного печальная. Глядя на нее, Галатин иногда думал: неужели кто-то мужского пола посмеет когда-нибудь прикоснуться к такому существу, обнять его и поцеловать, не говоря уже о прочем? Ему это казалось абсолютно не представимым. Он был немного влюблен в Полину, но влюблен отстраненно и ласково, грея себя в душе грустной и успокоительной улыбкой невозможности.

Полина была без маски. Она что-то сказала, Галатин придвинулся, подставил ухо.

– Поможете мне?

– Конечно, а что сделать?

– Поднять и увести. А то он сейчас прямо тут растечется.

Полина подошла к стене и выдернула какой-то кабель. Экран погас, звуки оборвались, стало тихо до звона в ушах. Полина дотронулась до плеча отца, он схватил ее руку, поцеловал, припал лицом, заплакал.

– Пойдем, – сказала Полина.

– Поля... Умираю...

– И умрешь, если пить будешь. Давай поспим.

– Давай. Стоп. Я глупость сказал. Я тут. Спасибо.

Буренцов повернулся в кресле боком, подтянул ноги, прислонился к спинке головой и закрыл глаза.

– Нет, пап. Пойдем домой, там нормально ляжешь. Я прошу.

Полина посмотрела на Галатина. Тот подошел, вдвоем они подняли Буренцова и повели его. Он шатался, но шел сам, надо было только придерживать и направлять. Буренцов сопел, хлюпал, что-то мычал, пытался что-то сказать. Спустили его в лифте, вывели из дома, очень осторожно, по шажку, свели с лестницы. Внизу Буренцов вдруг раскинул руки и запел во весь голос:

Почему в семнадцать лет
Мне сегодня не до сна,
Почему в семнадцать лет
На-на на-на на-на-на!
Плачет, гитара, ну что же пусть,

Если напала на парня грусть,
Но виновата она одна,
Только она одна!

– Пап, не надо! – уговаривала Полина, глядя на окна соседних домов. – Пойдем!
– Уже иду! – заверил Буренцов.
И впрямь пошел, причем довольно быстро и ровно, но опять с песней:

Марш-марш правой!
Марш-марш правой!
Я не видел толпу страшней,
Чем толпа цвета хаки!

Дома Полина увела отца, а Галатин остался в гостинной. Здесь было проще и уютней, чем во дворце, хотя тоже с демонстрацией богатства: паркет, дубовые панели, кожаные кресла, но позолота только на люстрах. Горел камин, возле которого небольшой поленицей грудились дрова. Все члены семьи любили живой огонь и часто, насколько знает Галатин, собирались возле него. Ирину, жену Буренцова, Галатин видел всего несколько раз, она, в отличие от мужа, не интересовалась музыкальными упражнениями дочери, если заглядывала, то равнодушно здоровалась с Галатиным и тут же уходила, высокая, стройная, с осанкой двадцатилетней модели, а Полина смотрела на нее, уходящую, не поднимая от гитары головы, держа руки на грифе и струнах и готовая тут же продолжить, как только мать скроется. Галатину казалось, что между дочерью и матерью нет особой теплоты, хотя никаких оснований у него для этого не было, только смутные предположения.

Полина вернулась.

- Спит, – сказала она. – А вы почему раньше? Он дом позвал показать?
- Да. И я вечером не смогу, уезжаю. Если хочешь, сейчас позанимаемся.
- Настроения нет.
- Понимаю.
- Кофе хотите или чаю?
- Кофе можно.

Кофе в этом доме всегда был очень хороший, сваренный в машинке, заправляемой специальными капсулами, Галатин видел такие в чайно-кофейных магазинах и всегда поражался, насколько дорого они стоят.

Когда пили кофе, Галатин почувствовал, что Полине хочется поговорить, но она стесняется начать первой, ждет прямого или наводящего вопроса.

И он спросил:

- Отец все-таки ковидом болеет или что?
- Неизвестно, не хочет проверяться, не идет к врачам. Уже какой день с температурой, ничем не лечится, только пьет. Мне страшно.
- А мама как относится?
- А мама ушла от нас.

Галатину показалось, что он обжегся кофе, хотя черная жидкость в чашке была умеренно горячей. Все, что сегодня случается, наводит его на мысли о беде Антона и Алисы. Именно так он это видит, несчастьем Алисы и Антона, будто Настя только внешняя причина, некое зло – почти абстрактное. А ведь она тоже живой человек, и это надо в себе утвердить, иначе ничего не получится, внесешь только больше раздора и вражды.

- Как это ушла? – спросил Галатин.
- Поехала к бабушке с Матвеем, оттуда позвонила отцу, сказала, что не вернется. Что Матвея не отдаст и меня заберет. Если я захочу.

– Ты хочешь?

– Не знаю. Мне полтора года до восемнадцати дожить, а потом уеду.

– Куда?

– Есть варианты. Я только вчера про это узнала. Отец пил и молчал. Со мной мама не говорила. Я его спросила, он ругаться начал. Никогда при мне не ругался. Позвони, говорит, ей, она сама все скажет. Я позвонила, она рассказала... Но приехать не предложила. Подумай, говорит, взвесь. Я чувствую, она не против, если я тут останусь.

– Жутковато получается, – сказал Галатин. – Строит человек для жен дворцы, а жены сбегают. Прости.

– Да нет, все так. Я бы тоже сбежала.

– Почему? Папа твой неплохой человек, мне кажется.

– Он идиот, он больной на голову. Разве здоровый построит себе такой дворец? С таким ди-зайном? Дикое убожество, я там ни за что жить не буду. Это ведь о человеке говорит что-то, если ему это нравится? Мне говорит, что он тупой и психованный.

– Не надо так, Поля.

– А как еще? Я ему говорила, мама говорила, он никого не слушает, только ржет, как конь.

– Поля!

– Мой отец, что хочу, то и говорю! Он летом тут совещание устроил через зум, через телевизор, – Полина кивнула в сторону гостиной, где тоже, как и во дворце, была панель телевизора, поменьше и без рамки. – А я играла в наушниках и будто его не слышала, но звук отключила, слышала и видела, как он... Там человек двадцать было его подчиненных, и он так с ними говорил...

– Грубо?

– Хуже. Презирал их всех. Говорит и презирает, будто он, я не знаю, царь и бог какой-то. Будто они не люди, а дерьмо полное. И всегда он со всеми так. Думаете, приятно знать, что твой отец всех за тараканов держит?

– Но не тебя же, не маму, не Матвея, ведь нет?

– Нет, потому что мы его собственность, а он свою собственность любит. Вот и все.

– Не знал...

– А вам и не надо. Жалко мне его, никто его не любит, и он никого не любит.

– Вас же любит. Пусть как собственность.

– Вот мне упала такая любовь. Еще кофе?

– Нет, спасибо. Мне пора.

Только сейчас Галатин вспомнил, что Буренцов обещал дать взаймы. Обманул ли, хотел ли в самом деле дать, но забыл, теперь уже не узнаешь. Дождаться его пробуждения нет времени, да и получится неловко: человек очнется в тяжком похмелье, а тут ты со своей просьбой.

Облом, как говорят в народе.

И как быть?

По пути обдумает, надо вызвать такси.

Хотел сделать это через приложение в телефоне, но оно тормозило, он позвонил, ему сказали, что такси могут подать только через полчаса, сегодня очень много вызовов.

– И у всех так, – сказала операторша, намекая, что обращаться в другие фирмы нет смысла. – Подождете?

– Подожду, – согласился Галатин.

Полина слышала этот разговор и предложила позаниматься, чтобы не скучно было ждать. Сходила за своей гитарой, взяла стул, скамеечку, села так, как учил Галатин: левая нога на скамеечке, корпус гитары покоится на ней, гриф смотрит вверх под углом примерно шестьдесят градусов, правая рука почти горизонтальна, а левая словно подпирает гриф, на самом деле он держится и без нее. Пальцы не зажимают гриф, а окружают его. Полина, как обычно, выполнила три разминочные упражнения, которые Галатин называл «шажочки», «в две руки» и «растяжка». «Шажочки» – пальцы правой кисти перебирают струны, разминаясь, «в две руки» – присоединяются

пальцы левой руки, нажимая на лады, «растяжка» – внимание только левой руке, пальцы должны легко дотягиваться до ближних ладов, не попадая на порожки и не портя этим звучание.

Полина старалась, но на втором упражнении остановилась и сказала:

– Все равно не успеем.

– Таксист подождет.

– Нет. Поиграйте вы. Альбениса.

Полина имела в виду «Астурию» Исаака Альбениса, чуть ли ни самое популярное его произведение и любимое гитаристами: и красиво, и в темпе, можно показать технику. В каком-то смысле это гитарная попса, серьезные исполнители редко включают ее в концерты, но для уроков пьеса остается одной из самых полезных. Впрочем, сам великий Сеговия не раз исполнял этот шедевр публично, и красотка Ана Видович исполняла и исполняет.

Галатин достал гитару, Полина уступила ему свое место, а сама села в кресло.

Пьеса не длинная, играется шесть-семь минут, но Галатин поторопился, начал без разминки, чертыхнулся, сказал:

– Еще раз.

И начал заново.

Сыграл без сбоев, без запинки, не поднимая глаз от грифа.

Когда закончил, увидел, что по лицу Полины текут слезы. Одна слезинка дотекла до уголка губ, она слизнула быстрым движением языка и засмеялась.

– А Баха сыграйте еще.

Что ж, сыграл ей Галатин то из Баха, что всегда играл, и она сама это уже умела: менуэт ре мажор. Короткий, красивый и печальный.

Полина уже не плакала, но была очень грустной.

– Почему кажется, – сказала она, – что люди раньше лучше жили? Красиво, духовно. Со страстью.

– Именно что кажется, – ответил Галатин. – На самом деле была сплошная нищета, грязь, голод, эпидемии. И войны постоянные. А красиво и со страстью и сейчас живут. Кто умеет.

– Да, наверно. Может быть. А еще, когда я эту музыку слушаю, то знаете, что кажется? Только не смейтесь. Что я будто умерла и откуда-то оттуда это вижу, слышу, вспоминаю, и так всего жалко становится. И очень хочется опять пожить.

– Хорошее желание.

13.

И Полина это желание исполнила. Схоронив отца, у которого ковид наложился на инсульт, она вместе с матерью и братом Матвеем тут же уехала из Саратова в Москву, где продолжила заниматься музыкой, приняла участие в телешоу «Голос», дошла до финала, не стала победительницей, но в нее влюбился очень влиятельный и богатый человек, она вышла за него замуж, родила ему двух детей, жила незаметно и благополучно, но умерла довольно рано, истратив здоровье на наследственный, от отца, алкоголизм.

14.

Таксист, молодой парень, стоял у машины и курил. На вышедшего Галатина, на его наряд и гитару посмотрел с веселым любопытством, хотя обычно таксистов ничем не удивишь.

– Концерт давали? Кантри?

– Знаете, что такое кантри?

– Я все знаю!

Они сели в машину, Галатин устроился сзади, кофр уложил туловищем на сиденье, длинной шеей на своих коленях. Таксист, видя, что Галатин в маске, натянул на нос свою, до этого висев-

шую на шее, весьма, надо сказать, грязную. Одновременно завел двигатель и музыку. Это был рэп. Громко булькала простая мелодийка в ритме тиканья часов, она булькала одна не меньше минуты, потом начался долбеж чего-то гулко и бухающего, потом возникла скрипка, которая именно скрипела, потом тонкий, гнусавый, подростковый голос агрессивно начал что-то выкрикивать. Галатин аж морщился – не от громкости, а от непонимания, он не мог разобрать ни одного слова.

– Угадали, кто поет? – спросил таксист.

– Я должен был угадать?

– Это я, моя запись. Нравится?

– Ну... А на каком языке?

– На русском! Неужели непонятно? Это вы к такой музыке не привыкли. Надо раз десять послушать, тогда въезжаешь.

– Хорошо, запусти еще раз.

– Да хоть два!

Галатин прослушал еще три или четыре раза и сдался.

– Не въезжаю.

– Совсем?

– Какие-то слова отдельные. Ну-ка, еще разок. Первый куплет, или как это у вас называется?

С паузами, по строчке.

Таксист запустил трек, то и дело ставя на паузу, Галатин воспроизводил:

– Дека басдан чутя нать... Ябру сечо чу зять... Дека омагад монетой за... Нижу тесак якорю сне косяк... Дверкой суясь беби айнсори... Нене дала эта история. Все, хватит.

Таксист хохотал, бил рукой по рулю. Отсмеявшись, спросил:

– Хотите текст посмотреть?

И, не отводя глаз от дороги, поднял над плечом и показал Галатину дисплей телефона, где, кроме трека, был текст:

детка bust down хочу тебя узнать
я беру все что хочу взять
детка oh my God на мне ее зад
не вижу тех hoes я курю с ней косяк
тверкай свой ass baby I'm soggy
мне не сдалась эта история

– Целых два слова угадал, – сказал Галатин. – Косяк и история.

– Это просто не ваше, – утешил таксист. – Не вашего поколения. И тут понимать не обязательно, все вместе идет – музыка, драйв, подача. В комплексе.

– Может быть, – сказал Галатин. – Я не очень много слушал, но все-таки слушал. И мне показалось, что это на порядок ниже рока. Однообразней. Все работают друг под друга, под одну моду, под один шаблон.

– Да ладно! У каждого свое!

– Свое всегда есть. Но общего больше. Вы будто боитесь нарушить правила.

– И я тоже?

– И вы тоже.

– Да нет у меня никаких правил, где вы их увидели?

– Могу перечислить. Обязательно все вставляют английские слова. У вас это есть. Обязательно немного мата или хотя бы легкой похабщины. У вас это есть. Обязательно у всех какая-нибудь детка. У вас – в наличии. А в целом позиция такая, что весь мир дерьмо, а я красавчик. И максимум невнятности. Потому что внятным человек становится только тогда, когда ему есть что сказать. А вам, извините, сказать пока нечего. Отсюда ощущение, что вам всем навсегда пятнадцать лет. Мне смысла не хватает.

– Я эмоцию выражаю, а не смысл! Это ассоциации! – грамотно и, похоже, привычно, защищался таксист. – В вашем роке были тупо стихи на музыку, у нас не так. Смысл есть, но он зашифрованный. И рифмовка у нас сложнее! Мы весь язык по-новому переворачиваем.

– Уверены?

– А то!

– Только не обижайтесь, но я человек начитанный, а вы, предполагаю, не очень. Я не вас имею в виду, а всех рэперов вообще. Ничего нового в языке у вас нет, за сто лет до вас была заумь, были ничевоки, были обэриуты, много кого было.

– И они все это делали? – недоверчиво спросил таксист.

– Еще как.

– Надо в Вики глянуть. Как вы говорите? Ничевоки?

– Ничевоки.

– Крутое слово. Интересно с вами, даже жаль, что приехали. Всего вам доброго, с наступающим! Хоть бы он получше был, правда?

– Правда!

15.

Читал ли таксист в Вики о ничевоках и обэриутах, неизвестно, но через два года он прославился. *Votbila*, таково было его рэперское имя, имел очень ограниченную известность, но на какой-то его трек наткнулся известный клипмейкер Мотя Мерц и захотел сделать видео, и сделал, и оно получилось очень крутым. Сюжет: *Votbila* исполняет свой рэп среди ржавых груд автомобильной свалки, а какой-то молодой человек сидит за рулем такси, глядя в зеркало. Он видит, как на заднем сиденье занимаются любовью очень красивая телом девушка и не менее мышечно красивый юноша, оба в масках. Таксист ускоряется, ускоряется и ритм рэпа. Таксист бросает машину вправо, влево, обгоняет другие автомобили, едет на двух колесах, дрейфует, хочет, чтобы влюбленные отлепились друг от друга. Он даже въезжает в реку, ведет машину под водой, влюбленные продолжают свои занятия, что легко объяснимо – у них жабры. Наконец, пробив ограждение эстакады, таксист направляет машину на поток машин вниз. Страшная авария. Перевернутые, покореженные автомобили. Куча трупов. Таксист тоже мертв. Кровь течет по лицу, глаза открыты, и этими мертвыми глазами он смотрит на пару, которая, целая и невредимая, продолжает заниматься своим любовным делом. Этот ролик собрал миллионы просмотров, а текст был такой:

Я развожу людей, ты разводишь меня, я в тряске,
Но ты говоришь, что это не ты, ты в маске.
В такси токсичность тоски, комментатор пиццит, как москит,
Он мне моет мозги, но я не знаю опаски, я в маске,
Как боец в каске, это кровь или краски, все напрасно.

Ты смеешься или плачешь, я не вижу за тканью.
Я тебя забуду завтра или после, но пока нет.
Я не вижу за масками, вы скулите или скалитесь,
Между маской и губами у всех свой апокалипсис.
Ты сегодня с другим, я его бы пробил, но аккаунт в маске,
И слова твои в маске, и глаза в повязке, прямо, блин, Фемиды,
А приговор заранее написан, там только два слова: иди ты.
Ладно, я пойду, вернее, опять поеду,
Сделаю вид, что мне надо по делу.

Я в отмазке, затерян в массе,
Сумма масок стоит в Биг-Маке на кассе,

*Маска выдает им бургеры, на булках маска,
Никакого риска,
Знаем, получить приз как,
Не жизнь, а сказка!*

*В маске надежно, как в презервативе.
Мы себя сами преобразили.
Если ты даже ведешь себя бл9зски,
Я не замечу – ты в маске.*

*Я не вижу, кто ты,
Ты не видишь, кто я,
Мы друг другу боты,
Мы лежали стоя,
Мы стояли лежа
Среди pink and blue.
Потерпи, я тоже
Тебя разлюблю.*

16.

Галатин вернулся домой, поел, покормил отца, начал собираться в дорогу.

Подсчитал имеющиеся деньги. На карточке двенадцать тысяч и наличными восемь.

Есть еще деньги отца, его пенсия, которую они расходуют экономно. И сто двадцать тысяч у отца в банке – на похороны. Это неприкосновенно при любых обстоятельствах. Пенсионные деньги лежат в серванте, в хрустальной вазе, вместе с бумажкой, где записывается приход и расход. Раньше отец сам вел этот реестр, а года полтора назад бросил, перестал интересоваться. Сейчас было семнадцать тысяч разными купюрами. Галатин подозревал отца, сказал:

- Тут семнадцать, возьму семь, можно?
- Да хоть все бери.
- Возьму семь и запишу. И тете Тоне скажу, чтобы знала.
- Кому?
- Тете Тоне, соседке. Она заходить будет.
- Зачем?
- Мы договорились.
- Ладно.

До отъезда оставалось время, Галатин решил закачать в телефон несколько фильмов, чтобы смотреть в дороге. Шарил, выбирал, хотел найти что-то новенькое, но читал описания, и все было либо слишком серьезное, либо слишком легкое. Не пересмотреть ли что-то из старого, но любимого?

И тут пришло сообщение от Насти:

«Это правда, что вы собираетесь в Москву?»

Бедная Алиса. Наверно, позвонила ей мама, спросила, что подельывает, а Алисе тоскливо, одиноко, она не может принять, что папа исчезнет из ее жизни, но прямо сказать об этом нельзя, мама рассердится, тут и вспоминается, что Дедася обещал приехать в виде Деда Мороза, а ведь Дед Мороз приходит в семью, он ко всем приходит, когда все вместе, и Дедася в уме Алиски становится тем, кто может всех соединить, так и хочется спросить маму: Дедася придет, а вы с папой порознь, как вы перед ним оправдаетесь? Но выразить это связными словами Алиса не умеет, вместо этого говорит, что дед звонил и сообщил, что приедет.

«Да», – коротко написал Галатин.

«К Антону?»

Хороший вопрос.

Не великим грехом будет слукавить, но не хочется.

«К Антону, к Алисе. К тебе, если захочешь».

Тут же ответ, без раздумий:

«С Алисой вы встречаться не будете. Вы забыли про пандемию? Вы хотите ее подвергнуть риску? Я не позволю».

«Никакого риска. У меня даже справка есть».

Не хотел врать, и все же соврал. Настя тут же раскусила.

«Справки у нас в любом переходе продают».

«Не создавай фиктивную проблему, – откровенно сердито написал Галатин. – Я буду соблюдать все меры предосторожности. В медицинском скафандре приду. Ковидным Дедом Морозом», – смягчил он свой напор.

«Я сказала, я резко против. Мне что, увезти ее? Я могу».

«А как посмотрит Антон?»

«Также».

Галатин, видя неграмотное словечко, почувствовал легкое злорадное удовольствие. Написал:

«Не факт».

Ждал продолжения диалога, но Настя молчала.

Через некоторое время – звонок Антона.

– Настюха в истерике бьется, – с удовольствием сказал он. – Ты все-таки едешь? Когда?

– Вечером. Утром буду.

– Ладно. Тебя встретить? Каким поездом?

– Я на машине. Один человек везет.

– Хорошо. Я завтра не на работе, дома, сейчас адрес тебе кину. А потом вместе к Алиске съездим. И пусть Настюха попробует не пустить.

– Только без скандала.

– Это уж как получится. Давай, до встречи.

Галатина порадовал звонок сына. Значит, не смирился, готов действовать, бороться. И Настю назвал два раза Настюхой, как зовет ее только при своих, грубовато-ласково. Тоже хороший знак. Нет, не все еще потеряно, не все. И Настя, если так уж уверена в себе, не стала бы активно противиться приезду тестя. Ну, навестит внучку дед, что такого, что от этого изменится? Следовательно – может измениться, следовательно, не настолько твердое и окончательное у нее решение, если любая мелочь видится угрожающей помехой.

После этого Василий Русланович позвонил Виталию, спросил, что взять с собой.

– В смысле?

– Еды, воды, еще чего-нибудь?

– Чего хотите, то и берите, мне-то что. Наушники, главное. Будете же в дороге что-то слушать, смотреть, а я тишину люблю.

– Да, конечно.

Оделся Галатин, как и просил Виталий, просто. Старые темные джинсы с высветленными пузырями на коленях, клетчатая рубашка, купленная тридцать лет назад и тут же разонравившаяся, почти не ношенная, вот и пригодилась. Раздумья вызвал старый вязаный кардиган с высоким воротом на меху, при котором не нужен шарф.

Галатин не любил свитеров, носил именно кардиганы. В свитере на улице тепло, но войдешь куда-то в помещение, и тут же слишком жарко, а кардиган всегда можно расстегнуть или вовсе снять, остаться в одной рубашке.

Кардиган этот, серый, не маркий, не чисто шерстяной, наполовину из синтетики, оказался очень удачным приобретением. На нем не образовывались катышки, он был теплым, легко сти-

рался в щадящем режиме, хотя все же немного растянулся в рукавах, а меховая подкладка воротника делала его стильным в своем роде. Галатин купил его случайно, как и многое покупал: его целью был пиджак, но в соответствующем магазинчике торгового центра все пиджаки выглядели типовыми и очень уж дешевыми; он, примерив с помощью хлопотливой и говорливой продавщицы три или четыре штуки, извинился и хотел уйти, и тут она спросила: «Вам для каждого дня, на работу или как?»

«Для каждого дня и на работу», – ответил Галатин.

«Тогда почему пиджак? Вот – кардиганчик, смотрите, какая прелесть! Хотя куда можно пойти, хоть даже в театр, и к начальству, и на свадьбу, везде пойдет, сейчас же правил таких нет, чтобы обязательно везде костюм, как раньше, в чем попало ходят, я дочь выдавала, один жениха друг вообще в «адидасе» приперся. Смотрите, как вам хорошо, совсем молодой человек! Прекрасная вещь, особенно на вас! И качество! – она тыкала она в нашивку под воротом. – Воол сто процентов! А воол что значит? Шерсть!»

«Написать что угодно можно», – сказал Галатин, но купил прекрасную вещь, быстро привык к ней, в холодное время носил, практически не снимая. Когда кардигану было уже не меньше десяти лет и он утратил свою прекрасность, Женья упрекнула: «Что ты, как бомж, честное слово, купи другое что-нибудь!» – «Его постирать пора, будет опять как новый», – ответил Галатин. И постирал, но, надев после этого, сам увидел, что кардиган, увы, новым не стал, заношенность слишком заметна. Галатин пошел по магазинам и торговым рядам искать такой же. Желательно черного цвета или даже белого, иначе будет выглядеть странной попыткой реинкарнации прежней вещи, но точно такую же удобную модель. Такой модели не было. Были похожие с пуговицами или на молнии, но без мехового ворота или вовсе без ворота, или с воротом, но без меха. Галатин искал в интернете, наткнулся на фотографию очень похожего кардигана, темно-серого. Правда, с кармашками на груди, но это даже интереснее. Он обрадовался, но начал уточнять информацию и узнал, что такие кардиганы продаются только оптом, да еще и самовывозом.

Галатин с облегчением смирился: видно, не судьба, и продолжал носить свой привычный серый кардиган, который на протяжении последующих лет уже не менял своего вида. Так с некоторыми людьми бывает: им будто всегда тридцать или всегда сорок, и это тянется долго, зато и старятся они иногда в одночасье, и тяжело это переживают.

Однажды, оказавшись в торговом центре по какому-то делу, Галатин почти машинально свернул в магазин мужской одежды и увидел двойника своего кардигана, только белого цвета, с другим рисунком вязки, не на молнии, а на пуговицах, но ворот с мехом, тоже белым. Выглядело эффектно и празднично. Галатин задумчиво осматривал его, не снимая с вешалки, а продавщица, доброжелательно-высокомерная дама лет пятидесяти, спросила: «Может, вы что-то попроще ищите?» Галатин слегка смутился, чувствуя себя перед этой дамой подростком, а то и ребенком. Это свойственно многим мужчинам его поколения и объясняется тем, что редкие походы с мамой в магазин для советских детей были событиями значительными, а все продавщицы казались такими же, как мама, взрослыми тетями. А может, дело и не в поколении: мир, открытый в детстве, для всех остается ярко памятным, и сколько человек ни живет, ему взрослыми, старшими кажутся все продавщицы и продавцы, учителя, врачи и милиционеры, они же полицейские. Галатин, скрывая смущение рассудительностью здорового человека, знающего, что он хочет, ответил: «Нет, мне нравится, но вот если бы черный».

«Черный все носят, – заявила дама. – А белый – это надо смелость иметь. Вы наденьте, и он вам сам все скажет».

Галатин надел, и ему очень понравилось.

Понравилось и всем другим – и Жене, и папе с мамой, и детям, это тогда еще было, когда вся семья была цела, и на работе, и даже одна кассирша в магазине спросила, где он такой купил.

Через неделю выяснилось: кардиган быстро пачкается, особенно на рукавах и на вороте, везде появились не просто катышки, а прямо-таки небольшие меховые валуны, похожие на перекасти-поле, которые под курткой сминались, вытягивались в мохнатые сосульки, Галатин срезал их

бритвой и ножницами, они тут же появлялись опять. Галатин сдался, повесил убогого красавца в шкаф, надел прежний.

Последнюю попытку сменить его Галатин предпринял уже после смерти мамы и Жени. То есть ничего он не предпринимал, все вышло опять случайно: торговый центр, магазин, куда зашел мимоходом, обаятельнейший продавец с ухватками бойкого кутюрье, который убедил Галатина, что ему нужен не вязаный кардиган и не с воротом до шеи, а кардиган-пиджак, с пуговицами и в талию, что будет эффектно при такой замечательной фигуре. Хороший шарф, правильно повязанный, создаст дополнительный эффект. И продавец сам повязал на шее Галатина пестрый шарф, соорудив замысловатый узел в виде банта, да еще всучил фуражку, назвав ее не фуражкой, а кепи, надел на голову Галатину, сдвинул на бок и воскликнул: «Чистый Париж, неужели сами не видите?» И Галатин увидел: да, стильно. И купил. Дома надел, встал перед зеркалом, вошел отец, посмотрел, сказал: «Цирк! Клоуном собрался работать?»

И Галатин понял: да, цирк.

Пиджак, шарф и кепи, не использованные, оказались в шкафу вместе с другими неудачно купленными вещами, а старый кардиган был придирчиво осмотрен и признан вполне годным, и, когда Галатин надел его, показалось, что оба вздохнули с облегчением, и владелец, и кардиган: муки выбора кончились.

Может, превращение в ковбоя произошло еще и потому, что там, у манекена, до Галатина дошло, что он напрасно искал что-то похожее на прежнее. Нужно совсем другое. Вот и перелицевался, сразу почувствовав, что это – его, это ему нравится больше всего, как бы ни смотрели и что бы ни говорили окружающие.

Но сейчас особая ситуация: надо одеться не только для дороги, а и для Алисы, в ветхом кардигане он будет совсем-совсем дедушкой, не примерить ли забытый пиджак? Галатин надел светлую рубашку, достал из шкафа пиджак, достал и шарф, не стал вязать замысловатых узлов, просто закинул один конец за спину, надел и кепи, не скособочивая, а прямо, и только после этого встал перед зеркалом, чтобы сразу увидеть готовую картину. И картина показалась вполне достойной. Немного похож на журналиста из американских фильмов про двадцатые годы, но в целом смотрится прилично и умеренно оригинально. Галатин тщательно свернул пиджак и рубашку, аккуратно поместил в пакет и уложил в чемодан на колесиках, любимый свой неубиваемый чемодан с металлическими уголками, купленный когда-то в Хельсинки, где он оказался с одной московской рок-блюзовой группой, позвавшей его вместо заболевшего музыканта.

В дорогу же лучше всего надеть старого друга, которому почти четверть века: и удобно, и приятно, и практично, и тепло. Плюс та самая серая куртка и те самые черные ботинки, которые Галатин предал в ковбойском магазине, но сохранил. И зимняя шапочка-нахлобучка лыжного фасона, в каких все сейчас ходят, начисто забыв про меховые шапки-треухи, которые в советское время были красотой и гордостью каждого мужчины. Все вернулось на круги своя, хотя, глядя на себя в зеркало перед выходом, Галатин отметил, что выглядит постаревшим лет на десять. Зато неприметно и не вызывает вопросов.

Он закончил укладку чемодана, протер фланелью гитару – решил взять ее, чтобы поиграть для Алиски, закутал, как всегда делает в холодное время, поместил в кофр, после этого поговорил с отцом, втолковывая ему то, что тот наверняка через пять минут забудет, зашел к тете Тоне, попрощался, тетя Тоня перекрестила его и просила не беспокоиться. Благословленный таким образом, Галатин поехал к Виталию. Затратил на дорогу больше часа, но все равно был на месте около семи вечера, за час с лишним до выезда.

Виталий, стоя на подножке, что-то делал в кабине, оглянулся на входящего в ворота Галатина, увидел кофр, спросил:

- Петь для меня будете?
- Не пою, только играю.
- Ясно. Можно в кузов, у меня там крепеж, ничего не побьется.
- Чемодан поставьте, а гитару в кабину. Есть место?

– Да полно!

Виталий поставил чемодан в кузов и прикрепил его к борту двумя прорезиненными шнурами с крюками, а кофр отнес в кабину и сунул на спальное место за креслами. После этого пригласил в дом, где представил жену свою, Ларису, красивую, высокую сероглазую женщину; она накрывала на стол.

– Покушать не откажетесь? – спросила она.

На столе дымились в миске котлеты, парила в другой миске картошка-пюре, в стеклянных вазах влажными горками грудились соленые огурцы, помидоры, капуста, а перед Виталием, который сел за стол, тут же была поставлена тарелка, а в ней пламенели жаром и жиром щи рубиново-красного цвета, мелко посыпанные зеленой моросью петрушки и укропа, в середине щей высился небольшой айсберг густой сметаны, еще не размешанной. Галатин хоть и съел что-то перед выходом из дома, но разве это что-то сравнится с такой аппетитной красотой.

– Если немного, – сказал он.

– Это уж как захотите, – отозвалась Лариса, и Галатин сел, и перед ним оказалась такая же тарелка со щами, как и перед Виталием. Виталий немного хмурился, как хмурятся почему-то перед едой все серьезные и уважающие себя люди, словно стесняясь своего аппетита, особенно в присутствии посторонних.

– Оксана! – позвала Лариса, глядя вверх.

Было тихо.

– Три раза звать? – спросила Лариса.

По крутой лестнице со второго этажа спустилась девочка Оксана, ровесница Алисы, вся в мать, сероглазая красotka.

Прошла к столу, села.

– А поздороваться?

– Здравь, – сказала Оксана. – Я щи не буду.

– Будешь, – возразила Лариса. – Хотя немного первого надо съесть.

И подала дочери тарелку, где было чуть меньше, чем у Виталия и Галатина, но тоже достаточно.

– Не съем! – зароптала Оксана.

– Ты начни, а там посмотрим, – посоветовала мать.

Виталий аккуратно размешал ложкой сметану, добываясь, чтобы поверхность щей была однородного цвета. То же сделал и Галатин. Лариса, обслужив всех, села к столу, но без щей, положила только на тарелку котлету и две помидорки.

– Сама вот щи не ешь! – упрекнула Оксана.

– Мне худеть надо.

– А мне не надо?

– Ты растешь и не в меня пошла, слава богу, в отца, сухенькая.

– Ничего я не сухенькая!

– Ну, стройная.

Оксана кивнула, согласившись, и взялась быстро зачерпывать и отправлять в рот щи. Видимо, возиться с едой она не любила.

– Не хлюпай, дядя подумает, что ты некультурная! – поучила ее Лариса.

– Да ладно! – недовольно пробормотала Оксана, но есть стала помедленнее.

А Виталий, который, надо сказать, тоже весьма звучно прихлупывал, и вовсе притормозил, посмотрел на щи, словно размышляя, как их теперь есть, на Оксану – довольно мрачно, косвенно на Галатина, чтобы увидеть, как он ест, и сравнить с собой, а Галатин ел, как был приучен бабушкой Верой, беззвучно, не всасывая жидкое ртом, а аккуратно вливая в себя. Ну вот, подумал Галатин, теперь у Виталия испортятся и аппетит, и настроение, и это скажется на всей поездке. Сейчас будет из-за слов жены сдерживать себя, нарочито манерничать, а свободолюбивые люди этого не любят.

Однако Виталий не только не перестал прихлупывать, но продолжил это делать громче, чуть ли не демонстративно, а остатки, взяв тарелку, выпил через край, вытер рот тыльной стороной ладони и выдохнул с удовольствием:

– Ха!

Оксана засмеялась, Лариса улыбнулась, но улыбнулась с укоризной, которую наверняка разила бы и словами, если бы не гость.

Галатин понял, что между женой и мужем идет давний, явный и тайный спор о манерах. Это часто бывает в семьях, когда у одного из супругов более высокие понятия о благопристойности, о правилах поведения, а партнер – сторонник естественности и нестесненного проявления привычек и склонностей. Даже в том, как обставлено жилье, видны признаки этого спора. Комната, высокая и очень просторная, была одновременно и столовой, и гостиной, и кухней. Вся мебель в одном колорите – под дуб, что было в моде двадцать и тридцать лет назад; возможно, Лариса с детства впечатлилась этим и мечтала иметь что-то подобное, и заимела, когда появилась возможность. А на полу, на диванах и креслах – узорчатые ковры и коврики, тоже из детских мечтаний. Зато в углу, у окна, стоял стол на металлических ножках, на столе ноутбук, пластиковый стакан для ручек и карандашей, над столом две книжные полки, из чего-то серебристого, застекленные. Наверняка – пространство Виталия, которое он полемически устроил совсем в другом духе. Надо полагать, слово хайтек было ему известно, хотя вряд ли он досконально понимал, что это такое.

Однако чувствовалось, что спор этот – мирный и, возможно, игровой, от которого обе стороны получают удовольствие. И обе готовы на уступки, что тут же подтвердилось: Виталий, поступив назло жене со щами так, как может позволить себе хозяин дома, не утруждаясь церемониями, с котлетой приправился грамотно, орудуя ножом и вилкой, показывая жене: не думай, я знаю, как надо, но не терплю, когда мне указывают. Так же аккуратно, почти церемонно, он подцеплял вилкой и пюре. Но помидор, соленный и цельный, вилкой и ножом не разделявают, и Виталий оставил его на потом, не решив, как с ним быть. Лариса подала пример – взяла небольшой тугой помидор тремя пальчиками, поднесла ко рту, надкусила и тут же припала губами, будто целовала его, и начала потихоньку вбирать мякоть помидора, негромко всасывая, глядя сбоку на Галатина улыбчиво-извиняющимися глазами: ну да, всасываю, но как помидор есть, если не всасывать? – так уж он устроен!

Виталий тоже взял помидор, надкусил и всосал, по-мужски всосал, мощно, так, что одна лишь сморщенная шкурка осталась в пальцах, которые он тут же вытер бумажной салфеткой – их стопка была в центре стола. Увидев это, Оксана развеселилась, схватила помидор и поступила с ним как родители, но у нее еще не было ни мастерства, ни опыта, поэтому сок и мякоть брызнули из ее рта на тарелку, и рука по локоть оказалась испачкана соком. Лариса тут же подала ей несколько салфеток, но не упрекнула: она же не нарочно, не ради баловства.

И все трое, мать, отец и дочь, заулыбались, переглянулись, а потом посмотрели на Галатина: да, вот так вот у нас бывает весело и дружно.

Галатин был рад за них и отдельно рад тому, что Виталий отправится в путь в хорошем настроении, с памятью о приятном ужине и о том, что его семья показала себя гостю с наилучшей стороны.

И действительно, Виталий, когда выезжал за ворота, выглядел умиротворенным, спокойным, хотя и произнес, будто подводя черту:

– Ну, все, поехали.

Не такая простая фраза, если подумать. Да, дома, в семье, славно, уютно, привычно, но и дорога – привычное дело, на многих водителей она действует успокаивающе, а иногда вводит и в легкий транс, потому что человек дорогой вырван из череды будничных дел, он привязан к машине и маршруту, но душой как никогда свободен, застрахован от внешних неожиданностей и вторжений, за исключением дорожно-патрульных служб и происшествий, что бывает не каждый час. Зато никто не может вклиниться с неожиданным требованием или просьбой вдруг куда-то пойти, что-то сделать, ты наедине с пространством и временем, у тебя нет выбора, но ты пом-

нишь, что это состояние отсутствия выбора выбрал сам. Вот почему дороги всегда манили людей возможностью оказаться в ином измерении, где тебя никто не достанет.

Ради этого, а не только для практической перевозки грузов и самих себя, миллионы и миллиарды людей едут по всему миру, имеются в виду в первую очередь те, кто за рулем, а не пассажиры. Нет, автомобиль не роскошь и не средство передвижения, он твой и слуга, и друг, иногда и хозяин, но главное, он твое альтер эго, он – ты сам. За рулем, кто бы ты ни был, русский, японец, американец, христианин, мусульманин, иудей или индуист, на чем бы и куда бы ни ехал, ты чувствуешь себя не просто передвигающимся из пункта А в пункт Б, а владельцем своего личного пространства, замкнутого, неприкосновенного, при этом, в отличие от дома, способного двигаться в любую сторону, в какую пожелаешь, и неважно, что не всегда тебе желается свернуть и не всегда твой маршрут определялся тобой, главное – можешь! Автомобиль произвел цивилизационный переворот не в технике, а в самой психологии людей, ибо самый последний клерк, уборщик, шофер ассенизационной машины величественно пронзает своим телом пространство точно так же, как миллиардеры на своих «мерседесах» и «майбахах», миллиардерам часто даже хуже – их возят. Человек за рулем, самый слабый и робкий, начинает уважать себя, а самоуважение еще никому не повредило, если оно не переходит в самодовольство. Не призывы к гуманизму и миру во всем мире объединили человечество, не взывания религий, которые, наоборот, чаще разъединяют, не культура и искусство, хотя стараются, как могут, а именно машины, автомобили напомнили людям наиболее ошутимо, что все мы сделаны из одного теста, все хотим одного и того же – управлять своей жизнью, и лучшую воплощенную метафору, чем автомобиль, придумать невозможно.

Правда, проглядывается уже новый цивилизационный слом: все машины в будущем (если оно будет) станут управляться умными и безопасными системами, мы перестанем ездить на них, они станут возить нас. Трудно предугадать, чем обернется этот слом, и не выйдет ли нам боком это несомненное удобство, но рассказчик тут занят не футурологией, ему важно поведать реальную историю о реальных людях, важно узнать, доедет ли Галатин до своей любимой внучки или не доедет, ибо, хотя эта история и случилась в прошлом, но прошлое, как известно, непредсказуемо не меньше будущего.

17.

Оксана, с которой мы сейчас расстанемся, через много лет, став бабушкой, однажды, надкусывая помидор, вдруг ясно вспомнит это утро, это застолье, и как она забрызгалась помидорным соком, вспомнит маму, папу, какого-то человека, который зачем-то тоже был там, и ей станет грустно, и покажется, что тогда, в детстве, было самое лучшее время ее жизни, она рассеянно надавит на помидор сильнее, чем нужно, сок брызнет ей на подбородок, закапает на стол, она воскликнет: «Вот я старая!» – а две внучки-погодки засмеются, и она подумает: нет, я и сейчас счастлива, нечего бога гневить.

18.

ДОРОГА

Виталий и Галатин выехали не ровно в восемь, а около пятнадцати минут девятого.

«ПУШКИНЪ»

В это же время, но часом раньше, то есть в пятнадцать минут восьмого по московскому счету, в ресторан, именуемый «Кафе Пушкинъ», вошел Антон, к которому тут же с услужливым досто-

инством подскочил молодой человек с галстуком-бабочкой на шее¹, спросил, чем может помочь. Антон ответил, что ему нужен библиотечный зал, где его ждут. Молодой человек направил Антона в гардероб, где он отдал куртку элегантному пожилому гардеробщику, похожему на отставного актера, исполняющего роль гардеробщика и по бесталанной привычке переигрывающего, а затем отвел его в искомый зал и удалился, пожелав приятного вечера.

ДОРОГА

А Галатин почувствовал себя в кабине так славно и по-свойски, будто ехал там давно и успел прижиться. Мягко и тепло обволакивало сложной гаммой запахов нагретого металла, пластика, резины, бензина, масла и всего прочего. К этому прибавлялся парфюмерный аромат. Судя по гладкости щек и подбородка, Виталий побрился перед дорогой, вот и пахнет терпким одеколоном или лосьоном. В этом аромате – прочность, простота и цитрусовый оттенок праздничности (мандарины-апельсины всегда связаны с Новым годом), но он при этом демократичен, не претендует на то, чем не является, а такие люди, как Виталий, предполагал Галатин, не любят никого и ничего, что корчит из себя то, чем не является.

«ПУШКИНЪ»

Антон не спеша шел по залу и осматривался. Ему показалось, что все здесь фальшиво, нарочито, прямо говоря – глупо. Книжные шкафы с фолиантами, которые никто не читает, антикварные телескоп и микроскоп, которыми никто не пользуется, зеленые скатерти на столах, без единого пятнышка, а если появится пятнышко, тут же скатерть стаскивают, волокут в прачечную, стирают, загрязняя и без того загрязненную окружающую среду порошком; обычно Антону об экологии не думалось, а сейчас вот пришло в голову. Мысленно увиделся берег, усеянный дохлой рыбешкой, увиделись киты, выбросившиеся на отмель, перелетные птицы, опустившиеся в мазутную лужу и завязшие там – не могут выдрать ноги из вязкой жижи, бессильно хлопают грязными крыльями... Как ни старался Антон держать себя в равновесии, но чувствовал, что в нем нарастает раздражение, а пафосный интерьер только усугубляет это раздражение. И Согдеев заранее раздражает. Антон ничего не знал о нем, но почему-то уверенно представлял пожилого дядьку с животом и лысиной, с толстыми висячими щеками, с ухватками большого начальника или крупного бизнесмена, который работает под народ, они все сейчас, сволочи, косят под народ, любят матюгаться, показывать, что насквозь прямые и простые, будто в мозгах у них загибов не больше, чем у скрепок для бумаг – и все это фальшь, все неправда.

ДОРОГА

Самое сложное, когда находишься рядом с незнакомым человеком или с тем, с кем только что познакомился, – молчать. Но и говорить не просто, любая тема выглядит выбранной только для того, чтобы нарушить молчание. И по сторонам сейчас не поглазеешь: темно, ничего толком не видно, в городе фонари тускло освещали какие-то производственные заборы и корпуса, а теперь выехали за город, смутно проглядывались сначала заснеженные пустыри и поля, а теперь по обеим сторонам – голые зимние деревья.

– А старший у меня в армии, – вдруг сказал Виталий. – У меня же сын еще. Он сам решил, что пойдет, и я одобрил. Хотя разве сравнить, что раньше было, когда два года служили! Детский сад, а не армия. Пока освоишься, пока врубишься, что к чему, уже дембель. Лично я только после

¹ Был он, конечно, и в маске, но, чтобы постоянно не оговариваться, сразу скажем: вся обслуга была в масках, и посетители входили в масках, а за столами снимали их, будто вирус переставал действовать во время приема пищи.

года распочухал, что почем. Понял службу, сержантом вернулся. Говорят: дедовщина была. Не было никакой дедовщины. В смысле, как про это пишут. Они же экстремальные случаи нарочно находят и описывают. Типа, солдат в карауле двоих убил. Будто на гражданке психов нет, и никто никого не убивает. У нас часть была огромная, полторы тысячи человек, никто никого не убил. А дедовщина не дедовщина на самом деле, а дисциплина. Полторы тысячи пацанов, у всех гормоны, психика, есть просто отморозки, у нас один балбес кота камнем сшиб, увидел на заборе, кинул и сшиб, меткий, сучок, оказался. Может даже до смерти, котик наружу свалился, неизвестно, что с ним стало. Как с ним поступить?

Галатин думал, что это вопрос для связки, Виталий сам сейчас на него и ответит. Но Виталий молчал, пришлось отозваться:

- Вы меня спрашиваете?
- Ну? Что с ним за это сделать?
- Не знаю. На губу посадить.
- За что? Это же не нарушение армейской дисциплины, это как бы, ну... Не к службе относится.
- Поговорить с ним. На собрании проработать.
- Вот я и поговорил, и проработал, – с усмешкой сказал Виталий.

Знает Галатин эту усмешку, хорошо знает, не раз ее видел – усмешку непреклонной правоты, удовольствие от совершенной оправданной жестокости, послужившей уроком для всех.

И тут же исчезло в нем очарование дороги, ощущение уюта кабины и чувство, что рядом с тобой товарищ по путешествию, с которым будет удобно и легко. Нет, дорога будет длинная и нудная, в кабине все чужое и непривычное, включая запахи, от которых уже сейчас начинает подташнивать, больше всего от лосьона или одеколона Виталия, который, казалось, становился все духовитее, заполняя и пропитывая собой все пространство, а Виталий никакой тебе не товарищ, он из тех уверенных в себе людей, чья житейская философия сводится к простой формуле: «Дураков надо учить!» – где учителем является носитель этой самой философии, а ученики – все остальные.

– Избили его? – спросил Галатин, и в вопросе был призыв неприязненности, но, похоже, Виталий его не заметил.

– Нет, батон с повидлом поднес! – ответил он. – Зато после этого придурок поумнел, тихий стал, как тень. Кому от этого плохо? Армии? Другим, чтобы херней не занимались? Ему самому? Всем только польза. Между прочим, он мне в альбом перед дембелем стишок написал с рисунком. Уважал меня. А вы не служили?

Вопрос так был задан, будто Виталий считал, что люди, подобные Галатину, служить не могут.

- Служил, – сказал Галатин. – В оркестре округа.
- Ну, это не служба!
- Потому что побить друг друга не за что?
- И вы туда же! Почему обязательно побить? Если солдат все сам понимает, зачем я его трону?

А если не понимает, то приходится. Ты ему раз сказал, два, а он никак. И даже смеется над тобой. Что тогда?

- Наряд вне очереди на кухню или в караул. Или гауптвахта, – предложил Галатин.
- Можно, – согласился Виталий. – Но одно другого не исключает. А доходит быстрее.

«ПУШКИНЪ»

Согдеев оказался не лысым и не с брюшком. Высокий, как и сам Антон, плотный, но без излишества, с густыми темно-русыми волосами, а лицо чистое, гладкое. И все равно видно, что ему за пятьдесят, не меньше. Наверняка подтяжки делал, подумал Антон, молодится старикан. Значит, главное Антон угадал – есть в Согдееве внешняя фальшь, наверняка полно фальши и внутренней. Согдеев сидел за столиком на двоих в углу, образованном стеной и книжным высоким шкафом, при появлении Антона встал, протянул руку.

– Извините, за руку не здороваюсь, эпидемия, – сказал Антон.

– Тоже верно, – не обиделся Согдеев и сел на место. – Я уже заказал, а ты посмотри, чего хочется.

Сразу на ты чешет. Как с подчиненным. Но, может, и как ровесник с ровесником, с человеком одного возраста, но возраста не своего, а Антона. Ну-ну.

Антон взял меню, открыл.

– Молочного поросенка рекомендую, – сказал Согдеев. – Все остальное тоже хорошо, но такого поросенка нигде не дадут.

Совет без подвоха, дельный. По крайней мере, понятно, что принесут. Это тебе не «портусь изъ говяжіхъ ребер въ красномъ вине» и не «искусе изъ мяса ягненка въ рукописи пергаментной подъ печатью». Чья рукопись, интересно, Пушкина, что ли? Я памятник себе воздвиг нерукотворный для искусе из мяса под печать?

В любом случае Антон есть не собирался. Они пару часов назад заказали всем офисом пиццу, как часто делают, так что голода Антон не чувствует, а гурманить не собирается, особенно за такие деньги. Разве что кофе выпить. Антон открыл страницу, озаглавленную «Горячія напитки». «Эспрессо ирगाشهфъ», «эспрессо блю маунтинъ», «эспрессо лаго асуль». А на десерт что? «Касо-летъ миндальной съ цитрономъ холодящимъ». 420 рубликов! – ешьте сами! «Мятная особа въ чикололадъ одетая съ хрустальнымъ вееромъ». Спасибо, не надо.

Подождал официант в красном жилете и с красной бабочкой, ему бы еще и маску красную с логотипом кафе, но нет, маска была обычная, голубоватая.

– Чего изволите? – спросил он.

– Американо?

– Извините, американо не подаем. Турецкий, классика, эспрессо.

– Эспрессо.

– Отлично. На десерт что желаем откусать?

– Ничего не желаем.

Официант сдержанно поклонился, взял меню и ушел.

– Зря, – огорчился Согдеев. – Или есть не хочешь?

– Послушайте, Дмитрий, извините, не знаю, как вас по отчеству...

– Да перестань, давай без этого. И не выкай, не настолько я старше, как тебе хочется. Понимаю твою агрессию, но общаться придется.

– Не уверен. А что я не заказываю, то ты сам прекрасно знаешь, какие у меня финансовые возможности. Я понимаю, тебе хочется понты кинуть, поэтому ты мне тут встречу назначил, хочешь показать, какие у тебя возможности, верю на слово. Но я нарочно жрать твоего поросенка не собираюсь, чтобы показать, что тоже при деньгах. Да, с деньгами у меня плохо, что дальше?

– Ничего, – спокойно ответил Согдеев. – Никаких я понтов не кидаю, я просто тут часто ужинаю, близко от работы, кормят хорошо, и всю службу, что существенно, регулярно на вирус проверяют, я это точно знаю. У меня тоже, уж поверь, нет большого желания с тобой входить в отношения, но деваться некуда, таков расклад. Имеешь право все знать. Так что для начала давай расскажу, как все получилось, как мы с Настей...

– Зачем?

– Должен же ты понимать, какие у нас отношения.

– Не должен. Вы решили жить вместе, дело ваше, при чем тут отношения?

– Дело не только в нас с Настей. С нами Алиса будет жить.

Антон резануло, что Согдеев назвал Алису по имени. Будто он уже присвоил ее этим.

– Это мы еще посмотрим, – сказал он. – У отца и матери равные права. А учитывая, юридически говоря, факт измены, у меня прав больше, и суд это учтет.

– Ты в юридическую плоскость хочешь перевести? – с насмешливым удивлением осведомился Согдеев.

Вопрос оказался подсказкой: ни в какую юридическую плоскость Антон не собирался это переводить, он как-то сразу принял, что Алиса уйдет вместе с матерью. Но почему? Он ведь даже

не обсудил с Алисой этот вопрос. Она может захотеть остаться с ним. А у него полное право и возможность за это бороться, в том числе через суд.

Вот почему, наверное, его размышления сводились к воспоминаниям о разговоре с Настей, а потом обрывались. Он знал, к чему все приведет: к решению действовать. Хочется ли действовать? Не очень – противоречит характеру и привычкам. Надо ли действовать? Надо.

– Можно в юридическую, – сказал Антон, – можно так договориться. Но будь готов, Дмитрий, так просто я вам Алису не отдам.

– Ну да, ну да, – отозвался Согдеев, думая о чем-то своем. – А скажи, пожалуйста, ты делаешь вид, что про меня ничего не знаешь, или в самом деле ничего не знаешь?

– Не знаю.

– И даже не посмотрел в интернете? Дмитриев Согдеевых там всего несколько человек, а я первым высказываю.

– Не смотрел. Это что, пошла тема, типа, с кем я связался?

– В каком-то смысле, – кивнул Согдеев и замолчал, потому что в это время подошел с подносом официант и начал все расставлять на столе.

– Благодарствую, – сказал ему Согдеев.

– Наиприятнейшего аппетита! – шаркнул официант и, мелко семена, упорхнул.

ДОРОГА

Только сейчас Галатин заметил, что к приборной панели прикреплен небольшой иконостас. С одной стороны, ближе к рулю, три иконки в золотых пластиковых окладах, а с отступом от них, но такого же размера, Сталин.

Ох, не надо про это говорить, подумал Галатин. Ничего хорошего не выйдет, вместо спокойной дороги получится дискуссионный клуб на двоих, бессмысленный нервный спор с заведомым проигрышем Галатина: сталинистов переубедить невозможно, он давно это знает.

Но слишком часто Галатин поступал во вред себе, когда его что-то сильно задевало, не удержался и сейчас.

– Раньше, я помню, шофера Сталина на лобовые стекла вешали, что же ты постеснялся? – спросил он, нечувствительно перейдя на ты, хотел исправиться, но не успел, потому что Виталий ответил тем же.

– Прямо ты меня уел, Василь Русланыч! Думаешь, стесняюсь? Вешал я на лобовое стекло, только какой-то пидор мне камнем запустил. Подло, ночью, машина на стоянке была, прихожу утром, а там... Что, не нравится?

– Нравится, не нравится, каждый имеет право на свое мнение, – уклонился Галатин. – Просто интересно, чем он тебе угодил?

– Мне ничем, а страну построил.

– На костях.

– А ни на чем другом и не строится. И Петр Великий на костях Петербург построил, а не построил бы, что бы там было? Финны или шведы. И Грозный на костях Русь создал. Зато втрое увеличил территорию.

– Ясно. Значит, цель не количество людей увеличить, счастливых желательно, а количество территории увеличить? Пусть нас меньше, но земли больше?

Галатину казалось, что этот аргумент неоспорим, но рано радовался.

– Я много чего слушаю, пока ежду, – сказал Виталий. – И за, и против. И что ты говоришь насчет людей и территории, тоже слышал. И думал, сперва, что как бы логика тут в наличии. Но есть такой историк... – Виталий назвал имя человека, известного своей неутомимой защитой российского величия и оправданием пролитой крови, – он мне все объяснил. Да, мы, когда расширялись, много людей положили. Но если бы не расширились, нас бы вообще давно не было. Совсем. Вот тебе и выбор. Логично?

– А расширяться и людей сохранить – никак?

– Никак. Так не бывает.

– Ну хорошо, – согласился Галатин. – Расширение, войны – вопрос спорный. Но когда без всякого расширения Сталин миллионы уничтожил, это тоже правильно?

– Может, и неправильно, но необходимо.

– Почему?

– А потому, что с нами иначе нельзя.

Галатин даже тихонько присвистнул, покачав головой.

– Чего такое? – спросил Виталий с веселым вызовом, с явным желанием продолжать разговор.

– Поразил ты меня. Другие на кого-то валят, а ты говоришь – с нами. То есть – и с тобой?

– И со мной. Я вот тебе расскажу. Мне когда семнадцать было, я связался с одной компанией. Вроде бы как торговля, на самом деле криминал. То есть они торгуют, да, но торгуют отжатым, не своим. Ну, и водочка, девочки, наркота. Входит в стоимость. И я к ним прибилсь. А у меня был брат, почему говорю был – умер, водянка обнаружилась. Старше меня на семнадцать лет, у нас отец один, а мамы разные. Он был мент, милиционер. И как-то он узнал, с кем я задружился. Один раз иду, он останавливается на машине – не ментовской, своей. Прокатимся? Прокатимся. Он везет меня в свой гараж и мудохает до полусмерти. Спрашивает: торчишь? Я говорю: нет. Он по морде: не врать, торчишь или нет? Признаюсь: так, по чуть-чуть, не в себя. Он опять по морде. И запирает меня в гараже, и не просто в гараже, а у него там был погреб с двойной крышкой. Но вытяжка была, дышать можно. И бачок с водой, сухари, консервы. Не обожраться, но жить можно. Я там неделю сидел. Поломало немного, но не сказать, чтобы прямо страшный отходняк, терпимо. Воняло только. Параша была с крышкой, но все равно пахивало. Через неделю он пришел: все понял? Да, понял, спасибо. Причем я от души ему спасибо сказал, потому что, если честно, сам уже волновался, что подсел на всякую дрянь, на ханку эту поганую, на травку, на много чего. И стал человеком, и брату по гроб жизни благодарен. Вот поэтому я и говорю – с нами иначе нельзя.

– А если по закону?

– Это как? Чтобы брат меня в отдел отвез, сдал своим ментам, чтобы мне срок впаили, ты это имеешь в виду? Отвечаю: на зоне я бы окончательно пропал. Нормальными оттуда не возвращаются. Там же сразу человека на зуб пробуют, а я был парнишка дерзкий. Или меня бы до смерти забили, или приняли бы за своего, а раз свой, то живи так, как они. И получился бы из меня рецидивист. Вот тебе и по закону.

– Допустим, – размышлял вслух Галатин. – Допустим, если человек ведет себя неправильно, с ним можно неформально. Как говорится, без суда и следствия. А если человек ни в чем не виноват, а его хватают? Скажешь, не было при Сталине такого?

– Не было. Любой в чем-то виноват, потому что в каждом есть говнецо. И Сталин это понимал и говнецо вытравливал, как умел. Без всякой выгоды для себя, не то, что нынешние. Сейчас своих не трогают, отсюда и коррупция, а Сталин даже друзей сажал. Беспощадно. Потому что один закон для всех.

– Или одно для всех беззаконие.

– Вот не надо! Он к народу как к детям относился! Говорят: психопат, шизофреник, такой-сякой, а он просто нервничал! Как любой отец. Я вот очень спокойный, а один раз Антоху своего, вышел из себя, психанул, так треснул, что у него шишка на кумполе вскочила, Лариска чуть не убила меня.

– Антоху? Антоном сына зовут?

– Ну. А что?

– У меня сын тоже Антон.

– Бывает. Я про что – я ведь не просто так психанул, он семейные деньги из стола украл! Не знаю, зачем, так и не сознался, но факт есть факт. И что, как ты говоришь, по закону с ним? В по-

лицию тащить? Нет, я по-отцовски, но действенно. Вот и Сталин так действовал. Нам у китайцев учиться надо, – неожиданно высказался Виталий.

– При чем тут китайцы?

– А у меня племянник с ними дело имеет, сын брата покойного, служил там на границе, общался помимо службы, увлекся ихним, как сказать... Менталитетом. Сейчас торгуют взаимно, он там и живет практически, прописался, можно сказать. И говорит: ты только попробуй про Мао Цзэдуна плохое слово сказать и про них вообще. Они себя уважают, у них вся страна – как семья, а мы, идиоты, только и делаем, что грязью себя поливаем! Войну выиграли, великую державу построили, в космос полетели, нет, блин, все равно недовольны!

– Ты патриот, значит?

– А ты нет?

– Тогда объясни, – Галатин старался аккуратно и размеренно складывать слово со словом, чтобы точно выразить мысль. – Тогда объясни мне, Виталий, как это получается: нашу страну ты любишь и считаешь великой, а наших людей, как я понял, считаешь говном. Что ты любишь тогда? Территорию? Знамя? Гимн? Страна отдельно, а люди отдельно? Не понимаю.

– Я не сказал говно, я сказал – с говнецом. Есть разница? Да, мы такие, но не всегда же. Есть же что-то святое в душе. И Сталин это святое пробудил – на пятилетки, на войну, на космос, потому что при нем это все начиналось. А дерьмецо, наоборот, давил. Чего сейчас как раз не хватает, сейчас пробудили как раз дерьмецо! А мы и рады, и давай каждый по-своему друг друга кидать и обманывать!

– И ты тоже?

– А чем я лучше? Химичу, как умею, но в целом не хамничаю. Ты дай мне законы, я не против, но ты дай их такие, чтобы выгодно было соблюдать. Правильно или нет? А если не выгодно, то я и не соблюдаю... Или как? Соблюдаю?

– Соблюдаю.

– Потому что никто не дурак, чтобы против себя работать. Думают, работяги против строгости? Я только за, но для всех!

– Ты меня запутал, Виталий. То ты против закона, то, наоборот, давай тебе правильный закон.

– Невнимательно слушаешь, – объяснил Виталий. – Я за порядок, а по закону он или какой-нибудь Сталин его установил, мне все равно. Ладно, теперь давай по делу. Но между нами, хорошо?

– Хорошо.

– Мы сейчас в Широком остановимся на пару часов. У меня там родственница, но Лариска моя терпеть не любит, когда я родственникам помогаю. Она очень строгая, если кто чужой. А там две девчонки маленькие, мне их жалко, я им кое-какие подарки везу, продукты. Короче, ты тут подреми или послушай, посмотри что-нибудь, а я пообщаюсь. С собой не зову, они посторонних стесняются. Не против?

– Не против.

«ПУШКИНЪ»

Согдеев ел с большим аппетитом и быстро, но успевал и говорить.

– Это даже хорошо, что ты на обострение пошел. Будем играть с открытыми картами. И я тебе расскажу, что тебя ждет.

– Ты как в кино. Большой босс пугает клиента. Нормально, тут как раз обстановка тоже, как в кино.

– Понял тебя. На декорации похоже, не спору. Когда тут открылось, я тоже подумал – как-то все чересчур, подделка под старину, официанты лакеев изображают, антикварные штуки, меню по-старому написано. А потом понял – это не подделка, это игра. С юмором все, если пригля-

даться. И я, согласен, тоже будто играю, с юмором, но сам посуди, разве я могу с тобой серьезно говорить? Грубо говоря, если уж мы в таком месте, я дворянин, а ты крестьянин, хоть и вместе за столом сидим. А если по-современному рассуждать, все еще проще: весь мир делится на два основных класса: те, кто управляет людьми, и те, кем управляют. Я из первого класса, ты из второго. И я, в сущности, этим все сказал. И был бы ты догадливый, ты бы встал и сказал: спасибо, батюшка-барин, что не высек меня, что на каторгу не сослал и в живых оставил.

– Наглеешь помаленьку? – хладнокровно спросил Антон, с удовольствием чувствуя, как в нем разгорается радостная злость.

– Наглеют снизу вверх, а я расставляю все по местам.

– Хочешь сказать, можешь высесть, сослать на каторгу и вообще убить?

– Не хочу сказать, а – сказал. И... – Согдеев с сожалением осмотрел опустевшие тарелки. – И на этом все. Есть вопросы? И учти, я по-человечески хотел поговорить. Ты сам нарвался.

Слушая Согдеева, Антон отпивал кофе, которого всего-то было на три-четыре крошечных глотка, и не заметил, как добрался до кофейной гущи. Вытер салфеткой рот, сплюнул в нее горькие крупинки, скомкал салфетку, положил на стол, взял высокий стакан с водой, поданный вместе с кофе, отпил, прополоскал рот, посмотрел на стакан, на Согдеева, который в это время приподнял руку, подзывая официанта. И плеснул в Согдеева. Попал в лицо, на рубашку и пиджак.

– Ну и мудака же ты, – сказал Согдеев, встряхивая головой и вытирая рукой глаза.

К нему бежал официант с полотенцем, Антон кинул на стол две сотенные бумажки за кофе, хотел встать, но тут что-то крепко, до удушья, обхватило его за шею.

– Что с ним сделать? – спросил голос сзади и сверху, над головой.

– Ничего, пусть проваливает, – сказал Согдеев.

Хватка ослабла, руки, прощаясь с его шеей, похлопали по плечам и провели по ним, будто что-то счищая. Антон встал, обернулся, увидел перед собой огромного мужчину в черном костюме, в белой рубашке с узким черным галстуком. Униформа телохранителя. Откуда он возник, непонятно. Впрочем, и неинтересно. Согдеев снял пиджак, официант двумя пальцами принял его.

– Высушить?

– Не надо, повесь на стул.

Официант исполнил.

– Что еще?

– Ничего, идите.

Официант удалился, Антон не знал, что делать. Выплеском из стакана он хотел поставить точку в разговоре, но теперь вышло так, что точка поставлена Согдеевым. И это неправильно. А как поступить правильно, непонятно. Сказать что-то вроде: мы еще посмотрим, кто кого? Глупо. Пригрозить обращением в полицию? Еще глупее. Намекнуть, что он об этом эпизоде и о словах Согдеева расскажет Насте? Глупо до невозможности. Получается, как ни поступи, все будет не в его пользу. И молча уйти – не в его пользу. И стоять молча – не в его пользу. И любые слова – не в его пользу. Приходится признать, что Согдеев – опытный вояка, умеет поставить противника в такое положение, что любой ход врага оборачивается проигрышем. Это в шахматах бывает, какое-то хитрое слово, Антон не помнит. Но, может, так даже лучше? Пусть сейчас Согдеев чувствует себя победителем, пусть торжествует, зато потом Антон что-нибудь такое придумает, против чего Согдеев и Настя окажутся бессильны. И, кажется, уже придумал.

– Ну ладно, будь здоров, еще увидимся, – легко сказал Антон, так прощаются с приятелем после короткого разговора на ходу.

Согдеев выглядел слегка озадаченным – он ожидал другой реакции. Это Антону понравилось.

– Хорошего вечера, – пожелал он охраннику и ушел, довольный собой.

Гардеробщик, увидев Антона, выскочил навстречу с его курткой. А ведь Антон ему еще и номерка не дал, значит, тот профессионально запоминает, кто во что одет. Антон не повернулся спиной и не подставил руки, как это делают в дорогих ресторанах и клубах. Перехватил у гардеробщика куртку, оделся сам. Для Антона такие моменты всегда стеснительны, он редко бывает

в подобных местах, но знает, что положено давать чаевые. В кино это выглядит просто и ловко: обслуживаемый в гардеробе или в гостиничном номере небрежно подает обслуживающему неизвестно откуда взявшуюся купюру, обслуживающий с благодарностью принимает, все четко. А Антону как? – лезть в бумажник, искать купюру? – но какую, сколько положено давать? И вдруг там нет мелких, а только, к примеру, тысячные, не тысячу же давать? И уж тем более не металлическую мелочь, которая иногда месяцами лежит в отдельном кармашке невостребованной. Вот поэтому он сам и оделся: лучший способ не ошибиться в чаевых – не давать их вовсе. Ему показалось, что гардеробщик понимающе улыбнулся. От этого Антону стало еще более неловко. Он не любил, иногда просто ненавидел в себе эту провинциальную застенчивость, усложнение в простых ситуациях. И вдруг сказал гардеробщику:

– Знаете, никак не научусь давать чаевые. Проблема, да?

– Опыт нужен, знаете ли, – ответил гардеробщик. – Наши люди никак не привыкнут, что это вполне естественно. Многим до сих пор кажется, что давать унижительно, а брать тем более.

– А разве нет? Только не обижайтесь, но работы всего – снять пальто или куртку, подать, надеть. А платят, как за что-то серьезное, вот сколько вам обычно?

– Сотенку. Но не за работу же платят, это, как бы вам сказать... Добровольный налог на статус. Я богатый человек, пришел в богатый ресторан, даю чаевые и этим подтверждаю свой статус.

– То есть – понты?

– Они самые, куда же без них?

– Без них никуда, это точно. Но я вам не дам, ладно?

– Да ради бога! Мне один иностранец только что двадцатку долларовую дал, я вполне доволен! Сначала, вы правы, мне самому это унижительно казалось. А потом привык. И не только привык, философию подвел, мы же под все философию подводим. Сказал себе, что это не унижение, а смирение. Смирись, гордый человек! – помните, откуда?

– Нет.

– И не надо.

Тут вошла пара, мужчина с дамой. Дама в меховом коротком манто, мужчина в куртке, которая выглядела вполне обычно, настолько обычно, что Антон такую не купил бы – будто взята наугад с длинной вешалки в дешевых торговых рядах. Гардеробщик-интеллектуал тут же забыл об Антоне, метнулся к ним, но, остановившись в двух шагах, замер, ждал, склонив голову и вытянув руки по швам, пока мужчина разденет даму. Благоговейно принял манто, которое, не глядя, сунул ему мужчина, побегал за стойку и тут же вернулся, чтобы взять куртку мужчины. Окончания процесса Антон не видел.

В машине он включил двигатель, посидел, согреваясь, потом набрал в поисковике смартфона «Дмитрий Согдеев». Людей с такой фамилией оказалось немного, а Дмитрий Алексеевич Согдеев, человек с богатой биографией государственного и политического деятеля, бизнесмена и чиновника, был в первой же строке. Ничего, впрочем, особенного, таких деятелей десятки, а то и сотни тысяч, иначе откуда взяться на Рублевке и в центральных кварталах Москвы десяткам и сотням тысяч домов и квартир, стоящих миллионы, причем в долларах?

Ладно, Дмитрий Алексеевич Согдеев, даже в ресторан с телохранителем ездящий, ладно, посмотрим, кто управляет, а кто управляемый. Если ты с телохранителем, значит, боишься чего-то. А я ничего не боюсь.

Антон включил навигатор – посмотреть, что там с трафиком. Ввел свой адрес – адрес своей квартиры, а не съемной.

И позвонил Алисе.

Она отозвалась радостно:

– Привет, папочка!

Не всегда называла она его папочкой, только в нежные моменты, которые у нее возникали всегда неожиданно. То сидит весь вечер в своей комнате, с кем-то общается, потом идет молча мимо родителей умыться и чистить зубы, а потом так же молча – спать, а то вдруг плюхнется

рядом, поцелует в щеку: «Папочка мой!» – «Что?» – «Ничего. Спокойной ночи». – «Спокойной ночи, принцесса».

- Привет, – сказал Антон. – Ты одна?
- Тетя Люда тут. Мама поздно приедет.
- Хорошо.
- А ты приедешь?
- Может быть. Я еще позвоню.

План Антона, возникший в ресторане, был прост: забрать Алису к себе, если она не будет против. А она не будет против. Что дальше? Обдумаем по дороге.

По пути, стоя перед очередным светофором, Антон набрал в поисковике: «положение в шахматах, когда каждый х...» Он не успел написать дальше, выскочила подсказка: «положение в шахматах, когда каждый ход ухудшает позицию».

И тут же ответ: цугцванг.

19.

Гардеробщик, вернувшись домой, достал деревянную шкатулку, что была подарена ему когда-то покойницей-женой, и уложил туда полученные чаевые, добавив их к высокой стопке уже имевшихся. Он не копил деньги на крупную покупку, ему доставляло удовольствие видеть, что купюр становится все больше, и скоро шкатулка наполнится до самого верха, в чем и была его цель.

20.

Грузовик съехал на обочину возле невысокого штакетникового забора, за которым стоял обычный российский деревенский дом: шиферная крыша, три окна с раскрытыми ставнями, на ставнях белые ромбы, сбоку маленькая застекленная веранда, через которую вход в дом. Галатин все это видел в свете фонаря на недалеком столбе.

Дверь открыла какая-то женщина, Галатин не успел разглядеть ее, потому что Виталий сразу же шагнул внутрь, втесняя туда собой и женщину. Галатин увидел лишь, как белая рука женщины, словно отдельная, оказалась на шее Виталия, а голова Виталия резко опустилась вниз, и дверь тут же захлопнулась.

Галатин снял ботинки, куртку, залез на спальное место, подложил под голову и спину подушку и ватное одеяло, пахнущие бензином и человеческим потом, достал из кофра гитару и начал перебирать струны.

Что бы такое себе сыграть? А что лучше для русской зимней дороги, чем «Ой, мороз, мороз»?

И Галатин сыграл себе «Ой, мороз, мороз» с усложняющими простую мелодию вариациями.

Нет, слишком грустовато. Надо повеселее что-то. Из Моцарта нам что-нибудь. «Турецкий марш», например.

И Галатин сыграл себе «Турецкий марш».

Нет, не то. Странно в стоящей машине играть такую бодрящую, движущуюся музыку.

Тут пальцы сами заиграли, без предварительных размышлений Галатина. Заиграли «Let it be». Любимая песня его и Жени. Помнится, он играл ее на даче друзей, вечером, на чердаке, который важно назывался мансардой, сидя на матрасе, постеленном прямо на полу, а Женя сидела напротив, у окошка, сквозь ветки светила луна, ветки плавно гнулись и качались от ветра, они словно то соглашались с ветром, то противились ему, и тени скользили по лицу Жени, лицо казалось постоянно меняющимся, хотя было неподвижным, глаза блестели, и она вдруг задала вопрос, чуднее которого Галатин ничего не слышал ни раньше, ни потом:

«А ты меня тоже любишь?»

И Галатин ответил не словами, он, продолжая играть, кивнул и почему-то заплакал. И Женя заплакала. Он отложил гитару, они смотрели друг на друга, плакали и смеялись, это ведь было и

вправду смешно, но и страшно грустно – может, потому, что оба понимали, что счастливее момента в их жизни никогда не будет.

Галатин играл, вспоминал. И, как тогда, плакал.

Никогда и никого он не будет любить так, как любил Женю. Только Алису. Но по-другому.

Он взял телефон, написал Алисе:

«Что поделяваешь?»

Алиса ответила:

«жду папу»

«Он приедет?»

«хороший вопрос ясно что да»

«А мама дома?»

«нет»

Галатин тут же перезвонил сыну. Тот отозвался скороговоркой:

– Привет, не могу говорить, в дороге. Что-то срочное?

– Я тоже в дороге.

– Все-таки едешь?

– Еду. Алиска сказала, что ты домой направляешься. Вы помирились с Настей или как?

– Никак.

– Ты забрать Алиску хочешь? – догадался Галатин.

– Хочу, – признался Антон.

– Как бы хуже не вышло.

– Посмотрим.

– Но она-то согласна?

– Пап, приедешь, все сам увидишь.

– Надеюсь.

21.

Антон смотрел на красные линии навигатора. Все забито, нигде не объехать.

Вечер, окраинные и подмосковные жители возвращаются домой.

Зато можно обдумать, что он скажет Алисе.

Представлялось: войдет, дочь встретит радостно, но, как всегда, сдержанно. Была маленькая – подлетала, обнимала за ноги, смеялась, он подхватывал ее, легонькую, подбрасывал, она счастливо кричала: «Не надо, боюсь!» Подросла, стала подходить спокойнее, но все же прижималась лицом к животу и стояла так некоторое время, а потом говорила: «Ладно, раздевайся давай». А лет с восьми уже не обнимает, не прижимается, иногда даже не выходит из своей комнаты.

Алиса будет ждать, что он скажет. Понятно же, что если папы столько не было, а теперь приехал, то приехал не просто так. И что сказать?

«Собирайся, будешь жить у меня?»

Напугается еще. Ответит, что надо подождать маму.

«Поедем прокатимся?»

Нет, это увод обманом. И нельзя ее брать без вещей. Мало ли что нужно девочке.

Кстати, а что нужно девочке? Антон следил только за тем, как Алиса собирала ранец перед школой, а одеваться помогала или мама или, если мама уезжала на работу очень рано, пришедшая тетя Люда. Какая одежда понадобится Алисе, какие носки, колготки, трусишки, маечки все эти? Непонятно. Попросить помочь тетю Люду? А не позвонит ли тетя Люда Насте? Если позвонит, все может сорваться.

Ничего, он сам сообразит. И еды какой-то надо взять, у него на квартире пусто, только кофе, чай, пара бутылок пива и пельмени в морозилке. Придется заехать и что-то купить.

Но что сказать, что сказать?

Например:

«Не хочешь съездить ко мне в гости? Посмотришь, как живу?»

Алиска спросит:

«На сколько?»

Он ответит:

«До завтра».

И совет, потому что завтра не собирается ее возвращать.

Он не хочет ее возвращать никогда.

Но завтра примчится Настя. Возможно, с Согдеевым. Не исключено, что и полицию натравят. И примчатся не завтра, а сегодня по горячим следам. Ночью.

Антон воображением увидел и услышал: в дверь грохочут кулаками и ногами, орут: «Откройте, полиция!» Настя истерично завопит: «Алисочка, с тобой все в порядке? Ответь, девочка моя!» Придется открыть дверь. И что бы ни сделал Антон, все будет без толку. Самое глупое – закричать, что нельзя врываться в личное пространство, в квартиру. Настя тут же сообщит, что квартира съемная, причем снята на ее имя. Вот почему она так сделала, как же он сразу не догадался, лох наивный!

И как быть в таком случае?

Нет, правда, как?

Увезти ее куда-нибудь? В Саратов, к отцу и деду? Но отец сам едет в Москву. И наверняка погоню устроят. Операцию «перехват» и прочее, Согдееву это по плечу, по связям, по карману. И не скроешься, современные средства позволяют найти человека по телефону, даже выключенному, по машине, везде камеры наблюдения, видеорегистраторы, чего только нет.

А если и в самом деле взять Алису пока только до завтра? Позвонить Насте, честно сказать: хочу побыть с дочерью, имею право. Что она ответит? Скорее всего: если хочешь побыть, побудь дома, дождись, пока заснет, и возвращайся к себе. Да, это и скажет.

Попутная тема: отчитался ли Согдеев о разговоре? Наверняка уже позвонил Насте. Смеялся, ехидничал. Но сказал ли, чем и как грозил? Вряд ли. Что ж, Антон сам скажет. В конце концов, он защищает не себя, а свои отношения с дочерью, свое право на общение с ней, и если этот престарелый обмылок девяностых начал откровенно гнуть пальцы, то и Антон может кое-что загнать. То есть загнать он ничего такого не может, зато может открыть Насте глаза. Для начала спросит:

«Он сказал тебе, что обещал меня засадить в тюрьму и вообще убить?»

«Нет, – ответит Настя. – Наверно, ты его не так понял. Или он пошутил. Или просто разнервничался».

«Знаешь, что меня удивляет, – скажет Антон. – Меня удивляет твой выбор. Ему сколько, под шестьдесят? Тебе известно, что он тупое хамло? На что ты повелась? На деньги?»

«Неправда, он интеллигентный человек, и он мне человеческими качествами понравился!» – будет защищаться Настя.

Возможно, не такими словами, но по смыслу – так. А он скажет:

«Этот интеллигентный человек на меня телохранителя натравил, тот напал сзади, удушить хотел!»

«Ты сам в него водой плеснул!»

«Ну и ответил бы сам, пусть бы в морду дал, а я ему, повеселились бы, как мужик с мужиком!»

И Антон немедленно увидел картинку: Согдеев пытается достать его кулаком через стол, Антон хватается его руку, ловко выкручивает, Согдеев сгибается, Антон пинает его в толстый зад, Согдеев врывается башкой в полки, книги сыплются на него, телохранитель нападает сбоку, Антон, наподобие мастера боевых искусств из какого-нибудь фильма, наносит ему удары ногой в колено, в живот, в голову, три резких метких удара, телохранитель рушится на колени, мыча от боли, выхватывает пистолет, Антон выбивает его, пистолет взлетает вверх и опускается в руку Антона, Антон одним щелчком высвобождает обойму, она падает на пол, он пустым пистолетом бьет телохранителя в темя. Так сильно, чтобы вырубить, но не так сильно, чтобы убить. Согдеев

копошится в книгах, не может встать, Антон берет один из фолиантов, это «Библия», сразу же находит нужную страницу и цитирует:

«Не пожелай жены ближнего, тебе это известно, дядя? Нет? Тогда изучай! – и вручает Согдеву книгу. – Смотри, завтра спрошу!»

Все это так понравилось Антону, что он даже рассмеялся.

И заметил, что из соседней машины, ехавшей, вернее, стоявшей слева, на него с симпатией, с вопросительной улыбкой смотрит красивая девушка-брюнетка. Машина двухдверная, купе, судя по контуру, «ауди». Девушка проехала вперед, Антон увидел кольца на руле – точно, «Ауди». Теперь сдвинулся и Антон, они опять оказались вровень. Девушка продолжала улыбаться. Показала себе на ухо, утвердительно кивнула. Вроде того – что-то смешное слушаешь? И сама посмеялась, показывая, как смеялся Антон. Антон отрицательно покачал головой и повертел пальцем у виска. Вроде того, над своими мыслями смеюсь. Девушка уважительно развела руками: надо же! И, опустив стекло, крикнула:

– Приятно видеть веселого человека! А то мрачные все!

– Я такой! – подтвердил Антон. – Меня Антон зовут, значит – анти, чувствуешь? Все так, а я анти. Антистресс типа.

– Правда? А я антистресс ищу как раз.

– Уже нашла. Записывай телефон.

– Фигасе! Другие у меня спрашивают.

– Я же анти, у меня все по-своему. Записываешь?

– Диктуй!

Антон продиктовал свой номер. Меж тем ряд, в котором была девушка, двинулся вперед, ей гудели, она не обращала на это внимание, записывала. Записав, сказала:

– Сейчас позвоню, увидишь мой номер. И имя.

Она проехала вперед, а ряд Антона не двигался. Он хотел перестроиться в левый ряд, не пустили. Хотя лучше в своем, если он поедет, а то так и будешь тащиться за девушкой на расстоянии нескольких машин без возможности догнать. Ряд встал намертво. Антон посмотрел вперед и понял, что в задумчивости оказался на полосе, которая сворачивает направо по боковой стрелке светофора. Стрелка сейчас красная, а центральный кружок зеленый, девушка наверняка уже далеко. Пришлось перестроиться под раздраженный гудеж сзади, влезть в левый ряд, а звонка от девушки все не было.

Минут через десять не позвонила, а прислала сообщение с номером телефона и именем: «Настя».

И это кольнуло Антона. Совпадение показалось нехорошим, грешным. Будто он своей Насте слегка изменил с чужой Настей. Шило на мыло, как говорится. Да, но шило свое, а мыло – чужое.

Минуточку, когда Настя стала опять для тебя своя? – спросил в голове чей-то голос, это слышалось ясно, будто было произнесено кем-то вслух, не Антоном.

И этот же голос продолжил: пора признаться, что ты никак не хочешь и не можешь принять то, что Настя теперь – не своя. Не твоя. Навсегда не твоя. Неисправимо не твоя. И едешь ты сейчас домой не ради Алисы, а для того, чтобы Настя как-то отреагировала, появилась, чтобы увидеть ее и говорить с ней. Неважно о чем. Скандалить, ругаться, кричать, но – видеть и слышать. Потому что ты, Антон, до безумия ее любишь, любишь больше и сильнее, чем тогда, когда впервые подумал, что любишь ее. Тогда ты только подумал, что любишь, а теперь, после стольких лет, любишь окончательно, любишь так, что готов на все, лишь бы ее сохранить.

Антон хотел появиться сюрпризом: тихо открыть дверь своим ключом, прокрасться к комнате Алисы, неожиданно войти. Другие дети в таких случаях пугаются, кричат, визжат, смеются, Алиса же удивительно выдержанная, только посмотрит вопросительно и скажет: «Ты чего?» То есть раньше бы так и было, а сейчас обрадуется, не может не обрадоваться. Вскочит, бросится, обнимет.

Сюрприза не получилось: дверь оказалась заперта на задвижку. Он позвонил, открыла Людмила Васильевна, очень сухая, бодрая старуха, которая давным-давно приехала в Москву из деревни, была всегда, догоняя город, церемонно вежливой и старалась говорить грамотно, но интонации так и остались деревенскими, а еще у нее так был устроен рот, что слюна при разговоре не удерживалась и подтекала с одной стороны, и она то и дело с коротким шумом велосипедного насоса втягивала ее обратно.

– Здравсьте, здравсьте, – поприветствовала она Антона.

Всегда была с ним на вы. Может, сказалась долготелня работа в домоуправлении, а потом в МФЦ на мелкой должности, там же всем выкают. Но с Настей вот на ты, да и Настя с ней тоже, хоть и по имени-отчеству.

Алиса вышла на звонок, встала в двери зала:

– Привет.

И смотрела, как отец раздевается и разувается.

– Спасибо вам, Людмила Васильевна, до свидания, – сказал Антон.

– Идти, что ли? – уточнила она.

– Ну да, я же дома.

– Но потом-то уедете или как?

– Останусь.

– Мне Настя сказала ее дожидаться.

– Она не знала, что я приеду. Я приехал, дожидаться не надо.

– Нехорошо получится. Я ей тогда позвоню.

– Зачем?

Людмила Васильевна, не ответив, достала из кармана цветастого байкового халата телефон.

– Настюш, тут Антон приехал, мне как, дожидаться или что?

Выслушала ответ, сказала:

– Поняла, хорошо.

И сообщила Антону:

– Просит подождать.

– Послушайте, Людмила Васильевна... – начал было Антон, но тут же – звонок Насти.

– Что за дела? – спросила она. – Ты зачем там?

– К дочери приехал.

Алиса в двери шевельнулась и хмыкнула: ей было смешно, что о ней говорят в третьем лице.

– Зачем?

– Повидаться.

– Митя рассказал, как у вас все прошло, если ты что-то задумал, предупреждаю: даже не пробуй.

– Ну да, ну да. В тюрьму посадить, убить.

– Алиса там? Слышит тебя?

– Да, но не думаю, что поняла.

– Все она понимает, и ты это знаешь. Ты мужик или нет, ты можешь пока ничего не обсуждать при ней? Я скоро буду.

– Не волнуйся, ничего лишнего. И у тебя осведомительница тут, если что, доложит.

– Вот именно!

Антон, закончив разговор, с улыбкой посмотрел на Алису и развел руками: извини, что при тебе пришлось вести такие разговоры.

А Людмила Васильевна обиделась:

– Я извиняюсь, Антон, но вы не надо меня такими формулировками называть. Я тут не освещаюсь, а работаю, хотя и по-соседски. И к вам я хорошо отношусь, но Настя тоже имеет право быть в курсе, учитывая, что у вас ситуация неоднозначная, я сама не хочу к вам тут присутствие иметь, но уж так получается!

И всосала в рот воздух вместе со скопившейся во время длинной речи влагой.

Антон прошел в зал, сел на диван, а Алиса устроилась с ногами в кресле. Людмила Васильевна поместилась в другое кресло, в углу, под торшером и, надев огромные очки, взялась за прерванную работу – подшивала лямку-держатель к полотенцу. Работая, посматривала на панель телевизора, висящую на стене. В кухне обычно тоже включен телевизор. И в квартире Людмилы Васильевны, Антон как-то заходил к ней, устранял с помощью вантуза засор в ванной, тоже два телевизора, в кухне и комнате. Для многих современных людей телевизор стал чем-то вроде аквариума, они редко сидят и целенаправленно смотрят его, но он, как и аквариум, создает ощущение какой-то жизни рядом с тобой, какого-то движения, и ты не чувствуешь себя одиноким.

Сейчас в телевизоре обсуждали красивенькую молоденькую девушку, показывали ее фотографии – то на яхте с толстым господином, то в клубе с молодым человеком сомнительной ориентации – у него были накрашены глаза и губы, то на широкой постели, где она лежала голая, спиной к камере. Наверное, это была юная грешница, брачная аферистка или любовница за деньги; собравшиеся в студии гневно осуждали ее, обвиняли в чем-то, девушка отнюдь не оправдывалась, напротив, выглядела уверенной и самодовольной. Один только раз всплыла, отчитывая какую-то багровую от возмущения толстощеку тетку, и вид у девушки в этот момент был такой, будто ее незаслуженно оскорбили (да, троих обманула и пятерых ограбила, но что я чужого котенка с лестницы сбросила – неправда ваша!), и девушка даже глаза, взмокшие от обиды, трогательно вытерла ладошкой, но тут же после этого заулыбалась и пришла опять в превосходное расположение духа. Она наслаждалась тем, что в центре внимания, что ее видит вся страна, ее веселил бесслышный гнев аудитории. Публика сидела на расстоянии друг от друга, некоторые были в масках, и это придавало судилищу одновременно и зловещий, и комический вид.

Всего-то ничего Антон жил вне дома, а комната казалась какой-то иной, не такой, как раньше, хотя ничего не изменилось. Изменился сам Антон, был хозяином, стал гостем, а гости иначе на все смотрят и иначе все оценивают. Обоим, казавшиеся голубоватыми, выявились серый оттенок, шторы старомодные, тяжеловесные, плинтуса надо было прибить или приклеить не пластиковые, а деревянные – соединительные уголки пластиковых кособочатся, отстают, зияют щелями...

При Людмиле Васильевне говорить ни о чем не хотелось. Минут пять прошло, а Антон молчал, и Алиса молчала, и Людмила Васильевна молчала, только иногда неодобрительно качала головой, осуждая происходящее в телевизоре.

Алиса вдруг встала и пошла в свою комнату.

Пошел за нею и Антон.

Вошли, Алиса закрыла двери и повернула защелку замка.

– Мама велела, чтобы ты не закрывалась! – закричала Людмила Васильевна.

– Достала, – прошептала Алиса отцу. – Я закрываюсь, а она стоит и подслушивает, что говорю. Будто я написать не могу.

Алиса устроилась на кровати, где у нее были телефон, планшет, наушники, провода зарядок, а Антон сел за ее стол. Вспомнил, как собирал этот стол, у которого все детали были отдельно, и один из полозков для ящика Антон привинтил неправильно, пришлось перевинчивать, тогда было досадно, даже немного злился на себя и на конструкторов мебели, а сейчас – приятно вспомнить.

Если Людмила Васильевна и подслушивала за дверью, то слушать было нечего. Антон чувствовал непривычную неловкость, будто не виделся с дочерью целый год. Надо спросить ее хотя бы о школе, подумал Антон, глядя на тетради и учебники, но тут Алиса сама спросила:

– А елка будет?

– Елка?

– Ну да. Двадцать девятое уже. Обычно мы раньше.

Да, обычно они заказывали и ставили елку за неделю до Нового года. Антон обращался в одну и ту же фирму, у них были сосны, к которым и Антон, и Настя привыкли в Саратове, сосны

густые и высокие, под потолок. А в этом году не подумали. Понятно почему – елка вещь семейная, а семьи уже нет. Но елка еще и для детей, а ребенок есть, и ребенку нужна елка в любом случае.

Антон нашел в телефоне елочную фирму, позвонил, спросил, есть ли елки, то есть сосны, и могут ли привезти сейчас? Ответили: да, есть срочная доставка, машина как раз ездит по городу и там есть лишние сосенки на такой случай, можем доставить около двенадцати, не поздно?

– Не поздно, – ответил Антон.

И опять надо о чем-то говорить с Алисой, но про школу уже не хочется. И опять Алиса выручила:

– Так вы чего решили?

– Мама тебе не говорила?

– Говорила, что мы где-то под Москвой будем жить. Все время, что ли? Я про себя имею в виду, я как? Все время с ними или с тобой тоже?

– Со мной тоже. Если хочешь.

– Хочу. А это где?

– Недалеко.

– А школа там есть?

– Школы везде есть.

– Я буду в разные школы ходить?

– Тебе не нравится?

– Наоборот, прикольно. Мне все равно.

– Разве ты к своей школе не привыкла? К своему классу?

– Не очень. Нет, привыкла, но так. Все равно же мы в школе не общаемся почти, некогда. Мы потом.

– В сети?

– Ну да. А в сети можно где хочешь. Хоть вообще в другом городе.

В другом городе, подумал Антон. Взять и увезти ее в Саратов. Подальше от этой Москвы. И от матери. И от чужого мужика. Который наверняка жулик и вор, потому что все, кто сидят на таких местах, жулики и воры.

Вот оно. Само нашлось. Железный аргумент.

И, когда приехала Настя, когда выпроводили Людмилу Васильевну, когда сказали Алисе, что хотят поговорить и закрылись в кухне, Антон с этого и начал. Не дал Насте заговорить первой. Видел, что ей не терпится, поэтому и не дал.

Сказал, что не может позволить, чтобы Алиса жила с таким человеком, как Согдеев.

– Если тебе нравится этот урод, на здоровье, – сказал он. – Но Алису я ему не отдам. Я читал его биографию, он был реальный бандит в девяностые. А может, и сейчас.

Он еще что-то говорил, а проголодавшаяся Настя в это время ела тушеные овощи, которые Антон обычно терпеть не мог, а сейчас неожиданно захотелось. Подогреть их в микроволновке, полить подсолнечным нерафинированным маслом, посолить (Настя не солит совсем) и с хлебом – вполне неплохо. А если обжарить в придачу несколько кусочков курицы – совсем хорошо.

Похоже, Настя, пока ехала, перекипела и настроила себя на деловое хладнокровие. Если бы не обстановка кухни и не этот вот салат, она выглядела бы офисной чиновницей, недаром даже не переделалась, осталась в темно-сером костюме, из нагрудного кармана пиджака элегантно, но строго выглядывал уголок платка в красно-синюю полоску. Чтобы не запачкаться, заткнула за ворот белой блузки салфетку. Слушала Антона так, как слушают сотрудника на производственном совещании, причем сотрудника слишком многословного, нудного и говорящего пустяки. Такого не перебивают лишь потому, что он из вредности может еще больше затянуть выступление.

Антон еще не закончил, а она, сняв салфетку, сказала: «Извини», – и вышла. Прерванный на полуслове Антон ждал ее, как ему показалось, очень долго. Настя все не возвращалась, он встал, открыл холодильник, взял кастрюльку с овощами, наложил полную тарелку, посолил, поставил в микроволновку, нашлась в холодильнике и половинка вареной курицы, Антон отрезал несколь-

ко кусочков, бросил их на сковородку, обжаривал на большом огне, переворачивая деревянной лопаточкой. Все движения были привычными, он не глядя, наугад брал и тарелку, и солонку, и лопаточку, но не оставляло ощущение, что хозяйничает на чужой кухне.

Настя вернулась. В светло-сером тренировочном костюме, она носила его как домашний, и он ей очень шел, мягко облегал фигуру, не слишком обозначая, но и не скрывая. Спросила:

– Кофе будешь?

– Да.

Настя встала рядом, засыпала кофе в машинку, выбирала режим.

Рядом, вместе. Это было раньше естественным, простым и не замечаемым, а сейчас в каждом движении видятся новый смысл и новое значение, ощущается напряженность, скованность. Что-то похожее случается в час пик в метро, где Антон ездил в начале московской жизни – прижмет тебя к какой-нибудь девушке, чувствуешь себя в таком тесном с нею соприкосновении плечом или бедром, локтем, кистью руки, какое и у близких людей не всегда бывает, пытаешься отстраниться, но не можешь, она тоже пробует отодвинуться, но на ее попытки кто-то отвечает толчком, и вы в результате чуть ли ни обнимаетесь, старательно при этом отворачивая лица друг от друга.

– Что-то еще? – спросила Настя.

– Да нет, мне хватит.

– Я не про еду. Что-то еще хочешь сказать?

Антон хотел что-то еще сказать, но забыл. Ответил:

– Пока все.

– Тогда слушай. Кем он раньше был, никого не касается. Может, бандит. Тогда все были бандитами или с ними дружили. И это вообще ни при чем, пусть он хоть мафия, хоть кто. Мне плевать. Я нашла своего мужчину. И от этого не откажусь. Что касается Алисы. У него от прошлой семьи двое детей, девочка в школе, сын учится за границей. Прекрасные дети. Отлично воспитанные. Послушные. Отца любят. С их матерью у него нормальные отношения. Потому что они разумные люди. Он и с тобой хотел наладить нормальный контакт, а как ты себя повел? Налить или сам?

Она имела в виду кофе.

– Сам налью, поем сначала.

Настя села за стол с чашкой кофе, Антон взялся за овощи с курицей. Елось, как ни странно, с аппетитом.

– Что он мне угрожал, это ничего? – спросил Антон. – Или думаешь, пошутил?

– Он на такие темы не шутит. Если обещал – может сделать.

– Ни фиги себе. Это тоже нормально – угрожать посадить и убить?

– Не нормально, но необходимо. Если человек по-другому не понимает.

Антон даже перестал есть.

– Настюх, ты с ума не сошла? Ты говоришь, как... Не знаю. Как бандерша какая-то.

– Что такое бандерша?

– Ну, бандитка.

– Антош, там очень серьезный мир. Ты даже не представляешь, насколько серьезный. И мне это нравится. Митя хищник, звероящер, и мне это тоже нравится. Его самого один раз взрывали, а потом отравить пытались. Это настоящая жизнь. Масштаб, понимаешь? Уровень! Я всегда этого хотела, но с тобой у меня нет шансов. Ты хороший человек, Антош, но ты – починыйщик. И всю жизнь им будешь. Ну, старшим менеджером назначат.

– Уже. Я официально так называюсь.

– Обалдеть, упустила свое счастье.

– Значит, повелась на деньги? Дворец за городом, летом на Мальдивы, зимой в Куршавель какой-нибудь? На собственном самолете. Есть у него самолет?

– Есть. Не утешайся, деньги ни при чем. Нет, тоже хорошо, но дело не в них.

– А в чем?

– Хорошо, скажу всю правду. Если бы я тебя любила, Антош, мне было бы все равно, починыйщик ты или хоть даже дворник.

– Ясно. Разлюбила, значит?

Антон доел свой ужин и с удивлением чувствовал, что хочет еще. Пошел к холодильнику, открыл, пошарил, нашел докторскую колбасу, отрезал ломоть изрядной толщины, вернулся к столу, положил на кусок хлеба, впились зубами.

– Оголодал, что ли? – спросила Настя. – Или на нервной почве?

– Ты говори, говори. Разлюбила, значит?

– Если бы. Не любила никогда.

– Да неужели? А зачем замуж вышла?

– Не знаю. Я хотела семью, ты был самым подходящим кандидатом. На фоне того отстоя, который в целом.

– Щас загоржусь.

– Гордись. Но я тебя не обманывала, это ты предложил пожениться, не я. Я полгода думала и согласилась. Ведь так?

– Зачем тогда в любви признавалась?

– Я не признавалась. Ты вспомни.

И Антон вспомнил. Да, не признавалась. Ни разу. Всякие слова вокруг и около – были. А что-бы просто и прямо: «Я тебя люблю!» – ни разу. А когда он говорил, она даже не отзывалась, как некоторые: «Я тоже», – а смеялась или целовала его. Как бы подтверждая. Вот именно – как бы.

– А потом Алиска появилась, – сказала Настя, – и я вся в нее ушла. Потом в работу. К тебе всегда хорошо относилась. Не больше.

– Поэтому не хотела второго ребенка?

– И поэтому тоже.

– Мы же не всегда предохранялись.

– Я таблетки пила. Но один раз аборт пришлось сделать.

– Когда?

– Я в командировки ездила. Два года назад это была не командировка.

– Настюх, а ты ведь сука, – сказал Антон и встал, чтобы налить себе кофе. И заметил, что Настя невольно подалась плечом в сторону, к стене, будто немного испугалась. Жгуче хотелось наброситься на нее, ударить кулаком по лицу. Как и положено бить мужикам блудливых баб. Изменивших жен.

Какое странное слово – жена. Никогда Антон не произносил его вслух. Это слишком нежное слово – жена, Антон своей нежности открыто не проявлял. В разговорах с другими называл Настю по имени. Или – с теплой иронией – супруга.

Он налил себе кофе, отпил стоя, повторил:

– Пряма образцовая сука.

Очень изменилась Настя. Раньше вспылила бы, не терпела грубых слов и обзывалок, не позволяла так говорить с собой. А сейчас только усмехнулась:

– Здоровый сучизм жизни не помеха.

– Ты его слова повторяешь?

– Это все знают, Антон, но стесняются говорить. Давай обсуждать по-взрослому, цивилизованно. Алиса будет жить со мной, это не обсуждается. Видеть ее сможешь хоть каждый день. Подрастет, будешь брать ее к себе на какое-то время, на выходные, например. Оптимальный вариант, все остальное хуже и для тебя, и для Алисы. Для всех. Что тебя не устраивает?

Антон все не устраивало, а больше всего собственное состояние. Желание бороться куда-то улетучилось, вместо него – пустота. Не хочется ничего говорить, хочется лечь и заснуть. Это понятно, он очень плохо спит в последнее время, просыпается среди ночи, долго лежит, смотрит в темноту...

Он так и стоял, отпивая кофе, глядя в чашку, и молчал.

– Мне завтра рано вставать, – сказала Настя.

– Я елку заказал, около двенадцати привезут.

- И без тебя привезут, я расплачусь.
- Вы поставить не сможете. Я поставлю и уеду.
- Как скажешь. Я пойду лягу.

Настя ушла в зал, Антон устроился в супружеской (бывшей супружеской) комнате, на постели, которая вся пахла Настей, он лег ничком, вдохнул этот запах, вжался в него лицом.

Елку привезли в первом часу. Антон достал с балкона металлическую четырехлапую подставку, комель елки не влезал в полый цилиндр подставки, Антон обстругал его ножом, угнездил, выровнял, закрепил винтом, что был сбоку цилиндра, потом они с Алисой повесили электрическую гирлянду и немного игрушек. И все это в тишине, в молчании – Настя лежала на диване, лицом к стене. Или спала, или делала вид, что спит – иначе пришлось бы участвовать в установке и наряджании, и это было бы семейно, как раньше, поэтому незачем травить себя и других.

- С наступающим, – сказал Антон, сидя на полу и глядя на мерцающие огоньки.

– С наступающим, – сказала Алиса, стоя сзади, обнимая отца за шею. И поцеловала щеку. – Все, мне спать пора.

- Мне тоже. Поеду. Дверь закроешь?
- Да.

Антон одевался и обувался торопливо. Пусть уже кончится скорее этот мучительный вечер.

Казалось, что и Алисе хочется, чтобы отец ушел, потому что и для нее все это мучительно. Или просто устала, дети быстро устают от всего, в том числе от печали.

22.

Галатин слышал сквозь сон:

- Русланыч!

Открыл глаза и увидел над собой голову Виталия. От головы исходил теплый спиртной дух, голова смотрела виновато, но весело. Словно упреждала: сначала огорчу, однако тут же и утешу!

– Такое дело, Русланыч, выпил я. Случайно, но не нарочно. Человеческий фактор, понимаешь?

Галатин не понял, но кивнул.

– Придется мне до утра тормознуться, а у тебя два выбора – или тут, или в доме. Тут спокойней, удобней, тем более что погода под ноль, я сам до минус десяти в кабине сплю. Вон под той штучкой.

Виталий показал на объемистый полиэтиленовый сверток в углу.

- Ты достань, достань!

Галатин приподнялся, дотянулся до свертка, вытащил из него и с усилием развернул необыкновенно толстое, тяжелое одеяло.

– Верблюжье, не хвост собачий! – похвастал Виталий. – Купили с женой для себя, чтобы зимой спать, но оказалось невозможно – такое жаркое, что хоть по всему дому отопление отключи, а все равно под ним потеешь. И она мне его для дороги отдала. В кабине – самое то. Ты попробуй.

Галатин укрылся, тепла пока не почувствовал, зато одеяло давило грузно, как мать сыра земля.

- Шалашиком сделай, – посоветовал Виталий.

Одеяло было настолько плотное и жесткое, что, действительно, держало форму шалашика. В предстоящей ночевке почудилось что-то детское, приключенческое.

- Отлично, – сказал Галатин. – Завтра во сколько двинемся?

– Как поспим, так и поедем. В конце концов, люди живут не чтобы все время работать, а жить тоже надо!

Виталий этими словами уверенно оправдывался – не перед Галатиным, а перед кем-то еще, кого он сейчас видел в мыслях. Возможно, перед работодателем Иваном Сольским. Или перед женой. А может, и перед самим собой.

- Тут что-то трещит у тебя. Или шуршит, – сказал Галатин.
- Это рация. Если кто вызовет, не отвечай. Не вызывали?
- Нет.
- Вот и хорошо. Ну, спокойной ночи, не сердись, что так получилось.
- Да ничего. Один вопрос – насчет туалета.

– В доме удобства есть, но не работают, да и зачем, тут везде – природа! Зашел за кузов, и наслаждайся. А если по-серьезному захочется, я калитку не буду закрывать, в конце двора слева – домик с дыркой. Полный комфорт, не то что на трассе бывает. Я стоял один раз под Самарой, спереди машины, сзади, с боков, везде! И меня ужасно приспичило. Прямо задницу разрывает, не могу терпеть. И свернуть, чтобы встать, некуда, там отбойники по бокам. Думаю – сейчас будет совсем затор, побегу в кузов, там пристроюсь. А затора нет, медленно, но двигаемся. Что делать? Достал пакет, кое-как изловчился, одной рукой рулю, а другой...

- Виталья! – послышался от дома женский голос.
- Потом расскажу, – заторопился Виталий. – Беспокоится женщина! Спокойной ночи.
- И тебе того же.

Ночь, непроглядная ночь накрыла от края до края Российскую Федерацию, азиатскую страну с европейским населением. И каждый, засыпая или еще бодрствуя, думал о своем, и мысли эти, если взглянуть, ничем не отличались от каких-нибудь французских, китайских или бразильских.

Вот девочка Алиса лежит в своей постели и грустит точно так же, как грустит ее ровесница Жюли в Париже или девочка Лиу в Пекине, или девочка Паула в Рио-де-Жанейро, у которых та же история: папа расходится с мамой, и с этим ничего нельзя сделать.

А вот мятущаяся Настя никак не может заснуть и сердится на себя: она ведь все твердо решила, назад пути нет, откуда же эти сомнения, откуда эта подлая мысль: вдруг я ошибаюсь? И так же, абсолютно так же сомневаются мама Жюли Камилла, мама Лиу Кيانг, мама Паулы Летисиа, и задают себе вопрос: вдруг я ошибаюсь?

А вот Антон одиноко едет по ночному городу, растерянный и не верящий, что все кончено, как не верят и его французский брат по несчастью Жак, и китаец Ли Веймин, и бразилец Габриэл. Почему так резко изменилась моя Настя, моя Камилла, моя Лиу, моя Паула? – думают они. Равнодушно соглашаются с обвинениями, откровенно признают свою непорядочность, терпят грубость – почему? Как почему! – озаряет Антона, Жака, Веймина и Габриэла. Они нарочно это делают! Они хотят показать себя хуже, чем есть на самом деле! Для чего? Для того, чтобы мы, Антон, Жак, Веймин и Габриэл считали Настю, Камиллу, Лиу и Паулу стервами, чтобы не жалели о них, чтобы облегчить расставание – со стервами разойтись проще! Но, думают Антон, Жак, Веймин и Габриэл, если они так нас жалеют, если хотят смягчить разрыв, значит, не все утасло! Больше того, они не нам показывают злую и непреклонную решимость, они убеждают в ней себя! И Антон, Жак, Веймин и Габриэл улыбаются, представляя, как они дадут понять Насте, Камилле, Лиу и Пауле, что раскусили их.

А отцы Антона, Жака, Веймина и Габриэла едут к ним на выручку, и это вполне допустимое совпадение, учитывая, сколько людей живет на свете и сколько отцов в одно и то же время спешат спасать своих детей.

Их сильнее других терзает тревожная бессонница, но вот засыпают и они.

Засыпает в объятиях красавца-мужа железнодорожная красотка-кассишша, которая не продала Галатину билет, и она вдруг говорит:

- Сегодня такой чудик приходил. Сам старик, а в шляпе такой ковбойской и весь, как ковбой.
- Чудиков у нас хватает, – сонно отвечает муж.

Одиноко засыпает дежурная по вокзалу, ни о чем не думая и ни о чем не печалась, потому что ей не о чем думать и печалиться.

Спит Руслан Ильич, у которого сон мало чем отличается от яви.

Засыпает Нина, мучась от того, что сказала отцу, будто ее ничто не мучает, на самом деле это не правда, это лишь идеал, которого она хочет достичь так, как достиг этого Гера, только что деловито насытившийся любовью и деловито нырнувший в сон – счастливый человек!

Лежит без сна рядом с супругой Иван Сольский, озабоченный думами о завтрашнем дне и хлебе насущном. Татьяна тоже не спит, у нее занятная особенность – не может заснуть раньше мужа. Сколько раз говорил ей Иван: «Не жди ты меня, спи, я, может, всю ночь ворочаться буду!» – «И я поворочаюсь», – отвечает Татьяна. – Нечестно будет – ты думаешь, работаешь, а я дрыхну!»

Паша Любезкин видит очень странный сон, он видит тюрьму, похожую на крепость, которую осаждают орды врагов, осаждают красиво и мощно, как в давнишней рекламе банка «Империал», а цель у них – выгнать сидельцев и занять их камеры. Паша стоит на крепостной стене и призывает: «Не отдадим нашу альма-матер! До последней капли крови будем биться!» – «Да!» – отвечают, потрясая щитами и топорами викингов, неизвестно откуда появившиеся на стене. На этом сон обрывается, чем дело кончилось, неизвестно.

Тяжело, болезненно, со стонами и всхлипами спит Буренцов, а рядом сидит любящая и ненавидящая его дочь Полина.

Тихо и спокойно спит жена Виталия Лариса, привыкшая к поездкам мужа и к тому, что он всегда благополучно возвращается. И вдруг открывает глаза. Будто кольнуло ее что-то или услышала громкий посторонний звук. Она не знает и не догадывается, что Виталий ночует в чужом доме, да и не о нем сейчас думает. У нее странное ощущение – что где-то в мире происходит что-то, о чем она понятия не имеет, но это что-то касается и ее жизни. И не только в этом мире, то есть на земном шаре, а где-нибудь в космосе. Летит метеорит к Земле, а мы и не знаем, думает Лариса. Шарахнет, и вымерет, как динозавры. С другой стороны, если столько тысяч лет на шарахало, может, и сейчас обойдется, успокаивает себя Лариса, но заснуть никак не может.

Не спит и рассказчик, то есть автор этого текста, то есть я. Застыл я за столом, гляжу я в календарь и прикидываю, как успеть, как этот текст закончить к осени, и другие, не менее важные, да еще хорошо бы привести в порядок дачу, недавно купленную в Подмоскowie, у станции Икша. Дача обычная, от советских времен, без удобств, поэтому бабушка-хозяйка продала ее довольно дешево. Муж бабушки лет уж десять как умер, оставив после себя богатое наследство заботливого хозяина. К примеру, в металлическом кузове-фургоне, снятом когда-то с какой-то машины и приспособленном под склад ценностей, обнаружили груды и завалы в виде обрезков шлангов, проводов, веревок, кабелей, досок, труб, фанеры, а также несколько бумажных мешков с окаменевшим цементом, бесчисленное количество банок и коробок с гвоздями, винтами, хомутами и хомутиками, шурупами, дюбелями, а еще полдюжины ножовок по дереву и металлу, двуручных пилы – две, молотков – четыре, старых перчаток и рукавиц – не считано, два топора с ручками и три без ручек, отвертки всех мастей, причем каждой масти тоже по две-три штуки, а трехгранных напильников, ржавых и совершенно одинаковых, хранилось в отдельном ящичке, я специально посчитал, девять штук. Там много еще чего было; когда я впервые открыл с трудом поддавшуюся, ржаво заскрипевшую дверь, бабушка была рядом, глянула, тут же отвернулась и сказала в сторону: «Лет пять не открывала. Вы уж сами разбирайтесь, что вам надо...»

А над календарем у меня висят часы. И в кухне часы, и в комнатах, и на руке, и в телефоне, и в ноутбукe, и в планшете, и я всегда знаю время, и дамочлово слово висит надо мной: успеть.

Я вдруг вспоминаю очень давнее и, казалось, совсем забытое. Мама и папа ведут меня и брата на станцию «Разбойщина» из одноименного поселка под Саратовом, где мы тогда жили. Мы собрались в город, в зверинец. Мне лет пять или шесть, я никогда не был в зверинце, я очень туда хочу, я тороплю родителей: «Давайте быстрее, опоздаем же!» Поезда, то есть электрички, ходили тогда не часто, вот я и волновался. Представлялось страшное: электричка уйдет без нас, следующую родители не будут дожидаться, у них слишком много дел даже в выходные дни, мы вернемся, они пообещают поехать через неделю, а через неделю зверинец увезут, он же передвижной, и я никогда не увижу настоящих зверей. Я чуть не плачу, но креплюсь, я вообще редко плакал в детстве, не потому, что рос мужественным, а – поводов было мало, я повторяю: «Опоздаем, давайте

быстрее!» – и забегаю вперед по асфальтовой тропинке, идущей вдоль акаций, заглядываю вперед – когда уже покажется одноэтажное здание станции, покрашенное в желтое и белое? Старший брат, будущий военный, молчит, у него характер тверже моего, он выдержаннее, хотя я чувствую и вижу, что он тоже волнуется – очень уж серьезен.

Мы не только успели, мы еще довольно долго ждали электричку.

А зверинец меня разочаровал. Смутно припоминаю облезлого льва, который вяло ходил туда-сюда, равнодушно скользя по людям тоскливыми глазами, неожиданно маленького серого слона с морщинистой кожей, он был чуть больше тех быков-производителей, каких я видел у отца на ферме, помню лису, вовсе крохотную, как дворняжка. Где пышная рыжая шерсть, где хитрая мордочка? – я не раз видел это в мультфильмах и на иллюстрациях к сказкам и рассказам о животных. Ничего этого не обнаружилось в настоящей лисе, которая то лежала в пыльном углу вольера, то вставала, делала круг и возвращалась на место, словно в очередной раз убедившись, что выхода нет.

Больше всего меня удивил запах – пахло не чем-то звериным, а точно так же, как в нашем хлеву, где родители, зоотехники с высшим образованием и крестьянским прошлым, держали корову, овец и кур.

Я ждал удивления, легкого страха, радости от встречи с настоящими дикими животными. Не было ни удивления, ни страха, ни радости, только жаль было бедных зверей, которые выглядели исполняющими предписанные им роли, причем исполняющими неохотно.

Имелись там еще какие-то животные, но я их сразу же забыл, а вот как шли к станции вдоль акаций, как я торопил, забежал вперед, боялся не успеть, как жгло меня, маленького, нетерпение и ожидание чуда – помню ясно. И отчетливо, будто в кино на экране, вижу и тропинку, и акации, и маму, и папу, и брата, и то, что я был в коричневых сандалетах с металлическими белыми пряжками. Да, и еще рубашку помню, она мне очень нравилась – в голубую полоску, легкая, гладкая, наверное, шелковая, очень приятная телу. Родители называли ее «шведкой».

23.

Виталий разбудил Галатина рано. Он был хмур и озабочен.

– Ребята предупредили – посты стоят, грузы проверяют.

– У нас что-то не так?

– Все так. Ну-ка, давай я кузов открою, а ты глянешь.

– На что?

– На все.

Виталий пошел открывать двери фургона, а Галатин обулся, надел куртку, вылез из кабины, потопал ногами, разминаясь, отошел в сторону, к забору, куда наведывался перед сном, увидел в сугробе под светом фонаря желтое пятно с темной дыркой посередине. Отметился туда же и, застегиваясь, пошел к фургону.

– Залезь и посмотри, – сказал Виталий.

Галатин поднялся по ступенькам внутрь, увидел ряды черных пластиковых бочек, накрытых крепезной сеткой. На бочках были наклейки с надписями «Ротбанд».

– Допустим, ты инспектор, – сказал Виталий. – Какие мысли возникнут?

– Никаких. Я не инспектор. Я даже что такое ротбанд, не знаю.

– Кто бы сомневался. Попробуй открыть.

Галатин подошел к переднему ряду, к одной из бочек, крышка которой, как и у других, крепилась боковыми металлическими защелками. Они были тугие, Галатин, просунув руки в крупные ячейки сетки, с усилием перевел защелки в верхнее положение, попробовал открыть крышку – не получилось, она сидела плотно.

– Подцепить чем-то надо, – сказал Галатин.

– А нечем! – с вызовом ответил Виталий.

– Это ты так инспектору скажешь?

– Так и скажу. Мое дело везти, а не вскрывать. Вам надо, вы и ищите, чем курочить!

Галатин уцепился пальцами в край крышки, потянул вверх. Она начала подаваться, Галатин приналег, упираясь ногами, послышался пластмассовый нутужный скрип, крышка наконец выскочила из пазов, отлетев вверх и забултыхавшись в сетке.

– Что видишь? – спросил Виталий.

– Порошок. Вроде цемента.

– Другие бочки будешь проверять?

– Зачем?

– Вопрос логичный. Ладно, закрывай и слазь.

Галатин закрыл бочку, слез, отряхнул руки. Хотел было зачерпнуть снега, но вспомнил о желтом пятне и передумал. Сугробы-то белые, но это не первый снег, под ним, возможно, есть и другие желтые пятна, сейчас невидимые.

– Пойдем перекусим и поедем, – сказал Виталий. – Юлька там приготовила...

Юлькой оказалась молоденькая женщина, на вид ей было лет двадцать, а то и меньше. Виталий велел:

– Руки дай умыть ему.

Юля схватила ковшик, Галатин подошел к умывальнику. Давно он не видел таких допотопных мойдодыров: сверху оцинкованная емкость для воды, под ней белая эмалированная раковина, вся в сколах и желтых подтеках, под раковиной шкафчик грязно-серого цвета, где таятся сливное ведро. На краю раковины, в пластмассовой ванночке-мыльнице, в лужице розовой жижи – мыло с пятнами грязи на поверхности. Галатин мужественно взял его, чувствуя снизу размокшую мягкую слизь, подставил руки, Юля поливала, а он сначала вымыл само мыло, поворачивая его в руках, а потом и руки. Юля подала цветное полотенце, мокрое и плохо впитывающее влагу, Галатин после него украдкой вытер руки еще и о куртку, когда снимал ее и вешал на гвоздь у двери.

Он сел напротив Виталия за небольшой стол, накрытый клеенкой, исподволь осматривался.

Если в доме Виталия и Ларисы все было чисто, просторно, уютно, все вещи друг к другу были приспособлены, то этот дом казался временным жильем, где то и дело сменялись хозяева, и каждый притащил что-то свое, каждый устраивал пространство по-своему. Здесь была газовая плита со шлангом, который вел в стену – наверное, к баллону, стоящему на улице. Между плитой и входной дверью, в нише, отгороженной полиэтиленовой шторой (желтые утята на голубом фоне), размещался санузел. Над шторой виднелась изогнутая никелированная труба душа, а в щель между шторой и стеной просматривался задний край унитаза с частью сливного бачка. Из санузла густо пахло гниловатой сыростью, моющими средствами и аммиаком.

Стоял тут диван из семидесятых, а то и шестидесятых годов – две плоскости под тупым углом друг к другу, две боковины-трапеции, на одной деревянная полированная планка сверху, на другой планки нет, только паз со скопившимися в нем пылью и мелким мусором. Бордовая обивка дивана накрыта покрывалом агрессивной расцветки – черные и красные квадратики в шахматном порядке. Впрочем, расцветка не резала глаза, как могла бы, потому что засаленные красные квадратики стали тускло-бурыми, а черные темно-серыми. Новенький коврик лежал перед диваном, с вычурным геометрическим рисунком в духе композиций Кандинского. А у дверей двух комнат, что были за стеной, красовались круглые разноцветные коврики, сплетенные из обрывков тряпок. Меж дверьми стоял полированный двухдверный шкаф без ручек, с торчавшим из гнезда замка ободком ключа, этот шкаф тоже был из прошлого, из семидесятых. А в углу, за окном, под которым стоял обеденный стол, кто-то начал сооружать вполне современный кухонный интерьер: сверху два шкафа с дверками матового стекла, под ними длинная столешница, обклеенная пленкой под мрамор, была здесь и мойка с краном, но использовалась не для мытья, а для хранения горы грязной посуды. Ящики и дверцы нижних шкафов были форсистые, лаковые, алые, зеркально отражающие стену и пол, который состоял из трех частей – перед зоной кухни была полоса желтого ламината, имитирующего свежеструганное дерево, две трети пространства

застелены линолеумом под малахит, с белыми прожилками, а у порога перед дверью в сени прибит гвоздями большой лист некрашеной фанеры.

У дальней стены, где были окно и дверь во двор, в огород или сад, стояла елка, небольшая, в половину человеческого роста, поэтому поставленная на табуретку, прикрытую разноцветной мишурой – будто толстые гусеницы свисали. На елке мерцающая гирлянда, серпантин и дюжина больших, размером с крупное яблоко, шаров красного, синего и золотого цвета. Галатин вспомнил, что и в доме Виталия стояла такая же елка, и тоже на подставке, с такими же гусеницами мишуры, такими же шарами и такой же гирляндой.

А у вершины елки стояла на ветке, прислонившись к стволу, довольно большая кукла Снегурочки, очень старая, в пожелтевшей белой шубке, но румянец еще сохранился на ее личике. Галатин вспомнил, как в детстве точно такая же Снегурочка заморозила его, пяти или шестилетнего. Она была красивая, с голубыми глазами, шубка блестела и казалась покрытой застывшим сахарным сиропом. Вася не удержался и, когда никто не видел, снял Снегурочку, лизнул ее. Оказалось не очень приятно и липко. Шубка похрустывала при нажатии, Вася дотронулся до личика, оно было очень твердым. Вася постучал пальцем, услышал пустой звук. Ему стало интересно, что за тельце у Снегурочки под шубкой. Ручки и ножки у нее гнутся – почему? Вася унес куклу к себе в комнату, залез под стол и начал исследовать. Он хотел только заглянуть под шубку, но та сразу же порвалась. Под нею оказалась вата. Раз уж кукла все равно испорчена, терять было нечего, Вася рвал и щипал плотно накрученную вату. И увидел скелет куклы – руки и ноги провололочные, а туловище фанерное, голова дыркой крепилось на деревянном штырьке. Вася зачем-то решил отделить голову, она была не только насажена, но и приклеена, он рвал, рвал и оторвал, голова упала. Лежащая отдельно на полу, она почему-то показалось страшной. Только теперь до Васи дошло, что он наделал. Сходил за парой газет, сложил туда все, умял, скомкал и выкинул в форточку. Мама потом искала ее, расстраивалась, Вася не выдержал и признался, расплакался.

«Но зачем?» – не понимала мама.

А отец тут же ей объяснил:

«Парень исследует мир, все в порядке».

Конечно, маленький Вася не запомнил точных слов отца, но примерно так он сказал. И Вася успокоился, а мама, любившая восстанавливать порядок, вскоре купила точно такую же Снегурочку.

На столе было изобилие. Юля словно заочно соревновалась с Ларисой – подала и щи, и картошку-пюре, и котлеты, и соленые помидоры с огурцами. Виталий даже заворчал:

– Зачем ты, я в дорогу не ем много, в сон потянет.

– Сколько хочешь, сколько и съешь, – ответила Юля. – А товарищ пусть закусит как следует.

– Да нет, я тоже не очень... Картошечки чуть-чуть, котлетку, и все.

– Ну, как скажете.

Мужчины завтракали, а Юля села на стул рядом с Виталием, лицом к нему, села по-девичьи, подтянув на сиденье стула ноги и обхватив колени руками. Сидела и смотрела, как ест Виталий. Тот, вроде бы, не обращал внимания, но вдруг со стуком положил ложку на стол, повернулся к Юле и сердито спросил:

– Ну, чего?

– Ничего.

– А чего тогда?

– То есть?

– Дырка вот тут будет, – Виталий показал пальцем на свой висок.

– Смотреть нельзя?

– Есть мешаешь.

– Аппетит, значит, порчу? – спросила Юля с каким-то намеком.

– Не портишь, а... Давай потом.

– Само собой. Потом. Всегда потом.

– Тебе сейчас охота?

– Мне всегда охота.

Юля рассмеялась, услышав в собственных словах не то, что собиралась сказать.

Виталий тоже усмехнулся.

Зубы у Юли были очень белые, а смех звонкий, она похожа была на школьницу, которая хотела всерьез раздражить учителя, но не выдержала и смехом все испортила.

– Девчонок разбудишь, – упрекнул Виталий.

– Да им хоть в уши свисти, до обеда спать будут. Любят поспать. Это понятно, – Юля вздохнула и сказала Галатину, поделившись с ним, как с близким. – Малоокровие у них. Что ни делаем, не помогает. И кормим нормально, и лекарства правильные, да, Виталь?

Виталий, метнув взгляд на Галатина, ответил:

– Врачи сами не знают, что делать.

– А кто врачи? – горячо подхватила Юля. – Я в город возила, полдня ждали, а потом принимает какая-то Мумбарака Кумбарамовна, не выговоришь, она не то что лечить, она по-русски нормально не говорит!

– Имела право потребовать другого врача! – наставительно сказал Виталий.

– Так они тебе и дадут! А если и дадут, будет опять какая-нибудь нерусь, обидится за свою и так налечит, что еще хуже выйдет!

– Ладно, не нагнетай, в конце концов, у них ответственность. Если не тот рецепт выпишет, привлечь можно.

– Тебе легко говорить, ты не видишь, как девочки мучаются!

– Не начинай, ладно?

– Я не начинаю, а...

Юля замолчала, повернула голову в сторону и вверх, пару раз шмыгнула носом. Но тут же улыбнулась, сказала Галатину:

– Вы извините. Это мы так, в порядке профилактики.

Галатин, закончив завтрак, поблагодарил и встал, чтобы одеться, уйти первым и не видеть, как прощаются Юля и Виталий. Но и Виталий тут же встал, и тоже пошел к двери. Юля, прыгнув со стула, подбежала к нему, обняла, встала на цыпочки, чтобы поцеловать. Виталий подставил щеку. Видно было, что он и стесняется, но и лестно ему, что такая симпатичная и юная женщина его любит, поэтому не сопротивлялся, когда Юля повернула ладошкой его лицо и поцеловала в губы.

В машине Виталий молчал, хмуро глядя на дорогу. И Галатин молчал.

Только когда выехали из села, Виталий сказал:

– Ты, Русланыч, если что думаешь, лучше не думай.

– Я и не думаю.

– Вот и хорошо. Некоторые вещи легко понять, но трудно объяснить.

Галатин, несмотря на обещание не думать, задумался над загадочными словами Виталия.

Да и сам Виталий, похоже, был озадачен собственным изречением, но вскоре лицо его стало безмятежным, просветленным – все сложное осталось позади, а впереди привычное и спокойное движение, впереди дорога, которая ничего от тебя не требует, не хочет, ничем тебя не побеспокоит – если, конечно, правильно себя вести.

Они выехали в темноте, но с каждой минутой и каждым километром становилось светлее. Машин встречалось немного, все больше трудовые, грузовые, а иногда ехали по совсем пустой дороге, будто были одни в своем путешествии.

Галатин вспоминал, как ездил с отцом, у которого был сначала «Москвич-408», потом «Москвич-412», потом жигули-копейка, а потом и люкс советского автопрома, люкс не по объективным качествам, а по статусу в глазах потребителей, «шестерка». Четверть века ездил на ней

Руслан Ильич и продал, когда по здоровью не мог уже водить, а сын Василий так и не научился. Пробовал отец учить сына, раза три или четыре сажал за руль в подростковом и юношеском возрасте, Василий и сам вроде бы хотел, но быстро обнаруживалось, что скоординировать движения, вовремя на одно нажать, а другое отпустить, он не в силах, отец смешливо сердился и называл Василия пьяным осьминогом. «Да я бы и осьминога научил, – говорил он, – а ты чем больше пробуешь, тем хуже получается. Нет, вижу я, не твое это, лучше и не пытаться!» Через какое-то время все же предпринимал новую попытку – с тем же огорчительным результатом. Вот и продал Руслан Ильич машину, а потом и дачу, куда не на чем стало ездить. Василий, не захотел взять дачу на себя, не захотели и выросшие к тому времени Антон с Ниной, будучи насквозь городскими и не имея интереса к грядкам, цветникам, яблоням и вишням.

А ездить с отцом, сидеть рядом и смотреть в окно Василий всегда любил. За городом смотрел на поля, сады, лесополосы, в городе на дома и людей, гадая, как они живут и надеясь, что живут хорошо.

- Петровск, – сказал Виталий.
- А?
- К Петровску подъезжаем.
- Интересно, я ни разу там не был.
- И не будешь, мы мимо просквозим.

Тут Виталию позвонила Лариса. Он говорил с нею так, будто был недоволен, что отвлекают от дела, но слышалась в голосе и грубоватая ласковость:

– Еду, Ларис, ничего особенного. Подышал, конечно. Вот ты, ей богу! Нет, голодный! А чего спрашивать тогда? Как Оксанка там? Понятно. Хорошо. Ну все, пока.

Сразу же после этого позвонила и Юлия. Голос Виталия был точно таким же, как и в разговоре с женой:

– Час прошел, а ты уже... Юль, я за рулем, потом расскажешь. Я же говорил: завтра утром или к обеду. Давай, пока. Я тоже. Хорошо. Все, не могу говорить, менты впереди.

В самом деле, у обочины стояла полицейская машина, а возле нее двое служивых в теплых серых куртках и шапках; один из них поднял полосатую палку и помахал ею, будто подманивая к себе. Виталий подрулил, остановился. Достал папку с документами, вылез из кабины, пошел к полицейским.

Он показывал документы, а Галатин, чтобы немного размяться, вылез из кабины. Полицейские посмотрели на него. Один, сержант, был молодой, худенький, скучный, на ногах – унты. Не по форме, но, может, у человека ноги больные, мерзнут. Второй, лейтенант, был чуть старше напарника, но тоже молодой, высокий, полицейская форма шла ему, что случается редко, и даже куртка не казалась мешковатой – не исключено, что лейтенант подгонял ее по фигуре. Оба были без масок, как и Виталий, поэтому и Галатин не надел маску. Должно быть, на трассе не так строго блюдут антивирусные правила: на свежем воздухе и морозе в опасность заражения как-то не верится.

- Здравствуйте, – сказал полицейским Галатин. – С наступающим вас!
- Добрый день, – ответил за двоих лейтенант. – Вместе едете?
- Он к родственникам в Москву, – поторопился объяснить Виталий. – Я взял человека попутно, не запрещается же. Ведь нет?
- Пока нет, – сказал лейтенант. – Документы можно посмотреть?
- Чьи? – не понял Галатин.
- Ваши.
- Зачем?
- Русланыч, чего ты? – упрекнул Виталий. – Тебе трудно?
- Мне нетрудно, но хотелось бы знать причины и основания, – сказал Галатин. – Насколько я знаю, проверка документов у граждан, особенно если они не водители, не входит в обязанности дорожной полиции!

Сержант кисло скривился: ну вот, опять байда начинается! Лейтенант был выдержаннее, он даже улыбнулся.

– Мы не дорожная полиция. Основание – антитеррористическая операция. Можете не показывать документы, тогда поедem в отдел для установления личности.

– Да покажет он! – заверил Виталий. – Русланыч, время дорого, давай!

– Если бы мой товарищ так не спешил, я бы поспорил, – сказал Галатин. – Пожалуйста, ознакомьтесь.

Он достал из кармана куртки паспорт и протянул лейтенанту.

Галатин забыл, он совсем забыл, что вложил в паспорт свернутые справки. Все, сколько было. А лейтенант уже рассматривал паспорт, изучал данные, а потом развернул и листки.

– Глянь, Сережа, – сказал он. – Гражданин наперед запаса! Умно!

Сержант без интереса посмотрел и кивнул, выразив этим скупым движением и подтверждением очевидного беззакония, и привычку к нему.

– Это я... Понимаете, на самом деле эти справки вообще не нужны! – Галатин старался говорить шутливо-безбоязненным голосом, давая понять, что дело пустячное и не стоит особого внимания. – Это я так, на всякий случай!

– Случай, не случай, а налицо подделка документов.

– Блин! – вырвалось у Виталия. Он тут же объяснил причину возгласа. – Это я ему велел сделать, товарищ лейтенант. Типа, для страховки. Они, если подумать, действительно не нужны, можно хоть выкинуть. Какие документы, это так, распечатка, бумажки! Давай порву и забудем, ладно?

– Какой ты шустрый. Может, и паспорт порвать?

– Товарищ лейтенант, я, конечно, не юрист, – оговорился Галатин, – но, мне кажется, эти справки не такие документы, за которые...

– Статья триста двадцать семь, – прервал Галатина лейтенант, поняв, что тот хотел сказать. – До двух лет или штраф до восьмидесяти тысяч.

– Твою-то! – сокрушенно сказал Виталий – он сразу догадался, к чему клонит лейтенант. – Хлопцы, я вас понимаю, служба, работа, всем жить надо, но из-за такого пустяка... Неужели не договоримся?

– Не договоримся! – ответил за лейтенанта Галатин, в котором мгновенно вспыхнуло жгучее гражданское чувство, такое жгучее, что заслонило даже цель его поездки, желание как можно быстрее попасть к любимой Алисе и к Антону. – Ты, Виталья, не волнуйся. Езжай без меня, а я поеду с ними в отдел, посмотрим там, что это за статья и можно ли ее применить к этой глупой канцелярии. Очень сомневаюсь!

– Ты, отец, какой-то прям не пуганный, – с легким удивлением сказал сержант.

– Я прям пуганный! – возразил Галатин с напором многое пережившего человека. И он не совсем лгал, потому что говорил не только от себя, но от всего своего поколения, претерпевшего идеологическое давление советского времени, беспредел девяностых, неприметный, но настойчивый мухлеж нулевых, откровенно наглый шантаж десятых годов и заблаговременно начавшееся зачинчивание гаек в двадцатых – когда они еще не наступили. Его сверстники из тех, кто остался жив, навидались и натерпелись всякого, от тюрьмы до сумы, а что самого Галатин бог уберег, и он ни разу в жизни не попадал в опасную ситуацию, так это случайность, везение, а может, хотелось думать Галатину, результат честности его позиции, которая позволила избежать сомнительных положений. Гражданского долга не чурался, но нарочно на рожон не лез, вот и все. А сейчас, повторяем, он говорил от лица поколения, поэтому не было в его голосе ни звука фальши.

– Я пуганный, но не напуганный! – с достоинством сказал он. – Если у вас претензии по закону – отвечу! Если не по закону – ответите вы!

– Да твою-то, Русланыч, уймись! – закричал Виталий. – Ребят, не слушайте его, он не в себе, у него жена умерла, в Москву к детям едет! Задержат тебя суток на пять, не доедешь ни до кого! – пригрозил он Галатину. – Давай, иди в машину, грейся, а мы тут побеседуем. Пусть идет, ребята,

у него аденома простаты, застудится, обоссyt мне всю кабину! – на ходу фантазировал Виталий.

Галатин так изумился, что даже не возразил, а на лейтенанта аргументы Виталия действовали, он вернул паспорт. И справки тоже вернул.

– Идите, ладно, – сказал он.

Галатин, взяв паспорт и справки, помедлил. Он понимал, что происходит что-то нехорошее, но не знал, как этому помешать. И в отдел полиции не хотелось ехать, если честно. И Виталия подводить не с руки. И об Алисе вспомнилось.

– Иди уже! – взмолился Виталий

И Галатин пошел.

Он наблюдал из кабины, как Виталий и лейтенант о чем-то договариваются, после чего пошли вдоль машины, скрылись за кузовом. Через пару минут Виталий влез в кабину, открыл бардачок, швырнул туда папку, включил двигатель, поехал, потерял руки, согреваясь. Видно было, что злится, но злость придерживает. И даже заулыбался, трогаясь и маша рукой полицейским, прощаясь. Лейтенант тоже дружески махнул рукой, а сержант проигнорировал.

Отъехали, и Виталий дал себе волю:

– Это что такое было, Русланыч?

– Я хотел...

– Не колышет, чего ты хотел! Ты не сам по себе едешь, а со мной! И не должен мне вредить, понимаешь, нет?

– Понимаю, но лебезить перед ними...

– При чем тут лебезить? Мент – он как некрасивая баба, которую никто не любит! И баба капризная, хотя красивые такие же! Бабам что нужно? Ласка и деньги! Ментам – то же самое! А ты их дразнишь. Короче, десятка с тебя, и считай, что легко отделался.

– Десять тысяч? Не многовато?

– Хорошо, вернемся, дашь им восемьдесят!

Галатин достал бумажник, из него две красных пятитысячных купюры, отдал их Виталию, сказав:

– Паскудно это все.

– Само собой. Но мозги надо иметь? Своими руками бумажки эти им сунул! Они для этого, что ли? Они на случай, если спросят, а не спрашивают – не фиг показывать! Особенно если передним числом сделаны!

Галатин не стал спорить – после драки кулаками не машут. Спросил, уводя от неприятной темы:

– А как думаешь, у них и правда антитеррористическая операция?

– Черт их знает. Вряд ли сами придумывают, начальство спускает. Это у них в среднем раз в месяц. Начальство же знает, что пацанов подкормить надо, вот и объявляют антитеррор. Ты хоть раз в теракт попадал?

– Нет, конечно.

– И я не попадал. И никто, кого я знаю, не попадал. Ни разу в жизни. Но мы все время про эту угрозу слышим, правильно?

– Не все время, но часто.

– Вот! Часто! А про СПИД ты слышал что-нибудь? И я не слышал. Будто нет его! У Ларисы тетка по этой части работает, она говорит: вы не представляете, что творится! И СПИД, и проституция, и что хочешь! Гонорея и сифилис – вообще пустяк! А наркомания? Цветет и процветает! Люди тысячами дохнут! А на дорогах сколько гибнет? Я ни одного погибшего от террора не встречал, а трупов в авариях знаешь, сколько навидался? За один месяц по миру гибнет столько, сколько террористы за сто лет не убили! Или – про пищевые отравления слышал что-нибудь?

– Бывают.

– Бывают? Та же тетка рассказывала: по статистике миллионы погибают в мире от гнилья, в том числе у нас! Постоянно! Она в курсе, как начнет про это говорить, сразу в мозгах просветляет-

ся. Кандидат наук, очень умная женщина, – с уважением сказал Виталий. – Недаром одна живет, без мужа, хотя молодая, ненамного старше Ларисы. И симпатичная, красивая даже.

Виталий щелкнул языком, вспоминая красоту тетки жены, и тут же тряхнул головой, словно зачеркнул возникшие в уме неуместные мысли. И подытожил:

– Выдумки все это. Я про терроризм. То есть не выдумки, что-то есть, но не в таком количестве, как нам говорят. Я, знаешь, один раз подумал: вот я, допустим, террорист. Хочу ущерб нанести, напугать, людей поубивать. Способов – куча! Сказать, какие?

И Виталий перечислил доступные и легкие способы безнаказанного убийства десятков и сотен людей, которые мы по понятным причинам пересказывать не будем. Галатин, никогда не думавший в эту сторону, поражался: а ведь правда, как легко привести в исполнение то, о чем говорил Виталий, было бы желание! Значит, не так сильно это желание у террористов? Или у них другие цели? Но почему тогда терроризм не сходит с повестки дня? И Виталий, будто услышав эти мысли, сказал:

– Нам для того голову дурят, чтобы мы про настоящий террор забыли! Налоги наши – вот где террор! «Платон» – вот где террор! Слышал про него?

– Сольский рассказывал.

– Ну да, он на своей шее знает. Что с бизнесом делают – вот где террор! Цены на горючку – террор! Пенсии какие у людей – чистый террор! Да чего не возьми! Дочка про школу начнет рассказывать – тоже террор, заманили их там контрольными, тестами, проверками, учить некогда, только проверяют. А здравоохранение наше – не террор?

Виталий долго еще перечислял виды террора, и из горячих его речей можно было сделать вывод, что вся жизнь в России есть тотальный террор государства по отношению к гражданам.

– А мы Америку с Европой осуждаем, – поддакнул Галатин.

Но поддача оказалась не в кон, Виталий взъярился и в два счета доказал Галатину, что в Европе и Америке террор похуже нашего, поскольку там людей специально развращают гомосексуализмом, порнографией, ставят во всех городах мечети, у родителей отбирают детей, если они их случайно шлепнут по попе, а в детских садах запрещают мальчиков называть мальчиками, а девочек девочками.

– А как же? – спросил Галатин.

– Да шут их знает. Ну, типа, наверно, ребенок. Ребенок Маша, ребенок Саша. Только по-ихнему – Мари, Саша, как-то так. Совсем либерася офигела у них, заставляют белых людей неграм в ножки кланяться. Не поклонился – с работы выгонят, а негритосы на улице вусмерть забьют, и им ничего не будет!

Галатин слушал, не перебивая. Он понял, что в голове Виталия страшная каша, сваренная из того, что тот слышит по радио на разных волнах во время многочасовых и многодневных своих поездок. Только что говорил разумные и здравые вещи, но вот пошла фантастическая чепуха, и тут же опять все здраво и дельно, и опять феерическая чушь...

Лишь когда Виталий утомился и умолк, Галатин сказал с мягкой укоризной:

– Ты, конечно, прав. Но получилось, что мы тоже на терроризм поработали. Взятку дали. Разве нет?

– А чем мы лучше? Я о том и говорю: везде терроризм.

– И при Сталине так же было. Ты правильно заметил – тот терроризм, про который говорят, он придуманный. А Сталин врагов народа придумал. Та же схема – отвлечь людей от настоящих проблем.

– Неправда! Тогда враги настоящие были! Одних сионистов сколько, на все должности проникли!

Тут Виталий осекся и пристально посмотрел на Галатина.

Галатин понял его взгляд, засмеялся:

– Я русский, Виталья.

– Да? А что-то в тебе есть... Как сказать... Что-то такое ехидное, еврейское. Нет, они нормальные тоже были, мы, если подумать, даже хуже их. Но при Сталине дружба народов была! Где еще, в какой стране православные с мусульманами так уживались? А почему? Потому что – дисциплина, контроль и совесть! Согласен?

– Нет.

– Почему?

Галатин объяснил, почему. Виталий возразил. У них разгорелся спор – жаркий, но без перехода на личности. На личности можно перейти там, где есть возможность с человеком, поругавшись, тут же расстаться, а тут не расстанешься, долго еще ехать вместе.

Галатин, умевший одновременно и говорить, и размышлять, подумал: а ведь легко представить Виталия, неглупого, работающего, заботливого, исполнительным лагерным надзирателем, а то и следователем, который свято верит в необходимость репрессировать врагов. И попадись ему Галатин зеком, не стал бы тратить время на доказательства необходимости дисциплины, контроля и совести, а дал бы по морде и раз, и два, а потом добавил бы ему, лежащему, сапогом под дых – чтобы быстрее дошло.

Слава богу, что другое время, хотя люди те же.

24.

Лейтенант и сержант трудились до самого Нового года, зарабатывая себе отдых. Оба щедро одарили своих близких. Лейтенант преподнес пятилетнему сыну «Лего», дорогое, со множеством деталей, сама коробка была в рост мальчику, а жене – духи, тоже дорогие, жена радовалась, обняла лейтенанта, поцеловала, а духи через неделю переподарила своей матери, чего лейтенант не заметил – мужчины таких вещей не замечают. А сержант горделиво вручил своей девушке новый смартфон, и девушка тоже радовалась, целовала и обнимала его, и, пока он принимал душ перед тем, как лечь с девушкой в постель, она надежно спрятала коробку с другим смартфоном, точно таким же, который ей подарил другой мужчина.

25.

Насте снится, что она заболела, лежит в жару и в поту, хочет подняться, но не может, ей страшно, а позвать некого. Дочь звать нельзя – напугается, да и толку от нее мало. Надо кому-нибудь позвонить. Настя ищет глазами телефон и видит, что он под диваном. В реальности она не могла бы его увидеть, а во сне может. Но как достать его оттуда? Настя перекатывается к краю дивана, а край все нет. Она катится и катится, наконец достигает края, но это не край дивана, а край водопада. Широкий поток льется куда-то в бездну, вода с силой тащит Настю, она держится за камень. Но не боится, она много раз видела в кино, как герои бросаются в этот поток и благополучно выныривают. Поэтому решительно отталкивается от камня, летит в падающей воде, успев заметить, что окружающее кажется неподвижным, и это понятно, она ведь движется с той же скоростью, что и вода. Настя успевает сквозь прозрачные струи полюбоваться далекой зеленой долиной, заодно пьет воду, очень холодную, но при этом не имеющую никакого вкуса. Это ее удивляет. Удивляет и то, что она никак не упадет. Она мерзнет. Она видит себя встывшей в ледяную прозрачную глыбу, часть мгновенно замерзшего водопада. Летает вокруг и рассматривает себя, как не себя, как экспонат. Замечает, что экспонату перед заморозкой не очень хорошо сделали эпиляцию, особенно в зоне бикини. Волоски, прижатые тесным обхватом льда, кажутся слишком заметными, некрасивыми, как тонкие черные червячки. Настя молотком, неизвестно как оказавшимся в руке, да нет, не молотком, ледорубом с острым наконечником, ударяет по льду, но на нем остается лишь небольшая зазубринка, будто это не лед, а алмаз. Тут же вместо водопада, то есть ледостоя, Настя видит перстень в алом футляре. Перстень с очень крупным бриллиантом, сверкающим так, что кажется – острые лучики осколками попадают в глаза, немного больно, но и смешно. Настя смеется и кашляет.

Она просыпается от кашля. Приподнимается, откашливается. Сразу же понимает, что и впрямь заболела. Жар, пот, голова тяжелая и немного кружится, во рту незнакомый привкус. Настя облизывает изнутри губы и зубы – вкуса нет. Она подносит к лицу руку – никакого запаха. А должен быть, Настя всегда на ночь смазывает руки увлажняющим, приятно пахнущим кремом. Или вчера не смазала, забыла? Значит, уже вчера все пошло не так, как надо?

Главное – не впадать в панику. Да, наверное, это ковид. Было бы странно, если бы он не настиг: Настя ни на день не прекращала работу, встречалась с множеством людей, помогая Мите, видя, как и он в эти предновогодние недели старается завершить дела, не оставить долгов следующему году. Это и примета плохая, и за душу тянет: Митя, как и Настя, не любит ничего неоконченного.

Настя взяла телефон посмотреть время. Семь минут шестого. Что ж, маловато поспала, но случилось и меньше. Выпить кофе, привести себя в порядок, принять парацетамол. Но сначала встать. Это легко и просто, Настя, прирожденный жаворонок, никогда не имела привычки нежиться, дремать после сна. За это ее хвалили и обе бабушки, и мама. И не только пробуждение, все дела у нее так. Решила – сделала. Задумала кончить школу с золотой медалью, хотя для поступления в вуз хватило бы отличного аттестата и ее знаний, – кончила с золотой медалью. Решила после университета стать кандидатом наук – стала. Наметила довести тело до совершенства в пределах, дозволенных природой, без всяких операций и коррекций, только упражнениями и диетой – довела. Поставила цель не откладывать замужество, чтобы быстрее миновать мешающие работе беременность и раннее материнство, а для этого выбрать из имеющихся молодых людей самого порядочного, симпатичного и здорового – исполнила. Почувствовала, что тесно в Саратове, что пора перебраться в Москву – перебралась, взяв Антона и Алису. Поняла, что нужно устроиться в крепкую государственную структуру, – устроилась. Всегда была хозяйкой положения, исполняла задуманное, не считая некоторых мелочей, но при этом благоразумно не впадала в гордыню, регулярно посещала церковь, молилась и ставила как благодарственные, так и уповательные свечки, упрекая Антона, что тот вне веры – за это теперь и поплатился, пусть не удивляется! Кстати, с религией у Насти тоже устроилось, как и с другими важными проектами ее жизни: не чувствуя, что верит, она не хотела обманывать себя и допустимого, но еще не утвердившегося в душе Бога, сначала посоветовалась с бабушкой Лизой, которая по маме. Бабушка Лиза сказала: «Не выдумывай ничего, верь, да и все. Порядочные люди верят, и ты верь». Настя посоветовалась и с бабушкой Зиной, которая по отцу. Та почему-то испугалась, будто ее в чем-то уличили, и сказала, что ничего в этом не понимает, лучше обратиться к священнику. Настя обратилась. Священник был удивительно чернобород, ослепительно белозуб, молод и красив. С любующейся улыбкой глядя на Настю, он сказал:

«Раз спрашиваешь о пути к Господу, значит, догадалась, что путь есть. Уже хорошо. Готовься».

Объяснил, как готовиться, посоветовал читать Новый Завет, в первую очередь, конечно, Евангелия.

«Уже читала, – сказала Настя. – И Новый Завет, и Ветхий».

«Вижу, старательная, – похвалил красавец-поп. – Евангелия еще почитай, а Ветхий Завет больше не трогай. Он у нас как отправная станция. Но ведь отправились – надо ехать. Вот мы и поехали дальше. Помни только – сердцем все надо понимать. Не лгать. Ты потом ко мне придешь, все о себе сказать придется, всю правду. Готова?»

«Пока не знаю».

«Не то страшно, что в человеке разные мысли бродят, а то, что он их прячет, – журчал священник тихим, завораживающим баритоном. – Греха надо не бояться, не кричать караул, а спокойно смотреть ему в глаза и говорить: не достигнешь! И справишься. А если вдруг нет, если упадешь, всегда можно подняться. Повторяю: мысль – еще не грех. Ты вот, наверно, смотришь на меня и думаешь: какой мужчина эффектный, вот бы с ним замутить! Думаешь?»

«Если честно, да. Нет, замутить не хочу... То есть в глубине думаю про это, – Настя спохватилась, что ее слова могут показаться красавцу обидными, – но я справляюсь».

«Вот и хорошо. И я справляюсь. Ты красивая, молодая, а я человек, я мужчина, и не хочу, а бесы дергают. Но я не боюсь. Подергают и отстанут. И от тебя отстанут, а то, я вижу, ты аж возбуждалась. Не бойся правды, признайся».

Настя по прихоти подсознания в это время думала о том, можно ли отбелить зубы до такого же молочного цвета, как у попа, но призналась в возбуждении, которого не было, – угадала, что батюшке этот ответ будет приятен.

«Ничего страшного, – утешил ее священник. – Даже объяснимо. Христос – жених твой истинный, не ты первая чувствуешь легкие эротические переживания от прикосновения к Нему и Его представителям, в том числе ко мне. Что поделать, душа в теле живет, психофизика!»

Так Настя вошла в лоно церкви, и еще не раз встречалась и беседовала с красавцем-попом, по черпнув самое важное: от грехов не убережешься, это было бы слишком самонадеянно, лишь бы осознать их и каяться. И любить Бога, и верить в конечную справедливость.

Она настолько привыкла быть хозяйкой своей жизни, что и Алису себе запланировала. С первых дней беременности была уверена – будет дочка. Дочка и получилась.

Иногда Насте было даже не по себе оттого, что все идет полностью по плану, поэтому, когда обнаружила, что Дмитрий Алексеевич Согдеев относится к ней теплее, чем нужно по службе, восприняла это как долгожданное испытание на прочность. Готовилась сопротивляться. Разыгрывала в уме сценки в духе мелодраматического сериала: самоуверенный босс пытается соблазнить подчиненную женщину и лаской, и шантажом, и прямыми угрозами, а она – ни в какую. Хотя увольняйте. Но учтите – я пойду в суд, я расскажу все своей знакомой блогерше, у которой сто тысяч подписчиков, она ославит вас на весь свет.

Все вышло просто и как-то фатально: Дмитрий Алексеевич взял Настю с собой в командировку, вечером позвал в свой номер-люкс, поужинали, выпили шампанского, она собиралась уйти, и тут он сказал:

«В отношениях с женщинами не терплю суеты и насилия. Да и зачем, если мы друг другу нравимся? Останься. Все равно к этому придет».

Он сказал это спокойно и уверенно. Ясно было, что не привык к отказам, но и отказ готов принять мудро, не допуская ущерба самолюбию. Так и Настя всегда поступала – решаясь на что-то, не накачивала себя фальшивой стопроцентной уверенностью, заранее допускала возможность срыва попытки, но никакую попытку не рассматривала как последнюю. Умный боец жизни всегда готов временно отступить перед будущим наступлением. Правда, получалось, что на этот раз не она спланировала, а ее спланировали, но Насте и это нравилось. Устаешь, когда все подчиняется твоей воле, хочется и самой подчиниться, особенно если человек объективно сильнее тебя.

И подчинилась, и очень скоро поняла, какое это наслаждение – оказаться в руках того, кто все за тебя решит, человека мощного, человека, за которым стоит не что-нибудь, а большое государственное дело. Другой масштаб и объем жизни, другие люди вокруг, все другое. Другая жизнь, говоря просто.

Итак, надо встать.

И Настя приподнялась, но тут же опять легла – кровь так бурно прилила к голове, что потемнело в глазах. Ничего. Еще немного полежать, и все пройдет.

С третьей попытки удалось подняться, сесть, спустив ноги. Потом встать и пойти на кухню.

Кофе потом, сначала парацетамол. И анальгин. Настя совсем не разбирается в лекарствах, только в детских, поскольку у Алисы, как и у всех детей, были возрастные недоздоровья, приходилось с ними справляться.

Настя, приняв парацетамол и анальгин, посидела, оценивая свое состояние. Никогда у нее не было такого, чтобы тело не слушалось приказов головы. Она с трудом представляла, что это вообще возможно. Ей приходилось бывать в больницах, хосписах, домах престарелых по ходу благотворительных мероприятий, которые устраивала структура Мити и сам Митя лично, она видела и колясочников, и лежачих, сочувствовала им, но при этом в ней было странное, почти детское недоверие: неужели человек, если он сохраняет силу здравого ума, не может велеть своему телу – встань и иди?

И вот она сидит и говорит себе: встань и свари кофе. Но встать не может.

Надо позвонить – кому?

Мите, конечно.

Но позже.

Митя не привык слышать и видеть ее слабой, он ее такой не знает. Знает только бодрой, упругой, энергичной, веселой. И страстной. Это то, чего не было с Антоном и обнаружилось с Митей. Дело не в опыте и не в каком-то таланте, и, уж тем более, не в физических достоинствах. У Антона все это имеется плюс старательность, он очень старательный, он альтруист, мечта женщины. Митя же думает в первую очередь о себе. Он просто – хочет. Но хочет так сильно, так безоговорочно, что ты получаешь удовольствие не от своего удовольствия, а от того, что доставила удовольствие ему. Когда он рычит, отваливаясь, рычит шутливо, дурашливо, изображая насытившегося зверя, Настя чувствует себя победительницей, ее накрывает удовлетворенное блаженство, тающее, но долгое, намного дольше обычных физиологических реакций, которые тоже есть, но не играют особой роли. Это как насыщение и вкус: сопутствующие, но разные вещи.

А вкуса-то как раз сейчас и нет. И обоняния нет. Классический случай, сколько Настя об этом читала и слышала. На всякий случай заранее готовилась, не веря, что знание дается только опытом. Опыт нужен дуракам и дурам, умным хватает воображения. Готовилась морально, составляла план действий. Первое – не паниковать, наблюдать за собой. Второе – вызвать скорую. Но в больницу не ехать. Третье – позвонить Людмиле Васильевне. Четвертое – предупредить Антона, чтобы, в случае чего, помог, позаботился об Алисе. Пятое (или четвертое, а Антон – пятое? Не существенно) – позвонить Мите, посоветоваться. Скорее всего, он предложит лечь в ЦКБ¹. Что ж, как вариант.

Но все это предполагалась сделать днем, а сейчас еще ночь. Надо потерпеть и подождать. И все-таки выпить кофе.

Одышка еще неожиданная. Ко всему готова Настя – пусть жар, пот, слабость, с этим можно как-то справиться. Но когда не хватает воздуха, когда дышишь и никак не можешь отдышаться, а сердце часто стучит, и с ним тоже не можешь сладить, – это унижительно до слез.

А может, это паническая атака? Помощница Яса, набивающаяся в подруги, рассказывала о таких вещах, наивно считая, что, если поделиться с начальницей чем-то личным, это сблизит. Ее эти атаки настигали в лифте, за рулем машины и даже в постели с бойфрендом. Самое ужасное, рассказывала Яса, что это возникает внезапно. Подумаешь: сейчас было бы очень некстати, тут-то оно и накатывает. Яса ходила к очень опытному и дорогому специалисту, для того картина была ясна: первый приступ у Ясы был в школе во время сдачи ЕГЭ, значит, связано со стрессом ответственного момента. Избегать таких моментов не получится, атаки, увы, тоже пока неизбежны, следует изменить отношение к ним. «Насколько часто вам было плохо, вы задыхались, руки потели, казалось, что сейчас умрете?» – спросил специалист. «Раз десять». – «Но вы при этом ни разу не умерли, так?» – «Так». – «И не умрете. Поэтому спокойно ждите, когда отпустит. Вот у меня яхта, и я знаю: если ветер слишком сильный, он может порвать развернутый парус. Значит, надо парус свернуть. Позволить дуть ветру, не сопротивляться. Атака? Ну, пусть атака, давай, налетай. Понимаете?» Яса уверяла, что после этого панический ужас охватывал ее намного реже и проходил быстрее. Есть и еще способ помочь себе, самый известный – дышать в бумажный или полиэтиленовый пакет, потому что, объясняла Яса, при атаках только кажется, что не хватает кислорода, наоборот, его слишком много.

Сроду бы не подумала Настя, что ей может пригодиться совет болтушки Ясы. Как раз на столе был бумажный пакет с булкой из кондитерской. Настя схватила пакет, вынула булку, вытряхнула крошки прямо на стол, чего раньше никогда бы себе не позволила, приложила пакет к лицу, начала дышать, пакет то сжимался, то расправлялся, сначала показалось, что стало еще хуже, но вот легче, еще легче, а теперь хочется вздохнуть полной грудью, и Настя, убрав пакет, вздохнула, и

¹ ЦКБ – Центральная клиническая больница Управления делами Президента Российской Федерации.

получилось. Дыхание выровнялось, сердце стучало не так часто, исчезло покалывание в пальцах, голова прояснилась.

Настя сварила кофе. Пила по крохотному глоточку, прислушиваясь к себе. В конце концов, кроме ковида, есть еще и просто грипп. Да и ковид не смерть, ничего, справимся. Не бояться, не суетиться. Сейчас даже можно прилечь.

И Настя пошла, легла, задремала, чувствуя, что ломота в теле проходит, а жар даже приятен.

Проснулась от звонка в дверь. Удивилась: почему за окном так светло? Нашарила телефон, посмотрела время. Половина одиннадцатого. Невероятно. В десять она должна была встретиться с Митей, обсуждать отчетность, а потом давать задания сотрудникам на оставшийся последний рабочий день. Опять звонок в дверь, а потом послышалось, как ключ со шелканьем открывает замок. Шаги в прихожей, в кухне. После этого Людмила Васильевна заглянула в комнату, смутилась.

– Доброе утро, извини, Настюш. Я зря пришла? Ты на работу же собиралась, нет?

– Да. Проспала немного. Посмотри, Алиса спит?

Людмила Васильевна прошла и посмотрела в щелку приоткрытой двери.

– Спит, чего ей не спать.

Настя села, опираясь руками.

– Ты не больная ли? – спросила Людмила Васильевна.

– Все нормально. Да, похоже, заболела, – признала Настя. – Сейчас, постой.

Она взяла телефон, увидела четыре пропущенных звонка. От Ясы, от еще одной сотрудницы и два от Мити.

Позвонила Мите.

– Привет, будешь смеяться, но меня накрыло.

– Вирус? – с деловитой тревогой спросил Митя.

– Вроде того. Фигово очень.

– Температура высокая?

– Не мерила.

Людмила Васильевна, слыша этот разговор, тут же пошла в кухню, где был лекарственный ящичек, появилась в маске и с электронным термометром, похожим на маленький фен. Не подходя близко к Насте, поднесла термометр к ее руке, посмотрела.

– Тридцать восемь и восемь.

– Многовато. Тридцать восемь и восемь, – повторила Настя для Мити.

– Как в целом чувствуешь себя?

– Терпимо.

– Лежи и жди, сейчас вызову тебе скорую.

– Зачем? Дома как-нибудь...

– Никаких дома, это плохо кончается! Не бойся, устроят в отдельную палату со всеми удобствами, я договорюсь.

– Не знаю...

– А я знаю.

Это хорошо. Это хорошо, что есть человек, который всегда точно знает, что делать. И Настя покорилась:

– Ладно, поеду. Извини, что так получилось.

– Ты дуручка совсем?

– Митя, если я заболела, ты, наверно, тоже должен. Мы же...

Взгляд на Людмилу Васильевну, та сразу же – на кухню.

– Мы же вместе часто были, – закончила Настя.

– И что? Я подозреваю, что уже переболел в легкой форме, хоть и не проверялся. Соседка твоя с тобой?

– Да, тут. Присмотрит за Алисой.

– Извини, Настя, – возникла чуткая Людмила Васильевна. – Я при данном обстоятельстве буду вынуждена не смочь содействовать.

– Я перезвоню, – сказала Настя Мите.

– Что там еще? – спросил он.

– Перезвоню, подожди, – Настя отключилась, она не в силах была сейчас одновременно вести два диалога. – Людмила Васильевна, не поняла, ты уйти хочешь?

– А как еще? Я опасуюсь, имею право.

– Меня сейчас в больницу увезут, никакой опасности!

– Тебя увезут, а атмосфера останется, тут, может, все вирусом пропитано. И Алисочка переносицей может быть.

– Если бы ты заразилась, то уже заболела бы!

– Неизвестно, Настюш, А лишнего риска мне не надо. У меня дочь со мной живет без прописки и без страховки, и внук, тоже без ничего. Заболеют, их ни в какую больницу не возьмут!

– Откуда они, ты же одна!

– Это тебе кажется, ты про мои обстоятельства не интересовалась, они уже три месяца при мне, а если ты их не видела, то потому, что никуда не пускаю. И подвергать вашему вирусу не буду!

– Смешно ты сказала, – невольно оценила Настя. – Вашему.

– А чьему же еще? Я с детства до молодости в деревне жила, сроду там про такую гадость не слышали. Простудится человек или живот заболит, сердце иногда у кого, нормальные здоровые болезни, а в цивилизацию переехала, чего тут только нет! Аллергия у всех на все, заразы какие-то и дело на всех нападают, надо, я чувствую, обратно ехать.

– Ну да, там не заражаются и не умирают. А если что-то случится, никакая скорая не доедет!

– И пусть! – неожиданно ответила Людмила Васильевна. – Лучше уж так – умрет человек, никого заразить не успеет. А вы тут умереть не соглашаетесь, переносите заразу друг на друга, а по результату все равно умираете! Нет, Настюш, не обижайся, я пойду. Прости.

– Людмила Васильевна, это же подло!

– Может быть, – не спорила Людмила Васильевна. – Но тут уж надо выбирать – или своим подлечить, или кому другому. Сама бы что выбрала?

– Я заплачу! Хорошо заплачу! На год жизни хватит.

– Настюш, не надо, не терзай меня и себя. Какие тут деньги, тут вопрос жизненной смерти на кону! Хоть миллионы мне посули, спасибо, не надо. Ты котлетки в холодильнике видела?

– Да.

– И винегрет там еще, если сегодня не съедите, надо выкинуть, ему уже два дня. Все, пошла. До свидания, выздоравливай, Настюш, не обижайся.

Настя промолчала.

Людмила Васильевна постояла немного у двери, будто собираясь еще что-то сказать, но ничего большее не сказала. Вышла. Хлопнула дверь. И тут же открылась опять. Передумала?

Из прихожей послышалось:

– Ключи тут на крючке оставляю!

И опять хлопнула дверь.

Настя позвонила Мите, объяснила, что случилось.

– Не волнуйся, сейчас дам девочкам задание, отыщут хорошую няню, через час будет у тебя.

– Спасибо. Господи, как же это не вовремя!

– Все всегда не вовремя. Ничего. Справимся, ни о чем не думай. Я тебя люблю, Настюх.

– Терпеть не могу, когда ты так меня называешь!

– Знаю, поэтому называю. Ты злишься – это хорошо. Тебе злиться идет. И ты мобилизуешься.

Это правда. В злости, в гневe Настя всегда становится собранной, решительной, сильной. Надо разозлиться на болезнь. Встать, собраться, взять с собой средства гигиены, побольше белья.

Настя резко поднялась, голова закружилась, Настя взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие и не смогла, упала на пол, больно ударившись затылком.

26.

Людмила Васильевна солгала: не жили с нею дочь и внук. Дочь умерла три года назад от панкреатита, а внук по второму разу сидел в тюрьме.

Но, если она заболела и умрет, кто придет на могилу дочери? Кто будет ждать внука? Поэтому ее ложь не совсем ложь: вместе с ее жизнью сохраняется память о дочери и внуке, а не будет ее, не останется и памяти, только полная пустота.

27.

Совпадения, в том числе печальные, удивляют только в обычной мирной жизни. А когда, к примеру, на войне, убьют одного солдата и тут же погибает другой, часто десятки, сотни, тысячи, это не совпадения, а закономерность.

Поэтому ничего удивительного, что с Виталием случилось то же самое, что с Настей, причем в то же самое время: он потерял сознание.

До этого ехали полем, лесом, опять полем, опять лесом, а потом все полем, полем и полем, вокруг было безлюдно, будто находишься где-то в бескрайней тундровой Сибири, а не в центральной части России. О том, что где-то здесь живут люди, говорили лишь таблички-указатели: Майское, Чунаки, Варыпаево, Волхонщина, Колышлейка, Кондоль. Непонятные, странные эти названия напоминают о том, что Русь угнездилась на чужеродных землях среди чужеродных народов и языков, и хоть было это давно, но в каждом русском человеке сохраняется древнее чувство, что он тут пришлый. Правда, все везде устроено настолько одинаково, чему поспособствовала уравнилительная советская власть, что, куда бы ты ни попал, все узнаешь, везде, как дома.

Поняв, что с Галатиным говорить нет ни толку, ни удовольствия, Виталий слушал радио. Сначала музыку, потом какую-то передачу. И Галатин слушал в наушниках музыку, устроившись на лежанке за сиденьями. Дома он предпочитал что-то любимое, привычное, избранное, но в дороге захотелось почему-то такого же случайного, как окрестные виды. Понять – что крутят народу, что востребовано, что ротируется на разных станциях. В познавательных целях.

– Русланыч! – окликнул его Виталий. – Вот, послушай, что человек говорит.

И включил на полную громкость радио. Ведущий, известный своим злым патриотизмом, ругалски ругал оппозиционера, известного своим ерническим либерализмом, за какие-то слова о каком-то подвиге времен не затихшей Великой Отечественной войны.

– Ты мразь, подонок, – заочно обращался ведущий к оппозиционеру так яростно и громко, будто говорил на площади и будто обличаемый стоял перед ним. – Ты последняя гнусь даже не потому, что замахиваешься на святое, а потому, что делаешь это как крысеныш, мелко, подло, ты просто кусаешь, зубки-то мелковаты, ты просто скотина, и я сейчас специально вот так это говорю, я сознательно это говорю, грубо, даже тупо, знаешь почему? Потому что говорить нормально я буду только с теми, кого уважаю, а ты тупой мерзавец, говорить с тобой нормально – значит принимать тебя всерьез, а я не хочу, чтобы тебя принимали всерьез, поэтому говорю с тобой так, как ты этого заслуживаешь, все, больше ни одного слова. Теперь попрошу прокомментировать нашего гостя, – и ведущий назвал имя писателя, прославившегося не столько книгами, сколько бескомпромиссной критикой власти, которую он упрекал в недостаточной властности, отсутствии воли к культурной, интеллектуальной, а если понадобится, и прямой экспансии по отношению к окружающим народам и пространствам.

Писатель охотно заговорил. Изъяснялся он сбивчиво, торопливо, к тому же слышалось, как набежавшая от ораторского вдохновения слюна с трудом умещается в его рту; создавалось ощущение, что у него там что-то вроде бетономешалки, где цемент слов ворочается вместе с жидкостью слюны, преобразуясь в однородную густую массу.

– Каждый имеет свое право, – говорил он, – но надо различать, когда если кто хочет действительно что-то, а когда это просто пиар в свою пользу. Это просто пиар.

– Наглый пиар, – соглашался ведущий.

– Да, наглый пиар, и больше ничего. Если бы это было как-то по делу, а это абсолютная чепуха, никто не слушает, никому это...

– Точно! Никому не интересно. Вопрос: надо ли нам тогда это обсуждать? Мое мнение: надо, потому что этот говнюк выражает тенденцию.

– Да, я тоже так считаю. Обсуждать надо, не хочется, но приходится обсуждать. Потому что тут не только тенденция, а тут какие-то силы деструктивные, тут явное что-то...

– Заказ.

– Да, заказ. Это не обязательно прямые деньги, но мы знаем, как это делается. Послушают, скажут ему: приезжайте, прочитайте лекцию.

– В точку! Обналичивание хамства, так это называется. Обналичивание лжи и бесстыдства. Вы знаете, бесстыдство сейчас очень ходовой товар, отлично конвертируется. Как считаете?

– Да. Это всегда хорошо продавалось – когда мы гадим сами на себя.

– И я о том же! – воскликнул Виталий. – Что мы умеем – гадить на себя!

Он развил тему, что-то говорил, и по радио говорили, и Галатину показалось, что он слушает тут уже не меньше часа.

– Выключить можно? – спросил он.

– Не нравится?

– Нет.

– Почему?

– Я не обязан объяснять. Выключи или сделай тише.

Виталий убавил громкость и сказал с точно таким же злорадным удовольствием, которое слышалось в речах ведущего и писателя:

– Жалеешь, что со мной поехал? Сам напросился, терпи.

– Да ладно, – Галатину не хотелось поддерживать этот разговор.

– Что ладно? Я же вижу, не нравлюсь я тебе. Ты мне тоже не нравишься. Но я-то знаю, почему ты мне не нравишься, а почему я не нравлюсь – непонятно. Объясни, пожалуйста.

– Тебе больше говорить не о чем?

– А о чем еще? Хоть бы спросил, почему ты мне не нравишься.

– Не спрошу.

– А я сам скажу. Начнем с того, что ты меня за человека не считаешь. Снисходительно относишься ко мне. Скажешь нет?

– Нет. Нормально отношусь.

– А вот и соврал. Ты не бойся, я правду люблю, если она честная. Я не обижусь. Может, мне даже надо наконец узнать, в чем мое дерьмо. Давай, колись, что во мне не так?

– Все так, отстань.

– Да я сам знаю, Русланыч, дорогой. Думаешь, ты первый такой, с кем я дискуссию имею?

– Виталь, уймись. Тебе скучно, что ли?

– Мне не скучно, а хочу, чтобы ты знал, что я вас всех насквозь вижу. Вы, типа, интеллигенты, а мы, типа, работяги, чернорабочие для вас. Думаешь, я против? Нет. Разделение труда, кому что. Мне нравится ездить, я езжу. Но вы вот получаете верхнее образование – для чего? Чтобы думать, как устроить жизнь. Правильно?

– Я не думаю, как устроить жизнь. Я музыкант, – Галатин все еще надеялся отшутиться. Но Виталий был непреклонен.

– И что? Ты музыку играешь, физики формулы сочиняют, инженеры проекты рисуют, политики тоже что-то там делают. Для чего? Чтобы у нас у всех была интересная умственная и культурная жизнь. Мы вас возим, мы на вас работаем, а вы нам должны обеспечить атмосферу. А мы что видим? Похабень по телевизору, если про культуру, а о технике я вообще молчу. Машины не умеем делать, ракеты в космос не летают, вопрос: вас зачем учили? А?

Галатин прибавил громкость в наушниках.

– Нечем крыть? – спросил Виталий.

– Нечем. Ты победил.

– Вот! В этом разнища! Я с тобой говорю как с человеком, а ты презираешь со мной общаться. Как бы гордый. А я тебе скажу, что это не гордость, а тебе деваться некуда. Был бы ты гордый, ты бы сказал: пошел, Виталия, в задницу, не хочу с тобой ехать. И сошел бы. Я к тому, что не надо заноситься, Русланыч, все мы одинаковые, все одной веревочкой в жизни повязаны. Не нравится ехать, а ехать надо. Так или нет?

Галатин не мог понять, с чего Виталий так взъелся, так озлился на него. Никакого повода он ему не давал. Может, и не нужен Виталию повод, просто есть возможность отыграться за какие-то свои обиды. Может, он тоже хотел когда-то получить высшее образование, стать инженером или еще кем-то, не получилось, вот и осталась досада на всю жизнь. Надо бы отнестись к этому с терпеливым пониманием, дать ему выговориться, но Галатина всерьез задела уверенность Виталия, считающего, что он в его власти, что никуда не денется. А вот возьмет и денется. Нет, правда, возьмет и выйдет прямо сейчас. И это будет Виталию уроком. Конечно, очень неудобно и неприятно остаться на дороге с гитарой и чемоданом, но дорога не без добрых людей, кто-нибудь подвезет до ближайшего населенного пункта, туда, где есть железнодорожная или автобусная станция. Все решаемо, мы просто привыкли к комфорту, к покою, и ради их сохранения идем на сделки со своей совестью. Примерно так думал Галатин, точно сказать нельзя, слишком быстро в нем совершился мыслительный процесс, результатом которого стали его слова, вернее, одно слово:

– Останови.

– Чего?

Виталий с усмешкой посмотрел на Галатина в зеркало. Не поверил.

– Останови, – твердо сказал Галатин.

– Да ладно, Русланыч, пошутить нельзя?

– Я не намерен терпеть ваши шутки, Виталий. И я вам не Русланыч, а Василий Русланович.

– Как тебя вставило, – с удивленным уважением сказал Виталий. – Ладно, извини. Извините.

Больше шутить не буду.

– Это уже не играет роли. Вы правы, мне противно с вами ехать, вы меня достали своим самодовольством, своим хамством и... Короче, остановите машину!

– Да пожалуйста! Думаешь, буду уговаривать?

Виталий затормозил так резко, что Галатин чуть не слетел с лежанки. Оделся, взял гитару, спустился вниз, там обулся.

– Чемодан дай.

– Сам возьмешь, кузов без замка, на штыре.

– Счастливого пути.

Галатин открыл дверцу и вылез из машины.

– Ты чего, прямо всерьез, что ли? – спросил Виталий.

– А ты думал?

– Ну-ну. Герой.

Галатин забрал из кузова чемодан, закрыл кузов. Виталий, не доверяя ему, вышел посмотреть, убедился, что все сделано правильно, пошел обратно. Хлопнула дверца.

– Не передумал? – прокричал Виталий.

Галатин не ответил.

– Ну и хрен с тобой!

Грузовик сердито рыкнул, будто тоже был недоволен поведением строптивого пассажира, и отъехал, хрустя гравием обочины, тут же вывернул на асфальт и покатил вдаль, уменьшаясь и вскоре скрывшись в рощице, а потом опять показался – дальше был длинный пологий подъем. Грузовик въехал на линию горизонта и пропал.

Галатин стоял один на обочине под серым облачным небом, откуда немедленно заморосило мелкой сухой снежной сыпью. Будто небу скучно было тратить снег на безлюдное пространство, а появился человек, оно и радо стараться, показать себя. Вокруг было белое голое поле с редкими кустиками. Машин не видно ни с той, ни с другой стороны. Наконец показалось что-то на пригорке, за которым скрылся грузовик Виталия. Съехало вниз, в рощицу, выехало из нее и оказалось черным джипом. В нем были мужчина и женщина средних лет. Джип, не сбавляя скорости, проехал мимо, мужчина и женщина смотрели на Галатина, о чем-то говоря. Он словно услышал их разговор. Чужак какой-то, сказала, наверное, женщина. Что он тут делает? С гитарой, надо же. Наверно, в гостях у кого-то был, ответил мужчина. Напились все, вот и некому довести. Не позавидуешь, сказала женщина. Сколько там градусов? Мужчина посмотрел в телефон и сказал: десять. Сказал с удовлетворением: да, там морозно, зато у нас тепло. И тут же, слегка устыдившись своего довольства, добавил: ничего, кто-нибудь подберет.

Не прошло и пяти минут – показалась дальнбойная фура. Подъезжая, начала притормаживать. Остановилась. Опустилось стекло со стороны Галатина, водитель, мужчина примерно возраста Виталия, очень веселый, дотянулся телом от руля к правой дверце, крикнул:

– Это ты псих с гитарой?

Галатин от растерянности не нашел ответа.

– Давай, сыграй че-нить! Сыграешь – подвезу! – предложил водитель.

Галатин отвернулся. Хватит с него диалогов.

– Ну, как знаешь!

Фура отъехала.

После нее, как на подбор, проехали еще три дальнбойных грузовика, каждый сигналил Галатину, а водители что-то ему кричали.

Ясно. Виталий, воспользовавшись рацией, устроил этот, современным языком говоря, флеш-моб. Мелкая месть.

А вот машина обычная, легковая, отечественная и старая, угадывалось, что на ней едет кто-то из местных жителей. Галатин поднял руку, машина остановилась, выглянул старик в больших очках и лыжной черной шапочке, на щеках и подбородке жесткая седая щетина.

– Не подвезете? – спросил Галатин. – Я заплачу.

– А вы как тут оказались?

– Ехал на попутной, она в другую сторону свернула, а я вот...

– Куда едете-то?

– В принципе в Москву, но хотя бы куда-то, где можно на автобус сесть. Или на поезд.

– А чего сразу на поезде не поехали? – продолжал допытываться осторожный старик.

– Да как-то... Та машина в Москву ехала, но у него планы поменялись.

– А это гитара у вас?

– Ну да.

– Посмотреть можно?

– Думаете, у меня там автомат?

– Ничего я не думаю. Не хотите, не показывайте, я поехал.

– Да пожалуйте! – Галатин приподнял кофр и, поддерживая его коленом, отщелкнул замки, показал гитару.

– До города подброшу, – сказал старик. – Пятихатку будет стоить.

– Спасибо!

– И маску наденьте, есть маска?

– Конечно!

Старик, к счастью, оказался неразговорчивым. В машине у него было довольно прохладно, он хозяйственно экономил энергию, согреваясь одеждой – кроме шапочки, на нем была объемистая, наверняка на толстой подкладке, синтетическая куртка, шуршащая при каждом движении, шерстяные перчатки, а на ногах валенки с галошами. Резко и неприятно, как всегда бывает на

холоде, пахло бензином, машинным маслом, металлом, резиной, пластиком, никотином, а еще почему-то мочой.

Галатин сидел на заднем сиденье и занят был делом: додумался наконец посмотреть, где он находится и как можно отсюда добраться до Москвы. Но сигнал сети, и без того слабый, совсем пропал, когда они спустились в низину, к роще. Надо подождать, когда выедут на холм.

А там, за холмом, их поджидала машина Виталия. Виталий стоял рядом и вглядывался в подъезжающего стариковского динозавра. Углядел Галатина, взмахнул рукой, крикнул:

– Тормози!

Старик остановился, Виталий подошел и сказал упрямым голосом:

– Уговаривать не собираюсь, захочешь дальше со мной ехать – поехали, нет – нет. Ты мне по фиг, но я Ивану обещал.

Галатин догадался, что за этим неприветливым приглашением непростая работа души и характера, и решил не вредничать, пойти навстречу.

– В самом деле, из-за пустяка... – пробормотал он.

Перенес чемодан в кузов, а гитару в кабину, вернулся к старику, достал бумажник, нацелился туда пальцами, вопросительно глядя на старика.

– Ну, сотенку хотя бы, – ответил его взгляду старик.

А ведь мог бы потребовать и полную пятихатку, исходя из российского обыкновения считать работу сделанной, даже если она не выполнена, но не выполнена по вине заказчика. Галатин оценил его справедливость и дал не сотенку, а две. Старик с достоинством поблагодарил и уехал.

Галатин залез на лежанку с таким чувством, будто вернулся домой. В тепле его тут же разморило, он задремал. Очнувшись от голоса Виталия.

– Слышишь, что говорю? – спрашивал Виталий.

– Извини...

– Чего-то нехорошо мне. Давление, наверно, упало. Я гипотоник махровый.

– Остановиться надо.

– Доедем – остановимся.

– До чего?

Виталий, не тратя силы на ответ, склонился к рулю, нагнул голову, вглядываясь в дорогу – снег валил все гуще, стало сумрачно, будто вечером.

Галатин слез вниз, сел, тоже вглядывался в дорогу, как бы помогая этим Виталию. Посматривал на него.

– Ничего, бывает, – говорил Виталий. – И ведь я вчера не пил практически. Два рюмана для настроения, никакого похмеля. Обычно у меня так с похмеля бывает, – пояснил он. – И погода сказывается, а она, сам видишь, какая. Я в дождь или туман иногда встать не могу, глаза сами закрываются. Но это дома, а в дороге не расслабишься. Ничего, сейчас доедем до города, там в одном ресторанчике люля-кебаб отличный дают, съедим по паре люлей, будет веселей. И комнатки есть, по часам сдают, можно прилечь. Вряд ли понадобится, мне после горячей еды лучшеет обычно. Термос надо брать. Но кто как, а я не люблю в кабине есть. Кофе случайно нет у тебя?

– Нет.

– Жаль, тоже хорошая вещь. Вот это надо брать – кофе. Все время себе говорю – надо взять. И забываю.

– А таблетки есть какие-нибудь?

– Таблетки? Пробовал – не помогает. Два километра осталось.

И тут Галатин заметил, что машину ведет влево, навстречу тусклым встречным фарам. Сказал:

– Виталий, ты как-то... – и увидел, что Виталий лежит головой на руле. А встречные фары все ближе.

Галатин схватился за руль, вывернул его, машину бросило вправо, она пошла юзом, не сбавляя скорости. Наугад дергая руками вырывающийся руль, Галатин ногой спихивал ноги Виталия с педалей, шарил, помня, что педаль тормоза левее педали газа, нажал, грузовик замедлил ход, но при этом развернулся боком и встал поперек дороги, заняв обе полосы.

– Виталя! Виталя, ты как? – кричал Галатин в самое ухо Виталию, потом подул ему в лицо, хлопнул по щеке, еще раз хлопнул, сильнее. Голова Виталия бесчувственно болталась, руки висели.

Открылась дверца, всунулся разъяренный водитель встречной машины, мужчина лет пятидесяти, большой, краснолицый, как из бани, в распахнутой куртке на меху, заорал:

– Вы чего, оху... – и тут же все увидел, понял. – Что с ним?

– Не знаю.

– Нашатырь пробовал?

– Нет.

– Дай аптечку!

Галатин заоглядывался, ища аптечку, привстал, осмотрел лежанку, потом заглянул в бардачок.

– Сейчас! – водитель выскочил, убежал, тут же вернулся с пузырьком. Отвинтил пробку, подсунул к носу Виталия. Тот замычал, но не очнулся. Водитель щупал пульс ему на запястье, на шее.

– Живой, но, по ходу, в больницу его надо. До города близко, городок маленький, но больница должна быть. Давай его перетащим на твое место, а ты за руль.

– Не умею. Не вожу машину.

– Вот, е... Отъехать же надо, перегородили все! Помогай!

Водитель с помощью Галатина передвинул Виталия на пассажирское место, где Галатину пришлось потесниться, сел за руль и, умело маневрируя, поставил машину на обочину.

Подошли еще несколько человек, задержанные этими маневрами, интересующиеся.

– У меня напарник в прошлом году вот так вот за рулем умер. Не приходя в сознание, – сказал кто-то.

– Как зовут? – спросил водитель Галатина.

– Виталий.

– Вот что, Виталий...

– Его Виталий зовут. Я Василий.

– А я Олег. Вот что, Василий, делаем так: садись за руль, я беру на буксир, доползем понемногу. Сумеешь? Я бы его сам на своей отвез, но больного перетаскивать – как бы хуже не было. Попробуем?

– Попробуем.

– Смотри внимательно на габариты, как буду тормозить, сразу тоже бей по тормозам.

Олег убежал к своей машине, развернул ее, подъехал задом, подцепил грузовик Виталия тротуаром.

– Готов? – крикнул Галатину.

– Готов.

– Рули аккуратно, дорога скользкая!

– Ладно!

Ехали со скоростью чуть больше пешеходной, и вот уже показался город. Снег меж тем валил все гуще и гуще. Галатин справлялся неплохо, что было нетрудно: Олег вел машину ровно, ни разу не тормозил, а когда остановился, Галатин был готов и тоже нажал на тормоз. Олег спрашивал у кого-то дорогу до больницы. Проехали улицей, свернули в переулок, впереди показалось двухэтажное здание из красного кирпича. Судя по резным карнизам – старое. Олег побежал к больнице и вернулся с двумя женщинами, накинувшими на халаты серые ватники. Одна из них, открыв дверцу, стоя на подножке, осмотрела Виталия, приоткрыла ему веки, пощупала пульс.

– Аритмией всегда страдал? – спросила Галатина.

– Не знаю.

– На руках отнесете? У нас каталки все заняты или сломаны.

– Отнесем! – ответил за Галатина Олег.

Вместе с Олегом Галатин осторожно выгасил Виталия, взяли за руки и за ноги, понесли. Женщины шли рядом.

Перед входом та женщина, что осматривала Виталия, сказала:

– Что же вы без масок-то?

– Человек умирает, а вы про маски.

– Как хотите, а нам выговор будет. Люсь, принеси маски.

Люся, вторая женщина, помоложе, побежала за масками. Вернулась и, поскольку руки мужчин были заняты, сама кое-как нацепила на них маски.

– А на него? – указала старшая на Виталия.

– Зачем? Все равно больной! – сказала Люся.

– Смотря чем!

– Девушки, руки отнимаются! – взмолился Олег.

– Несите, чего уж делать.

Галатин и Олег внесли Виталия в больницу, в длинный коридор, по стенам которого стояли койки с больными. На одну из них положили Виталия. Койка была с деревянными спинками и пружинной металлической сеткой.

– Он что, так и будет тут лежать? – спросил Олег.

– Сейчас одиночный люкс ему освободим и устроим! – ответила старшая. – Давай, Люсь, неси, что найдешь, постелем. А вы все, спасибо, до свидания, – обратилась она к Галатину и Олегу.

– Вот она, наша медицина! – махнул рукой Олег и пошел к выходу. Пошел за ним и Галатин.

– Эй, стойте! – спохватилась женщина. – А документы?

– Сейчас принесу, – сказал Галатин.

Во дворе он поблагодарил Олега, сердечно с ним распрощался.

– Не знаю, что бы без вас делал.

– Другой бы помог. Дорога, Василий, такое дело, – все равны. А как же ты с машиной теперь? И как умудрился до такого возраста ездить не научиться?

– Так вышло.

Олег уехал, Галатин взял из бардачка папку с документами, прихватил и телефон Виталия, отнес в больницу. Осведомился, нельзя ли Виталия переместить в палату.

– Занято все. Да и лучше тут, чем с ковидными. Мало, что у него сердце, еще вирус ему прицепить? – спросила врачиха. – Чтобы наверняка добить?

Пришла Люся с ватным матрасом, классическим, полосатым, простеганным и скрепленным квадратиками, каждый из которых был своего цвета и фактуры – наверное, не раз чинили и меняли. Поверх матраса в ее руках была подушка и грудa белья. Галатин взялся помогать женщинам ворочать Виталия, подпихивая под него матрас, простыню, подушки. Стащили с больного куртку, накрыли одеялом в белом пододеяльнике с желтыми пятнами там и сям и с дыркой-ромбом посередине; по краям ромба когда-то была кружевная кайма, но она давно свернулась и скукожилась, лишь в одном месте надорванный и отставший от края клочок напоминал о бывшем узорe.

– Вы кто ему? – спросила старшая врачиха.

– Попутчик. Вместе в Москву ехали. Я тут буду. То есть – в машине. Подожду, как и что. Вы сказали – аритмия? Это опасно?

– Все опасно. Идите, отдыхайте, если что, сообщим.

– Хорошо. Вы уж полегчите его, как следует. У него семья. Даже две, – неожиданно сказал Галатин, хихикнув, тут же себя мысленно упрекнув: зачем сболтнул, кто тянул тебя за язык, какое дело врачихе до двух семей Виталия? И что это за хихиканье, что за льстивый тон такой?

Врачиха рассеянно кивнула, присев рядом с Виталием и держа его за руку, а Галатин подумал, что язык не только враг наш, но иногда случайный друг: забегая вперед размышлений, он иногда выдает именно то, что нужно. Про две семьи бесконтрольным языком неспроста сказано, тут намек: у человека сложная жизнь, а все сложное требует большего внимания, большей заботы. И потом – когда перед тобой просто тело незнакомого человека, это одно отношение, а когда ты знаешь о нем что-то личное, невольно заинтересовываешься, внимание повышается, а это лечению на пользу.

Врачиха из документов взяла только паспорт, а из куртки вытащила бумажник, открыла, нашла в одном из кармашков карточку страховки. Остальное вернула Галатину, в том числе телефон:

– Ему сейчас ни к чему, а хранить тут негде. Все, идите.

Галатин вышел из больницы и тут же наткнулся на скандал. Человек в синей куртке со светоотражающими белыми полосами стоял у грузовика Виталия и, увидев Галатина, закричал:

– Это ты тут поставил? Убирай на хрен! Совсем уже, скоро на вертолетах приземляться будут! Убирай, сказал!

За грузовиком стояла и не могла въехать во двор машина скорой помощи.

– Не шуми, – солидно сказал Галатин, преобразившись вдруг в опытного водителя. Глупо, конечно, надо бы признаться в том, что машина не его, попросить переставить, но выскочила неслепая гордыня, деваться теперь некуда, надо пробовать.

В конце концов, Галатин помнит, как учил его отец, видел, как заводит двигатель и начинает движение Виталий, неужели не сумеет?

Он залез в кабину, осмотрелся, повернул ключ в замке зажигания, нажал на педаль газа, мотор заработал, но как-то тяжело. Ага, на сцепление надо нажать. А потом отпустить, одновременно нажимая на газ. А ручку перевести на первую скорость. Если бы знать, где она. Галатин попробовал наугад, послышался скрежет, мотор заглох.

Галатин открыл дверцу, признался:

– Не моя машина, товарищ заболел, а я... Я на автомате езжу.

– На автомате! – передразнил водитель скорой помощи. – Привыкли, что вас все само везет! Вылезай!

Галатин вылез, водитель забрался в кабину и в считанные минуты переместил ее к забору. Но тут на крыльцо вышла высокая и полная женщина в накинутом на плечи пальто и, закуривая, крикнула:

– Ром, ты че тут ставишь мне? Давай на улицу, тут и так не повернешься! Нашли стоянку!

Рома, нещадно матерясь, не стесняясь ни той женщины, что была на крыльце, ни той, что терпеливо и устало сидела в кабине скорой помощи, метнулся сначала к своей машине, въехал во двор, освободив ворота, а потом вывел грузовик и, отъехав по улице несколько метров, оставил его там.

– Делай теперь с ним, что хочешь, – сказал на бегу Галатину.

Галатин пошел к грузовику, забрался в кабину. Мотор работал, рукоятка переключения скоростей подрагивала. Остаться тут нельзя: улица перед больницей узкая, грузовик занимает больше половины проезжей части, надо отъехать куда-то, где посвободней. Легко сказать отъехать, а как это сделать?

Совсем я растерялся, сказал себе Галатин. Есть же интернет, а в интернете есть все!

И он тут же нашел информацию и даже видео о том, как начинать движение на автомобиле с ручной коробкой передач. Положил телефон на выступ приборной панели и, слушая толковое объяснение, со второго раза сумел тронуться, а потом и поехал, и даже перешел на вторую скорость. Ехал медленно, но все увереннее с каждой минутой, дивясь сам себе. Недаром, значит, говорят, что нужна всему научит.

Галатин до того расхрабрился, что выехал из переулка, ведущего к больнице, на проезжую улицу с довольно плотным движением, и двинулся по ней, осматриваясь. Вскоре увидел одноэтажное строение, окна которого сияли иллюминацией, гирлянда мигающих лампочек обвивала и вывеску, а на вывеске: «КАФЕ ПУТНОЕ». Довольно остроумно. Сбоку от кафе была площадка, на ней стояли две дальнобойные фуры, и еще оставалось место, туда Галатин и зарулил почти с шиком, хотя не рассчитал и въехал колесами в бордюр.

Он пошел к кафе с видом бывшего путешественника, переступая ногами степенно и натружено.

Внутри оказалось уютно, несколько человек сидели за столиками, девушка-блондинка в красном переднике шла с подносом в руках, остановилась, улыбнулась Галатину.

- Здравствуйте, с наступающим. Пообедать?
- И вас так же. Да, покушать пора.

Обычно Галатин не говорит «покушать», но сейчас каким-то наитием догадался, что это слово девушке будет приятнее, что оно больше подходит к здешнему уюту и стараниям хозяев одомашнить обстановку, чем бесцветное «поесть».

- Присаживайтесь, – сказала девушка. – Бизнес-ланч или как?
- А люля-кебаб туда входит?
- Нет, это отдельный заказ.
- Значит, отдельный. Хочу люля, знаете ли.
- Двойную порцию?
- Естественно!

Галатин прошел к столику в углу, у окна, повесил куртку на деревянную вешалку, что стояла рядом, огляделся. Он переживал за Виталия, он беспокоился, как и когда попадет теперь в Москву, но одновременно его вдруг охватило чувство покоя и уверенности, чувство почти счастливое. Кто знает, что будет дальше, а пока все хорошо, он в тепле, сейчас подадут еду, за которую есть чем заплатить, и туалет рядом, отсюда видна дверка с буквами WC, кстати, надо помыть руки.

И Галатин пошел мыть руки.

28.

Согдеев закончил совещание, которое было ненужным по сути, но необходимым по ритуалу: упорядочивает рабочий ритм, приучает к дисциплине. К тому же, само лицезрение свежего, доброго, заряженного на работу босса вызывает прилив энергии.

Правда, у самого Согдеева с энергией в это утро были проблемы. Он не сказал об этом Насте, но чувствовал, что тоже заболел. Однако он не привык сдаваться никакой болезни, даже инфаркт перенес на ногах двенадцать лет назад, когда был в Швеции, обратился к врачам лишь когда вернулся на родину.

Отпустив всех, он принял немного коньяку, это всегда бодрило. Постучав, вошла помощница Варя.

- Дмитрий Алексеевич, не получается, – виновато сказала она.
- Что не получается?
- Не могу няню найти так быстро. Есть какие-то левые старушки, подозрительно дешевые.
- Ищи! Девочек наших напряги!
- Уже напрягла. И со скорой проблемы. Обычную вызвать еще так-сяк, а в ЦКБ не дают. Нет машин у них.

- Сказала, что я прошу?
- Конечно.
- Хорошо, иди, разберусь.

Варя вышла, а Согдеев начал разбираться. Дозвонился до человека, имеющего влияние на все сферы медицинской отрасли в стране, тот сказал, что к нему уже обращались с подобными просьбами, помочь не в силах, элементарно не хватает палат и коек.

- А в коридоре не положишь, не то учреждение, чтобы больные в коридоре валялись!

Согдеев не поверил влиятельному человеку. Что-то тут не то. Статус Дмитрия Алексеевича таков, что для него всегда и везде должна быть бронь, зарезервированное место. Был случай, ему срочно требовалось вылететь в Сингапур по неотложной причине государственной важности, места в самолете все оказались заняты, пришлось кого-то срочно снять – то ли уговорили, то ли нашли формальный повод выпроводить из самолета, Согдеев не интересовался.

Сейчас речь идет не о нем самом, но просьба исходит от него, что равновелико. Должны устроить, не может такого быть, чтобы не устроили.

Дмитрий Алексеевич позвонил по городскому номеру напрямую главврачу ЦКБ, но это был

не его телефон, а приемной, сказали, что главврач на обходе, Согдеев потребовал дать его сотовый телефон, дали, но главврач не брал трубку, взбешенный Дмитрий Алексеевич позвонил опять в приемную, потребовал соединить с любым администратором, кто решает вопросы, соединили с одним из заместителей, тот, извиняясь, сказал, что мест нет, физически нет, совсем нет, и освободить нельзя, потому что нет пациентов, готовых к выписке, он бы рад чем-то помочь, но помочь ничем не может.

Согдеев, злясь и негодуя, позвонил давнему приятелю Косте Куманеву, имеющему связи с администрацией президента, спросил, что происходит.

– Пандемия происходит, – ответил Костя.

– Я не об этом. Я о том, что, может, на меня какие-то планы? Я чего-то не знаю?

– Никаких планов.

– А почему не идут навстречу, не хотят помочь?

– Ты насчет родственницы заботишься?

– Практически. Это моя женщина.

– Тогда понятно. Митя, пойми ситуацию: туда хотят попасть все, кому не лень. Будто там и вправду лечат лучше, чем в других местах.

– А разве нет?

– Не знаю, не лежал. Но ты прикинь: все народные и заслуженные артисты туда лезут? Лезут. Журналисты из кремлевского пула лезут? Лезут, считают, что уж на это насосали. «Единая Россия»¹ лезет? Лезет, причем в полном составе! И сенаторы, и депутаты, и помощники депутатов! Представляешь, что там творится?

– Постой. Хочешь сказать, если что со мной, то и меня не положат?

– Тебя положат. Надеюсь. А насчет родственников и близких есть негласное указание – мягко отшивать. Говорю, как другу, чтобы ты время не терял. Мой совет: обратиться в клинику... – Костя назвал одну из знаменитых частных клиник Москвы, имеющей в названии слово «швейцарская».

– У них там отдельные палаты, обстановка как в гостинице. Берут дорого, но оно того стоит, сестра жены там операцию делала, была очень довольна, пока не померла.

– Юмор у тебя...

– Какое время, такой и юмор. Ты-то как себя чувствуешь?

– Еще не умер. Но не очень, если честно. Боюсь, меня тоже прихватило.

– Вот и ляжете вместе. Думаю, на двоих там тоже палаты есть.

Смирившись, Согдеев позвонил в знаменитую клинику. Послушал успокоительную и именно поэтому страшно раздражающую музыку, после чего ответила вежливая регистраторша с мелодичным голосом. Он представился, регистраторшу это не впечатлило, она ответила так, будто была не живым человеком, а автоматом. Сохраняя, впрочем, вежливость.

– Вы наш пациент?

– Нет. Нужно устроить женщину, родственницу, есть нормальные палаты у вас?

– Мы обслуживаем в первую своих очередь пациентов, с которыми у нас заключены договоры, остальных по мере возможности.

– Заключим договор, не проблема!

– Свободных палат сейчас все равно нет.

– Как это? Совсем нет?

– Извините, совсем.

– И вы при этом швейцарская клиника?

– Мы российская. А швейцарская – только название, – с улыбкой в голосе сказала регистраторша; похоже, ей нравилось дразнить Согдеева. – Как сыр бывает голландский, но это не значит,

¹ «Единая Россия» – так называемая партия власти, о которой многие уже забыли, чего она, конечно, и заслуживает.

что он из Голландии, просто сорт такой. Да и потом, что вы думаете, в самой Швейцарии тоже всегда есть места? Вспомните, в Италии, когда все началось, люди вообще на улицах валялись!

– Вы мне предлагаете на улице валяться?

– Я к примеру. Очень сожалею, что не можем помочь.

Согдеев позвал Варю, сказал, чтобы она и ее девочки обзванивали лучшие частные больницы Москвы, искали место.

А Настя, очнувшись, увидела над собой странных людей в белых комбинезонах, респираторах и очках вроде тех, в каких плавают под водой. Они похожи были на персонажей фантастического фильма про космос. На полу стоял оранжевый ящик с откинутой крышкой и белым крестом на боку. Врачи, поняла Настя. Разглядела сквозь очки – пожилой мужчина и девушка.

– Вот и славно, – одобрительно сказал пожилой. – Полежим еще немного, а потом поедем.

Настя повернула голову, увидела в углу, в кресле, напуганную Алису. В ответ на взгляд матери она тихо заплакала. Насте стало больно и почему-то стыдно. Пусть ей самой будет в два раза хуже, лишь бы ее девочка не плакала.

– Ну, ну, – сказала Настя. – Теперь-то чего? Все отлично.

– Это стресс, – объяснила девушка. – Она молодец, умненькая, вызвала нас. Не все бы сообщали. У меня вот сестра, – сказала она врачу. – Двенадцать лет дуре, сама одеться не умеет, мать ее причесывает и в ванной моет.

– Беспомощная цивилизация, – обобщил врач. – Случись что серьезное, выйдем за месяц.

– А сейчас – не серьезное?

– Сейчас? – задумчиво переспросил врач, сидя на стуле, нагибаясь и поворачивая ладонью голову Насти, всматриваясь в глаза. – Голова не кружится?

– Немного.

– Попробуем встать. Даша, помогай.

– Я сама! – сказала Настя и рывком приподнялась с пола, но тут же оперлась одной рукой об пол, а второй взялась за голову.

– Без подвигов! – прикрикнул врач.

Настя с помощью врача поднялась и села на диван. Настя позволила помочь себе подняться. Села на диван. Дышать было тяжело, хотелось широко раскрыть рот, как рыбе без воды, и глотать, глотать воздух, но Настя стеснялась врачей и не хотела еще больше напугать Алису.

– Может, что-то сделать? – спросила она. – Поставить капельницу какую-нибудь.

– В больнице будет и капельница, и все, что нужно – пообещал врач.

– Это ковид, да? – спросила Настя. И сама ответила: – Скорее всего. Я запах и вкус не чувствую, одышка была, бред какой-то снился. Все симптомы.

– Вы-то откуда знаете?

– Читала.

– Ну да, про что читали, то у вас и есть. Полный набор.

– Я не мнительная! – возразила Настя.

– Все мы не мнительные. Пойдем потихоньку?

– Вообще-то за мной другую скорую должны прислать. Из ЦКБ. Это Центральная...

– Мы знаем, что такое ЦКБ, экономьте силы, – сказал врач.

Тут позвонил Митя, спросил, почему Настя не брала трубку, и тут же, не тратя времени, объяснил, что происходит, просил потерпеть, сейчас найдут что-то приличное – и няню для Алисы, и хорошую больницу для Насти.

Настя в свою очередь рассказала о своем обмороке, о том, что сейчас у нее врачи, и они предлагают госпитализацию.

– Митя, я соглашусь. Мне очень... – Настя посмотрела на Алису и закончила: – Очень как-то не по себе. Потом переведемся в нормальную клинику, но пока лучше хоть какая-то помощь, чем никакой.

– Это вы хорошо сказали, – негромким аккомпанементом пробормотал врач. – Хотя какая-то лучше никакой. Хотя какую-то мы вам точно обеспечим, у нас вообще хоть какого-то – дополна.

– Мам, я с тобой поеду! – сказала Алиса.

– Нельзя.

– Почему? Мне много места не надо, где-нибудь там устроюсь.

– Алиска, не расстраивай меня, не глупи! Позвони папе. Нет, я сама позвоню.

Настя позвонила Антону и четко, без лишних слов, обрисовала положение дел.

– Понял, уже еду, – сказал Антон.

– Потом няня придет, сменит, а пока побудь.

– Без няни обойдемся, я до десятого свободен.

– Не спорь, опытная женщина не помешает.

Тем временем девушка закрыла оранжевый ящик, подняла его, стояла в ожидании. Врач протянул руку к ящику, этим жестом предлагая девушке отдать ящик ему. Видимо, он был джентльмен. Девушка покачала головой: дескать, сама донесу. Врач кивнул, соглашаясь с авторитетом ее молодой силы.

– Что взять? – спросила Настя.

– По минимуму, – ответила девушка. – Только документы, телефон, белье. Воду можно, лучше в маленьких бутылках. Остальное все равно отберут – источник инфекции.

– Поедьте уже, а? – сказал врач Насте таким голосом, каким уговаривают капризных детей. Умненькая Алиса уловила это и невольно улыбнулась. Внимательный в силу душевной широты врач тут же это заметил.

– Дочура в прекрасном настроении остается, знает, что с мамой все будет хорошо. Ведь так? Доверяешь нам?

Если с Настей врач говорил, как с ребенком, то к Алисе обратился по-взрослому, будто совет с ней держал. И Алиса по-взрослому ответила:

– Да, конечно.

Настя умилилась:

– Красавица моя, какая ты...

– Все, все, поехали! – скомандовал врач.

А девушка была уже у двери, стояла, распахнув ее, и опять она показалась Насте героиней фантастического фильма, космической стюардессой, приглашающей на корабль, которые полетит неведомо куда.

В машине скорой помощи Настю укачало, хотелось заснуть, но она не позволяла себе этого. Вдобавок к другим неприятным ощущениям заложило уши. Настя читала, что так бывает, что некоторые вообще глохнут. Тут же на мгновение представилось, как она будет глухой, будет учиться читать по губам, дается нелегко, кассирша в супермаркете удивленно смотрит на нее, что-то говорит, Настя не понимает, растерянно улыбается, а вот Алиса рассказывает наизусть стишок, хвалясь старанием, но ничего не слышно, работает телевизор, какой-то сериал, мужчина и женщина выясняют отношения, это драма, это серьезно, но без звука смешно и нелепо, оба кажутся клоунами, валяющимися дурака друг перед другом и перед зрителями. А вот Антон что-то говорит ласково и сочувственно, не надо, не надо ей его сочувствия, от этого только хуже, и при чем тут вообще Антон, нет в будущем никакого Антона, будет Митя, тут же Настя видит воображением и Митю, тот, мужчина сильный, не унижает сочувствием, говорит твердо, мобилизует, призывает, Настя пытается угадать по губам, к чему он призывает, не может догадаться, Митя недоволен, он не любит, когда его не понимают с полуслова, Настя чувствует себя виноватой, хочет что-то сказать, но не может. Неужели она вдобавок и онемела? Да, онемела, язык тяжелый и неподвижный, невозможно им пошевелить, Настя напрягает голосовые связки, раздается мычание, Настя замечает брезгливое выражение на лице Мити.

И открывает глаза. Это был сон, она все-таки задремала. Поворачивает голову. Девушка сидит рядом, в ухе наушник, она смотрит в телефоне что-то смешное, судя по ее улыбающимся гла-

зам. Насте кажется это очень обидным. Мне плохо, я, может быть, умираю, думает она, а этой барышне все равно. Нет, понятно, она привыкла и к болезням, и к смертям. Но надо иметь такт и не показывать так явно свое равнодушие!

Девушка замечает, что больная на нее смотрит, глаза становятся серьезными, она спрашивает:
– Как чувствуем себя?

Настю этот вопрос, вполне формальный, почему-то очень трогает, в ней поднимается прилив благодарности к девушке, которая ездит днем и ночью и спасает людей. Настя шмыгает носом, поднимает руку и вытирает нос широким движением от локтя до кисти, ей почему-то захотелось быть проще, чем она есть, и этим, возможно, ближе к девушке, и задает неожиданный вопрос, вспомнив имя медсестры (и это ее радует):

– Даш, а ты замужем?
– Боже упаси! – с отвращением отвечает Даша.

Насте нравится этот ответ, она смеется, Даша тоже смеется.

Потом Настю везли на каталке к больнице, накрыв одеялом, потом она довольно долго лежала на каталке в приемном покое, глядя в потолок – белые дырчатые квадраты, как точеное червями старое дерево, равномерно размещенные светильники. Слышались голоса, Настя понимала, что говорят о ней, но не пыталась разобраться, о чем речь, покорно ждала решения своей участи.

Потом везли длинным коридором, опять остановились, с Насти сняли домашнюю одежду, надели полупрозрачный халат, ворочали ее, как неживую, опять везли, вкатили в палату, тут она сама, хоть и с чьей-то помощью, перебралась на кровать, кто-то прикатил стойку со стеклянными пузырьками и пластиковыми мешочками, ввели в руку катетер, какую-то трубочку всунули и в нос, Настя не задавала вопросов, она поверила, что все делают правильно, так, как нужно. Можно заснуть, разрешила себе Настя. И тут же заснула.

Согдеева тоже по-дурному, будто хмелем, клонило в сон. Он выпил еще немного коньяку, принял таблетку аспирина для разжижения крови – всегда верил в простые и эффективные средства, но лучше не становилось. Бросило в пот, Согдеев пошел в дыхательную комнату при кабинете, разделся, смочил полотенце в горячей воде и протерся, следуя примеру Мао Цзедунa, увлекательную книгу о котором он прослушал недавно по пути на службу и обратно, надел на себя сухое и чистое белье, одну из висевших в шкафу белых рубашек и один из костюмов. Вернулся в кабинет, позвонил Насте, она не ответила. Вызвал Варю.

– Няню почти нашли, – поторопилась сообщить она, не дожидаясь вопроса.
– Что значит почти?
– Очень хорошая, опытная, дорогая, но не собиралась работать перед Новым годом.
– Уговорите, заплатите.
– Как раз занимаемся. Бывает: люди так настроются, что даже деньги не нужны.
– И у тебя бывает?
– Иногда да. Деньги – хорошо, но жить тоже хочется.
– Без денег?
– В этом и проблема, – вздохнула Варя.
– Что насчет клиники?
– Есть три варианта, мониторим: качество, отзывы, создаваемое, узнаем насчет мест.

Странно, всегда в платных было свободнее, а теперь наоборот.

– Ищите, но не затягивайте. Палата нужна – на двоих. Я тоже поваляюсь немного.
– Неужели...
– Да, неужели! Я тоже человек!

А Антон ехал домой, да, домой, там его дом, ехал к дочери, и напевал под музыку радио, не стесняясь себя, наоборот, себе показывая: радуюсь, и ничего в этом плохого не вижу. Настя мо-

лодая, с ней все будет в порядке, зато теперь ясно: она без него не может. Друг познается в беде, так говорили наши отцы и деды, знавшие толк в друзьях и бедах, вот и любовь, значит, тоже познается в беде.

Алиса встретила его взрослым словом:

– Наконец-то.

Она вообще будто выросла – из-за беспокойства о матери. И сама это чувствовала. И немного важничала своим горем, вполне, впрочем, настоящим.

– Ела что-то? – спросил Антон, проявляя заботу.

– Да так, – ответила Алиса. – А ты?

– Некогда было. Что у нас там?

Алиса открыла холодильник, посмотрела. Тушеные овощи, остатки курицы, винегрет и котлеты ее не заинтересовали. Зато она увидела магазинные блинчики с творогом и с вишней, по три штуки в упаковке. Алиса любила с вишней, Антон тоже любил с вишней, да и Настя любила с вишней, но покупала и с творогом, потому что творог полезен.

– Блинчики есть, – сообщила Алиса. – С чем будешь, тут с творогом и с вишней?

Она знала, что отец знает о ее любви к блинчикам с вишней, поэтому, скорее всего, выберет с творогом.

Но Антон вместо ответа спросил:

– А ты?

Еще вчера Алиса ответила бы, что с вишней, она привыкла, что ей уступают самое лучшее. Но сейчас ей что-то мешало. Какое-то новое чувство ответственности. И равенства с отцом – учитывая то, что случилось с мамой. Всегда она была девочкой желания и вдруг почувствовала себя девочкой долга, которая обязана поступить не так, как хочется, а как правильно и как надо.

– Я с творогом, – сказала Алиса.

Антон разгадал ее уловку. Он подошел к дочери, взял за плечи, поцеловал в маковку.

– Если честно, я и то хочу, и это. А мы, знаешь что, мы поделимся. Половина таких, половина таких. И мне, и тебе.

– Три на два не делится.

– А мы по полтора.

– Уверен, что они сочетаются?

– Абсолютно. Пьешь же ты вишневый йогурт, там тоже все смешано, молочное с фруктовым. Вот были бы блинчики с мясом, тогда смешать сложнее. Йогурта с мясом ведь не бывает. Или бывает?

Алиса хмыкнула, оценив шутку. Раньше бы рассмеялась – ей не столько нравятся шутки отца, сколько то, как его радует ее реакция. Но это детство, а детство в прошлом.

Она открыла упаковки, поставила в микроволновку, достала тарелки, вилки. Хозяйничала.

Щелкнул таймер микроволновки. Антон вынул упаковки, разрезал по одному блинчику прямо в них и переложил на тарелки – по полтора с вишней и по полтора с творогом.

– Тебе полить или рядом? – спросила Алиса, зачерпывая сметану из пластиковой баночки.

– Рядом. Макашь буду.

– И я.

Алиса положила две горки густой сметаны на края тарелок.

Они сели друг напротив друга и начали есть. Обычно Алиса низко склонялась к тарелке, потому что, если сидела прямо и подносила ко рту, всегда что-то капало или ронялось. Много раз Настя наставляла ее: не крючкся, не сутулься, не чавкай, как собачка над миской, просто придвинься поближе к столу, немного наклонись, держи спину прямой, чуть-чуть подайся головой вперед, а то, что берешь с тарелки, сначала обработай, размельчи, обрежь, чтобы не было на вилке лишнего, тогда и не будет ничего сыпаться или капать. Теперь, в отсутствии мамы, Алиса вспомнила ее науку. Жаль, что она не видит, но папа видит и маме, может, расскажет, и ей будет приятно.

29.

Пообедав, Галатин пошел к машине, забрался на лежанку, укрылся одеялом и задремал.

Его разбудили звонок и стук. Звонил телефон, стучали в стекло дверцы кабины.

Галатин схватил телефон, увидел: «Лариса». Ответить или нет? Придется. Еще лучше было бы самому позвонить и сообщить, что Виталий заболел, но Галатин об этом не догадался подумать.

А в стекло все стучали. Галатин слез с лежанки, одновременно нажав на зеленый кружок приема вызова.

– Ты где? – послышался голос Ларисы. – Почему не звонишь, ты на месте уже должен быть? Алло?

– Это Василий, Василий Русланович, с которым Виталий... – начал Галатин, опуская стекло и глядя на стоящего у кабины полицейского.

– Я помню, – прервала Лариса. – Он где, почему вы отвечаете?

– Добрый день, куда следуем? – спросил полицейский.

– В Москву, – ответил ему Галатин. А Ларисе сказал: – Он отлучился, скоро будет. Через какое-то время.

Лариса чутьем любящей жены сразу поняла: что-то не так.

– Какое еще время? Чего-то вы темните. Где вы конкретно, в Москве уже?

– Документы покажем, – предложил полицейский.

Галатин достал из бардачка и сунул ему папку, прикрыв телефон рукой и говоря:

– Это водителя документы, а водитель в больницу попал. Я с ним просто еду – в Москву к родственникам.

И Ларисе:

– Лариса, мы не в Москве, но вы не волнуйтесь. Виталию не очень хорошо стало, пришлось в больницу лечь.

– Сердце? Аритмия? Давление?

– Я сам толком не знаю. Может, вирус его достал.

– Какой вирус, он летом переболел! Вы где, можете сказать?

– Мы где? – спросил Галатин полицейского.

– Хороший вопрос!

– Я даже название вашего города не рассмотрел, – объяснил Галатин.

– А навигатора, что ли, нету у вас? – недоверчиво спросил полицейский, будто уже что-то подозревая. – И сказал название, а Галатин сказал его Ларисе.

– Что вы там делаете? – спросила Лариса.

– Мы ехали, а Виталию стало нехорошо.

– А почему телефон у вас?

– В больнице не разрешили. Он же без сознания был, телефон при нем оставить – мало ли...

– Выйдем из машины, – сказал полицейский.

– Как это не разрешили? – не поверила Лариса. – Вы-то сами где?

– Я в машине, – сказал Галатин, выходя из машины.

– Так отнесите телефон ему!

– Хорошо. Сейчас дойду до больницы, минут через двадцать он вам перезвонит.

– Кузов откройте, – сказал полицейский.

– Водителю жена звонит, – Галатин показал телефон. – Волнуется. Давайте я ему телефон отнесу, вернусь и...

– Откройте кузов, – повторил полицейский.

Он был молод, лет двадцати восьми, такой же невысокий, как и Галатин, с полноватым и румяным лицом, без маски, с голубыми глазами, одет в новенькую куртку, которая выглядела щегольской из-за красных кантов на груди, канты были в цвет рамки, окаймляющей прямоугольник на груди с надписью «Полиция»; кстати, траурное, похоронное сочетание красного и черного в

нашивках и шевронах полицейских всегда немного коробило Галатина. И шапка на полицейском была новенькая, и, глянув вниз, Галатин увидел блестящие черные ботинки без единого пятнышка, несмотря на окружающий слякотный, разжиженный колесами машин снег. Видно было чело- века большой аккуратности и порядка, который и в окружающей жизни, наверное, старательно и с удовольствием наводит аккуратность и порядок, таким служба в радость, хотя часто очень не в радость тем, кто с ними сталкивается, потому что по неизвестным причинам это рвение со- провождается отсутствием чувства юмора. Хотя что тут неизвестного – юмор и есть нарушение порядка вещей.

– Хорошо, открою, – сказал Галатин.

Он не без труда вынул штырь, крутя туда-сюда его ручку, распахнул двери. Полицейский, опершись рукой на плечо Галатина, а ступней на подножку, ловко вскочил в кузов.

– Давайте сюда, – позвал он Галатина.

Галатин влез. Полицейский попросил открыть одну из бочек. Галатин открыл ту, что уже от- крывал.

– А там? – спросил полицейский, – показывая на остальные ряды бочек.

– То же самое.

– Покажите.

Путаясь под крепежной сеткой, Галатин отодвинул две бочки первого ряда, открыл одну из следующих. Там был не порошок, там была какая-то остро пахнущая жидкость. Осторожно, ста- раясь не запачкаться, полицейский приблизился, заглянул в бочку, потянул носом.

– Спирт, – сказал он. – Ясно.

– Что ясно?

– Пойдемте.

Галатин прикрепил обратно крышку, они вылезли из кузова, Галатин закрыл двери на штырь.

– Замка нет? – спросил полицейский.

– Не знаю. Я же говорю, не моя машина, я...

– Все письменно опишете. Замка точно нет?

Полицейский, не спрашивая разрешения, пошел к кабине, залез, все там осмотрел и обшарил. Замка не нашел, вернулся и проявил смекалку: вынул штырь, всунул вместо него наручник и за- стегнул.

– Вот так. Никуда не денется. Ключи я тоже взял, – показал он ключи от машины. – Пойдемте.

– Куда?

– В отдел.

– Слушайте, я не против, но сначала надо отнести водителю телефон. Давайте вместе отнесем.

– Успеется. Пойдемте.

– Надо позвонить хозяину машины, он все объяснит! – осенило Галатина. И он тут же набрал номер Сольского, торопливо рассказал, что происходит.

– Елки же палки! – огорчился Иван. – Почему ты сразу не позвонил?

– Я собирался. Думал, получше Виталию станет, он сам... А тут вот... Вопросы у товарища.

– Дай мне его.

Галатин дал телефон полицейскому.

О содержании разговора он мог догадываться только по ответным репликам, которыми по- лицейский отзывался на объяснения Ивана.

– И что, что технический?.. А по документам стройматериалы и... Растворители не относятся...

А разрешение? Меня не про вас интересует, а... А он кто? Откуда я знаю, может, он его убил? Никто не шутит, я вас тоже не знаю... Когда? Ладно, посмотрим. Кафе «Путное» знаете? Около него. Это мое дело... Вот и поговорим, чего вы мне издали рассказываете? Все, давайте!

Полицейский вернул Галатину телефон и сказал:

– Паспорт дайте.

Галатин дал ему свой паспорт, полицейский посмотрел.

– К родственникам, значит, едете?

– Да. К сыну и внучке.

– К водителю какое отношение имеете?

– Никакого. Мой товарищ, вы с ним говорили сейчас, попросил его, чтобы...

– Да, он сказал. И все-таки тормознемся, – полицейский сунул паспорт в папку с документами Виталия. – Идите к водителю, и жду вас в отделе. Этот ваш приедет, будем разбираться.

– В каком отделе? Где это?

– Недалеко, вам любой скажет. Давайте, жду.

Полицейский, огибая талые лужицы, пошел к своей машине, что стояла у въезда на стоянку, потоптался основательно ногами, стряхивая грязный снег, сел и уехал.

Галатин спохватился: у него в машине и чемодан, и гитара. С собой только бумажник. Ничего, приедет Иван и все разрулит. А пока надо в больницу.

Вестибюль больницы в пору была назвать сенями, такой он был крошечный. Когда заносили Виталия, Галатин не обратил на это внимания. Или они через служебный вход заносили? Не помнит, ничего не различал в горячке.

В этих сенях почти половину пространства занимал стол, за ним сидел охранник и во что-то играл на планшете, слышалась знакомая музыка, простенький электронный наигрыш. Галатин узнал музыку – Марио, старый добрый Марио; он впервые увидел эту игру в начале девяностых у своего знакомого клавишника Бори Золотарева, тот, большой любитель технических новинок и чудинок, наладил это развлечение для сына. В каком-то устройстве, помнит Галатин, крутились обычные магнитофонные катушки, а на экране телевизора прыгал усатый человечек в комбинезоне, управлявшийся кнопками на пластмассовой коробочке. Боря, показывая, вошел в азарт, сын обижался, кричал: «Хватит, дай я!» – «Я не играю, а дяде показываю!» – отмахивался Боря. Штука и правда засасывающая, Галатин вскоре купил приставку «Денди», несколько картриджей к ней, два джойстика, и они с Антоном азартно и подолгу играли в парные игры – счастливые моменты, вспоминающиеся со слезами умиления. Галатин играл и один, в том числе гонял неутомимого Марио по лабиринтам и платформам. Потом появились другие игры, навороченные, сложные, с отличной графикой, Галатин пробовал в них играть, но быстро уставали глаза, раздражало множество всяких опций, режимов, необходимость постоянно что-то менять, апгрейдить, поэтому Галатин частенько возвращается к Марио, где не нужно слишком ломать голову, все зависит от ловкости пальцев.

И охранник, мужчина возраста Галатина, показался человеком близким по духу и поколению. А тот, ткнув пальцем в экран и поставив игру на паузу, спросил:

– Куда?

С близким человеком и пошутить можно, поэтому Галатин ответил:

– Есть варианты?

Глаза охранника над черной маской (он, наверное, выбрал этот цвет в масть своему черному форменному мундиру) были неподвижны. Словно ждали: что еще глупого скажешь?

– Товарищ у меня тут, – пояснил Галатин. – Хочу узнать, как и что. И у меня его телефон, жена звонит, отдать бы ему надо.

– Нельзя.

И охранник приподнял руку, показывая на дверь, где висел листок с крупной надписью: «КАРАНТИН. ПОСЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ».

– А как же узнать, как телефон передать?

– В регистратуру позвонить.

– А номер?

Охранник большим пальцем указал на стену за собой. Там был стенд с различной информацией, в том числе листок с номером регистратуры. Галатин набрал его, услышал женский голос, который, показалось, заранее был готов к неприятным вопросам и поэтому звучал недовольно:

– Слушаю!

– Я насчет Виталия Королева, Виталия Сергеевича Королева, поступил сегодня днем без сознания, тут ему жена звонит, телефон бы передать и вообще, узнать, как он, – торопливо проговорил Галатин.

– Не по адресу, врачам звоните.

– А как...

Щелкнула брошенная трубка.

– Говорит, к врачам надо обращаться, – сказал Галатин охраннику.

– Само собой, – охранник глядел на планшет, ему не терпелось продолжить игру.

– Тогда я пройду на минутку? Или просто из двери – увижу кого-нибудь, позову, попрошу...

– Нельзя.

– А как врачам позвонить? Есть какие-то номера?

– Только регистратура.

– Ерунда получается: регистратура ничего не говорит, посылает к врачам, а до врачей добраться нельзя. Нелепые порядки.

– Вот уж так у нас! – сказал охранник с хвастливой иронией. Он вполне понимал, что порядки у нас, и не только в больнице, действительно нелепые, но обычно он был страдающей стороной, человеком, который сталкивается с нелепицами и не может их преодолеть, а тут, на службе, сам оказался частью нелепицы и может как-то отомстить за причиненные ему в других местах неудобства и обиды.

– Но у вас наверняка есть какие-то телефоны? Позвонить, если что-то не то?

– У меня все то, – ответил охранник и снял игру с паузы, продолжил ее.

Галатин постоял, слушая синтетическую музыку, которая теперь казалась не ностальгически милой, а раздражающе тупой и примитивной. Он уже знал, что сделает, и собирался с решимостью. Собрался. Быстрыми шагами пошел к двери, открыл ее и крикнул наугад:

– Врачи есть тут? Подойдите на минутку!

И тут же повернулся к охраннику, который громоздко выкарабкался из-за стола большим телом и направился к нему, выставил руку, предупредил:

– Без эксцессов! Я не вхожу, правил не нарушаю!

Но охранник не послушался. По тому, как он дернул руку Галатина, было ясно, что он привык иметь дело с вещами простыми и послушными – лопатами, рукоятками молотков и топоров, кирпичами и досками.

Было довольно смешно: охранник пытался оттащить Галатина от двери, рвал его руку, а Галатин крепко вцепился в дверь другой рукой и выкликал:

– Кто-нибудь подойдет? Что за бардак у вас тут?

В приоткрытую дверь была видна только часть коридора. Пахло хлоркой, санитарка в синем халате мыла шваброй линолеумный пол. Прервалась, оперлась на швабру и с интересом смотрела на Галатина, ничего не говоря.

– Что тут такое, в чем дело? – послышался голос, и появилась врачиха. Галатин узнал ее, именно она принимала Виталия и устраивала его в коридоре.

– Да отстань ты! – закричал он охраннику. – Не видишь, я уже разговариваю! Насчет Виталия Королева, которого мы с вами днем... Которого мы вам... Хватит дергать! – в бешенстве развернулся Галатин к охраннику. – Чего ты добиваешься? – И врачихе: – Скажите, чтобы перестал, я же не вхожу!

Врачиха не сказала, только посмотрела на охранника, и тот отпустил руку, проворчал что-то сквозь маску. Для вас же, так-растак, стараетесь, и вы же, так-растак, мешаете работать, – не слышалось, но угадывалось в этом ворчании.

– Королев? – переспросила врачиха.

– Ну да.

Галатин, пользуясь послаблением, всунулся в дверь, посмотрел вдоль коридора. Вон там, через две кровати, была третья, он помнит, на ней лежал Виталий. Сейчас кровать есть, но пустая, Виталия нет.

Врачиха, проследив его взгляд, сказала:

- В реанимации он.
- Настолько серьезно?
- У нас все серьезно, – сказала врачиха и ушла.

Санитарка тут же начала орудовать шваброй, но орудовала при этом в направлении Галатина. Приблизилась и, не прекращая работы, сказала из-под опущенной головы:

- Помер он. В морг уволокли.
- Вы... Вот это да...А почему она... Про реанимацию?
- Потому. Статистика у них. Трое сегодня померли, перебор. Твоего завтрашним числом записут.
- А морг где?
- За больницей. Сзади, – уточнила санитарка.
- Спасибо.
- Не за что. Только не говори, что я сказала.
- Не скажу.

Галатин закрыл дверь и пошел к выходу. Был готов сказать охраннику что-нибудь резкое и дерзкое, напомнить ему о совести и человечности, но тот уже сидел опять за столом, глядя в планшет и бойко постукивая пальцами, заставляя прыгать компьютерного человечка, и больше его ничто не интересовало.

Как только Галатин вышел из больницы, опять позвонила Лариса.

- Что там происходит? – спросила она. – Где Виталья?
- Перевели в другую палату, а меня не пускают, у них карантин, – сказал Галатин.
- С ума они, что ли, там сходят? Дайте кого-нибудь, я поговорю!
- Не с кем говорить, выгнали из больницы. Но я что-нибудь придумаю.
- Да уж придумайте! Я бы их там сейчас вверх дном перевернула!
- Я сам переверну, не волнуйтесь.

Галатину неловко было обманывать Ларису, но сказать о смерти Виталия он не мог. И надо ведь проверить сначала, может, санитарка напутала?

Он обогнул здание больницы, увидел вход в подвал с покатой крышей, с металлической дверью, выкрашенной в черный цвет. На двери была застекленная табличка, краска с изнанки облупилась, поэтому вместо слова «морг» значилось: «МО Г». Под ним самая популярная в России подпись мелкими буквами, тоже облупившимися, но по догадке легко прочитываемая: «Посторонним вход воспрещен». Под этой табличкой еще одна, металлическая, черным по белому: «Время работы с 9.00 до 18.00». Под нею еще одна, картонная, с выцветшими и размытыми буквами: «Выдача тел строго с 10.00 до 15.00». Но и этого оказалось недостаточно, внизу был прикреплен заламинированный бумажный листок: «Выдача тел осуществляется только на основании 1) свидетельства о смерти из ЗАГС 2) паспорта ответственного лица». Однако и этого не хватило, внизу кто-то крупно и сердито написал мелом: «Без оформления и не в рабочее время не звонить, никто не откроет!!!» И последним штрихом над «не звонить» было начертано «и не стучать!!!!»

Но у Галатина была особая ситуация, он и позвонил, и постучал. Еще раз позвонил и постучал. Из-за двери – ни звука.

Что ж, подумал Галатин, посмотрим, что вы будете делать, когда придет полиция. И отправился искать отдел.

Спрашивал у людей, отдел оказался через несколько домов от кафе «Путное».

Тут позвонил Иван.

- Я выехал, – сказал он. – Что там нового?
- Да не очень хорошо. Сейчас сказали, что... Прямо язык не поворачивается.
- Не тяни!

– Похоже, Виталий умер.
– Что значит, похоже? Вась, ты не выпил там?
– Ни в коем случае. Врач сказала, что в реанимации, а уборщица, что в морге. Уборщице врать незачем.

– Одно к одному! Что делаешь, где ты сейчас?
– Не пускают в больницу, иду к полицейскому, который... Чтобы вместе в больницу пойти, разобраться.

– Правильно. Какой-то ты по голосу растерянный, Василий Русланыч.

– А ты бы не растерялся?

– Я бы нет. Ладно, выясняй все и держи меня в курсе.

– Хорошо.

Еще когда Галатин договаривал с Иваном, послышался звонок телефона Виталия. Галатин посмотрел: «Юлия Николаевна». Догадался, кто это. Ответить, не ответить? Все равно ведь будет названивать. Ответил:

– Юля, это я, Василий Русланович. Виталий занят сейчас, он тебе потом перезвонит.

– Когда?

– Когда сможет.

– У него все нормально?

– Вроде бы.

– Что значит вроде бы?

– Все нормально.

– Хорошо. Скажите, девочки хотят с ним поговорить.

– Скажу.

Отдел полиции начинался, как, наверное, и везде (Галатин сроду не бывал в таких местах), с дежурной части. За окном с соответствующей надписью сидел полицейский, держа телефон возле уха и что-то записывая. Галатин встал перед ним, полицейский кивнул ему, дав понять, что заметил, и выставил вверх палец: подождите. Галатин ждал, смотрел вдоль длинного коридора. Время от времени проходили работники, все без масок. Так оно и было в то время: люди, принадлежавшие одному кругу, служебному, семейному, соседскому, не опасались друг друга, будто считали, что от своих зараза не передается. Да и уставали бояться, страх ведь тоже устает.

На стуле напротив окна сидел с опущенной головой мужичок удивительно доисторического вида – в овчинном полушубке, который хотелось назвать зипуном или армяком, в меховой шапке, которой подошло бы имя треуха, в валенках с галошами. Так и чудилось, что на дворе ждет его кауряя лошадка, запряженная в сани-розвальни.

Мужичок приподнял голову, показал красное лицо со слезящимися глазами, посмотрел на Галатина и обрадовался:

– Пришел?

– Пришел, – не стал возражать Галатин.

– Давно пора! – одобрил мужичок. – А то сию тут один, как этот. Скажи ему там.

– Скажу.

– Молодец!

Мужичок уронил голову, не в силах держать ее так долго.

А дежурный полицейский, закончив разговор, спросил:

– Чего хотели?

– Сотрудник тут у вас. Довольно молодой, круглолицый такой.

– У нас все молодые и круглолицые.

– Он машину арестовал, грузовик, взял мой паспорт, а водитель в больнице, я пошел в больницу, а он, оказывается, умер.

– Ничего не понял. Кто арестовал, кто умер?

– Арестовал ваш сотрудник, не знаю его фамилии.

- А звание?
- Не помню. С двумя звездочками погоны, лейтенант.
- Саша! Кошелев! – громко крикнул дежурный.

В двери одного из кабинетов показался полицейский повыше и похудее того, кого искал Галатин.

- Ты никакую машину не арестовывал?
  - Я с утра тут безвылазно сижу. Наверно, Полищук, он любит такие дела. Полищук! Ты тут?
- Из другого кабинета вышел полицейский с кружкой в руке.
- Никого не арестовывал? – спросил Кошелев.
  - Была охота под Новый год, – ответил Полищук. – Может, Бехтияров? Бехтияров!

Так они выкликали друг друга, и вскоре в дверях выстроилось с полдюжины полицейских, которые все были, как и говорил дежурный, молоды, но круглолицего знакомого не было.

И тут он вошел с улицы сам.

– А я вас ищу! – сказал Галатин. – Ваша помощь нужна, в больнице сказали, что водитель умер, что он в морге, а в морг не пускают.

- Что значит умер? – недовольно спросил круглолицый. – Ладно, пойдемте.

Они вышли, сели в машину полицейского и поехали к больнице, что заняло не больше пяти минут. За это время Галатин успел спросить, как зовут полицейского – неудобно было обращаться безымянно. Тот неохотно сообщил, что зовут его Никитой, но лучше обращаться по званию: товарищ лейтенант.

Опять позвонила Лариса. Галатин ответил коротко: продолжаю выяснять, сейчас как раз этим занимаюсь.

В больнице лейтенант Никита прошел мимо охранника, не поздоровавшись с ним и даже не глянув в его сторону. И направился сразу же в кабинет главврача на второй этаж. Галатин следовал за ним. В кабинет входить не пришлось, потому что главврач сама в это время выходила оттуда – высокая женщина в очках, с седыми волосами, видневшимися сквозь голубую полупрозрачную шапочку с резинкой по окружности.

- Здравсте, Валентина Георгиевна, – уважительно поприветствовал ее лейтенант Никита.

- Здравствуй, ты чего тут?

– Да вот человек больного к вам поместил, водителя, он ехал с ним, фамилия Королев, а потом он пришел, а ему кто-то сказал, что водитель в реанимации, а кто-то, что он, наоборот, умер и в морге. Разобраться бы, а то путаница какая-то.

- Разберемся. Как мама?
- Стабильно, спасибо.

Главврач достала телефон, отошла в сторону, негромко с кем-то поговорила. Вернулась:

– Никакой путаницы. Скорее всего, когда сказали, что в реанимации, он там и был. Но не спасли. Сердечная недостаточность.

– Странно, – сказал Галатин. – У него аритмия была, давление пониженное. И вдруг недостаточность.

- Где аритмия, там и недостаточность. Вы кто ему?

- Ехали вместе. Попутчик.

- Надо родственникам сообщить.

– Логичней вам, – возразил Галатин. – У меня его телефон, там номер его жены, вот, Лариса, – Галатин подал женщине телефон, на дисплее которого было имя Ларисы, оставалось лишь нажать.

- А сами не можете?
- Я ему никто. Подумают еще что-нибудь.

– Никита, позвони ты, – попросила главврач лейтенанта. – Мало мне работы с утра до ночи, еще такие вещи родным говорить. С ума сойду.

Никите тоже не хотелось звонить.

– Надо бы проверить сначала, – сказал он. – Пусть человек в морге опознает. А то мало ли что...

– Ну, пусть опознает, идите, я туда позвоню, чтобы пустили.

У открытой двери морга их ждал предупрежденный служитель, пожилой мужчина в черном халате и черной шапочке, с голубой маской на лице.

– Маски! – неприветливо напомнил он лейтенанту и Галатину, которые в больнице, естественно, были в масках, а сейчас оба приспустили их на шею.

– Бойтесь, мертвых заразим? – спросил Никита.

– Я пока живой, не болел и не собираюсь. Так что соблюдайте.

Спустились в подвал, где оказалось теплее, чем на улице. Небольшое помещение было пустым, только длинный металлический стол стоял посередине.

– Сейчас выведу, – сказал служитель и скрылся за дверью с застекленным окошком. Через минуту выкатил тело, накрытое прозрачным целлофаном, обнаженный Виталий был весь виден. Служитель, тем не менее, откинул целлофан.

– Да, он, – сказал Галатин. – А почему голый, так надо?

– Вскрытие буду производить.

– Это обязательно? – спросил Галатин.

– Если больной в стационаре пробыл меньше суток – обязательно. Невзирая на родственников. Вы кто?

– Не родственник.

– Тем более. А у вас какие вопросы? – обратился служитель к лейтенанту Никите.

– Да никаких. Опознали, и все.

– Только непонятно, – озадачился вслух Галатин. – Как ему диагноз смерти поставили, если вскрытия не было?

– А кто поставил?

– Главврач.

– Вот у нее и спросите.

– Да ясно все, – вступился Никита за главврача. – Сердце прихватило, раз – и нет человека. У меня дядя так в сорок лет умер. Нагнулся ботинки шнуровать, упал и не встал. Потом сказали – тромб оторвался.

– Обычное дело, – подтвердил служитель, и в голосе его Галатину послышалась нотка горделивости – возможно, от причастности к таинственному делу смерти, которая проявляет себя с величественной неожиданностью, достойной уважения, а то и восхищения.

Тут наступила пауза, во время которой все трое смотрели на тело и молчали. О чем-то думали. Может быть, служитель уже примерялся, как будет вскрывать, исследовать, а потом зашивать. А Никита, возможно, глядя на молодого еще мужчину, подумал, что и с ним это может случиться, и невольно прикидывал, сколько еще осталось жить до такого возраста. О том, что смерть может настигнуть раньше, теоретически завтра и даже сегодня вечером, и даже прямо сейчас, у него, естественно, и мысли не было. А Галатин никак не мог осознать, что Виталий мертв. Лицо совсем живое, словно спящее, только очень уж белое. И тело как живое, особенно пальцы рук, отличавшиеся цветом – темнее от работы на воздухе и с не всегда чистыми предметами. А под пушистым островком паха лежало то, что напомнило Галатину то ли гриб со съехавшей набок шляпкой, то ли небольшой выкорчеванный пенек. Как странно – этим Виталий общался с Ларисой, Юлей, возможно, и с другими женщинами, это наверняка было предметом его не всегда осознанных, но постоянных дум и забот, это стало причиной его детей, то есть других жизней, это обладало удивительной, уникальной способностью увеличиваться, как ничто другое в человеческом теле, а теперь, оставаясь внешне таким же, стало никаким, несуществующим, мертвым. Да еще и унижительно крохотным: остальные части тела не изменились или почти не изменились в пропорциях, а оно будто усохло, потому что зависит от поступающей крови, а кровь сейчас совсем не поступает.

Когда вышли, Никита сказал:

– Давайте все-таки вы звоните. Она, жена его, вас хоть как-то знает?

– Видела.

– Ну вот. А то позвонит полицейский, подумает, что тут криминал какой-то, истерика начнет-ся, пока объяснишь... Короче, звоните.

– А можно Сольскому позвонить, это его хозяин, вернее, компаньон, – искал отмазку Галатин. – Тот, с которым вы разговаривали. И пусть он сообщит.

– На другого перевалить хотите? – проницательно спросил Никита.

– Не перевалить, а... И откройте машину, мне до приезда Сольского деваться некуда. А к их перевозкам я не имею отношения, так что...

– В отделе посидите.

Галатину стало обидно. Только что они с этим молодым человеком делали общее дело, были вместе, в почти дружеском общении и единстве, скрепленном стоянием над умершим человеком – ведь всегда же смерть сближает тех, кто остался в живых. Но нет, лейтенант сразу же отстранился, стал опять служебно чуждым.

Однако этот не великого ума юноша сумел понять правду: да, собирався Галатин перевалить все на Ивана. И, чтобы доказать лейтенанту Никите, что не настолько он слабодушен, Галатин тут же набрал номер Ларисы.

– Лариса, здравствуйте...

– Ну? Что с ним?

– Понимаете, ему, как я говорил, плохо стало. Внезапно. У него раньше такое было?

– Вы издеваетесь, что ли?! Было, не было! Он живой?

Галатин молчал, глядя на лейтенанта и будто прося его помощи. Тот отвернулся.

Послышался плач Ларисы. Она все поняла без ответа. Плач перешел в крик с отчаянными и бессмысленными словами: «Да мама же ты моя, да что же это такое! Да как это может быть! Да что ж теперь делать?»

Только женщины могут рыдать так открыто и горестно, мужчины не умеют. И не потому, что древние кодексы чести предписывают мужчинам быть сдержанными, хотя и это тоже. Главная причина: страдать вслух и без удержу означает признать и принять чью-то смерть, то есть признать смерть как таковую, в том числе и возможную свою, а мужчинам это слишком трудно, они не в силах полностью поверить, что могут перестать жить. Женщины природным чутьем осознают свою родственность со смертью, как с частью жизни, мужчина с этим смириться не хочет.

Наконец Лариса сумела что-то выговорить. Галатин не понял:

– Что?

– Адрес. Адрес скажите. Или пришлите.

– Да, сейчас пришло.

Галатин и лейтенант вернулись в отдел, Никита завел Галатина в дежурную часть, где стояли несколько столов, указал на место в углу.

– Там посидите. Можно? – спросил он дежурного.

– Да пусть.

Галатин сел у стола боком, придвинув спинку стула к стене. Откинул голову, закрыл глаза, приготовился ждать.

Вскоре позвонила Юлия. Сказать ей о смерти Виталия или не сказать? Надо сказать. У нее такие же права, как и у Ларисы. То есть официально не такие, но... Не его это дело, какие.

Галатин путанными, сбивчивыми словами рассказал, как и что произошло. Юлия плакала тише, чем Лариса, всхлипывала, неразборчиво что-то шептала. Попросила подождать, сказала, что перезвонит. Перезвонила минут через пять, говорила на удивление спокойно и деловито:

– Где это, адрес скажите.

– Я могу, но такая история. Лариса звонила, его...

- Я знаю! И?
- Она хочет приехать.
- И что?
- Если вы тут вместе окажетесь...

– Ну, и окажемся, и что? Ей давно пора узнать, вот и узнает. Он все тянул, все боялся, а теперь ему бояться нечего! Так я и знала, что этим кончится! Сто раз предлагала: хватит мотаться, у нас тут водителям не меньше платят, особенно если продукты возить, там и деньгами дают, и натурой. Нет, люблю дальнюю дорогу! Вот и получи теперь дальнюю дорогу, дальше некуда!

– Юля...

– Что? Не так говорю? Как умею говорю! Детей его больных кто лечить будет теперь, он подумал? Как мы теперь жить будем, он подумал? Дальняя дорога, твою мать! Романтик нашелся! Короче, Василий Романович, шлите адрес, а остальное вас не касается!

Галатин не стал поправлять, что Русланович, а не Романович, послал Юле адрес.

К концу дня в отдел возвращались те, кто работал на земле, как называют это полицейские, Галатина согнали из-за стола в углу, он пересел за другой, но попросили уйти и оттуда, в результате он оказался в единственно свободном помещении – в зарешеченном изоляторе со скамьями-нарами по стенам. Здесь он был некоторое время единственным постояльцем, потом привели и впихнули двух пьяных пожилых мужчин, грязных, с ободранными и окровавленными лицами. Они сели напротив друг друга и доругивались.

- Говорил я тебе, – упрекал один.
- А не надо было лезть, – отвечал другой.
- Кто лез?
- Не я же!
- А я, что ли? Сам начал!
- Чего я начал?
- Того! Забыл? Пьяны!
- Мало тебе?
- Закрой пасть!
- Сам закрой!

Пришел начальник в звании майора, веселый, бодрый, глянул за решетку, увидел в руках Галатина телефон (Галатин развлекал себя игрой в слова), удивился:

- Почему у задержанного телефон?
- Он не задержанный, – сказал дежурный. – Он типа свидетель. Никита держит.
- Да хоть кто, в камере не положено. Забери.
- Есть, – послушно ответил дежурный.

А майор обратил внимание на одного из пьяниц.

- Тормасин, опять ты тут?
- Не опять, а снова, – невежливо буркнул пьяница. – Делать вам не хрен по пустякам людей хватать. Сами себе работу производите.

Майор, видимо, был в настроении поговорить, поэтому охотно отозвался:

– Как раз нам есть что делать, Тормасин, а ты только под ногами путаешься! Думаешь, я хочу под Новый год в обезьянник побольше придурков напихать? Нет, дорогой, я хочу, чтобы там было пусто и елочка стояла! С фонариками!

– В советское время людей в праздники не брали! – сказал второй пьяница. – И на Первое мая, и в октябрьские, и под Новый год. Специальный указ был: люди отдыхают, им разрешили, зря никого не хватать!

– Вы не просто пьяные, а дрались, – заметил подошедший дежурный. – Давайте телефон, – он просунул руку через решетку.

Галатин не перечил, подошел и отдал свой телефон. В конце концов, действительно, порядок есть порядок. Да и второй телефон у него останется, телефон Виталия. А еще Галатину не хотелось

огорчать пустыми спорами и сопротивлением майора, который с первой минуты чем-то стал ему симпатичен. Может, тем, что был он хорош фигурой, выправкой, хорош простым и умным, энергичным лицом – такой человек не сделает зла для удовольствия, только по необходимости и по службе. А еще от майора пахло душистой праздничной смесью одеколона и чего-то алкогольного, коньяка или виски. Да, он где-то слегка тюкнул, но тюкнул умеренно, в хорошей компании и с хорошим разговором, не в ущерб службе, у него прекрасное настроение, он весь в ожидании заработанного праздника в кругу семьи, и это ожидание словно разливалось вокруг майора, делало казенное помещение уютным, поэтому и на лице дежурного была улыбка от удовольствия глядеть на веселого начальника, и оба пьяницы смотрели на него без злости, скорее с завистью по отношению к его здоровью и свободе. И Галатин, отдавая телефон дежурному, сказал ему и майору:

– Нельзя так нельзя. С наступающим вас, кстати. И поменьше вам работы.

– И вам того же! – бодро откликнулся майор и пошел по коридору в свой кабинет, провожаемый доброжелательными взглядами.

– Он у вас человек! – высказался один из пьяниц.

– Не жалуемся, – согласился дежурный.

Галатин вернулся на свое место, лег, закинув руки за голову, закрыл глаза и приготовился ждать.

Он лежал так долго, и это было ему не в тягость. Давно ему не приходилось быть ничем не занятым. Привык, как и все мы привыкли, что нет свободного местечка в нашем досуге: если не книги, то телевизор, если не телевизор, то интернет, если не интернет, то телефон с тем же интернетом, чатами, играми, или слушаем что-то через наушники, наедине с собой остаться некогда, а кому-то уже и страшно.

Теперь же плыли в голове Галатина обрывки образов и мыслей, и он сначала с любопытством в них вглядывался, а потом и вовсе отпустил, погрузился в созерцание мерцающей густой пустоты, похожей на взвесь мелкого планктона в морской глубине, при том что Галатин никогда не бывал на морской глубине и не видел планктона...

Вечером примчался Сольский и быстро все разрулил: Галатина тут же выпустили, потом Иван поговорил с лейтенантом Никитой, вместе с ним отправились к майору, там тоже о чем-то поговорили, Иван получил ключи от машины и папку с документами, а Галатин свой паспорт и телефон, а телефон Виталия отдал Ивану. Вместе съездили в больницу, Иван так же легко, как и Никита, прошел мимо охранника, отличие лишь в том, что поздоровался. Охранник привстал, но тут же сел: опытным взглядом различил в Сольском человека, который везде пройдет независимо от разрешения. В больнице Иван о чем-то беседовал с главврачом в ее кабинете, Галатин ждал у двери. Сольский вышел мрачный, сказал:

– Вот так оно и бывает.

– Как? Диагноз подтвердился? Она сказала, что сердечная недостаточность, а еще даже вскрытия не было, – сказал Галатин голосом ябеды, тут же это уловив и немного удивившись, но поздно – слова сказаны.

– Да какая разница, Вася? – вздохнул Иван.

– Родные захотят узнать, отчего умер.

– Отчего, отчего... От смерти умер. Ты голодный, наверно?

– Не без того.

Они пошли в кафе «Путное», где поужинали, и Сольский коротко рассказал, почему лейтенант задержал машину. В бочках был метанол, метиловый спирт, одна фирма из Саратова поставляла его в Подмоскowie для производства полиформальдегида, из которого делается какой-то особый пластик, все законно, все по документам, Виталия их в отдельной папочке хранил, но машина не совсем оборудована под перевозку метанола, а главное, у Виталия не имелось разрешения на транспортировку горючих материалов – раньше не было необходимости, не возили таких грузов.

– А сейчас на все согласишься. Хотели проскочить, не вышло, – сказал Иван.

– И как договорился? Штраф заплатил?

– Пришлось. Теперь у меня прибыли от доставки будет – ноль. Но доставить все равно надо. Или сам поеду, а свою машину тут оставлю, потом вернусь, или буду водителя искать. Под Новый год попробуй найди кого-нибудь. Ты-то как поедешь? Меня подождешь или есть варианты?

– Уже узнал, автобус утром идет до Рязани. А оттуда легко добраться.

– Ночевать где будешь?

– В машине, если можно.

– Можно, но не нужно. Тут есть нормальная гостиница, номера недорогие. Поспать надо как следует. И тебе, и мне.

Они устроились в этой гостинице, где санузел, туалет с ванной, был общий для двух номеров. Галатин поговорил с Антоном, узнал новости, поговорил и с Алисой, которая показалась спокойной, но от этого Галатину стало лишь больнее – сдерживается девочка, а сдерживаться тяжело, давит, давит на сердце камешек. Потом позвонил отцу, тот не сразу подошел к телефону. Наконец ответил, удивившись:

– Ты разве не дома?

– Поехал по делам. Тетя Тоня заходила?

– Какая тетя Тоня?

И тут же возник голос тети Тони, которая взяла у отца трубку:

– Да тут я, тут! Чудит он до невозможности, каждый раз объясняю ему, чего тут делаю. Все, ухожу уже, спать пора. Все нормально, Вася, не волнуйся!

Ивану же на телефон Виталия позвонила Лариса, а потом, почти сразу же, Юля.

– Обе приехали, представляешь? – сказал он, входя в номер Галатина.

– А ты о второй знал?

– Конечно, знал. Он сперва все хвастался, что бабенку завел на перекус, так и говорил – на перекус. А вместо перекуса получилась вторая семья. Девчонки-близняшки, прикипел он к ним. На два фронта рвался, вот и надорвал сердечко. Ладно, пойду – надо их как-то развести, а то скандал выйдет.

– Мне с тобой?

– Отдыхай, справлюсь.

30.

Иван не сумел развести Ларису и Юлю. Женщины встретились в самом неподходящем для знакомства месте: в море. Лариса стояла над телом мужа и плакала, вошла Юля, тоже с плачем, тут-то все и выяснилось. Продолжая плакать, Лариса всячески обзывала Юлю, упрекнув и мужа: «Мало, что ты умер, ты меня еще и опозорил!» Юля в ответ кричала, что он давно собирался уйти от Ларисы, что он ее давно не любит, а любит только Юлю и своих дочек. Узнав о дочках, Лариса совсем взбеленилась и заявила, что пусть эта сучка придорожная, которая всех шоферов через себя пропустила, даже не надеется, что ее прибудышей кто-то засчитает за детей ее мужа, и если эта тварь думает, что ей от Виталия что-нибудь достанется в смысле наследства, то пусть лучше сразу заткнется, пока она сама ее не заткнет. Присутствовавшие при этом Сольский, отец Ларисы, привезший ее на своей машине, сосед Юли, доставивший ее и все порывавшийся выйти, но никак не находивший удобного момента, служитель морга, производивший вскрытие, главврач, пришедшая проконтролировать ситуацию, лейтенант Никита, которого Иван позвал для официальной и наведения порядка, если потребуется, – никто из них не пытался вмешиваться. Никита только неромко приговаривал: «Успокойтесь, женщины, успокойтесь!» Но женщины не успокаивались, долго еще ругались и готовы были сцепиться друг в друга, только присутствие покойника их удержало от этого.

А потом, через год, Лариса неожиданно приехала к Юле, грубовато сказала: «Какие-никакие, а они его дети, не померли тут еще?» – «Не волнуйся, живей тебя!» – в тон ей ответила Юля. Но

после этого Лариса достала бутылку и сказала, что в любом случае годовщину надо отметить. А у Юли была и своя бутылка, она тоже собиралась в одиночестве справлять годовые поминки. Сели, выпили, закусили, поговорили, потом пришли девочки, гулявшие на улице, Юля рассказала об их проблемах, а Лариса вспомнила, что ее одноклассник стал авторитетным педиатром, может помочь.

И тот помог, и девочки поправили здоровье, выросли, пристрастились путешествовать, завели канал «Две сестры Travel», ставший очень популярным, Лариса, ставшая бабушкой Ларисой, регулярно его смотрела и с гордостью говорила своим внуку и внучке: «Родственницы ваши, вашего покойного деда дочери. Веселый был у вас дед. Разносторонний». Но внука и внучку это не заинтересовало, они были хоть и малы, но уже хорошо разбирались в окружающем мире, их ничего в нем не удивляло, как и других жителей наступившего нового времени.

Правда, с самой Юлей Лариса к тому времени перестала общаться: Юля еще раз вышла замуж, родила новому мужу сына, и Ларисе стало обидно за Виталия, как было бы, наверное, обидно ему самому, если бы он остался жив.

31.

Настя, очнувшись от тяжелого сна, первым делом хотела потребовать телефон и увидела, что он рядом, на тумбочке. Взяла его. Телефон пах чем-то едко-химическим – наверное, обработали. Позвонила Алисе. Дочь обрадовалась, сказала, что у нее все хорошо, у папы тоже все хорошо, а у тебя, все хорошо? Да, все хорошо, через силу улыбнулась Настя. Вот и хорошо, сказала Алиса.

Насте было немного досадно видеть и слышать дочь такой успокоившейся, будто ничего особенного не произошло. Но ее можно понять: мама в больнице, с ней там не может случиться ничего плохого, и она ведь сама говорит, что у нее все хорошо. Пусть это не совсем так, дети чувствуют, когда их немного обманывают, но Алиса согласна быть обманутой. И понимает не хуже взрослых: если кому-то совсем плохо, то не хватит сил притворяться. Так что, даже если маме и не совсем хорошо, но достаточно хорошо, чтобы говорить, что хорошо. Железная логика психологического самосохранения, подумала Настя и порадовалась тому, что может так ясно мыслить.

– Папу позвать? – спросила Алиса.

– Да нет. Или позови, – тут же передумала Настя.

И Антон возник на дисплее. Значит, был рядом с Алисой. Настя почувствовала непрошенный приступ благодарности. Даже в носу стало влажно и глаза чуть-чуть защипало. Это меня от болезни так размягчило, объяснила себе Настя. И задала пустой вопрос из разряда тех, которыми обмениваются муж и жена, когда не о чем говорить, но ощущение диалога все же нужно – так, наверное, попискивают обезьянки в вольере, обозначая: «Я тут!» – «И я тут!» – «Я ем банан!» – «И я ем банан». Вроде и не сказали ничего, и поговорили.

– Как вы там? – спросила Настя.

– Нормально. Ты-то как?

– Лежу.

– Что говорят?

– Ничего. Я спала, врачей нет сейчас, – Настя оглядела палату и, понизив голос, сообщила: – Нас тут шесть коек.

– Хорошо сказала – нас шесть коек, – улыбнулся Антон.

– Да ладно тебе. Я еще к системе подключена, качают что-то.

– В тебя или из тебя?

– Очень смешно.

Совсем теплый и дружеский разговор получается, будто ничего не было, спохватилась Настя. Надо как-то повернуть разговор, но как? Связь громкая, Алиса слышит. Придется учесть на будущее и больше этой ошибки не повторять, а сейчас просто округлить разговор чем-нибудь нейтральным.

– Извини, если нарушила твои планы, – сказала Настя.

- Совсем не в себе? Понимаешь же, что все мои планы теперь тут.
- Никто не обязывает. Алисе няню ищут. Может, уже нашли.
- Зачем? – спросила невидимая Алиса. – Какая няня, у меня папа тут.
- Потом поговорим, – сказала Настя. – Все, пока, созвонимся еще.

Совсем она не форме, проиграла диалог вчистую. Еще бы не проиграть – в голове будто ком тяжелой, горячей и мокрой ваты. Вата. Вино вата. Какая-то детская загадка, шутка, мама что-то такое говорила, это из ее детства. Вино и вата, а вместе – виновата. Ну и что? Бесит нелепость сочетания двух абсолютно не имеющих друг к другу отношения вещей. Вино – вата. В чем смысл игры слов? Почему они пришли в голову? Вино – вата, вино – вата. Виновата. Она виновата. Перед кем? Она ни перед кем не виновата.

Как же ни перед кем? А Дмитрий, Митя? Она только сейчас вспомнила о нем, а тот, бедный, наверное, уже обзвонился. Настя посмотрела пропущенные звонки, номера Дмитрия там не было. Это встревожило, она позвонила сама. Ответил женский голос:

- Да?
- Что да? Вы кто?
- Мы больница. Я телефон протираю, а вы кто?
- Я... Родственница. Жена. Где он?
- Не знаю, мы тут обработкой занимаемся. Придут, заберут телефон, отнесут.
- Куда?
- Где лежит.
- Он в больнице?
- Девушка, мне работать надо. Через час позвоните, поговорите, он вам скажет, где он и что.

До свидания.

- А какая больница? – выкрикнула Настя, но женщина уже отключилась.

Больница была такая, в какую Согдеев никогда бы не попал, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Варя, обеспокоенная тем, что шеф третий час лежит в дыхательной комнате, чего среди дня никогда не бывало, вошла туда и увидела: Дмитрий Алексеевич сидит, опершись руками о диван, и раскачивается взад-вперед. Нет, он не раскачивается, он, поняла Варя, пытается встать, но не может. Ее это напугало.

- Дмитрий Алексеевич, вы чего?
- Ничего. Помогите.

Варя подошла, неловко обняла Согдеева за плечи. В ее молодой жизни еще не было случая, чтобы помогать кому-то встать, она не знала, как это делать.

- Под мышки, дура, – с болезненной раздраженностью научил Согдеев.

Варя растерянно засуетилась. Спереди сунуть руки Согдееву под мышки – колени его мешают, близко не подойдешь, сбоку изловчиться – одной рукой получается, вторая из-за широкой спины Согдеева не достает, только кончики пальцев проникают в щель между рукой и телом шефа, чувствуется при этом, как там горячо и мокро.

- Согдеев рванул, приподнялся, но тут же опять сел.
- Выругался коротким словом. Посидел, тяжело дыша, выдавил:

- Чего-то совсем мне не того. Звони в скорую.
- Я искала нормальные клиники...
- В обычную скорую звони! В любую!

И Варя позвонила, и приехала обычная скорая помощь. Врач и фельдшерица осмотрели Согдеева и сразу же приговорили:

- Надо ехать.
- Согдеев не возражал.

И повезли больного, по пути выяснив, где могут принять, желательно в ближайшей клинике, человеку совсем худо. Ближайшая оказалась на расстоянии в пол-Москвы, но деваться некуда,

поехали. Однако вскоре Согдеев хрипеть, задышаться, девушка-фельдшерица испугалась, крикнула врачу, сидевшему рядом с водителем:

– Роберт Степанович, он умирает!

Роберт Степанович, человек с тридцатипятилетним стажем службы в экстренной медицинской помощи, ненавидел свою работу и не мог без нее жить, за что дополнительно ненавидел и себя, но работа отчасти оправдывала его запои, в которые он уходил раз в полгода. И больше всего он не любил, когда кто-то отдавал концы в дороге. Невольно чувствуешь себя причастным к гибели человека, да и отчеты потом писать замучаешься, учитывая, что каждый такой инцидент расследуется в административном порядке, и обязательно возникают негодующие родственники, которым дела нет до пробок на дорогах, до нехватки машин, оборудования и препаратов, а руководство тебя каждый раз натаскивает: о пробках, оборудовании и препаратах ни слова, упирайте на то, что больной умер бы при любых условиях, вы ничего не могли сделать, а мы вас обязательно поддержим.

Осмотрев больного, Роберт Степанович велел водителю свернуть к больнице, что была самой ближней: топографию клиник Москвы он знал наизусть. На то, чтобы связываться с диспетчерской и ждать, когда диспетчерская с кем-то договорится, он не стал тратить время. Тут вечный конфликт интересов: люди из службы скорой помощи не хотят, чтобы больной помер в машине, а люди из больницы не хотят, чтобы он помер там.

В приемном покое, естественно, возникли трения, принимать отказывались, ссылались на отсутствие мест, прибежал заместитель главврача, которого Роберт Степанович хорошо знал, и тот знал Роберта Степановича.

– Имейте совесть, – закричал заместитель. – Опять к нам?

– Не преувеличивайте, последний раз я у вас полгода назад был.

– А других, думаете, нет? Все к нам сворачивают! – страдал заместитель.

– Пока будем спорить, получим жмурика, – сказал Роберт Степанович, не опасаясь, что больной услышит: Согдеев был без сознания.

На самом деле это только казалось: Дмитрий Алексеевич все слышал и все понимал, но понимал бессильно и отстраненно. Откуда-то из глубин мозга кто-то, имеющий отношение к Согдееву, но не совсем он сам, говорил далеким голосом: надо открыть глаза. Надо что-то сказать. Надо потребовать. Надо призвать их к порядку. А кто-то второй отвечал: не могу. Да и зачем? И это «зачем» удивляло еще одного Согдеева, третьего, самого близкого к нему, но почему-то самого беспомощного, который был только свидетелем. Как это зачем, чтобы выжить, объяснял этот третий. Ну, это уж теперь как карта ляжет, хладнокровно отвечал второй. Ты поглянь, поглянь на него, жаловался первый третьему сварливым голосом сутяжного пенсионера. Пошевелиться ему лень, зачем, видите ли! Что бы ни делать, лишь бы ничего не делать! Ты, действительно, как-то это... Пошевелись хотя бы, а то так и помереть недолго. Ну, и помер, отвечал второй. Все равно к этому идет. Жить хорошо, когда все лучше и лучше, а лучше теперь уже не будет, будет только хуже. Ну – и зачем? Только мучиться.

Меж тем тело Согдеева куда-то везли, чьи-то руки подхватывали, перекладывали его, и все трое споривших замолчали, успокоились. Или смирились.

Через какое-то время он неожиданно очнулся и обнаружил, что в голове все ясно, нет никаких троих, есть только он один, Дмитрий Алексеевич Согдеев, который тут же оценил обстановку, как он и привык это делать. Повернув голову, он увидел, что лежит в длинном коридоре. Краска на стенах, пластик на потолке, плафоны, двери – все убого и бедно. Бюджетно, как выражаются в народе, привыкшем считать каждую копейку. Но Согдеев-то от этого отвык, особенно когда касалось его самого – у него все должно быть самое качественное и лучшее, в том числе медицинское обслуживание. Как он попал в эту клоаку? И почему никто не подходит? Ум его ясен, но организму плохо, особенно терзает жажда – возможно, следствие нескольких рюмок выпитого с утра коньяку. На миг стало радостно оттого, что он сохранил память – помнит о коньяке, но тут же радость сменилась гневом.

– Пить дайте! – прохрипел он. – Что за кавардак тут у вас? Где кто?

– А кого надо? – послышался сзади старческий, болезненный и насмешливый голос. Как бы даже издевательский.

И Согдееву почему-то захотелось увидеть говорившего. Он выворачивал шею, пытаясь оглянуться, ерзал, но не сумел так извернуться, чтобы увидеть соседа по коридору, выхватил взглядом только те же стены, двери, потолок. И, обессилив, лег в прежнее положение.

– Пить, – попросил он, на этот раз шепотом.

И вдруг заплакал. Впервые за долгое, очень долгое время, последний раз он плакал восемнадцать лет назад, когда умерла мама.

32.

Антон хотел устроиться на ночь в зале, чтобы быть поближе к дочери, но Алиса удивилась:

– Ты чего тут? Меня, что ли, караулить будешь? И тут мама спала.

– Думаешь, если буду спать на ее месте, заболēju?

– А то нет! Инфекция же.

– Ладно, пойду в спальню. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Но Алиса не собиралась спать, у нее было важное дело. Полгода назад она решила создать себе друга или подругу. Или двойника. Не такого, как компьютерная искусственная Алиса, ее тезка, которую в России придумали вместо общей для всего мира Сири. С этой Алисой вообще получилась глупость, она появилась намного позже, чем сама живая Алиса, но теперь все, кто узнаёт, что ее зовут Алисой, обязательно спрашивают: «Это не в честь той Алисы, которая в интернете?» Да еще и смеются, дебилы. Что тут смешного?

Алисе захотелось создать то, что называют тульпой. Многие создают их тупо, по образцам, а потом попадают от них в зависимость, Алисе же хотелось иметь умную, как она сама, подругу. Чтобы умела думать и говорить. Возражать, спорить. Для этого Алисе понадобилось записывать все свои разговоры, поэтому она ходила с включенным диктофоном и в школе, и дома. И стала в это время очень словоохотливой. Так она создавала для подруги, которую назвала Лиасой, запас слов, выражений, целых предложений, а потом учила ее вставлять это к месту. Сначала приходилось подсказывать, а потом Лиаса все чаще стала выдавать неожиданные ответы и вопросы. Она – ожила. Алиса наметила продемонстрировать это на своем канале вечером перед Новым годом. И все сдохнут от зависти. Будут спрашивать, как это сделать. Она согласится консультировать – не даром, конечно. У ее канала появятся тысячи подписчиков, а всякие торговые фирмы будут предлагать разместить рекламу. Через год Алиса начнет так зарабатывать, что станет самостоятельной.

В разгар работы она узнала, что мама хочет уйти от папы. Алиса рассердилась: очень уж не вовремя. Теперь надо притворяться, изображать печаль. Да, есть печаль, но изображать-то зачем? Она уходила к себе, общалась с Лиасой, и ей было с нею все комфортнее. Но сегодня Алиса приготовила для подруги разговор, который той не понравится. Она весь день репетировала его мысленно – этим, кстати, многие и ограничиваются, общаются со своими тульпами как с призраками, живущими в голове, и это вредно, может кончиться тем, что тульпа вылезет из твоей головы и станет тобой, а ты вся занырнешь к себе в голову и станешь тульпой. Надо четко понимать, что она не в голове, а отдельно, что она это она, а ты это ты.

И вот Алиса ушла к себе, оставила дверь приоткрытой, прислушалась. Отец у себя в комнате включил телевизор, это хорошо. Можно говорить обычным голосом, не шептаться. Но и не кричать. Нормально разговаривать. Лиаса была уже готова, устроилась на кровати, поджала под себя ноги, глядит вопросительно и немного испуганно. Что-то чувствует. И правильно чувствует.

– Ты доигралась, – сказала Алиса. – Я тебя сейчас убью.

– Да ладно, – не поверила Лиаса.

- Не ладно, а да.
- Дети не убивают.
- Я не ребенок. Из-за тебя мама чуть не умерла, дура.
- Сама дура.
- И это все? Больше ничего не можешь сказать?
- Отстань, – огрызнулась Лиаса.
- Я тебя убью, сказала, – настаивала Алиса.
- Валяй.
- Не веришь?
- Верю, не верю, тебе-то что? Ты сама решаешь.
- Да, я решаю. И решила убить.
- Ты пока разговариваешь.
- Это мое дело. Давай, говори, что хочешь сказать перед смертью.
- Ничего я не хочу сказать.
- Последнее слово это называется.
- Да пошла ты.
- Это твое последнее слово?
- Ну.
- Тебе просто нечего сказать. Ты тупая. У тебя ничего своего.
- Зачем тогда со мной общаешься?
- Уже не общаюсь.
- А сейчас что делаешь?
- Говорю, что хочу тебя убить. Это не общение.
- Кровь противная и пахнет. Ты тут будешь спать с ужасом, поняла? Ты вообще тут спать не будешь. У тебя кровь на постели.
- Хватит врать! – прикрикнула Алиса. – Больше ты меня не обманешь.
- На постели кровь. Посмотри. Подними одеяло и посмотри.
- Нет там ничего. Тебя нет, и крови нет. Хочешь, докажу, что тебя нет?
- Докажи.
- Ты сказала про одеяло, а тут покрывало сначала на одеяле. Была бы настоящая, ты бы видела. А тебя нет, вот ты и говоришь про одеяло.
- Я сказала про одеяло, а имела в виду покрывало! – весело пропела Лиаса.
- Замолчи!
- Хочешь посмотреть, да? Посмотри, я никому не скажу. А то будешь теперь думать, есть кровь или нет. С ума сойдешь. Посмотри и успокойся.
- Отстань. Откуда там кровь, если я еще тебя не убила?
- Мало ли. Посмотри.
- Нет там ничего! И молчи, сказала, а то как дам! ...! – выругалась Алиса.
- Сама это слово!
- ...! – с наслаждением повторила Алиса и ударила себя по щеке.
- И еще раз, и еще, и еще.
- Ты супер! – восхищенно сказала Лиаса. – Ты класс, ты лучше всех. Я не смогу без тебя, не убивай меня, плиз, плиз, пли-и-з! – жалобным тоненьким голоском умоляла Лиаса.
- Ладно, пока прощаю, – смиростивилась Алиса. – Но больше так не делай. Не отвлекай меня от мамы, поняла? Я ее забросила совсем с тобой. Поняла, спрашиваю?
- Поняла. Я тебя обожаю.
- Все, спокойной ночи.
- Спокойной ночи, любовь моя.
- Алиса только что совсем не хотела спать, но вдруг сразу же сильно захотела. Она посмотрела на кровать, на покрывало. В комнате светила только настольная лампа, и было темновато. Алиса включила верхний свет. Подошла к кровати, постояла. Тихо вскрикнула:

– Я что, идиотка совсем?

И сдернула покрывало, а потом и одеяло, и простыню, и матрасник, скинула подушку. Голый голубоватый матрас лежал перед ней. Крови не было.

33.

Из верхних эшелонов власти до средних и нижних было доведено пожелание, чтобы средние и нижние организовали выдвижение инициативы по усилению контроля за соблюдением масочно-перчаточного режима. Инициатива была выдвинута, ее одобрили и рекомендовали к исполнению. И по всей стране начались проверки и рейды, коснулось это и того городка, откуда Галатин собирался выехать в Рязань.

Рано утром он явился на автобусную станцию, купил билет и пошел к автобусу, а там была очередь. У двери стояла молоденькая проверяльщица, мобилизованная из какой-то административной структуры, и мерила всем температуру бесконтактным термометром. Ей было также указано не пускать никого без перчаток и масок. С перчатками, учитывая зимнее время, у пассажиров проблем не было, маски тоже имелись или, в крайнем случае, одалживались; Галатин увидел, как молодой человек, войдя в автобус, сунул свою маску за спиной контролерши своему товарищу, тот нацепил ее и благополучно прошел, а из-за температуры возникла первая ссора. Галатин, стоя в конце очереди, наблюдал.

– С ума вы посходили? – кричал мужчина солидного сложения, в добротной дубленке, которую он, возможно, купил еще в советское время и надевал лишь по праздникам, вот она и сохранилась. – Жена, значит, поедет, а я нет?

Проверяльщица нервно ответила:

– Я виновата, что у вас температура?

Жена мужчины в дубленке, уже вошедшая в автобус, вышла обратно. Она была высокая, под стать мужу, в шубе, тоже сохранившейся с советского времени. Было в этой паре спянное единство, угадывались долголетнее экономное и прочное сожительство, причем муж наверняка добытчик, созидатель семейного достатка, а жена – ревностная хозяйка дома, та самая, которая и коня на скаку остановит, и в горящую воду войдет, однако часто оказывается удивительно беспомощной перед лицом самой мелкой власти вроде какой-нибудь тетки из домоуправления. Если она не сама эта тетка.

Она взялась уговаривать девушку:

– Нас дети и внуки ждут, поймите наше положение! А он не больной, он вчера выпил немного, а с похмелья всегда температурит! Говорила я тебе – не пей! – упрекнула она мужа.

– Чего я выпил? Полстакашку одну, говорить не о чем!

– Пусти, милая! Раньше пустишь, раньше сама к мужу и детям попадешь! – женщина лестила этой, скажем с сожалением, весьма некрасивой барышне предположением, что у нее есть муж и дети. Та и на это не купилась:

– Не могу! Не имею права!

Дождавшийся своей очереди на посадку мужчина в долгополом черном пальто с белым шарфом, в меховой стильной фуражке, этакий, сразу видно, провинциальный щеголь, интеллектual и диссидент, заметил:

– Горячительные напитки поэтому так и называются – они горячат! У меня тоже градусы имеются, но градусы не те, не от болезни. Если ваш приборчик повышение покажет, посмотрю, как вы меня не пустите! И он бракованный у вас, я видел, некоторым тридцать два градуса показал!

– Это он так на холоде, – объяснила девушка. – Но нам про минимальную температуру ничего не сказали.

– Ну да, хоть она трупная будет, – язвительно отозвался интеллектual. – А при какой температуре нельзя пускать, вам сказали?

– При повышенной.

– Это сколько? Тридцать шесть и семь – уже повышенная?

– Нам сказали – с тридцати семи.

– С тридцати семи! – восхитился интеллектuala. – И кто эту цифру определил?

– Не знаю, я не врач.

– Отлично! Она не знает и не врач, но проверяет! В таком случае пригласите того, кто знает и кто врач, а вас мы слушаться не будем, ясно?

– В самом-то деле! Пойдем, Сергей! – позвала женщина.

И муж с женой решительно поднялись в автобус. Девушка обиженно и беспомощно посмотрела им вслед, она не знала, что делать. Тут подошел от другого автобуса закончивший работу ее коллега, лет пятидесяти, с сухим и болезненным лицом, похожий на советского деятеля Суслова, которого мало кто помнит, но Галатин еще помнил.

– В чем дело? – спросил он.

– С температурой входят! Я их что, силой держать буду?

Суслов оглядел очередь осуждающим взглядом и приказал:

– В таком случае не пускай пока никого. Я сейчас.

Он ушел и тут же вернулся с полицейским, которого Галатин узнал: вчера он был дежурным в отделе. А сегодня, значит, поручили работу на воздухе.

– Соблюдаем порядок, не доводим до конфликта! – распорядился полицейский.

В результате мужчину в дубленке настоятельно попросили выйти и еще раз провериться. Тот возражал, но вышел, у него оказалась температура тридцать семь и пять.

– Еще выше стала! – оповестила девушка-проверяльщица.

– Это от нервов! – закричала женщина в шубе. – Вы что тут беспредел разводите, мы законно билеты купили!

– Ничего страшного, сдадите, в кассе примут, – сказал Суслов.

– Нам не сдать надо, а ехать! Вы рехнулись, что ли, к родным детям нас не пускать? Вы чего добиваетесь? Я вам такое тут сейчас устрою, что вы пожалеете, что со мной связались, я серьезно говорю, хватит тут своевольничать, ишь какие!

Женщина шумела все громче и смелее и уже не выглядела такой робкой и просительной перед начальством, как показалось сперва, потому что дело касалось самого важного в ее жизни – семьи, детей и внуков, которые ее ждут, и она всех порвет, кто встанет на ее пути. Так она и выкрикнула, что порвет, но никого не порвала, а девушка под опекой Суслова и полицейского продолжала проверять температуру, и отсеяла еще троих – Галатина, интеллектuala и старуху в шерстяном вязаном платке и куртке, которая ей была настолько велика, что выглядела балахоном в форме конуса до земли.

Все отсеянные возмущались, требовали позвать руководство, грозили письменными жалобами, пытались договориться с проверяльщицей, с Сусловым, с полицейским, зывали к совести, в итоге автобус ушел, а они остались. К ним вскоре присоединились еще двое – юноша и девушка, которых не пустили в другой автобус, тоже на Рязань, но с другим маршрутом.

Всей группой они отправились сдавать билеты в кирпичное здание автобусной станции, неприхотливой архитектурой напоминающее общественный туалет. Кассирша принять билеты отказалась:

– До отхода вернуть надо было. А после отхода считается, что использованные, – сказала она.

И услышала такие проклятия, такую ругань, такие угрозы, каких, наверно, никогда не слышала в своей жизни. Казалось, еще немного, и рассерженные люди разнесут тут все, выбьют стекло в окошке, высадят решетку и что-нибудь сделают с самой кассиршей. Но ничего не произошло, кассирша лишь задернула ядовито-желтую занавеску, отгораживаясь от бунтовщиков, и они вышли на улицу с целью найти какой-то транспорт, потому что ехать никто не передумал.

К ним подошел хмурый мужик, заросший полуседой щетиной, спросил:

– Всем в Рязань?

– Всем! – обрадованно ответили ему.

– Ну, поехали.

Мужик повел людей к своей «газели», стоявшей неподалеку. Она была черного цвета и не имела окон в кузове, на их месте были глухие прямоугольные плоские выпуклости.

– Грузовая, что ли? – недоверчиво спросил мужчина в дубленке.

Щетинистый распахнул дверцы.

– Никакая не грузовая, сидячие места видите?

В кузове были две скамьи по бортам.

– Да это же труповозка, похоронная машина! – догадался интеллектуал.

– Никакая не труповозка, нормальная грузо-пассажирская машина многоцелевого назначения, – возразил щетинистый. – Кому не нравится, может на такси ехать.

– За три тысячи? Сам ехай! – сказала жена мужа.

– А у тебя почему, дядя? – спросил интеллектуал.

Щетинистый назвал цену. Она была приемлемой, чуть дороже, чем на автобусе.

– Ехать всего три часа! – бодро сказал молодой человек, глянув на девушку, с которой не был знаком, но не прочь был познакомиться.

И все забрались в кузов, расселись, дверцы закрылись, машина тронулась. Тут же выяснилось, что в ней нет освещения. И что кабинка водителя отгорожена сплошной перегородкой. Интеллектуал постучал:

– Родимый, ау! У тебя тут темно, как в могиле! Ты хоть слышишь нас?

– Слышу! – отозвался водитель. – Лампочка перегорела, а кому свет надо, у всех телефоны, посветите. А если остановиться приспичит, стукните, скажете! Кому в кузове не нравится, в кабине есть место, но только до Сасыкина, а человека там взять должен.

– Человека! А мы не люди? – спросил интеллектуал.

Никто не захотел ехать в кабине до Сасыкина. Едва оказавшись вместе в темном кузове, они почувствовали общую волну судьбы, уже жили общей долей и стеснялись выбрать долю отдельную, ибо признали бы тогда себя лучше прочих, а у нас, как известно, лучше прочих публично признавать себя не принято, хотя каждый о себе именно так и думает, но тихо, тайно, чтобы никого не дразнить. Если бы кто догадался предложить старушке, она, может, согласилась бы, но никто не догадался. И молодой человек не предложил девушке, хотя была у него такая джентльменская мысль. Но эта мысль вошла в противоречие с желанием побыть рядом с девушкой, и желание победило.

И вот они ехали, семеро попутчиков, и было им не темно, потому что юноша, девушка и интеллектуал достали телефоны, чтобы занять и развлечь себя, и от этих телефонов достаточно было света, чтобы видеть друг друга. То есть видели те, кто напротив: муж с женой, старушка и девушка видели интеллектуала, Галатина и юношу, а интеллектуал, Галатин и юноша видели мужа с женой, старушку и девушку. Видели, впрочем, не очень ясно, телефоны освещали пространство вокруг себя, а люди оставались в тени, как будто сидели где-то у небольшого ночного костра или у печки или вовсе при свете лучин.

Интеллектуал, первым доставший телефон, первым от него и отвлекся, снял маску, оглядел окружающих, а потом обратил внимание на вещи, которые пассажиры положили и поставили на пол между рядами, там были сумки мужа с женой, объемистый рюкзак молодого человека, чемоданы девушки и Галатина (гитару он поставил рядом с собой), а старушка держала свою сумку на коленях.

– Ну, здравствуйте! – сказал интеллектуал. – Так и будем молча ехать? Я вот Гусаров Андрей Андреевич, немножко художник, – он щелкнул пальцем по большому, не меньше метра в высоту, прямоугольному пакету в плотной оберточной бумаге, который он пристроил на сиденье между собой и дверьми. – А что маску снял, не бойтесь, я переболевший, у меня антитела, могу поделиться.

– А мы привитые, – сказали муж с женой, и тоже сняли маски.

– И я переболевшая, – сказала старушка, и тоже сняла маску.

Сняли маски и молодой человек с девушкой, сняли без объяснений. Не те нынче времена, чтобы молодость объяснялась со зрелостью и старостью, оправдывалась перед нею. Наоборот, зрелость и старость заискивают перед молодостью, словно чувствуя какую-то свою вину.

Галатин тоже снял маску, и тоже молча: врать про справку он не хотел.

– Вещи мы неудачно разместили, – сказал Гусаров. – И ноги деть некуда, и такое ощущение, что покойника между собой везем, только вразбивку, расчлененного. Давайте их к кабине переложим, как думаете?

Все подумали так же. И переложили, переставили все к кабине, сразу стало будто просторнее.

– А я вас знаю, – сказала девушка Гусарову. – Я в краеведческом музее работаю, у нас там ваша выставка была.

– И неоднократно, – подтвердил Гусаров. – Вас не Вероника зовут?

– Нет. Почему Вероника?

– Знакомая у меня была Вероника, вы очень на нее похожи.

– Вы скажете! – усмехнулся молодой человек. – Если похожа, то и имя такое же? А кто на Пушкина похож, у него имя Саша должно быть?

Шутка была так себе, но замечание резонное, девушка короткой улыбкой поблагодарила молодого человека, а ему того и надо было.

Гусаров принял вызов, тоже усмехнулся, и его усмешка выглядела намного увереннее, чем у молодого человека:

– Естественно, такого не бывает, я это в юмористическом ключе сказал, но спасибо, что разъяснили. Хорошо, не Вероника. Тогда можно угадаю? С трех раз?

– Попробуйте, – разрешила девушка.

Гусаров неестественным взглядом оглядел ее. Молодой человек ревниво наблюдал, и ясно читался в его глазах комментарий: ишь ты, какой хитрый, нашел способ легально плясать на девушку.

– Если бы я вас нарисовал, – вслух размышлял, Гусаров, – то назвал бы портрет Анастасия. Нет?

– Не угадали.

– Тогда Арина.

Девушка удивилась:

– Вы знали, да?

– Неужели попал? – удивилась и старушка.

– Не знал, – сказал Гусаров. – Мне чутье подсказало. И я везучий. Если шанс один из ста, он мой.

В его словах был некий намек. Охмуряет барышню, подумал Галатин. При всех охмуряет, смелый мужчина.

Девушка тоже поняла это и опустила голову, что-то рассматривая в телефоне. Показала, что игру не поддерживает.

– А меня Данила зовут, – представился молодой человек. – В автосервисе по электронике работаю. Если кому что, то ко мне. На Просечной сервис, лучший в городе.

– В автосервисе и без машины? – удивился Гусаров.

– В ремонте.

– А трактора там у вас не чинят? – поинтересовался мужчина в дубленке. – Мини-трактор если?

– Только иномарки, – ответил Данила с долей похвальбы, но похвальбы обоснованной и заслуженной. И не себя ведь похвалил, а родное предприятие, хотя отчасти все-таки и себя.

– У вас мини-трактор? Вы фермер? – спросил мужчину Гусаров.

– Вроде того. Сергей Михалыч меня зовут, а это супруга моя Светлана Павловна. В Рязани у нас две дочери, едем Новый год отмечать. Традиция, собираемся всем, как бы сказать, выводком. Два внука там и две внучки, полный комплект.

– Прямо давай всю биографию расскажи, будто кому интересно! – укорила мужа Светлана Павловна.

– Очень интересно! – воскликнул Гусаров. – Мы ведь так живем, что с людьми перестали лицом к лицу общаться! А каждый человек – эпопея!

И он повернулся к сидевшему рядом Галатину. Галатин, расположенный к нему, ибо чуял в Гусарове своего ментального двойника, не чинился, сказал:

– Галатин Василий Русланович, музыкант.

– На концерт едете?

– Нет. К сыну в Москву.

– Через Рязань?

– Так получилось. Прямого сообщения с Москвой у вас нет.

– Это верно. Ни прямого, ни косвенного. А вас как зовут, бабушка? Или вам неприятно, когда бабушкой кличут? Можем – мадам?

– Какая я тебе мадам, – махнула рукой старушка и неловко засмеялась. – И не бабушка я, у бабушек внуки, а я обошлась, одна живу.

– Тогда – сударыня. Прекрасное русское слово! Не против?

Галатин огорчился: он любил в людях веселость и раскованное красноречие, но не терпел панибратства и бесцеремонности, а Гусаров, похоже, склонен был заходить за грань. Жаль, таким симпатичным казался. Галатину хотелось как-то вступить за старушку, но она сама себя защитила, ответив художнику с неожиданной иронией:

– Ты, я вижу, по сударыням спец у нас. И по дамам. Не трудись насчет меня, зови Риммой Сергеевной.

– Восхищен! Так меня и надо, шалтай-болтая, правильно, Римма Сергеевна! – закричал Гусаров. – всю жизнь страдаю из-за своей разговорчивости, а все не успокоюсь. Но есть оправдание, у меня праздник, у меня картину взяли для Всероссийской экспозиции нового авангарда! В Рязани откроется после Нового года, а картины отбирали по всей стране, представляете?

– Эту, что ль, картину? – спросил Данила.

– Ее самую! Могу показать, только вам не понравится.

– Здорово живете, зачем вы такие тогда рисуете? – спросила Светлана Павловна. – Если знаете, что они не нравятся?

– Они нравятся, но далеко не всем.

– Ясно. Избранным! – с неприкрытой язвительностью сказал Данила.

Арина одобрила его наскок быстрым взглядом, Данила приосанился, чувствуя себя почти победителем. Жаль, что не сел сразу рядом с нею, было бы намного удобнее общаться, а теперь придется что-то придумывать, чтобы пересесть.

Кстати, чтобы читатели не путались, покажем наглядно, кто как разместился:

– Да никаким не избранным, – возразил Гусаров. – Просто надо взглядеться, вот и все. Если взглядеться, то любой понять может.

– А покажите, мы и взглядимся, – предложил Данила.

– Провоцируете, молодой человек? – проницательно спросил Гусаров. – Чтoб вы знали, у меня в жизни сплошные провокации, и я их не боюсь. Могу и показать, хотя в таком свете смешно картину представлять, но, как говорится, шедевры даже тогда шедевры, когда их никто не видит. Я не говорю, что у меня шедевр, но... Судите сами.

Гусаров аккуратно развязал и размотал шпагат и развернул бумагу, не снимая ее полностью, освободив лишь лицевую часть картины. Поставил ее на колени, голова его оказалась ниже верхнего края, ему пришлось выглядывать сбоку.

Картина представляла из себя серовато-беловатую поверхность, перечеркнутую наклонной бледно-синеватой полосой.

– Офигеть, – сказал Данила. – Прямо этот самый. Репин.

– Врубель, – поправила девушка.

Они были уже заодно, эти молодые люди, они уже чувствовали, что у них есть нечто общее. И другие чувствовали это.

– Абстракция? – спросила Светлана Павловна.

– Авангард, сказали же тебе, – ответил ей Сергей Михалыч, явно сочувствуя по доброте своей незадачливому художнику.

– Есть настроение, – честно сказал Галатин.

Он не лукавил, картина ему скорее понравилась, он хоть и не большой знаток был современного изобразительного искусства, но всегда видел, где есть смысл, а где голая имитация.

– Серьезно? – недоверчиво спросил Гусаров. – Нравится?

– Да, интересно.

– А про что она? – спросила Арина. – Вы не думайте, я понимаю, что есть бессюжетные вещи, есть супрематизм, дадаизм, кубизм, много чего, – Арина блистала познаниями, вполне ожидаемыми у сотрудницы музея. – Но все равно художник в любую абстракцию вкладывает какой-то смысл. Вы сами какой вкладываете?

– Да все же ясно! – вступила вдруг Римма Сергеевна. – Не видите, что ли? Это потолок, а в потолке трещина. То есть шов между плитами. Но шов заделанный и побеленный. Как в квартире. Только цвет грустный, или здесь у нас слишком темно. Больничный какой-то. Или это и есть потолок в больнице?

– Римма Сергеевна, преклоняюсь! – поклонился вместе с картиной Гусаров. – Не просто в яблочко, а в самые семечки! Не поверите, она так и называется, то есть не совсем так, «В реанимации», но это именно потолок в больнице.

– Лежали там? – спросил Сергей Михалыч.

– Лежать для замысла не обязательно, хотя лежал, но по другому поводу, я ее еще до больницы написал. В голове родилась, чисто теоретически. Не как диагноз, а как состояние.

– Я у нас в музее таких не видела, – сказала Арина.

– В музее, Ариночка, я выставил голый реализм. Портреты современников, включая главу нашей администрации, из-за которого эта выставка и стала возможна, я имею в виду прошлогоднюю. А было дело когда-то, и секретарей райкомов партии рисовал, и передовиков производства. Времена меняются, хорошие мои, власть меняется, даже общественный строй поменялся, а вкусы у руководства те же: чтобы похоже и гладко. Никаких импрессионизмов и экспрессионизмов, никаких крупных мазков, я попробовал одного деятеля мастихином написать, техника такая, не кистью а вроде шпателя такая штука, эффектно получилось, этот портрет потом на выставке побывал, но под псевдонимом, то есть я не назвал, что это Иван Иванович Иванов, а как-то, не помню, типа портрет коммуниста, но многие все равно узнали, а Иван Иванович не принял, зачем, говорит, у меня лоб синий, а щеки зеленые? Ладно, нарисовал ему лоб белый, щеки розовые, холст, масло, шестьдесят на девяносто, остался доволен. Этот портрет даже на похоронах перед гробом несли.

А тому портрету, который как бы коммунист, ему повезло, он в начале девяностых аж во Францию попал. Тогда много международных мероприятий было, обмен начался, и вот была франко-русская выставка, от них художники из глубинки, и от нас художники из глубинки, и город в глубинке, а название, на минуточку, – Коньяк. Неподалеку от Бордо.

– Какие-то все спиртные названия, – сказал Данила.

– Так Франция же, – объяснил Сергей Михалыч.

– Именно! – подтвердил Гусаров. – Кстати, раз уж речь зашла, никого не огорчит, если я отхлебну? – он достал из кармана плоскую бутылочку. – Вам не предлагаю, поскольку, сами понимаете, из горлышка не комильфо.

Он отвинтил пробку и приложился с таким удовольствием, что все невольно ему позавидовали.

– У нас свое есть, – сказал Сергей Михалыч. – Наливка. Такая наливка, что лучше всякого коньяка, в том числе французского. Можем угостить. Угостим? – спросил он супругу.

– Ты вчера угощался.

– Вчера другое дело. Наливка же, не водка. Пусть люди оценят.

– А из чего пить-то? – сомневалась Светлана Павловна.

– У меня пластиковые стаканчики есть, – сказал Данила, залезая в рюкзак и доставая с десяток стаканов, всунутых один в другой. И тут же, наверное, подумал, что Арина может истолковать это не в его пользу, и объяснил: – Это я не для вина, это я если где чая выпить или кофе, я посудой не пользуюсь, какую дают, потому что ее плохо моют, а у меня свои стаканы.

– Мудро! – похвалил Гусаров.

Сергей Михалыч достал большую пластиковую бутылку с жидкостью вишневого цвета.

– В пластике, конечно, не хранят, она в стеклянных емкостях у нас, но для короткой перевозки не страшно, вкуса не портит.

Данила раздал стаканы. Все взяли, никто не отказался, только Арина предупредила:

– Мне чуть-чуть.

Сергей Михалыч разлил, дотянувшись до каждого. Трасса федерального значения, по которой они ехали, была довольно ровной, поэтому обошлось без неприятностей, никто не пролил, хотя Данила успел помечтать, что Арина немного плеснет себе на джинсы, огорчится, а Данила тут же достанет из своего запасливого рюкзака салфетки – и влажные, и обычные, и поможет Арине сначала потереть пятна влажными салфетками, а потом высушить обычными. Но нет, Арина не пролила ни капли, да и налил ей Сергей Михалыч, как она и просила, чуть-чуть. Правда, все равно вышло полстакана, потому что понятия о чуть-чуть у Арины и Сергея Михалыча были разные: она-то думала, что это на донышке, а для Сергея Михалыча меньше половины вообще не считалось, и смотреть не на что, и пить нечего.

Галатин совсем не знаток в напитках, но ему показалось, что багряная с пеной жидкость отдает тем запахом, который бывает у крепко пьющих людей не сразу после выпивки, а с похмелья. Откуда Галатину известен этот запах, спросите вы. А кому в России он неизвестен, отвечу я. Кто ни разу не встречался с похмельными людьми? Нет таких.

Но вкус наливки, которую пригубил Галатин, оказался вполне приятен – чуть терпкий, с вишневой явственной интонацией, немного корицы и чего-то еще, возможно, смородинового листа. Отец и мама любили чай, настоящий на смородиновом листе, Галатин помнит этот вкус с детства.

– Василий Русланович, не торопитесь! – мягко упрекнул его Гусаров. – Не на поминках же мы, чтобы молча пить!

Надо же, имя-отчество запомнил, подумал Галатин.

Как тут же выяснилось, Гусаров запомнил всех.

– Извините за инициативу, – поднял стакан художник, – но предложу тост. Дополнения и уточнения приветствуются. Тост такой: с наступающим вас Новым годом, Сергей Михалыч, Светлана Павловна, Римма Сергеевна, Арина, Василий Русланович и Данила! Я не скажу ничего оригинального, а только пожелаю, чтобы он был лучше этого года или хотя бы не хуже, учитывая, что все мы с вами остались живы и относительно здоровы! Кто-то что-то добавит?

Никто не захотел добавить.

– Сказано исчерпывающе! – одобрил Сергей Михалыч. – Выпьем!

И все выпили.

Наливка, какой бы она ни была разной на вкус для всех уже потому, что каждый имел свои предпочтения и пристрастия, обладала одинаковым действием: все ощутили приятную теплоту, обволакивающую тело и проникшую в голову, где сразу же стало хорошо и уютно, как в своем родном доме. Вас удивит это сравнение, в чьем же еще доме, если голова – своя? Но в том-то и дело, что мы большую часть жизни проводим у собственного мозга как в гостях. Мы чувствуем себя чужими своим мыслям. Мы оглядываемся, ничего вокруг не узнавая. И очень часто, обидевшись на свой мозг, покидаем его и бродим где-то рядом, за дверью, прислушиваясь к чужому то ли празднику, то ли скандалу.

– Вдогонку? – предложил Сергей Михалыч. – У меня тоже тост есть.

– Все мы твои тосты знаем, а людям и так уже хорошо, – сказала Светлана Павловна.

Всем и правда было уже хорошо. Только Данила чувствовал беспокойство, видя, как Арина все чаще поглядывает на Гусарова.

– Это сколько же вам лет, если в советское время уже рисовали? – спросил он художника.

– Наめкаешь на возраст? Дело не в возрасте, а в ощущениях. Молодой я был. И во Франции был молодой. Застрел я там на полгода. Не хвалюсь, но правды не стесняются, влюбилась в меня одна немка, жил я у нее.

– Не путаете? Вы во Франции были, – поддел Данила.

– Не путаю, Данила. Во Франции немцы вполне живут. Город Страсбург такой есть, там половина немцы, половина французы. Очень интересно наблюдать: сидят два человека, один на французском говорит, второй ему на немецком отвечает, и прекрасно друг другу понимают! Дружба народов во всей красе!

– А как это было, расскажите, – попросила Арина.

И Гусаров рассказал.

На выставке в Коньяке собрался разноплеменный и разновозрастной люд. Это было в рамках европейского литературного салона, поэтому художников позвали не обычных, а тех, кто занимался комбинированным творчеством, в частности таким жанром, как поэтические подписи к картинам. Гусаров всегда этим увлекался, сначала сочинял целые поэмы, а потом пришел к чеканной форме пятистиший в духе японских танка – какими он себе эти танка представлял. Упомянутый Гусаровым портрет советского чиновника изначально тоже имел такую подпись:

Глядя на человека,
Смотри, куда сам он смотрит,
Тогда и узнаешь, где он.
И если он смотрит в будущее,
Тогда вам с ним по пути.

Картина попала на экспозицию 87-го года, к 70-летию юбилею Октябрьской революции, и называлась она тогда «Коммунист». Но вскоре слово стало ругательным, а картина оказалась на выставке демократической, и автор изменил подпись:

Глядя на человека,
Смотри, куда сам он смотрит,
Тогда и узнаешь, где он.
И если он смотрит в прошлое,
Тогда вам с ним не по пути.

А во Франции она выставлялась под названием «Посторонний», и стихи стали такими:

Глядя на человека,
Смотри, куда сам он смотрит,
Тогда и узнаешь, где он.
И если он смотрит в тебя,
Значит, это ты сам.

Гусарову не снесло, однако, голову во Франции. Больше того, несмотря на молодость и здоровье, он чувствовал себя странно вялым, почти разбитым – возможно, из-за обилия впечатлений. А тут еще эта немка из Страсбурга, рисовавшая вполне традиционные пейзажи, которые, казалось, изображали не страсбургские окрестности, а рязанщину, пензенщину или правобережную саратовщину, что-нибудь холмисто-равнинное, невольно вспоминались заученные в детстве строки:

Все в тающей дымке:
Холмы, перелески.
Здесь краски не ярки
И звуки не резки¹.

Но темперамент у этой французской немки, веснушчатой и беловолосой, оказался бурным. В первый же вечер она постучала в номер Гусарова с бутылкой вина и сказала, превратив «эр» его имени в серебристое тремоло:

– Андр-р-рэ?

– Да, Андрей.

– Франсе, дойч, инглиш?

– Никакого. Разве дойч литл шпрехе, я ин ди шуле два раза язык менял, ченч то дойч, то инглиш. В результате насинг, зеро, ниht шпрехен.

Бруна, так звали женщину, принесла не только вино, но и немецко-русский словарь. После двух бокалов она пролистала его, быстро нашла нужные слова и спросила:

– Андр-р-рэ, я нравиться ты?

– Очень. Вери, вери, натюрлихь.

– О-кей, Андр-р-рэ. Айн момент! – Листание словаря. – Постель?

– С удовольствием! Йес.

Через неделю, в день закрытия выставки было сказано (опять-таки со словарем):

– Андр-р-рэ, ехать Страсбург я и ты?

– Зачем?

– Любовь.

– Спасибо, конечно, но у меня виза заканчивается. Виза финиш, ферштеен?

– Не проблема. Я решать.

И она решила, и они поехали. У Бруны была любовь, а у него интерес к заграничной жизни. Да и Бруна была хороша стройным и сильным телом бывшей лыжницы. За полгода она выучилась коряво, но бойко говорить по-русски. Сооружала, например, такую конструкцию:

– Андр-р-рэ, я честная женщина, поэтому сказать открытое сердце, ты художник плохо, шлейхт, мэр-р-рдэ, но ты гений мужчина. Это мой парадокс. Я хотеть, чтобы надоел ты я, но никак.

А Гусарову – надоело. Даже обидно – прекрасный город, милые люди, любящая женщина, да еще и работающая, картины были ее хобби, а трудилась она на хорошей должности в головном офисе телекомпании ARTE, но Гусарову все чаще было физически муторно, настроение паршивое, картины не пишутся, стихи не сочиняются.

---

¹ Стихотворение Н. Рыленкова.

– Вам просто женщина не нравилась, вот вы и страдали, – прокомментировала этот момент Арина. – Нельзя с человеком жить, если не любишь. И это у вас отражалось на физическом состоянии.

Гусаров не согласился и рассказал, что и в девяностые, и в нулевые поездил по миру, но везде одна и та же история: через день-два становится нехорошо, начинаются неполадки то с желудком, то с печенью, то с головой – болит, а с чего болит, непонятно. А возвращается домой, и тут же все приходит в норму. И не только с заграницей такая штука, и в Москве, и в Рязани, везде, где Гусаров пробовал пожить, что больше соответствовало бы его таланту, признанию и общественному положению, ему неизменно становилось худо. Он обратился к психологу, тот выслушал и сказал, что это похоже на болезнь, названия которой нет, но он бы ее назвал – родинозависимость.

Тут Сергей Михалыч щелкнул пальцами и воскликнул:

– Точно! А ты меня ругаешь! – обратился он к жене. – У меня та же самая история! Мы, когда с супругой немного поднялись, в начале нулевых, когда еще дышать можно было, когда они не все под себя подмяли...

– Кто – они? – спросил Галатин.

– Они. Кто понял, понял. Ну вот, мы каждый год повадились на море летать – в Турцию, в Египет, в Болгарию, но всегда брали неделю, не больше. И я ничего, даже приятно, как минимум – терпимо.

– Ишь ты, – проворчала Светлана Павловна. – Море, солнышко, все включено, а ему терпимо.

– Дай досказать, что ты, ей-богу... Так вот, один раз она мне говорит: я за неделю отдохнуть не успеваю, давай побольше возьмем, десять дней, одиннадцать ночей. Я согласился, не подумав. Нет, я подумал, но они же у нас какие? Если что решили, спорить бесполезно. Если вам жена говорит, что посоветоваться хочет, то она хочет на самом деле, чтобы вы согласились. И тут два выхода: или согласиться сразу, или через два часа, потому что ты все равно согласишься, так зачем время терять?

– Неправда, я всегда твое мнение слушаю! – возразила Светлана Павловна.

– Ага. И поступаешь по-своему. Короче, полетели в Хорватию мы тогда. Врать не буду, хорошо было, море теплое, прямо парное, помнишь, Свет, мы там в грозу голышом купались?

– Нашел что рассказывать!

– А чего? Молодые же были, что нам, чуть за сорок, раздеться еще друг при друге не стыдно, да и ночь, никого вокруг не было, одни мы были дураки шальные. И не боялись! Молния фигажит, гром гремит, дождь проливной пошел, и тоже теплый, сверху тепло, и в воде тепло, такое ощущение, что везде кругом вода, а мы как русалки. То есть она русалка, а я...

– Русал! – предложил Данила.

– Водяной, – Сергей Михалыч подобрал слово проще и привычней. – И вот мы, значит... У нас дети дома почти взрослые, а мы тут в воде кувыркаемся в обнимку...

– Ну-ну! – остерегла Светлана Павловна. – Начал тут эротику сочинять, вино заиграло?

– Да? А кто раздеться первый предложил? Не ты? И в воду потащила! Разбойница у нас была Светлана Павловна, авантюристка!

– Да хватит уже тебе, начал про одно, а свернул в похабщину какую-то. Ты к чему вел-то?

– К тому! Не помнишь? Я через неделю ангиной заболел! С детства не болел ни разу, а тут жара, а я заболел!

– Пиво холодное не надо было пить!

– Да не холодное оно было! Вот женщина! Сто раз ей говорил – нормальное пиво было, я такое и раньше пил каждый день, да, немного прохладное, но кто же пиво теплое пьет? Нет, не в пиве было дело, а в том, что я домой хотел так, что затосковал! Как когда-то говорили? В здоровом теле здоровый дух! А если дух нездоровый, то и тело болеет. А прилетели домой – никакого горла, все в полном порядке. Значит, и у меня то же самое обнаружилось – родинозависимость! – торжествуя сказал Сергей Михалыч супруге, будто поставил наконец точку в давнем споре.

Данила в это время думал о чем-то своем. И спросил художника:

– То есть, значит, вы там везде остаться могли и не остались?

– Совершенно верно.

– Ну, не знаю. Я бы, если бы возможность была, хоть завтра свалил. Не потому что родину не люблю, но совсем же другие возможности. И платят нормально. Я по своему уровню там бы точно не потерялся. Ко мне со всего района тачки гонят со сложными случаями, я бы там свою мастерскую открыл. И дом купил бы в кредит. А тут боишься семью завести, потому что неизвестно, что завтра будет.

– Почему неизвестно? – хмыкнул Гусаров. – Завтра будет то же, что сегодня и что вчера. Пора привыкнуть.

– А я не хочу привыкать, хочу жизнь строить! – заявил Данила, дойдя до пафоса под действием вина.

– Вам кто-то тут сильно мешает? – спросила Арина. Недобро спросила, с подтекстом спросила, и за этим подтекстом угадывалась четкая жизненная позиция.

Данила понял, что дал маху. Он ведь что хотел? Он хотел намекнуть на то, что хороший мастер, что у него серьезные планы на создание семьи, а работа за границей была лишь поводом, чтобы подвести к этой теме. Арина же выловила только заграничу, и это надо исправить.

– Да нет, – сказал он. – Я чисто абстрактно, на самом деле куда я денусь, у меня тут и дом, в смысле, у родителей, и у них там целое хозяйство, корову даже держат. Овцы есть, кабан был, кур десятка два, участок пятнадцать соток, там и сад у нас, и огород. Я им помогаю, конечно. С сестрой занимаюсь, она маленькая у меня.

– С этого бы и начинали. А то – чисто абстрактно! Я давно заметила, как говорят про чисто абстрактно, то все плохо, а как спросишь конкретно, оказывается, все хорошо. И сад, и корова, и машин, наверно, несколько.

Все притихли, почувствовав себя в чем-то виноватыми, будто девушка не Даниле делала выговор, а им всем.

Гусаров разрядил обстановку, сказав Сергею Михалычу:

– Если вы сейчас еще наливочки предложите, думаю, никто не откажется.

– Да запросто! – с охотой откликнулся Сергей Михалыч.

Светлана Павловна начала было:

– Ну...

И всем по этому первому звуку было ясно, что следует: ну уж нет! – это явно был звук отрицания. Но Светлана Павловна после этого сделала паузу и закончила неожиданно:

– Ну, в самом деле, раз уж праздник... И мы же не напиваться же!

Сергей Михалыч, как фокусник, одним движением свинтил пробку с бутылки так, что пробка чуть подлетела над горлышком, продолжая вращаться и упала в ловко подставленную ладонь. Он налил всем, и все, держа стаканы обеими руками, потому что машину все-таки слегка потряхивало, смотрели на Гусарова, ожидая, что именно он произнесет второй тост, если уж произнес первый. Да и вообще его тут было больше, чем других – во всех смыслах.

Гусаров, видя это, не стал чиниться, но не тост произнес, а выдвинул предложение:

– Давайте не просто так выпьем, а вот как. В выпивке ведь что самое приятное?

– Вкус! – ответил Данила. Пусть Арина знает, что его алкогольные градусы не привлекают, он не пьяница какой-нибудь.

– Еще версии?

– Чтобы легче стало, – сказала Римма Сергеевна.

– Обмануть психику хмелем, – слегка сважничал Галатин, немного уязвленный лидерством Гусарова и напомнивший этими словами, что он тоже не лыком шит.

– Да ничего в ней приятного, – сказала Светлана Павловна. – Пять минут хорошо, а потом целый день плохо.

– Пять минут тоже деньги, – заметил Сергей Михалыч.

– Конечно, – поддержал Гусаров. – Люди вот, мужчины и женщины, занимаются любовью, а сколько это занятие длится?

– У кого как! – не удержался Данила. Ему потребовалось усилие, чтобы не взглянуть в этот момент на Арину.

– Это да, – согласился Гусаров, – но все равно недолго. А уж кульминация совсем коротко, секунды какие-то, но вспомните, на что люди ради этого идут!

– Прямо уж секунды, – негромко сказала Римма Сергеевна.

Гусаров изумился:

– Римма Сергеевна, чую опыт и знания! Поделитесь!

– Давайте уже выпьем, – отмахнулась Римма Сергеевна.

– Арина еще не сказала, – напомнил Данила. – Что для тебя в выпивке самое приятное?

Он перешел на ты, надеясь, что Арина ответит тем же.

– Не знаю, – сказала Арина. – Я не настолько в этом компетентна. Если честно, предпочитаю всем спиртным напиток чай с лимоном. Что самое приятное, Андрей Андреевич, скажите сами.

– Говорю. Момент ожидания! Как и во многих других вещах. Я вот рассказал вам про свою любовь, теперь давайте вы. Про то, у кого какая была самая сильная любовь в жизни. Кто расскажет, тот и выпьет, а потом другие, по кругу. Тут у нас момент ожидания и возникнет, и наливка нектаром покажется, хотя и так хорошо.

– Вы разве про самую сильную любовь рассказали? – усомнилась Арина. – Как я поняла, она, эта немка французская, она вас любила, а вы не очень.

– Это я так тогда думал! А прошла жизнь, и я, Ариночка, теперь понимаю, что ничего ярче и интересней, чем с Бруной, у меня не было. И женат был, грешным делом, дважды, и по любви вроде женился, но все-таки... Не то, не так. Давайте по кругу, с Сергея Михалыча начнем, потом Светлана Павловна, потом Римма Сергеевна, потом Арина, потом наша сторона – Данила и Василий Русланович.

Светлана Павловна таким порядком была недовольна.

– Как вы все расфасовали! – сказала она. – По кругу! Круг можно и от вас начать!

– Можно и от нас, – Гусаров был согласен, поскольку свой номер уже отбыл. – Вы не против, Василий Русланович?

Галатину это не очень понравилось, но и сопротивляться не видел смысла. А история самой сильной любви у него была готова: он всю жизнь любил свою жену и до сих пор – памятью – любит. Все, конец фильма. Самое смешное – он не помнит, когда и при каких обстоятельствах с ней познакомился. В какой-то компании, что ли. У каких-то общих знакомых, на чем-то дне рождения. Такое ощущение, что она в какой-то момент оказалась рядом так естественно и просто, будто всегда была. И навсегда осталась. Получается – нечего рассказывать. Но хочется ведь угодить компании, повеселить ее и порадовать, и Галатин рассказал историю друга Вени Душева. История эффектная: Вени был приглашен на свадьбу другом жениха, а подружкой невесты была девушка Оля, и была эта Оля тоже почти замужем, пришла с женихом. И она очень понравилась Вене, он пригласил ее потанцевать.

«Она только со мной танцует!» – ответил за Олю жених.

«Как это я с тобой танцую, если ты вообще не танцуешь?» – удивилась она.

«Не танцую, потому что не умею, а чего я не умею, я не делаю! Но если бы танцевал, то ты бы только со мной. Так на свадьбе положено», – объяснил жених.

«Ничего подобного, не выдумывай! Сиди и пей дальше, а я танцевать хочу!» – сказала Оля и пошла танцевать с Веней. И Вени, который в тот вечер по какой-то причине не пил и был поэтому обостренно и осознанно чувствителен, как только обнял ее, так сразу и понял: моя девушка.

«Я, уж простите за откровенность, – рассказывал Вени в очередной раз, часто в присутствии Оли, – ощутил такое жуткое возбуждение, какого у меня в жизни не было. Ни до, ни после. А брючки, вы помните, какие тогда шили? В обlipочку по бедрам! А ресторан был «Олимпия», помнишь, Оля? – тогда еще новый, люстры светили, как днем, и у меня дилемма: если я буду на расстоянии танцевать, со стороны увидят и придут в ужас, а если вплотную – Олечка ужаснется! Ищу золотую середину, чтобы и не далеко, и не близко, тут меня сзади толкают, я невольно

прижимаюсь к Оле, и Оля произносит гениальную фразу. Все замолчали, хватит жрать и пить, пауза, тишина! Все готовы? Повторяю ситуацию: я в состоянии эректильного психоза, видимого невооруженным взглядом, я боюсь оскорбить чей-то взгляд, но еще больше боюсь оскорбить девушку прикосновением, меня толкают, я прижимаюсь, и – барабанная дробь! – Олечка с невинными глазками спрашивает: «Ты не ушибся?» А я ей: «Выходи за меня замуж».

Застолье от этой истории обычно было в восторге, Оля хмурилась, хотя и позволяла довести рассказ до конца. Конец был в том, что жених повел Веню на улицу – бить. Но Веня бить себя не позволил, побил его сам (так он, по крайней мере, рассказывал). А через полгода они с Олей поженились. И до сих пор живут вместе, Оле с ним тяжело из-за нечастых, но регулярных запоев, раза два или три уходила к маме, но вскоре возвращалась, потому что Веня без нее начинал пить так, будто хотел убить себя водкой. Последние годы, правда, поумерился, безумствует все реже: возраст, здоровье...

Эту историю Галатин и рассказал, как свою, опустив, естественно, эпизод с эректильным психозом, вернее, смягчив его: дескать, я почувствовал к девушке непреодолимое влечение, такое непреодолимое, что тут же сделал предложение, а потом была драка с женихом, а потом мы с ней поженились, были счастливы, только умерли, к сожалению, не в один день, она раньше – тут уж Галатин присоединил к истории Вени свой финал.

Всем понравилось, а Галатин с полным правом выпил, и наливка показалась ему намного лучше, чем в первый раз.

– Отлично! – сказал Гусаров. – Хорошо рассказали, спасибо. Данила, твоя очередь.

– Я еще молодой, – уклонился Данила. – У меня самая сильная любовь еще впереди.

– Но что-то уже было? Из того, что было, что самое сильное? В смысле – чувство?

Самым сильным у Данилы было чувство не любви, а, пожалуй, ненависти. Или злости. Трудно сказать, что это. Полгода назад приехала в сервис девушка. Выходила из машины так, как выходят в кино – сначала замедленно появляется длинная голая нога в туфле на длинной и тонкой шпильке, потом плавно вырисовывается бедро, обтянутое шортами, потом обнаженная талия, потом завершающие изгибы и плавности, а потом лицо несказанной красоты – несказанной потому, что не знаешь, как о ней сказать. Идеал, короче. Да еще и волосы расправляет круговым движением головы по-киношному, и золотистый водопад ослепляет отражающимися в нем бликами света. Данила стоял как вкопанный, зачарованно смотрел, но отмер, пришел в себя – работники автосервиса порода особенная, привыкнув ничему не удивляться в машинах, они не удивляются и людям, и зарули к ним хоть английская королева, не растеряются. И Данила довольно смело подошел к красавице, спросил:

«Что беспокоит, чем помочь? Если электрика косячит, то ко мне!»

Ничего не ответила красавица, лишь глазами презрительно смерила, удивляясь, что простой работяга посмел говорить так вольно с нею, царицей если не мира, то всего, что ее окружает. Она оказалась новой подругой хозяина сервиса, которого звали Рамзес. Данила до сих пор не знает, настоящее это имя или кличка. Довольно противный мужик, лет под пятьдесят, со смуглой кожей, сухой, глаза темные до черноты, усы аккуратные, спускаются вниз и соединяются с бородкой, вид от этого должен быть интеллигентский, а на самом деле Рамзес выглядит умным и жестоким бандитом, с персоналом по-человечески не общается, только отдаёт распоряжения. И никогда не улыбается. Даже красавице не улыбается, принимает как должное, что она к нему ластится, обнимает при всех, целует в щеку. Несколько раз она заезжала к ним в сервис, Данила, приглядевшись, увидел, что не была эта девица особой красавицей. Кожа белая до бледности, с каким-то пятнышками, родинками, ключицы выпирают, ступни слишком большие, а если посмотреть на нее сзади, то видно, что даже шпильки не выручают ее слишком короткие для такой длинной талии ноги. И от лица, если ее умыть, ничего не останется. Да и странно было бы, если бы хозяин их не самого крупного сервиса, не сравнить с московскими или даже рязанскими, мог бы позволить себе натуральную модель. Подделка, дешевая копия. И все же всякий раз, когда она появлялась, в Даниле вспыхивало чувство досады и обиды. «Гадюка», – бормотал он себе под нос, но понимал,

что все отдал бы за один раз с этой гадюкой. Только один раз, не больше. Для того, чтобы она, стискивая его руками и ногами, шептала в припадке удовольствия: «Ты лучше всех!», – как шепчет пухленькая соседка Виктория, продавщица торгового центра, с которой Данила встречается полтора года, никак не находя повода расстаться. Но он ищет, он постоянно ищет будущую подругу жизни, поэтому и едет в Рязань: бывшая одноклассница Фаина, которая жила там с обеспеченным мужем, два дня назад вдруг написала Даниле, что развелась, что все не так, как казалось, что она скучает по родному городу, но уже не вернется, Данила сочувственно ответил ей, сообщил, что собирается на Новый год в Рязань к друзьям (это была неправда), Фаина пригласила зайти и к ней. «Мне кажется, что-то у нас еще в школе намечалось, хотя мы этого не поняли», – написала она. Данила тут же взволновался и понял, что Фаина ему всегда нравилась. Хорошая, умная девушка. И на внешность вполне ничего. Хорошо бы прикатить на машине, но Данила, как назло, занялся апгрейдом, она не на ходу, поэтому и оказался в этой труповозке. Заранее волновался так, представляя новогоднюю ночь с Фаиной, что даже температура подскочила. А может, легкая простуда, но Данила ничего не чувствует.

В дороге он поостыл, да еще Арина эта, к которой он почувствовал что-то, чего не чувствовал к Фаине. И засомневался: не накрутил ли он себе, в самом ли деле Фаина та девушка, о которой он мечтал?

Вслух же Данила сказал следующее:

– Ну, если из того, что было, то у меня было похоже на то, как вот у... – он мотнул головой в сторону Галатина, успев забыть его имя-отчество.

– У Василия Руслановича, – подсказал Гусаров.

– Да. Тоже как бы отбил девушку у одного. У менеджера нашего. Ну, то есть я не отбивал, она сама. И я с ней... Ну, я же не железный и... Повелся, короче. Физиология. А потом говорю: нет, подруга, так нельзя. Нельзя товарищу по работе подлянку делать, даже если он твой шеф. А она начала, что его не любит, что уйдет, все вот это... Нет, если бы серьезно, если бы жениться, я бы тоже, а когда вот так вот, типа секс без отношений, это же примитивно, правильно? И я, в общем... Короче, пришлось проявить решительность. Но она поняла в результате. А потом все равно за него замуж вышла. А мне потом говорит: спасибо за честность, хотя, говорит, жаль, но лучше так, чем... Ну, и все. Выпить можно?

– Еще как можно! – разрешил Гусаров. – Редкая по нашим временам принципиальность!

– А чего тут принципиального? – спросила Арина неприязненно, почти враждебно. – Принципиально сразу девушке сказать: извини, взаимности нет, до свидания. А то сначала попользовался, а потом вспомнил про товарища. Физиология!

– Да она сама, сказал же! – оправдался Данила.

– Изнасиловала?

– Думаешь, так не бывает? Позвала домой разводку электрики сделать, я этим тоже занимаюсь, а у меня голова болела, она дала таблетку, а таблетка была какая-то дуровая, да еще вином угостила, смотрю, а я уже... Серьезно, я будто без сознания был! – сочинял на ходу Данила, рассказывая так, будто это было на самом деле и удивляясь своей способности фантазировать, которой раньше за собой не замечал. Видимо, дело не только в способности, но и в том, кому и для чего ты рассказываешь.

Арина пожала плечами:

– А потом? Или только один раз было?

– Еще пару раз, но это уже по рефлексу пошло.

– Засчитывается, – сказал Гусаров. – Не томи, пей, другие ждут.

И Данила выпил одним махом, запивая горечь диалога с Ариной, из-за которого он расстроился.

– Арина? – пригласил Гусаров.

– А я могу и не пить, – сказала Арина. – И не считаю, что нужно делиться личными вещами в публичном пространстве.

– Нечестно! – сказал Данила. – Можешь не пить, но других зачем обижать? Все получаются дураки, а ты...

– Данила, без осуждений! – вмешался Гусаров. И обратился к Арине: – Ваше право, Ариночка, но у нас уже не совсем общественное место, у нас все уже почти по-семейному, разве не чувствуете? А отказывать членам семьи нехорошо. Да и обществу тоже, а вы ведь, насколько я понял, девушка общественная. Думаете о коллективе, о совместной пользе, разве нет?

– Это плохо? – с вызовом спросила Арина.

– Это прекрасно! Вот и уважьте коллектив, расскажите. Хотя бы штрихпунктирно.

Но Арине даже штрихпунктирно рассказывать было нечего. Она не раз в своей жизни влюблялась, но это все были люди не из окрестного мира, а некоторые и вовсе не живые. В школе влюбилась одновременно в поэта Блока и в актера Бреда Питта. Часами рассматривала портрет Блока, представляя, как говори т с ним о стихах и о любви, пересмотрела все фильмы с Бредом Питтом и тоже представляла, но не разговоры, другое общение. К счастью, Бред Питт начал стареть, портиться, любовь прошла. И к Блоку Арина остыла. Начала влюбляться в кого попало, сразу во многих – в актеров, в популярных блогеров, в мужчин-моделей. Иногда набирала в поиске просто: «Красивый мужчина». С первого раза выскочила песня:

Красивый мужчина
В отличных трусах
Шагает на встречу
К простым чудесам.

Арина брезгливо поморщилась и переключилась на картинки. Толпа красавцев с пронзительными, невероятными глазами. Из них Арина выбирала самых-самых и составляла топ-10. Список постоянно обновлялся: Арине надоедал кто-то избранный, она удаляла фотографию, искала нового кандидата, на это уходило все больше времени: требования Арины повышались. И чем выше были эти требования, тем неказистее казались представители мужского пола в реальности. Да и почти не видела она этих представителей: нигде не бывала, новых друзей и подруг после школы не завела, а школьные еще в школе надоели. В краеведческом же музее были, естественно, одни женщины, все за пятьдесят, из местных жителей сюда никто не ходил, туристов в их городе отродясь не водилось, время от времени приходили организованными группами учащиеся двух школ и пищевого колледжа в рамках мероприятий по патриотическому воспитанию, остальное время сотрудницы сидели за столами в одной комнате и систематизировали архивы. Не так давно при сносе старого дома, принадлежавшего в конце 19-го века местному богатейу Сибатуеву, обнаружился на чердаке сундук со старыми книгами, журналами, газетами, календарями, ученическими и личными записями членов семьи Сибатуева, это дало работы на целый год. Арина еще и готовилась к поступлению в вуз, только все не могла решить, в какой.

И вот ей стукнул двадцать один год, а у нее никого не было. Ни разу и никогда. Совсем. Даже не целовалась. Она симпатичная, многие даже красивой считают, но никто из сверстников не подходил к ней на счет того, чтобы встретиться, насчет отношений и всего прочего в этом духе – юноши будто издали чувствовали тот холод, ту глубочайшую презрительность, которую мысленно источала Арина в их направлении.

Было время, она стыдилась, что западает на внешнее и далекое, неосуществимое. Она понимала, что, чем дальше углубляется в вымышленный мир, тем меньше шансов влюбиться в действительного человека. Но потом задала себе простой вопрос: чего в жизни хотят люди, если не врать? В жизни люди, если не врать, хотят получать удовольствие. Желательно и материальное, и духовное. Она получает удовольствие от своих красавцев, рассматривая их и разнообразно о них мечтая, выстраивая все более причудливые сюжеты? Да, получает. А получит ли она удовольствие в жизни, учитывая ее безграничные запросы, вкусы и потребности? Очень сомнительно. Ну и все, отстаньте от меня, говорила Арина мысленно кому-то – возможно, родителям, которые хоть

и прекратили доставать ее насчет замужества, но молчаливые вопросы чувствуются и страшно напрягают.

Других переспорить легче, чем себя. Страх застрять навсегда в фантазиях остался. И вот Арина узнала, что в Рязань приезжает с концертом певец К., которого она любила по фотографиям. И возникла гениальная, как ей показалось, идея: попасть на концерт, увидеть его живого. И, если он не разонравится, значит, соединятся фантазия и реальность, значит, Арина способна любить и живых людей. Это очень важно узнать. И как интересно получилось: настроившись на это, Арина оказалась в ситуации, когда ей понравились сразу два живых человека. Данила пока только внешностью, он для нее простоват, а Гусаров – своей личностью минус внешность. Может, это начало чего-то нового в ней, может, она возвращается к нормальной жизни?

А слушателям Арина предложила короткую историю своей подруги и соседки:

– Все просто: мой молодой человек служит по контракту в армии, я его жду, и мы переписываемся.

– В каких войсках? – деловито спросил Данила.

– Вграничных.

– В Сирии, что ли?

– Может быть.

– Убить ведь могут, – сердобольно посочувствовала Светлана Павловна.

– Убить и в мирной жизни могут, – успокоил ее Сергей Михалыч.

– Это точно, – подтвердила Римма Сергеевна. – Я как раз про это выпью, если моя очередь.

– Ваша, ваша, ждем! – напутствовал Гусаров.

А Арина так и не выпила, держала стакан в ладонях, чувствуя, что вино согрелось, да так, что в свой черед греет ее руки. Так и будем обмениваться теплом с вином, то я ему, то оно мне, подумала Арина. И ей вдруг очень захотелось выпить, но все смотрели в ее сторону, то есть на Римму Сергеевну, сидящую с нею рядом, и она застенялась пить под этими взглядами.

– Предупреждаю, – сказала Римма Сергеевна, – если кто женскую любовь не принимает, то или не слушайте, или могу не рассказывать. А то получится, как оскорбление чувств верующих. Оскорбил – статья. А верит он или нет, поди проверь. Заявил – принято.

– Вы имеете в виду ту женскую любовь, которая к женщинам? – уточнил Гусаров.

– Точно.

– Тем более интересно!

– А мне вот не очень! – сказала Светлана Павловна. – Развелось этих извращений, это я не в ваш адрес, а вообще. Раньше я про это даже не слышала никогда.

– Это не значит, что этого не было, – заметил Галатин.

– Может, и было, но никто не хвастался!

– Значит, не рассказывать? – спросила Римма Сергеевна.

– Рассказывайте, мне-то что. Я одна, а другим, я вижу, не терпится. Любим мы всякое... Говорите, говорите, я, на самом деле, допускаю, что всякое бывает, – пошла на попятный Светлана Павловна. – Я только к тому, что зачем афишировать. Но если в своем кругу, – она продолжала сдавать позиции, – то почему нет? Так что извините, рассказывайте.

– Рассказываю. Я работала на заводе и училась в техникуме, жила на квартире у одной бабушки. Частный дом. А со мной работала такая Саша, чуть постарше меня была, инженер она была. Уже вуз закончила и была инженер на нашем участке. Такая беленькая, тонюсенькая. Ну, я вас предупредила, вы уже поняли, что я в ее сторону глаз не сводила.

Гусаров поднял руку:

– Можно вопрос?

– Давайте.

– А когда вы поняли, что...

– Само выяснилось. У меня была одна мама, и она от кого-то рожала второго ребенка после меня, а мне десять где-то уже было, и мама моя умирает, ребенка новорожденного отдают в дом

малютки, и с концами, не знаю, что с ней, если вообще живая, а меня в детдом. И там я подружилась с одной. Вернее, она со мной подружилась. В постель ко мне залезет, шепчемся, а потом она говорит: давай поиграем, что мы выросли, и что я молодая жена, а ты муж и с работы пришел...

– Начинается! – вскрикнула Светлана Павловна. – Можно без подробностей хотя бы?

– Извиняюсь, – отозвалась Римма Сергеевна. – В общем, понравились мне эти игры, и я поняла, что... Но время такое, что не только не приветствуется, а могут меры применить, поэтому я скрывалась. Думаю: ненормальная я, больная. А у кого лечиться? Не у гинеколога же. К психиатру, наверно, надо, а к нему пойдешь, а он потом тебя сдаст. Так что молча терпела, а потом решила... Переквалифицироваться. Подобрала парня, который нравился, попали мы с ним вместе в одну компанию, и я его там... Попробовала я. Нет, хоть режьте, не мое. Прямо до противности. Лучше уж одной быть. И осталась одна, а сама, говорю же, работаю, учусь, квартиру снимаю. И эта вот Саша. Один раз приходит вся белая, она и так белая, а тут как стенка. Я поближе посмотрела, а она намазалась зачем-то, лицо все заштукатурила. Я ей будто в шутку: Александра Тимофеевна, мы все, работницы, по имени-отчеству инженеров звали, даже если молодые, Александра Тимофеевна, вы зачем, извините, злоупотребляете, у вас кожа и так прекрасная, не понимаю. Она что-то сказала, не помню, а я вижу, там, под штукатуркой, что-то синее чернеется под глазами. А потом в столовке к ней подседа и спрашиваю: что, муж? Да нет, да что вы, она тоже всех на вы называла, а потом заплакала и все рассказала. Бил ее муж каждую субботу. Психованный был, в субботу напивался и начинал: почему поздно пришла, с кем была, кому даешь? Не мог поверить, что она со своей внешностью никому не... Ну вот, и она стала мне рассказывать. Еще была у них проблема, что ребенка не было, он считал, что она виновата и тайком выкидыши делает. А она, наоборот, хочет, но не получается. Она же надеялась, что будет ребенок, и он успокоится. А я ей говорю: Саш, даже не мечтай. Хоть ребенок, хоть два, если человек с таким характером, это не лечится. Он тебя забьет до смерти. Она: нет, все наладится. Ага, наладилось так, что он ей руку сломал. И она мне признается, что готова сбежать, но боится. Найдет и убьет. Я ей предлагаю: у моей бабки еще одна комнатка есть, въезжай и живи. Если что, милицию позовем. И она согласилась, переехала. Но я ее не трогала. Вся измучилась, спать перестала, а терпела, только мне хорошо было, что она рядом. Муж приходил два раза, один раз и в самом деле милицию позвали, другой раз я с ним сама справилась. Это я сейчас усохла, а была хоть не сильно высокая, но мощная, прямо мышца на мышце. Ну, навешала мужу пендюлей, пригрозила, что у меня прокурор знакомый и что я его посажу, если будет безобразничать. А тут вышло, что я на работе была в воскресенье, что-то там срочное было, не помню, прихожу домой, а там сюрприз: он лежит на полу, кругом кровичка, а Саша стоит с утюгом и трясется. Говорит: я не знаю, как это получилось, я не хотела. А под глазом уже вот такой вот синяк, с яблоко. Она говорит: мне теперь все, конец. И я думаю то же самое: точно, конец, дадут срок, и я ее не дождусь, потому что такие на зоне не выживают.

– Откуда вы знали, уже был опыт? – спросил Гусаров.

– Я детдомовская, а это та же зона. Нет, у нас еще неплохо было, у нас заведующая была добрая, Екатерина Евгеньевна, если кого наказывала, то не обидно, была только за дело, у нее линейка была большая, для доски такая, метр или больше, вот она этим метром нас... А как еще, некоторых не только бить, убить мало, такие были неисправимые, злые до предела. В общем, я предлагаю: Саша, давай его прятать, пока никто не чухнулся и бабки нет. Сперва тут, а потом перепрячем. И мы его в подпол сунули, сухой подпол был, с песочком, вот мы песочком и присыпали, потом пол от крови отмыли. А бабка вернулась вся в соплях – заболела. И легла, и лежит. И никак ее из дома не выведишь. Милиция приходила к Саше: так и так, ваш муж пропал, не в курсе, где он? Без понятия, Саша говорит. А на работу же надо ходить, мы ходим, а сами на нерве – вдруг бабка в подпол ползет? А он же уже пахнуть начал, и бабка в самом деле полезла. Приходим, а нас ждет милиция. И я вижу: Саша спеклась, сейчас все расскажет. И говорю: муж Александры Тимофеевны пришел пьяный и совершил на нас нападение, я его ударила утюгом в порядке самообороны, в результате произошел несчастный случай. Они Сашу спрашивают: так было? А Саша настолько плачет, что ничего не может сказать. Как онемела. Потом, сами понимаете, суд и срок.

Саша хотела признаться, я ее отговорила. Она говорит: не понимаю, ты почему так себя ведешь, я тебе даже не родственница, в чем дело? Ну, и я призналась: понимай, как хочешь, Саша, а я тебя люблю. И пошла мотать срок. Это неинтересно, плохо только, что по досрочному не освободили, меня на драку спровоцировали, пришлось до самого звонка... А с Сашей переписываемся, но она мне не напоминает, что я ей говорила, я тоже. Про погоду она мне писала, про работу, какие книжки читала, я тоже такие начала читать, обменивались впечатлениями... Я иногда не то чтобы впрямую писала, но намекала, что я ее... Что вспоминаю все время, особенно ночью... Можно я отопью немножко?

– Можно! – сказали все чуть ли ни хором.

Римма Сергеевна отпила небольшой глоток, облизнула губы.

– Хорошая наливка. Ну и вот, и я, когда вернулась, узнала, что она замуж вышла. И муж, вы не поверите, капитан милиции, который убийство расследовал, это у них оказался повод познаться. А Саша же мне свой адрес писала, я по этому адресу приезжаю, предупредила ее, что приеду, прихожу на квартиру, шампанское купила, цветы. Открывает ее муж. В форме. Пригласил меня встретить. А ее нет. Он меня впускает и говорит: я все знаю. С одной стороны спасибо тебе, с другой, мне известно, кто ты такая, могу тебя за это опять посадить. Я говорю: зря пугаешь, статья за мужеложство у нас есть, а за женоложство нету, потому что оно в нашей стране считается несуществующим. Да и повода, говорю, нет, я твою Сашу не трогала. Он говорит: не трогала, но могла, я твои письма читал, там черным по белому ясно видно про твои намерения. Поэтому давай по-хорошему: мы тебе с Сашей в частном порядке дарим триста рублей, и я тебе помогаю трудоустроиться на нормальную работу в город Стерлитамак, у меня там друг, он обещал все сделать. Я говорю: все поняла, вижу, вы человек серьезный, но хотя бы одна просьба: увидеть Сашу. Можно в вашем присутствии. Он ее зовет, она дома была, оказывается. Она выходит, нервничает, что-то говорит, оправдывается, я успокаиваю: ты тут вообще ни при чем, если кто-то кого-то любит, он и отвечает, а кого любят, он ни за что не отвечает. Даже цветы не стала ей дарить, чтобы не смущать, шампанское тоже унесла, потом его во дворе из горлышка выпила. Ну... Ну и все. С наступающим вас!

И Римма Сергеевна выпила вино одним махом, одним большим глотком.

– Еще брызну? – спросил Сергей Михалыч.

– Можно, я крепкая, если кто сомневается.

Сергей Михалыч налил Римме Сергеевне полный стакан, на этот раз она не выпила его сразу, только половину.

– Как – и все? – спросила Арина. – Больше вы не жили, что ли?

– Мы не про жизнь, а у кого какая была любовь, – объяснила Римма Сергеевна. – А про жизнь – это долго. И никому не надо.

– Но вы нашли кого-нибудь?

Римма Сергеевна от души рассмеялась, причем смех был необычный для ее возраста, не старческий, а звонкий и молодой.

– Смешно мне с вас, честное слово! Смотрят все, как на больную или несчастную! Да все отлично у меня, только с глазами плохо, три месяца очереди ждала на обследование, там у них, в Рязани, новая какая-то система, через компьютер смотрят, а то никакие окулисты не могли понять, что у меня там, кто глаукому мне говорит, что катаракту предлагает, полный ассортимент у меня там нашли. Болят, главное дело. Вижу еще терпимо, но болят. До Нового года домуржили меня, сегодня в шестнадцать двадцать назначили, вот и еду.

Светлана Павловна, по мере приближения к ней очереди, чувствовала себя все более неловко. Им легко, они поодиночке, а она с мужем. Придумывать не хочется, да она и не умеет, значит, надо говорить о той любви, которая была. А ее не было. Нет, она любит по-своему и мужа, она любит, конечно, дочерей, любит, уж само собой, внуков и внучек, любит даже зятьев, с которыми обоими повезло, хорошие ребята, работающие и непьющие, она любит и вообще людей, насколько это возможно, то есть относится к ним без той досады, которой они заслуживают, уживается с

ними, потому что других же вариантов все равно нет. Но этот художник и другие вместе с ним имеют в виду не такую любовь, они имеют в виду любовь половую. Сексуальную. А этой любви у Светланы Павловны ни к кому никогда не было, в том числе и к далеким мужчинам, как у Арины, ей бы в голову не пришло любоваться каким-нибудь актером, пусть даже сто раз красавцем. При одной мысли, что она может оказаться голышом с чужим мужчиной, ее бы стошнило, – правда, у нее и мысли такой не возникало. Светлана с детства испытывала неприятие всего чужого, не такого, как в их доме, где всегда было чисто, уютно, всегда полный во всем порядок. Она и сама частенько намывала полы, вытряхивала во дворе коврики, вытирала пыль и поливала цветы. И училась она хорошо, чтобы не огорчать родителей. Светлана больше всего боялась кого-то огорчить – и старенькую бабушку, и маму с папой, работавших всю жизнь на консервной фабрике, фрукты-овощи закатывали, и сестру, которая была старше на одиннадцать лет и которой уже нет на этом свете, как и мамы, и папы, и бабушки. Она всех боялась огорчить и огорчалась, когда огорчали ее – учителя несправедливыми оценками или одноклассники дурацкими шутками. Вот эти две вещи не любила Светлана – несправедливости и дурацких шуток, особенно на половые скользкие темы.

Она рано начала мечтать о семье и, осматриваясь, выбрала себе будущим мужем Сергея, с которым училась с первого класса и которого знала как очень рассудительного, доброго мальчика, иногда немного вспыльчивого, не отличника, у него и родители хорошие, тоже работали на консервной фабрике, там половина поселка работала и работает, и тоже сейчас уже умерли. С восьмого класса они с Сергеем начали дружить, в девятом несколько раз целовались, в десятом он попробовал зайти дальше, Светлана не позволила. Потом Сергей ушел в армию, а когда вернулся, они поженились. Сергей устроился работать на все ту же консервную фабрику, а Светлана родила одну дочь и почти сразу же вторую. Начались тяжелые времена, фабрика наполовину сократила количество рабочих, а потом и вовсе закрылась. Светлана придумала: на участке родительского дома построить теплицы и выращивать овощи. Сергей построил, поспел первый урожай, повезли на местный рынок, а там пришлые люди не разрешили торговать, не дали прилавка. Устроились сбоку на ящиках, но пришлые налетели, все разбросали и растоптали, начали бить Сергея, но подросла милиция, Сергея отняли у пришлых и увели в отдел, где продержали неделю. Сказали, что для его же безопасности. Пришлось урожай распродать соседям за копейки.

Но Светлана обнаружила в себе тягу к земле, возник план: создать ферму. Выращивать преимущественно свиней – ей рассказывали, что это дело быстрое и доходное, а реализовывать не самим, потому что хлопотно и опасно, а через оптовиков. Продали с Сергеем свой дом в городе, купили дом в деревне Макеевке, взяли кредит, построили свинарник, родители живы еще тогда были, помогали, как могли, но однажды ночью свинарник загорелся. И сгорел весь вместе с животными. Обидно: полгода потратила Светлана, чтобы подружиться с макеевцами, и они оказались ей приветливыми, душевными, особенно если угостить водочкой. И вот – они же и сожгли, больше некому. Через два дня, в местном магазине, в присутствии нескольких женщин-макеевок, Светлана пожаловалась продавщице, что не ожидала такого отношения. Одна из женщин услышала и сказала с неожиданной злостью: «А тебя сюда никто не звал!»

Разочаровавшись в фермерстве, Светлана придумала необычный бизнес: делать могильные памятники – стелы и плиты. Необычный только на первый взгляд, под ним было два серьезных основания. Первое: возле Макеевки располагалось городское кладбище, свозили туда усопших и с окрестных деревень, самое большое и престижное кладбище, там даже начальство и авторитетных бандитов хоронили. Второе: Сергей с детства увлекался выпиливанием по дереву и резьбой по камню, а также гравировкой, ездил даже поступать в Саратовское художественное училище, имеющее славную репутацию, не поступил, но продолжал любительски заниматься выпиливанием и резьбой – в свободное время. Вот его талант и пригодился. А вырастающие дочери мастерили венки; Сергей купил подержанный станок для виття проволоки, производительность сразу выросла. Дело пошло, пошли заказчики, появились кое-какие деньги, но тут же, само собой, пошли и инспекции, и милиция, и представители разных контрольных органов, и, главное, люди

из кладбищенской мафии, которые потребовали или свернуть лавочку, или работать на них. Что поделаться, начали работать на них.

Но кладбище закрыли вследствие переполненности, открыли новое, ближе к городу, которое тут же стало считаться самым козырным, даже несколько могил начальников и бандитов перенесли туда с макеевского погоста вместе с массивными памятниками. Конечно, на прежнее кладбище продолжали подселять умерших, выгадывая места рядом с родственниками, как у нас это принято – жену к мужу, сына к матери, дочь к отцу, но масштаб был уже не тот.

Дочери к той поре уехали учиться и работать в Рязань, вышли замуж, криминальные составляющие жизни упорядочились и перешли в руки государства, Светлана поняла, что теперь можно опять заняться чем-то на земле. Не столько даже для продажи, сколько чтобы детей и внуков обеспечить, чтобы приятно было им, приехав в гости, покушать помидорчиков с грядки, яблочков с дерева, малинки с куста. Оставалось кое-что и на продажу, но не в таком объеме, чтобы это вызвало чью-то коммерческую ревность.

Так они и живут, слава богу, с Сергеем вместе вот уже сорок один год, и Светлана понимает, что без него затоскует и с ума сойдет, следит за его здоровьем, но чтобы при этом ее волновала, как бы сказать, интимная сторона вопроса, это нет, этого не было. И к супружеским обязанностям она относилась именно как обязанностям, ей было достаточно прижаться, обняться, а это вот ерзанье всегда казалось ей смешным и глупым, даже когда в результате получались дети. Странно, что такой серьезный процесс, продолжение жизни, доверен самым некрасивым органам тела, самым грязным, хотя некоторые дантисты не согласны с этим, слышала Светлана и такое мнение. И ни к кому не было у нее низового влечения, ни разу в жизни не взглянула Светлана ни на одного мужчину, выражаясь библейски, с вожделием. Смотрела иногда с симпатией, с уважением, но не более того.

И когда, после рассказа Риммы Сергеевны, все обратили взгляды на нее, Светлана Павловна сказала:

– У нас с Сережей все просто: как со школы дружили, так и поженились, так и прожили всю жизнь. Я не знаю, какую вам еще любовь надо, но факты сами за себя говорят. Да, Сереж?

А Сергей Михалыч, слушая рассказы о самой сильной любви, думал: хорошо, что он последний. Можно заранее что-то придумать. Отшутиться. Вроде: с женой любим друг друга до гроба, дураки оба.

Потому что он на самом деле не дурак и не намерен выкладывать настоящую правду. Правда эта в том, что он две трети жизни любил другую женщину. Наташа Уборкина ее звали. Он влюбился в эту красивую, смешливую, дерзкую девочку, когда ему было десять, а она появилась в классе, приехав вместе с родителями откуда-то, как она говорила, с северов.

Он учился, рос, думая о Наташе, но ничем не проявлял своей любви. Разве что в седьмом классе дал одному по уху, когда тот обозвал Наташу Уборной. Но дал не при всех, а за школой, возле одноэтажного здания интерната, который был при школе – для деревенских. И этот обзывальщик, кажется, тоже был деревенским. Теперь и лица его не вспомнить.

Но после восьмого класса Наташа ушла в пищевое училище. Ничего, думал Сергей. Вот окончу школу, встречу ее и все ей скажу.

Наташа очень рано вышла замуж, а Сергей отправился в армию. Ничего, думал он. Такие долго с первыми мужьями не живут. Вернусь и посмотрим.

Он вернулся и обнаружил, что Наташа, как он и предполагал, развелась, но куда-то уехала. И он женился на Светлане, которая очень этого хотела, да и Сергей был не против. И тут Наташа явилась в поселок. Красивая, свободная, с квалификацией мастера дамской стрижки. Сергей намылился было к ней, но родилась дочь. Ничего, думал он, дочка подрастет, наверстаю.

Дочка не успела подрасти, родилась вторая. А потом Светлана затеялась с теплицами. Ничего, думал Сергей, строя теплицы, вот сделаю все для обеспечения семьи и с чистой совестью уйду к Наташе.

Но Наташа вторично вышла замуж, а Светлана уговорила сменить город на деревню, заняться свиноводством. Не бросать же ее на полпути, это будет предательство. Ничего, думал Сергей, раз-

ведем мясную отрасль, все налажу, чтобы само работало, и начну новую жизнь. С Наташей. Тем более, что она опять в разводе.

А тут пожар, в беде семью не оставишь. Потом освоение кладбищенского бизнеса, захватившее Сергея: реализовал наконец свои способности.

Ничего, думал он, дочери совсем взрослые, бизнес на мази, могут уже и без меня продолжить, наймут кого-нибудь, пора признаться во всем жене, а потом – Наташе.

И признался, но сначала не жене, а Наташе, которая была свободна после третьего брака и все еще красива, только немного располнела, что с женщинами после сорока бывает. Приехал в поселок, пришел к ней с вином и все сказал. Она, выслушав, усмехнулась:

«Надо же. А я в тебя с пятого класса влюбилась. И, может, до сих пор. Но ты в свою Светку вцепился, я не сволочь, чтобы семейное счастье разбивать».

«Да, весело, – сказал Сергей. – Но не поздно ведь еще».

«Поздно. Операция была, Сереж, почти все женское вырезали».

Сергей был ошарашен. И ему было стыдно, потому что еще до признания Наташи, когда сел с нею за стол и выпил, и разглядел ее, понял, что давно уже ее не любит. Если что и любил, точно последние десять лет, так свою идею изменить жизнь. До этого лишь раз он пробовал это сделать, когда поехал в Саратов поступать в училище, где ему сказали: рука есть, глаз есть, но у нас таких претендентов много, а индивидуальности, уж извините, не видим.

Почему же, с болью поняв свою нелюбовь, он все же не остановился, продолжил изливаться и откровенничать и сделал ей, по сути, предложение? Неизвестно, он до сих пор этого не понимает. Но помнит свое паскудное облегчение после ее слов о болезни. А когда через год узнал о смерти Наташи, и вовсе гора с плеч свалилась. Если перед кем-то чувствуешь вину, в этом участвуют два человека – ты сам и тот, перед кем эту вину чувствуешь. Но исчезает этот человек, и нет смысла продолжать быть виноватым. Не перед кем.

И Сергей Михалыч коротко ответил на вопрос жены:

– Да.

И хмыкнул при этом, смутился, как обычно смущаются люди, вынужденные говорить о своих высоких чувствах. Сам поразился, насколько умело изобразил то, чего нет. Прямо актер доморощенный, откуда что взялось! Но тут же себе возразил: да не изображал я ничего, мне и вправду стеснительно признаваться в любви к собственной жене. Значит, есть она, эта любовь? А может, и всегда была? Хорошо, что теперь надо пить, и Сергей Михалыч поднял стакан, прикрыл им лицо,пил долго, как женщина, чтобы успеть привести лицо в порядок, в обычное спокойное выражение, которым он всегда гордился, а жена очень уважала его за невозмутимость в любых, самых трудных житейских ситуациях.

34.

Утро, ясное утро давно уже наполнило на Российскую Федерацию, начавшись с безлюдного Мыса Дежнева, прокатившись по Магадану, Владивостоку, Чите, Иркутску, Омску, Екатеринбургу, Саратову, Москве, Смоленску, отгесняя темень и мрак к Западу, где им и место, и давая свет и надежду всем, кто выжил после ночи.

Настя, выпавшись, чувствовала себя вполне сносно и пожалела, что скоропалительно согласилась на госпитализацию. Будет обход, надо попроситься домой. Может, у нее даже и не ковид, а просто все сошлось – простуда, переутомление, да еще развод этот, расставание с Антоном, к чему она давно готовилась и все же оказалась не вполне готова.

Палата была на шесть коек – три по одной стене, три по другой, в середине проход, между койками тоже промежутки, но узкие, едва можно протиснуться боком. Обоняние к Насте вернулось (а может, и не исчезало, может, нервное все это было?), и она чувствовала, что пахло в палате не как в больнице, а как в новой квартире – краской, пластиком, мелом; соседка Насте, заметив, что она с любопытством оглядывает палату, сказала:

– Новое отделение открыли, нас ночью всех сюда перевезли. Мы еще относительно легкие считаемся, – добавила она, утешая Настю и саму себя.

Настало время завтрака, три ходячие женщины пошли в столовую, а трем лежачим, в том числе Насте, привезли на тележке магазинный йогурт, баночки с детским пюре и пакетики сока, тоже детского. Настя сказала, что хорошо себя чувствует и может сама пойти в столовую, но девушка, развозившая завтрак, в обычном халате и обычной маске, и этот ее вид успокаивал и обнадеживал, быть может, она переболела и не очень боялась, значит, можно переболеть и не бояться, эта девушка весело ответила:

– Да лежите спокойно, чего вы? У нас все распределено – кому в столовой, кому в палатах. А то вы там поедите, и там будет нехватка, а у меня лишнее останется, выйдет путаница!

Настя с неожиданным удовольствием все съела и выпила. У заглянувшей медсестры спросила про телефон: вчера была, а сегодня куда-то делся. Та, спросив имя и фамилию, вскоре принесла его, но он оказался разряженным.

– Зарядника разве не было? – спросила Настя.

– Не было, – ответила медсестра.

Настя огорчилась: ни разу в ее жизни не было случая, чтобы телефон оказался разряженным. Она следила за этим внимательно и постоянно, это был небольшой ее пунктик: если она видела, что заряд меньше шестидесяти процентов, ей становилось некомфортно, при пятидесяти присоединяла к заряднику. Однажды она заработалась и увидела, что меньше тридцати процентов, а зарядника под рукой почему-то не оказалось, ее чуть ли не паника охватила, она хорошо помнит этот случай. Поэтому Настю поражает беспечность Алисы, та легко позволяет и телефону, и планшету доходить до двадцати и даже до десяти процентов, когда индикатор и цифры становятся красными.

Попросить зарядник у соседок? Настя человек не застенчивый, непринужденно контактный, но возник смешной вопрос: как к ним обратиться? Женщины? Быдловатое слово, слово продащиц и прочего обслуживающего персонала. Дамы? Примут за неуместный в больнице юмор. Дорогие сопалатницы? Совсем нелепо. Или никак не называть, обратиться вопрос в пространство: «Кто-нибудь одолжит зарядник?» Невежливо. Будет обход, надо попросить врачей. Наверняка подобные проблемы тут возникали, наверняка есть запасные зарядники.

И настойчиво проситься на выписку. Настя все тверже убеждалась, что случившееся вчера – чистой воды психосоматика, наваждение, казус. Нет, может, она и заболела, но в легкой форме, некоторые переносят на ногах, а многие, Настя читала, и вовсе не замечали, что болели – таковы странности этого капризного вируса.

Обхода все не было, вместо этого две женщины в белых комбинезонах-скафандрах и подвальных очках привезли установку для кварцевания – вертикальную лампу на стойке с колесиками. Одна женщина была повыше, вторая пониже, только этим внешне и отличались. Та, что повыше, скомандовала:

– Хорошие мои, выходим, кто ходячий, остальных выкатим на полчаса! Кварцевать будем, обеззараживать!

Все в палате были новые, недавно поступившие в больницу, как и Настя, еще не привыкли к здешним порядкам, и к предложению отнеслись неоднозначно. Больная, лежавшая у двери, справа от Насти, иронично заметила:

– Мы тут еще даже надыхать не успели, не от чего обеззараживать!

Эта женщина всегда и ко всему относилась на всякий случай с иронией. Ей было около сорока лет, у нее было архаичное имя, которое дал отец в честь своей покойной мамы, имя, которым давно никто не называет детей, – Клавдия, Клава. Ее взросление пришлось пришлось на время появления и быстрого распространения компьютеров во всех сферах жизни. А при компьютерах имеется что? Правильно, клавиатура, она же клавиша. Вот и стала наша живая Клава тезкой клавишного кнопочного мертвого устройства, и, возможно, это и настроило ее на скептический лад, в

том числе по отношению к себе. Да я тупая, куда мне в вуз! – говорила она, и пошла к маме в парикмахерскую, ставшую потом салоном красоты, весьма недешевым и заслуженно популярным, а записаться к самой Клаве Дорофеевой можно лишь за месяц; иногда она выезжает на дом к некоторым клиентам, называть которых не будем, их в ту пору знала вся страна, и сейчас помнят. Да я не Анджелина Джоли! – говорила она, – чтобы красавца какого-нибудь искать. Лишь бы положительный был и чуть посимпатичней соседского бультерьера Томми, вот уж образина жуткая, скажу я вам. Меж тем ее полюбил красавец-тренер из спортивной школы, недавний чемпион России по баскетболу с удивительно спокойным и ровным характером, они поженились, у них двое детей, мужу доверили взрослую команду, он вывел ее на первые места российского чемпионата, что и почетно, и, не будем скрывать, денежно. Так что, как видите, заниженная самооценка Клавы, вопреки уверениям нынешних психологов, не повредила ей, скорее наоборот. Девиз ее был: ничего такого не жду от жизни, а если повезет, спасибо. И жизнь, не видя от Клавы ни давления, ни претензий, ни требований, словно вздыхала с облегчением, говоря: возьми себе сама что хочешь, мне ведь не жалко, мне просто назойливость ваша надоела. Вас много, а я одна! Клава и Андрей построили себе и двухуровневую квартирку-пентхаус в прекрасном доме, пускай и не в центре, и небольшой коттедж купили в уютном местечке за МКАДом, десять минут езды от дома, и все у них складывалось удивительно ровно, поступательно и благополучно. И Клава привыкла к этому, хотя, смотря во время работы телевизор, тот канал, где круглосуточно рассказывалось о роскошной жизни богатых персон, не раз повторяла: «Вот как люди живут, не то что мы, гопота!» Но, конечно, не считала себя гопотой, была довольна жизнью, просто, как все российские люди, побаивалась этого непривычного состояния и положения. Когда началась эпидемия, она не верила, что это надолго и серьезно. Когда начали болеть и даже умирать дальние, а потом и близкие знакомые, принимала как неизбежные издержки – от обычного гриппа тоже умирают. Когда заболела сама, удивилась, но была уверена, что перенесет легко и быстро выздоровеет. Как вышло на самом деле, рассказчик знает, но не скажет. Хоть режьте, не скажет.

Замечание Клавы оказалось в кон настрою большинства.

– Дело не в надыхать, а я вот сама медсестра, я знаю, что перед кварцеванием надо производить влажную уборку, а вы ее не делали! – упрекнула худенькая женщина тридцати лет по имени Юлия, лежавшая у окна, слева от Насти. Она, сказать по правде, и сама не всегда следила за уборкой, работая в своей больнице, но сейчас ей надо было отвлечься от тяжелых мыслей о своей болезни и еще более тяжелых переживаний из-за мужа Дениса и семилетнего сына Славы. Денис, строитель-монтажник, по своей работе знает все досконально и все делает старательно, он и квартиру отремонтировал своими руками, но почему-то с людьми у него ладится намного труднее, чем со стройматериалами – неразговорчив, неулыбчив, после трудового дня ложится на диван и смотрит спортивные передачи, запивая впечатления пивом. И не скажешь, что холодный человек: в голос нервничает, восклицает и негодует, когда проигрывают любимые команды, дает советы, вслух хвалит, когда выигрывают. Но с женой и сыном лишний раз не поговорит и уж тем более не приласкает, будто стесняется, поэтому чуткий Славик не трогает его, играет в свои игры, а если подойдет к отцу о чем-то спросить, Денис смотрит на него недовольно и бурчит: «Сам посмотри в интернете своем». Как они теперь там вместе, кормит ли Денис Славику, он ведь готовить терпеть не может. Жарит, наверное, какую-нибудь яичницу с колбасой, дает сыну, но так дает, что у того и кусок в горло не полезет. Или закажет пиццу, бургеры вредные, чему Славик будет только рад, но для Юлии, уроженки далекого поселка «Красный текстильщик» (Саратовская область), эти пиццы и бургеры – позор семьи, позор жены, у которой должно быть все только своего приготовления. Юлия вспоминала, как провожал ее муж больницу. Была в его взгляде жалость, было и сочувствие, но видела она и раздражение. Угрозидло тебя свалиться, словно говорил он. Теперь, не дай бог, и я заболею, а мне работать надо, зарабатывать, да еще возись теперь с готовкой, с домашним хозяйством, с сыном, который у тебя довольно бестолковым растет, и хоть я всегда готов ему помочь, но для ребенка мать – главное. И он прав по-своему, поломаются

теперь весь распорядок – кто накормит завтраком, кто уберет в квартире, засунет скопившуюся посуду в посудомойку? Денис, сведущий в любой технике, до сих пор не знает, как работает посудомоечная машина, как там что расставлять и раскладывать, куда заливать моющие средства и класть очищающие таблетки. А вернется он домой после смены – ни тебе ужина, ни вопросов о работе, ни заботливо раздвинутого и застеленного дивана-кровати...

– А я хоть не медик, но я биолог, в школе преподаю, я прекрасно знаю, что ваше излучение убивает микробов, а вирусы не трогает! И получится, что вы для ковида только жизненное пространство освобождаете! – сказала свое слово женщина пятидесяти пяти лет, которую звали Эльвира Антоновна. Она лежала тоже у окна, напротив Юлии. Правда ли, что кварцевание, убивая микробов, не трогает вирусы, Эльвира Антоновна наверняка не знала, но относилась она к той категории людей, которые, высказав какое-либо убеждение, тут же твердо в него верят уже на том основании, что они это сказали. А еще Эльвира Антоновна, находясь в пограничном состоянии, тревожилась, как и Юлия, на улучшение у нее все пойдет или на ухудшение, и самый верный способ отвлечься от собственных печальных мыслей – вступить в конфликтную ситуацию или создать ее. Недаром в школе у Эльвиры Антоновны сложилась репутация человека неуклонно принципиального, в штывы встречающего любую инициативу или директиву начальства, а оно в ту пору, если кто не помнит, просто засыпало бедных учителей этими самыми инициативами и директивами, которые, в свою очередь, получало сверху. Эльвира Антоновна, публично, не стесняясь, называла это маразмом, идиотизмом, административным волонтаризмом, ее приглашали для увещательных бесед директор и завуч, Эльвира Антоновна горячо отстаивала свою точку зрения, но кончалось всегда одинаково, она говорила: «Вы меня не убедили, но вынуждена подчиниться, потому что знаю – без единства педагогического коллектива школа рухнет, а я своими руками рушить ее не хочу!» Еще бы она хотела – в школе и только в школе была вся ее жизнь, лишенная всего остального: родителей нет на свете, единственное, первое и последнее замужество, продлилось всего два года, детей не завелось. Зато педагог она прекрасный и вполне обоснованно удостоена пять лет назад звания «Заслуженный учитель РФ», на всю школу их только двое заслуженных – она и директор Виктор Ильич, не старый еще мужчина, чуть за шестьдесят, и никто не знает, что бурная Эльвира Антоновна тихо, безнадежно, но радостно влюблена в него уже двадцать два года. Радостно – потому что каждое утро, собираясь в школу, она вспоминает Виктора Ильича и улыбается, представляя, как увидит его и как в очередной раз предъявит очередную претензию, нарываясь на скандал.

– Лучше бы форточку открыли, – негромко поддержала соседка Эльвиры Антоновны, которая сидела на кровати, – не потому, что готовилась выйти, а ее просто застали в таком положении. Соседка говорила с легким акцентом, звали ее Малолу Файзуллоховна Мирзакарова, было ей около семидесяти, из которых восемнадцать лет она прожила в Москве, являясь давно уже гражданкой России, как и ее дети, и внуки, и все восемнадцать лет скучает она по теплу родных краев и сетует на московский климат, на долгие осенние, зимние и весенние холода. Есть у Малолы Файзуллоховны заветное воспоминание из детства. Было ей лет пять или шесть, она проснулась в тишине, все куда-то ушли. Родители на поле, понятно, старшие братья Малолы, двое, ушли с ними, а где средние братик и сестричка? Почему не слышно кудахтанья кур? Вообще ничего не слышно, будто мир онемел или опустел, или Малолу оглохла. Она испугалась, вскочила, выбежала, обожгла ступни раскаленными камнями у порога, прыгнула с них в тень, под старую грушу, вокруг которой был небольшой кружок выгоревшей коричневатой-серой травы. Села у толстого, в два раза толще Малолы, ствола, огляделась, прислушалась. Нет, она не оглохла – какая-то птичка где-то чирикнула, а потом тихо, очень тихо, но ощущаемо, слышимо шевельнулись листья груши. И опять замерли. И все другое замерло. Полная опять тишина. И Малолу вдруг стало очень хорошо. Так хорошо, что хоть смейся, но она не засмеялась, только улыбнулась. Она почувствовала себя счастливой хозяйкой этого мира. Нет, она знала, ей объяснили, кто настоящий хозяин, но он хозяин всего, а Малолу – того, что видит, что перед ее глазами. А хозяйка она этого потому, что

не она часть окружающего, а оно, хоть и больше, – ее часть. Груша часть ее, трава часть ее, дувал из камня из глины – тоже часть ее, карагач за дувалом – часть ее, вершины гор вдаль – часть ее, синее небо – часть ее. И счастье Малолы превратилось в восторг такой силы, что даже больно стало, и слеза скользнула из глаза, при этом, хоть горяча была кожа щеки, но слеза еще горячее, Малолу испугалась, что останется выжженный след и торопливо вытерла ладошкой щеку. На этом все кончилось. И много потом было событий в жизни Малолы, очень много, и хороших, и не очень, но утро это она помнит, как никакое другое, хотя не совершилось в нем ничего важного. Но в больнице, всего за полдня, она вдруг поняла, что скучает по морозу и холоду, по сыrovатому воздуху, она хочет туда, она заранее знала, что, когда выйдет, будет счастлива так же, как в то утро под старой грушей.

– Да вообще ничего не надо! – отрезала больная, лежавшая рядом с Малолой Файзуллоховной. – Облучаете, а через год у людей рак начнется, а вы будто и ни при чем! Лучше бы, в самом деле, убрались, у вас из туалета воняет.

Она была не права, из туалета не воняло. Ее просто оскорбляло, что она лежит так, что видит дверь в туалет, дверь неплотно прикрытую, следовательно, через щель может пахнуть, даже если сейчас не пахнет.

Это была актриса Ганна Вепская, молодая красивая женщина, почти звезда театра и почти звезда множества сериалов и фильмов. В детстве, когда ей было десять лет, когда она жила с родителями и младшим братом в Долгопрудном, Ганна (тогда ее звали Аней, псевдоним взяла позже – для оригинальности) пообещала себе, что станет знаменитой актрисой. Она красивая, умная и талантливая, это не может не работать. И в самом деле, Ганна влет поступила в театральный вуз, тут же снялась в нескольких эпизодах молодежных ситкомов, после окончания мастер их курса, худрук серьезного театра, пусть и не из самых модных, взял ее в труппу; был с ним недолгий роман, но он и без романа верил в дар Ганны, хоть и увлекся через полгода другой актрисой и не может вот уже который год подобрать Ганне главную роль, достойную ее масштаба. По какому-то недоразумению, по несовпадению знаков Зодиака, по дурацкому невезению Ганна и на экране играет роли не главных героинь, а все больше их подруг, с которыми мужья или любимые мужчины героинь изменяют, а потом раскаиваются и возвращаются к героиням, чтобы в седьмой серии третьего сезона заново строить отношения, а персонаж Ганны, сделав свое черное дело, исчезает. Ганна знакома и дружна со многими очень известными людьми, с несколькими из них, мужского пола, имела короткую любовь, словно и в жизни играя то, что играла в сериалах – эти мужчины были женаты или связаны гражданским браком. Она не обделена бытом, вполне устроена: хорошая машина, купленная на свои деньги, неплохая квартира на Новокузнецкой, подаренная одним из ухажеров; раньше там жила другая его подруга, из провинции, но он ее прогнал за какую-то провинность, отняв квартиру и запретив появляться в Москве, пока он жив. И вот вам при этом парадокс: ты постоянно на виду, но тебя никто не видит. Сейчас и популярных-то актеров не узнают в лицо, а Ганна и вовсе анонимна. Правда, среди простого народа она редко появляется – то в машине, то в театре, то на съемочной площадке, среди своих, а продукты предпочитает заказывать по интернету, не любя блужданий среди стеллажей супермаркетов, где вечно наберешь кучу лишнего и ненужного. Прошлым летом был эпизод, воспоминание о котором саднит до сих пор. Ехали группой автобусом на съемки под Тарусу, Ганна обычно предпочитала свою уютную, как домик, машину, но узнала, что с группой едет режиссер, это возможность пообщаться, – и присоединилась. Остановились у заправки, зашли выпить кофе, там и сценарист был, пожилой, седой и лохматый мужчина, он подсел к Ганне за столик и начал коряво с нею заигрывать, а за другим столиком устроились режиссер и актриса Лямова, ровесница Ганны, снявшаяся в трех подряд фильмах и двух сериалах, где играла одно и то же, блудливую героиню, запутавшуюся в связях, но, главное, она засветилась на телевидении в рекламе крупного банка и, еще главнее, висела на билбордах по всей Москве. И все, кто входил в кафе заправки, тут же ее замечали (она и одета была расчетливо-блудливо, в облегающее платьишко, дразня голыми загорелыми плечами), глазели, некоторые рисковали подойти за автографом. Сценарист хмыкнул и скептически заметил:

– Как это утомительно, когда тебя все узнают. Не хотел бы.

И из самой души Ганны вырвалось:

– Намного хуже, когда тебя не узнает никто!

Самое при этом обидное, что все Ганну хвалят, все уважают и любят, все ее мужчины говорили и говорят, что никогда не держали в руках такого идеального тела, никогда не было у них такого секса, как с Ганной, и ежемесячно, а то и еженедельно возникают проекты, где ей прочат центральную роль, она прекрасно показывает себя на кастингах, все в восторге, она почти у цели... В этом «почти» все и дело – вечное, роковое, фатальное почти! А ведь ей почти (опять почти!) тридцать пять, из героинь-любовниц скоро пора перейти в характерные, и все не случится то чудо, которое должно, просто обязано случиться.

И случилось! – позавчера был звонок, которого Ганна ждала всю жизнь: известный режиссер, из первой десятки, а то и тройки, позвонил, сказал скучным голосом, что снимает фильм, с главной героиней проблемы, актриса играет не то и не хочет или не может играть иначе, насколько занята Ганна, чтобы завтра же приехать и начать работать? Совсем не занята, заявила Ганна, у которой на три месяца вперед каждый день был расписан спектаклями и съемками, несмотря на эпидемию. И тут же, спохватившись, что отозвалась с неприличной готовностью, оговорила:

– Но я ведь сценария не читала, и потом: вам надо меня попробовать. Кастинг, вроде того.

– Нечего пробовать, – сказал режиссер все таким же скучным голосом, будто стоял перед стойкой фастфуда и точно знал, что ему нужно. – Я видел ваши роли, вы сумеете. А сценарий сейчас пришлю, там чтения на час.

И тут же, просто сразу же после звонка у Ганны поднялась температура. К ночи залихорадило, утром Ганна поднялась через силу, приняла душ, вызвала такси – понимала, что машиной управлять не сможет, а в такси впала в бред, в горячку, таксист перепугался, отвез ее в больницу, несмотря на ее бессвязные и бессильные протесты, и вот она оказалась здесь, среди чужих и чуждых ей людей, несколько часов безудержно плакала, ей что-то вкололи, она впала в забытие, очнувшись, увидела эту палату, этих баб болящих, дверь перед глазами, чуть не завывала от тоски, но опомнилась, приказала себе успокоиться: чем крепче держишь себя в руках, тем быстрее выздоровеешь. Хорошо, что она вчера позвонила режиссеру, объяснила, что случилось, он обещал подождать. И Ганна поверила. Она поверила, что кончается проклятое «почти», которое извело и измучило ее. Пройдет время, она найдет хорошего автора, который напишет пьесу или сценарий с названием «Почти», и Ганна блистательно сыграет саму себя в прошлом – свои мытарства, метания, и это жуткое ощущение всегда близкой и всегда пролетающей мимо удачи. (Рассказчик тут же ловит Ганну на слове, он готов стать таким автором, если она до него снизойдет)¹.

Женщины с кварцевателем не вступали в спор, слушали, будто давали возможность всем высказаться. Может быть, они таким образом себя развлекали. И повернулись к Насте – только она еще ничего не сказала. Настя поступила мудро, она не собиралась тратить силы на обдумывание, вредно кварцевое облучение или полезно, она знала – кварцевать будут независимо от желания больных. Выгоднее персонал поддержать – не исключено, что это как-то дойдет до тех, кто будет совершать обход, и произведет благоприятное впечатление. Почему нет? – вернутся эти женщины в административную часть, скажут: в такой-то палате скандальные тетки оказались, только одна была вменяемая.

И Настя сказала:

– Насколько мне известно, от кварцевания никто не умер, а обеззараживать положено, зачем попусту спорить?

И было в ее голосе что-то, отчего все женщины примолкли. Ганна, Малолла Файзуллоховна, Клава и сама Настя поднялись и вышли, а Эльвиру Антоновну и Юлию вывезли: у Юлию немного

¹ Рассказчик не сдержал слова. Он написал, но не пьесу и не сценарий, а странный текст, имеющий к судьбе реальной Ганны лишь косвенное отношение. См. в приложении.

кружилась голова, а Эльвира Антоновна, чувствовавшая себя неплохо, не собиралась отказываться от услуг, которые ей гарантированы медицинским учреждением.

35.

Согдеев по-прежнему лежал в коридоре, а на его соседа с утра напал говорун, ему захотелось поделиться соображениями о сущем.

– Ничего в мире и в жизни просто так не происходит, – говорил он. – Заклеймили Маркса и Энгельса, а я, хоть мне семьдесят семь скоро, наизусть запомнил, что они писали. А они писали: ищи, кому это выгодно. И сразу все поймешь. Вот пример: началась эпидемия, все стали руки по сто раз на дню мыть. Теперь прикиньте расход мыла и прибыль тех, кто это мыло выпускает! Это, если по всему миру, тысячи, миллионы тонн и миллиарды долларов! А к мылу добавьте всякие эти обеззараживающие жидкости, антисептики, салфетки. А маски, а перчатки? Маски, допустим, хотя бы из бумаги, и то вряд ли, синтетика, скорее всего, а перчатки – повально из искусственных материалов, которые в природе не разлагаются. И все это – мыло, салфетки, перчатки, маски – куда? На помойку, в унитаз, в окружающую среду! Мы не себя чистим и моем, мы моем природу, понимаете? Мы ее травим химией! Вымывается натуральное, заменяется искусственным! И правильно это называть не загрязнением, а стерилизацией, потому что среда нейтрализуется антибактериальной агрессией. Я хоть не профессор науки, но в советской школе учился, у меня широкая база знаний. Стерилизация, сверхчистота! В Америке давно уже, я читал, еще до эпидемии, начался бич – болезнь чистоты. Кино видели американское? В обуви дома ходят, потому что у них даже на улицах грязи нет. И у всех аллергия, они ничего естественного уже не переносят, пылинки в глаз попала – нету глаза, неизлечимая болезнь, пришлось вырезать, стеклышко вставить. А грязь только называется грязь, на самом деле это что? Почва! Человечество миллионы лет питается чем? Почвой! Тем, что на ней растет, что на ней животные едят, которых потом человек ест. Понимаете? Я много читал, когда зрение нормальное было, и я не просто читал, а делал выводы. Вот классика, Гоголь, «Тарас Бульба». Там какой совет дает атаман перед боем? Совет такой: если кого поранят, возьми щепотку земли, плюнь в нее, замеси и замажь рану. А люди были знающие, с опытом, профессиональные вояки. Конечно, грязь была тогда другая, чистая грязь была, настоящая. У меня на даче чернозем – как черное масло, с хлебом есть можно. Думаете, удобрения? Никаких! Я его своими руками в мешках возил из Калужской области! Прицеп-тележку к «Ниве» своей – и вперед! А теперь он у меня самовозрождается, потому что я правильные деревья посадил, корневая система богатая, листья опять-таки. Дураки убирают, жгут, я вкапываю в землю. Результат – гумус, как следствие естественного процесса. Естественного, понимаете? Это то, что нас могло бы спасти, но не спасет, потому что планомерно уничтожается. Причем идиотизм полный: ведь эти люди, которые наживаются сейчас, они понимают, что не вечные. Они всегда что говорят: для детей, для внуков, для правнуков. Но никаких правнуков не будет, мы вырем! Мы оказались глупей динозавров! Те сто пятьдесят миллионов лет существовали, сто пятьдесят миллионов! А мы? Сорок тысяч лет в разумном виде, да и то условно разумном, и мало нас было, бродило несколько тысяч человек. Строго говоря, серьезную историю можно отсчитывать максимум с десяти тысяч лет назад. Мизер! Но и этот мизер идет к концу. Знаете, почему везде у людей возникали религии? В разных местах, но обязательно. Я заинтересовался и понял: любая религия есть система ограничений и запретов. Мудрецы еще в древности догадались: без ограничений и запретов рано или поздно человечество вымрет. Вы скажете, а как же в Библии, там люди, если бы запретного плода не вкусили, не размножились бы. Тупик получается? Жили бы бессмертные Адам и Ева – и все! Я тоже об этом думал. Пришел к выводу: это символическое послание человечеству. Шифр, код, программа. Ведь смотрите, что получается – бог ведь все знает, так? Следовательно, он знал, что Ева искудится и Адама искусит. Это был урок, наглядная иллюстрация: вы будете плодиться и размножаться, но когда-нибудь вас погубит – что? Желание лишнего! У Адама и Евы все было, нет, еще яблочка захотелось! В этом отличие человека от всех живых существ – он

хочет лишнего! Травоядные поедят травы столько, сколько нужно, попьют водички и на бок, отдышаться. Знают меру! Хищник догонит антилопу, убьет, съест, и тоже все на этом. Он не побежит еще за... Не знаю, за бабочкой какой-нибудь, чтобы ее слопать тоже. Как деликатес. Он сыт, ему достаточно. А нам все мало, мы не знаем предела. Вы скажете: начни с себя, откажись от лишнего. Я, например, наливку домашнюю делаю, сливовицу, друг-болгарин научил. Настоящая сливовица – нектар, блаженство. Очень люблю, гостей угощаю. Могу отказаться? Могу, учитывая, что моему организму никакой особой пользы нет, плюс не идеальная печень. Но не хочу отказываться, потому что такой же эгоист, как и все. Поэтому, как все, обречен. И это грустно, если подумать. Меня мой товарищ успокаивает, одноклассник, семьдесят лет дружим, страшно представить. Он из актеров, но человек думающий. Сейчас не снимается – возраст, болезни. Любит фантастику смотреть и говорит: вот есть фильм «Назад в будущее», он с продолжениями, три или четыре части, и в какой-то части паровоз разгоняется и перелетает пропасть. Мораль у него такая, что, если человечеству замедлиться, то есть отказаться от прогресса, то оно точно погибнет, паровоз упадет. Или встанет, тоже ничего хорошего, нет движения – нет жизни. Наоборот, надо увеличить скорость, усилить прогресс, научиться делать биологические запчасти, клоны, короче, чтобы человек был если не бессмертным, то жил дольше и, главное, сохранился как вид. Я с ним спорю, с одной стороны, а с другой, иногда думаю: кто знает, может, он и прав, может, спасение в том же направлении, что и гибель. Как думаете?

Согдеев не ответил: он давно уже ничего не слышал.

36.

В «газели» после разговоров на некоторые время воцарилось молчание.

И всего-то минут пять, не больше, ехали в тишине, но всем от этого дорога показалась долгой и утомительной.

– Интересно, мы где сейчас? – спросила Светлана Павловна.

Данила посмотрел на свой смартфон.

– Мы сейчас...

И назвал ближайший населенный пункт.

– Полчаса до Рязани осталось, – сказала Арина. – Между прочим, Сасыкино проехали, а никто в кабину не сел.

– Передумал. А может, в кабине и нет никого, может, водитель выпрыгнул? Или его зомби какой-нибудь выкинул и везет неизвестно куда! – развеселился Данила.

Шутка его никому не понравилась.

Гусаров обратился к Арине:

– У меня к вам, как музейной работнице, есть вопрос. Можно?

– Пожалуйста.

Гусаров потрогал картину – надежно ли стоит, и пересек наискосок пространство кузова, сел рядом с Ариной, очень близко. Данила разгадал его маневр. Сука-художник, думал он, старый козел, понял, что проигрывает, решил нагло действовать. Надо, обязательно надо сказать что-то ехидное, что-то типа: «Дедушка девушке на ушко пошептать хочет!» Нет, это обидно для Арины – получается, что она разрешила. На самом деле опытный старикан застал ее врасплох и теперь запросто может все оставшиеся полчаса что-нибудь ей бакланить, язык у него начесанный, и Данила останется при нулях, а он ведь хотел тоже подсесть к ней, договориться насчет встречи в Рязани после Нового года. Или даже на Новый год. Экспромтом. В лучшем ресторане. А может, взять и сказать: «Эй, художник, мы с Аришей как раз собирались поговорить, давайте в очередь!» Видно же – Арине неприятно, что этот пенсионер дышит на нее своими гнилыми старческими зубами – вон как подлез к уху, того и гляди откусит. И она будет благодарна Даниле, поймет его подсаказку и скажет: «Да, извините, мы с Данилой хотели поговорить, а вы потом, ладно?» Но

никакого потом для художника не будет, Данила, если сядет с Ариной рядом, до Рязани от нее не уйдет.

Единственное – неудобно к нему без имени-отчества обращаться, а Данила опять забыл, как его зовут. Надо у гитариста спросить.

Данила повернулся к Галатину, и тут ему показалось, что Галатин вдруг яростно набросился на него и отшвырнул, подмяв под себя.

На самом деле «газель», обгоняя кого-то на скользкой дороге, не успела увернуться от встречного грузовика, ударилась и закувыркалась с такой легкостью и быстротой, будто была игрушечная, она порхала, не касаясь земли, потом еще и на земле несколько раз перевернулась и, грохнувшись в последний раз, застыла на белом снегу у лесополосы, похожая на большое черное убитое животное.

Внутри никто ничего не успел понять, не успел ощутить даже ужаса, так быстро все произошло.

Тишина, темнота, неподвижность. Капает какая-то жидкость из пробитой емкости. Равномерно, как метроном. И ты еще не знаешь, жив или нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ганна. Рэп-баллада

Эта девочка лет с десяти знала, куда идти, конечно, в актрисы.

Не то чтобы ее манили сцена, экран, площадки, кулисы, слава, известность, яркая жизнь, знакомство со знаменитостями, просто судьба так шилась – уверенными и точными ниточками, четким узором – отличница, красавица, посмотришь в зеркало, и оно говорит: ты актриса, а кто же еще, дело верное!

Да и другие, любуясь, твердят: наша Анечка гарантированная звезда, и Аня видела свое блестящее будущее так, будто жила там всегда.

Для верности она переименовала себя в Ганну, это оригинальней.

Папа, долгопрудненский светило медицины перинатальной, был не против, а мама слегка сомневалась, пугливая, как все учительницы, которые вечно видят подвох и провокацию в окружающей действительности. Короче, все были во всем уверены, ну, или почти.

Кто слушает или читает, это слово учти.

Почти – это рядом, почти – это близко.

Брильянт со стразом похожи бликом.

Дым без огня или пламя без дыма?

Мимо меня – или сам я мимо?

Закон природы, забой заботы,
но не бывает, таков секрет,
почти таланта, почти свободы –
или имеются, или нет.

Она легко поступила в театральный вуз, и учеба для Ганны была веселой, бодрой и легкой, как простейшие гаммы.

Мастер выделил ее во всех смыслах, она была с ним почтительно нежна, он почти любил ее, но у него было много работы, творчества и жена.

И вот она в театре, и есть хорошие роли,
есть съемки в сериалах, где она пока на второе –
подруга героини или мимолетная любовница,
а годы так летят, что не успеешь опомниться.

Ей почти тридцать пять, у нее почти все хорошо, хоть не всегда узнают в лицо,
но кого узнают, скажите, – мелко мелет популярности колесо,
она почти довольна, у нее отличная машина, почти новая, быстрая,
квартира почти в центре и почти знаменитый друг, тоже из артистов.
Но однажды, выпив упаковку таблеток, что ей дали от легкой депрессии,
она решила, резать ей вены или повеситься.

Пришел друг, и ее спасли.

И в этом уже не было никакого почти.

Мне эту история рассказала знакомая, ее отвлекли, я не знаю финала,
а спрашивать не стал, мне начала всегда хватало,
потому что дальше в моих силах осчастливить ее и спасти:
всем известно, что в наших фантазиях нет никакого почти.

Мне приятно думать, что, Ганна, устав от творческих затей,
удачно вышла замуж, имеет двух прекрасных детей,
занимается кулинарией, ведет блог регулярно,
и, имея две тысячи пятьсот тридцать четыре подписчика, вполне популярна,
и только иногда во сне, поволновавшись на ночь или чуточку переев,
она слышит, ворочаясь, дурацкий припев:

Почти – это рядом, почти – это близко.

Брильянт со стразом похожи бликом.

Дым без огня или пламя без дыма?

Мимо меня – или сам я мимо?

Закон природы, забой заботы,

но не бывает, таков секрет,

почти таланта, почти свободы –

или имеются, или нет.

Постскриптум. Если думаете, что я на простую жизнь клевету и гнусно, и густо,
попроситесь на ужин к Ганне, – знали бы вы, какая у нее тушеная капуста!

С картошкой и колбасками. Гениально без почти.

Ганна, ты слышишь? Прости.

К тому же, Флобер сказал, всех авторов извиня:

«Мадам Бовари – про меня».

Ия КИВА

* * *

самое странное, что проявилось во времени в эти шесть лет, –
это сны о войне разрушающие
все свидетельства

это было так грязно
что мыло воображения просто не пенится

и мы складываем его по углам воспоминаний
чтобы сменять, когда хлебобобы воскреснут

так надрезают детскую щеку реальности ножичком кошмара
– и кровь вытекает в тебя,
заполняя будущее как ржавую ванну

и в воде, оплодотворенной духом забвения
начинают звучать мои стершиеся имена

я баба с мутным лицом в сальном платке
убегающая по келоидному рубцу железной дороги
в переполненное человеческой вонью пространство
сворачивающееся в самокрутку вагона

я солдатик в казарме заваленной
снегом как рвотой вперемешку с бинтами
и никто мне не скажет что мы давно впечатаны смертью
на первый-второй в не первый-второй слой чернозема
и не можем оттуда проснуться

я человек которого поезд затягивает
в петлю дыма в душном концлагере
и пока я дышу вижу как карлик танцует
смерть мою на культе и костыле

Ия Кива родилась (1984) и выросла в Донецке. С 2014 года живет в Киеве. Пишет на русском и украинском языках. Стихи, рецензии и переводы публиковались в журналах «Воздух», «Новая Юность», «Новый мир», «Крещатик», «Октябрь», «Интерпоэзия», «©ююз Писателей», в интернет-изданиях «Цирк "Олимп"», «Артикуляция», «Двоеточие», TextOnly и др. Стихи переведены на 15 языков. Автор книг стихов «Подальше от рая» (2018) и «Перша сторінка зими» (2019), а также книги интервью с белорусскими авторами «Ми прокинемось іншими: розмови з сучасними білоруськими письменниками про минуле, теперішні і майбутнє Білорусі» (2021). Перевела роман Марии Галиной «Автохтоны» на украинский язык (2016), переводит современную украинскую (на рус.), белорусскую и польскую поэзию (на укр. и рус.). Предыдущая публикация в «Волге» – 2020, № 11-12.

я земля засеянная сквозными глазами
и из этой земли так много дверей на ладони
что обманом меня каждый раз везут на убой

и когда вода заливают мне горло
я учусь отворять ей рот без языка

***

вырастить ветер
у этого дуба

а у того дуба
дать волю степи

как крепостной

ловить волосы вольности
на иголку

ковырять ею ранку
запекшейся памяти

на самом краешке
детства

как в колесе
обозрения

***

здесь
на пересечении четырех парков
восстают деревья горящие
и отправляют огонь сообщения никому

они просто горят
словно город разворачивающий события
как посылку из далекой страны

где огонь говорит за себя
как ребенок
одними глазами

и во взгляде его пожар слепоты
застывает онейрической вспышкой
присутствия постепенного
как вода обручальная

говори и ты зажигалка
своим укороченным языком
о деревьях источающих яд

говори и ты узкое имя
о любви убывающей из родников
нашей отверженной речи

говори и ты огонь
встающий в дерево
как память во власть
об искажении горизонта

говори и ты память
о родинках первого снега
на почерневшей коже зимы

говори и ты снег
как ткачиха нежного воздуха
о колыбели мгновений

говори и ты воздух
играющий в прятки с деревьями
о невозможности прошлого

говори и ты
на пересечении четырех парков
знающих в языке друг друга
только огонь

***

бабушкино платье блестело как новогодняя елка
с рукавами-фонариками с большим лифом
в который мне нечего было положить

это как оказаться внутри большого воздушного шара
и полететь вперед головой

нежно-розовое как кисель
от него в детском саду неизменно тошнило

до самой независимости я ходила в платьях бабушек
пока родителей не было дома
меряла мамины туфли на шпильке
которые всю жизнь простояли в шкафу
как сервиз для особого случая

но какие могут быть особые случаи
в жизни рядового советского человека

родители уже поженились
их родители уже умерли
я уже родилась

и туфли отдали чужим людям
как обещание праздника

и я стала скручивать шеи папиным галстукам
и пристраивать их к своему лицу
а потом ходить в его кожаном пиджаке
и учиться его черно-белой музыке

но в пятнадцать лет руки сломались
и музыку пришлось отдать чужим людям
как обещание держаться за жизнь
негнушимися деревянными пальцами

с тех пор я слушаю мир как пластинку
с долгой сказкой из детства
и хожу по нему без одежды
за маму за папу за бабушек за себя

***

переосмысление футбольного поля –
камерный жест

древа жизни в центре Европы
желанию разверзающемуся недостаточно

мы конвертируем любопытство
в ржавый мох событийности
в утробное отсутствие слов

и за изнанкой зрачка
ломаем ветви действительности

мы говорим :новая этика:
будто из языка можно вырваться

мы говорим :новое: так
будто растем в переменчивый воздух

из коры в кору переодеваясь
как сахарные невольники
танцую на цыпочках колких листьев

освобождая любовью
удаление вещи
в новое качество времени

как музыку-черновик

Отраженный свет

яблоня добропорядочности плодоносит стволами
распиливая дни недели на фарфоровые фигурки добра и зла

если правильно выбрать освещение – танец луны убыстряется
и собачий лай звучит как голодная песня освобождения

о моисей расскажи нам о жизни простой и праздной
посади нас на цепь заботы о благе мира и града
порази нас умом словно семенем подорожника

и мы зацветем как терновый крыжовенный куст
и солнца проглотим свет отраженный
мякоть за мякотью пока не ослепнем

а внутри темноты мы язык отрежем у милосердия
как бирку срезают с ношеной шубы
и гвоздями забьем того кто нарушит молчание

а пока из косточки страха мы вынем чувство победы
и в грубо сколоченных ящиках насилие повезем
как спелые яблоки на базар наших кошмаров

урожай – время святое
и мы чтим его как умеем
этот мертвенный час нашего равенства

так что ударь сильнее ударь в колокол невозможности
стать священным органом и светлой музыкой

бей в него всякий раз
как почувствуешь кислый вкус яблок во рту
словно собственный голос за краем горы

разнеси этот звон как заразу ложных движений
на доске о которую мел тьму сокрушает

а когда на руках расцветут розы печали
положи их в огонь праведной жертвенности
как в землю спасенное тело

мы же наш урожай съедим без тебя

Кирилл КОРЧАГИН

12 СТАДИЙ БЛИЗОСТИ

I

Новое – то, что накатывается после того, как
проходят малозаметные перемены,
создающие иллюзию того, что вариации
незначительны, что время застыло
остановившимся дуновением
полдня, над плоскими облаками,
над плоской землей.

До пустыни еще далеко, но уже отсюда
видно как стена опоясывает пустыню,
как вьется она по холмам – киртимукха,
сисиутль с двумя симметричными пастями,
выплевывает грешников через ряды кпп.
Новое как столкновение старых историй,
утомительных и почти забытых,
редактура воспоминаний, проносящийся
атомобиль с упоротыми пассажирами –
стена повсюду, насколько хватает глаз.

И вот ему снилось, как на берег какой-то реки
поднимается три человека в маскхалатах,
хорошо экипированные, с голубыми глазами,
отражающими переплески воды.

И как они делают привал на берегу под сенью
неясных растений, и как через какое-то время
за ними поднимаются из воды три бомжа
и ножами режут троих в маскхалатах.

И он проснулся, и это сон, и, просыпаясь,
он ощущает, как кожа горит от восточного
ветра, а песок просачивается сквозь ставни,
вырастает под дверью, и в этом сне просыпаясь,
он видит сон.

Кирилл Корчагин родился в 1986 году в Москве. Окончил московский институт радиотехники, электроники и информатики. Кандидат филологических наук. Старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Института языкознания РАН, редактор отдела книжной хроники журнала поэзии «Воздух». Публиковался в журналах «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Знамя», «Воздух», Russian Literature и др. Автор двух книг стихов, сборника статей и книги переводов. Премия Андрея Белого в номинации «литературная критика и проекты» (2013).

2

В закатном свете собственная жизнь
кажется несколько иной: смена освещения,
угла наклона светила, голубая дорога воды
превращена в поверхность, по которой
скользить вплоть до ночи, чтобы утром
не находить себе места, хвататься
за все, что хоть немного
обещает освобождение, и в полдень,
сдирающий скальпы, узнать:
освобождение невозможно.

И вот на темной тусовке где-то недалеко от Язуы
я вижу их в пепельном свете –
братьев, стоящих у колесниц;
как движутся они среди подрагивающих людей,
как собирают оружие по углам,
просыпаются в подступающую зарю.
И после можно вернуться домой,
в расколотый надвое мир,
где движутся волны над волнами,
и пласты земли, вывороченной экскаваторами,
тихо зовут друг друга.

Я больше их не встречал,
только однажды в метро
на пересадке в толпе
кто-то из них показался,
чтобы совсем исчезнуть
темным пятном на млечном пути.

3

И вот под всеми звездами,
развешанными полотном,
они стоят, москвичи,
и в небе над ними
глазницы конского черепа,
откуда смотрит их прошлое,
вытекают несделанные дела,
непосещенные страны,
несбывшиеся любовники
и поездами отправляются к югу
самые уставшие, самые преданные друзья
сквозь дождевой воздух осени,
куда они вышли и уже не вернутся,

где гуляют по паркам
        в обваливающейся листве
наши бывшие с нашим прошлым переплетаясь,
и глазницы, просвечивающие дома,
талую ночь пронзают звездами юга,
        текут сквозь туман как грезы
выхлопов автомобильных: остановись,
        полежи у цветов привокзальных,
посмотри, как проплывают они,
        красавицы севера, как тянут
свой запах бомжи вдоль улицы
поездом в южную ночь, и всё,
        что можно увидеть,
        увидишь – и поплывешь
звездами в наступающий полдень.

4

Я хотел опросить все голоса, говорящие
на этих страницах, откуда они, зачем
произносят все это: вот один из них
не может определиться, зачем повторяет
слова из остывших, но готовых взорваться
книг о том, как невнятные люди
в пустыне, переходящей в отельные
пляжи, выясняют, как они оказались здесь,
когда вечером отступает жара.

Среди них есть такой, кто разрезает
ладшафт за ландшафтом,
вкатываясь в нашу спальню
слишком темным утром, и кто наблюдает,
как слипаются тучи над протянутыми
полями и то, как они снова на колесницах
у бара тусят.

И турист, заблудившийся среди размола
кладбища, где сплетение эстакад,
бродячие псы у табачных лавок,
упаковок и мебели рвани,
и он же где-то на озере смотрит
как медленно, невыносимо быстро
опадает природа, раскрывая
навязчивый сон, где уже все прошло
и едва ли начнется снова –

все или кто-то еще? Пусть ответят

5

(и решил спеть, на русский мотив)

переплещется звездной борзой
ветер, обойдет маяки дождь,
по предгорьям темным проникнет
человек смуглокожий в долину
петь на закате о нас

о том, что мга дождевая ползет
по корням, в глинистой почве вязнет,
мы в нее превратимся, и в старом пальто
кто-то искать нас будет в лесу,
повторяя: вот движение облаков,

слоистость дорог с расщепом
воды, выступающих пбтом
на спинах велосипедистов,
затвердевающих в ходе улиток
под провалами грозowymi,

а мы отправлялись в новую
прогорающую зарю, возвращались
к пропитанным топливом водоемам,
дружили с майским жуком, и гром
блуждал между капель:

так сворачивалось время теплым
щенком, тишиной в ухо дышало
на увалах волглого сна, заодно
с исчезающими нами, сверканием
в перерезающих проводах.

6

И вот снится *Connaught place*,
героиновый шик девяностых,
переулки, раздвигающиеся
в слякотные ротонды, бары
с колониальной историей,
сякнущие в садах, людных
как московское метро,
и *cup of tea* рядом с пожилыми
сутенерами, похожими на левых
интеллектуалов Луи Малля.

Это место, откуда нельзя вернуться,
поселилось во снах, оно поглощает

настоящее всех заблудившихся здесь,
перемалывает новое в неистовую
строительную зарю, и после полудня
наши движения увязают в стеклах
испариной помещений.

Здесь всегда очевидно, что ветер
приходит со стороны океана:
от горящей пустыни,
и, упираясь в предгорья,
выпадает над окружающей
прогорклым туманом,
металлически трогает воды,
но и дышит среди расщепы
жизни, всей этой.

7

С моими подругами мы всегда напоминали
русскую пару из «Волшебной горы»:
какая-то возня за стеной, выкрики,
хлопают двери, и всем неудобно,

и потом всегда непонятно – то ли уйти
то ли жениться, и все время по дороге
домой в такси повторяешь: уйти, жениться,
жениться, уйти и даже в кутузовском загсе

повторяешь все те же два слова, и всплески
ветров на волнах сереющих рек вроде бы
вторят нашим птичкам московским,
бредущим в кино, блюющим после премьеры –

я скучаю по вам, девушки моей юности,
на огромных каблах, поводящие бедрами
из стороны в сторону: только кресла кино-
театров сохраняют ваш смутный запах,

льется за вами река из разбитых сердец,
слипшихся в большую историю, и потоки
дыхания струятся от гопарей, забвением
затопляя наши неловкие сцены.

8

С берега в клевере отзвуки видно рыжие
скалы, как они становятся выше чем ближе
на запад и снижаются с небом как некогда,

где пальмы скалистого берега пропускают
дыханье сквозь нас, выплескиваясь
на складчатое побережье, и жженье
проникает в тебя постепенно, и уже
видишь ясно как днем, пока я ищу
подходящую сцену: как сухие травы
нас жгли, как я все хотел
разлиться течением вечности
по стекленеющим водам
или впитаться в песок,
и вот увидел зеленую гору и как будто она
неподвижна, но ведь она движется
быстрее чем самый порывистый ветер,
и когда раскололся воздух, так вышло
что осень уже наступила.

9

Среди нас была и такая, которая путала
сон и пробуждение, ее затапливало волнами
света с каждой переменной погоды,
ей снились окровавленные люди
в шагающих танках, соленый пот
невероятной армии будущего,

но была и другая: целый сезон она оставалась
красавицей обеих столиц, откуда-то
из территорий, где скоро начнется война,
и что-то ей тоже снилось, и в общем-то все мы
очнулись внутри ее сна:
где на поле мужчины и женщины
бьются вместо враждующих кланов,
где отступающих травят собаками,
и победа не за горами –

их обеих я знал в тот год, когда
москвичи, просыпаясь ночью,
наблюдали над сити одиннадцать
звезд и луну, и солнце, и все они
там были одновременно.

10

Сначала закончился сезон улиток:
их раздавленные панцири въелись
в дорогу, затем лягушки перестали
тонуть в колодце и петь, комары
затихли, водохранилище глухо звать

над затопленными лесами и обрывки
тумана летать по полям.

И на закате он говорил сам с собой:
Я был сокровищем потаенным, но хотел,
чтобы узнали меня, и создал творение
и узнали меня. И растекался светом
по всем окрестным дворам и в каждой
выбоине дорожной звал кого-то,
переплавлялся в гудение воздуха,
темные росчерки птиц, ясные
доказательства собственных теорем.

И склонялись самые высокие борщевики,
впрыскивали успокоительный свет
и гудели всю ночь над ним до рассвета
пока лежал он, вплывая в воздух
восточного сна, где пыльные люди
преследуют друг друга среди редкой
зелени, стекла стерильной пустыни.

II

И я лежу, где плевки шавермы,
где сквозь огни переливаются
девочки, мальчики – я с ними работал
в медиахолдинге «большой поэт»,
на парапете, недалеко от тоски
и надежды, вытекающих из дверей
на Курском вокзале, где все время
одиннадцать звезд горят
над еврокафе и луна, и ветер
соскальзывает с восходящего солнца,
напоминая, как пахнут вещи
квартир на окраине, те, что приходят
к спящим за пару минут до рассвета;
и я вижу их всех, пока мимо меня
проходят друзья, и держат
в руках напитки всех стран,
и любовью всех стран себя отравляют,
и один наверное оставит
теплую банку, и в рукав
я спрячу ее, пока не увидят,
чтобы давиться сладким ее теплом
как давился ты
кристаллами ночи в шхерах
студии в сити, где с высоты видно всех
и меня, и как я лежу, и плевки весны,
и скрученной ночи выхарки,
невдалеке от ментов жгущие землю.

12

Безумие в горах. Не только
звезды, но и джинны окраин:

когда возвращались, нам рассказали
историю о пастухе. Среди гор он встретил
школьную любовь, к дому которой
поднимался каждый день по самой
крутой тропе, где уже осыпается
галька, поднимался снова и снова,
когда уезжала она, возвращалась и снова.

И вот прошло десять, двадцать лет:
он встретил ее и мужа ее,
еврея из Джорджтауна,
и всю ночь носил его голову
в пастушеской сумке,
и голова говорила с ним,
шептала что-то о том, как идет он
где-то по улице Руставелли,
и его ослепляют каштаны,
и ветер с реки, и весна;

водоемы Москвы, карликовые пороги –
всё, что струится, и эта почва,
и расколовшийся вечер – вас не так уж
много, но не всех я помню, скатывающихся
по холмам в пригородах Неверленда,
где слишком ясное небо или разрывы туч,
где даже джинны веруют в единого Бога,
зеленцой заволакивая наши глаза.

Владимир КОШЕЛЕВ

Элегия Фрэнсиса Бэкона

Что остаётся? Рыба твоего рта
Заржавела, как вентиль,
В ткани моццетты дёргается гортань
Винтоватая, – жив ли ты, Иннокентий?

Ты уже цвета судороги, Папочка, хватит, вставай –
Радиатор почти что ноги твои докушал,
Мышцы подола порваны, как словарь,
В котором смешались стужа, жара и ужас.

Дай посмотреть очки. Они тебе не нужны, –
Громадина фона просится из потёмок,
Да так что потомки за? спину отошли,
Оставив твоё лицо, Броненосец Потёмкин.

В подворотнях обочины *In Dark Trees*

Фотообыск без следствия: кадр
Остановленный, т. е. – авто
Чёрно-белого камня, и камень
С теньвым своим Санчо – одно:
– Направление? – Северо-запад.
– Солнце село уже всё равно,
Оставайтесь на месте. Мы рядом.
Улыбнитесь – двойное стекло
Очень хрупкое, лучше не надо, –
Обездвиженный эмбиент от –
Зафиксирован – это немало –
От асфальта, как ниточки пара,
Словно пот ваш, но наоборот.

Владимир Кошелев родился в 2000 году в Воронеже. Окончил гимназию и художественную школу, в 2018 году поступил в Литературный институт им. Горького (семинар Е.Б. Рейна). Состоит в арт-группировке «За Стеной», редактор сетевого журнала «Флаги». Публиковался в журналах «Воздух», «Плавающий мост», на «Студии» «Новой карты русской литературы». Шорт-лист молодёжной поэтической премии «Цикада» (2021). Живёт в Москве.

GEO

то ли стрелки воды, и за каждой хвосты и колготы,
то ли осы подземные там, где балетные соты

потому-то оно под ногами, как дым, копошится
и похоже на мутное дно безвоздушного шприца

так вода остаётся бродить в гостевых лабиринтах,
щепетильных кругах и значениях, литрах и пинтах

потому-то земля высыхает, но с верхнего бока,
как корова упавшая навзничь от нашего тока

то же время пришло и уже поднимает касторку
сквозь сухую листву, будто небо в закрытую створку

то же небо настолько с другой стороны, что упали
то ли стрелки воды, то ли прочие вверх вертикали

***

...опять снега...

А. Блок

С.Д.

сними через голову степь: окно
с шеи сначала, как
мокрое платье своё, кино,
плёнку от молока

долго стесняется ночь ч/б
тела в проёме дня,
но всё равно отдаёт тебе
себя на рентгене огня

между деревьев чужой объём
воздуха: колесом
грудь его давит на вас вдвоём,
точно впотьмах – лицо

Лицо восковых имён

*Мёртвые принадлежат нам, если мы им это позволяем.
Поверьте мне, наши мертвецы продолжают жить.*

Жюльен Давенн

I. Горячее имя

собакам ты снилась, когда они в форме подков
остывали под брызгами лопнувших поводков;
мне ты приснилась, когда я расчёсывал пар
и заблудился, не вышел в оптический парк

вместо него на воздух, как бусы, мост
кто-то повесил, видимый спинной мозг,
импульсы жаркие мечет туда-сюда, –
я видел тебя в пробелах его труда

пятно восковое, рембрандтовский мазок
поверх темноты, как будто сплошной глазок,
маешься телом неоновом светляка,
севшего на руку медленного ветряка

где между этими паузами дышишь ты,
падаешь в полные скважинами кусты,
многоступенчатый ключ, открывай чердак,
там, где лежит нарисованная черта

II. Объёмное имя

от пола она отрывается, как спина
кошачья, и вижу – арка под ней темна,
будто на фоне грозы посмотрел в кольцо,
из которой всплывает следующее лицо

стеклянный стою и пробую поцеловать:
ноги-бутылки лопаются, в целлофан
я превращаюсь, чувствуя, что теперь
во мне ошиваешься, точно пустая дверь

будучи вязким парусом волокна,
я двигался к берегу маленького окна,
в нём ты блестела без тела, и кажется мне,
что не отражение это – маяк в окне

мы сблизились, стали полными, как стакан,
дно у которого кто-то прибрал к рукам, –
что я увижу в подзорной своей трубе,
то, вероятно, слышит труба в тебе

III. Чужое имя

сердце от ветра бьётся, как простыня
на верёвке, чья линия – стрелочка для меня
в компасе-яме, я – осторожный циркач,
успел ухватиться, и вытащил нас тягач

ты испугалась, стала воронкой от
того, чем являлась; эхо наоборот
доходит, и я понимаю, что слышу, как
тень от моста упала на пол в чердак

слышу, как вдалеке раздаётся шум,
смола поднимается, я уже не дышу,
и лето густое, ноги мои смешав,
ставит в два хода мат, и раздался шах

слышу, как крыльев огромных вошёл хлопок
в смолу и не вышел, я почему-то смолк,
последнее вижу: янтарь и двубортный свет,
так бабочка спит, как собранный велосипед

На мотив стадиона

мы на теле твоём
как на камбале пыльной плывём
и воздушный объём
обезглавленным львом обзовём

потому что не съест и пришпоренный буйствует шар
как

тюрбан с головы мы убили тебя падишах

мы прозрачный предел обнаружим в пространстве шатра
чья шкатулка как ночь европейской булавкой щедра

и на шпагах своих мы качаем последний удар
точно всплеск в тишине и лягушку внутри у пруда

мы на теле твоём
как на камбале пыльной плывём
и воздушный объём
назовём внеземным королём

Медведь

В один из дней индейского лета я иду по парку. Под ногами – пестрый ковер опавшей листвы. Прищуришь глаза, деревья превращаются в цветные пятна – зеленые, желтые, оранжевые. В тишине слышно, как белка, шорхнув листвой, схватит желудь и взлетит по дереву. Вцепившись коготками в кору, замрет на секунду-другую, потом новый бросок вверх.

Боковым зрением я замечаю, как справа от меня что-то темное движется в просветах между деревьями. Побежит на четырех лапах, потом встанет на задние за ствол, вытянется, чтобы не заметили. Выждав, пока я пройду дальше, бежит к следующему дереву. Медведь! И вот он уже рядом. Встав во весь рост, разбросал лапы, закинув голову и раскрыв пасть, рычит, но не угрожающе, а словно радуясь тому, что обман удался, жертва не ушла.

Я пытаюсь бежать, но окаменевших ног не оторвать от земли. Когда чудовище обрушивается на меня, я успеваю ощутить его обжигающее дыхание, потом его челюсти сходятся на моей шее.

Мир меркнет.

О, Господи, что же это со мной? Мне невыносимо тесно. Я сдавлен со всех сторон. Дышать тяжело. Видимо, медведь проглотил меня целиком, потому что я по-прежнему ощущаю все свое тело. С трудом, но двигаю им. Мир, размытый хрусталиками близоруких медвежьих глаз, начинает медленно проступать передо мной в узнаваемых деталях.

Замерев за большим каштаном, мы смотрим на аллею. Мы слышим шорох листвы под чьими-то ногами. Звук становится все отчетливее. Ш-шурх, ш-шурх, ш-шурх. Выглядываем – это женщина! Ее рыжие волосы горят на солнце. Мама! «Мама, – хочется кричать мне, – беги! Беги!» О-о, как я хочу вырваться из своего мучительного плена! «Мама!» Она не слышит, а медведь поглаживает себя по груди, словно хочет успокоить меня.

Он легко перебегает к следующему дереву, потом еще к одному, а когда мать совсем недалеко, ступает на аллею и, зарывчав, поднимается на задние лапы.

Мать замирает. Сбив пепел с сигареты, отбрасывает ее. Да, да, она курит, я знаю, это – ужасно, но ничего не могу поделать, да и какая теперь разница?! Откинув челку со лба, отступает. Едва заметно пригнувшись, она достает из сапога тонкое длинное лезвие и прячет его за спиной. Медведь, кажется, этого не замечает. Или не понимает, что она делает. Еще бы! Далеко не каждый посетитель парка носит в сапоге клинок настоящей дамасской стали! Медведь встает на задние лапы, поднимает передние, страшно мотая косматой головой, рычит и делает роковой шаг. Его рев оглушает меня, и я чувствую, как ледяная игла колет мое сердце.

– Сыночка-а, – слышу я голос матери. – Просыпайся!

Я открываю глаза. Мать стоит надо мной. Солнце льется в открытое окно.

– Мама, – говорю я, – ты убила медведя?

– Медведя? – как будто удивляется она. – Какого медведя?

– Который напал на меня, а потом на тебя.

– А-а, этого. Этого, конечно. Вставай!

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

НЛО

На Новый год папа покупает НЛО. Его доставляют в большой картонной коробке с надписью «Неопознанный летающий объект. Версия 0.1. Сделано в Китае». Все остальное – крохотными иероглифами – без словаря не разберешься.

Мы освобождаем НЛО от упаковки. Это плоский черный диск около метра в диаметре, толщиной в несколько дюймов. Время от времени на нем вспыхивают крохотные огоньки. В комплекте – пульт дистанционного управления.

Папа нажимает кнопку «вверх». Диск послушно отрывается от пола и висит на высоте пяти футов. Внезапно из него вырывается плоский голубой луч, который сканирует папу, потом нас.

– Это он с нами знакомится, – объясняет папа.

Он дает команду НЛО опуститься на пол, но вместо этого черный диск медленно облетает гостиную, затем направляется в столовую, оттуда – в кухню, потом посещает одну за другой наши спальни и ванные комнаты. Мы ходим за ним по пятам, при этом папа безостановочно давит на кнопки – НЛО совершенно не реагирует на его команды. Наконец диск замирает на том же месте, с которого отправился в свой первый полет.

– Китайское барахло! – в сердцах папа бросает бесполезный пульт.

После этого он пытается вернуть НЛО в коробку, но оказывается, что теперь его невозможно сдвинуть с места! Папа утирает вспотевший лоб. Что-то тут не так!

– Надо позвонить им, и пусть вернут деньги! – советует дед. – Вещица явно бракованная.

Первой общий язык с НЛО устанавливает бабушка. Как выясняется, черный диск прекрасно реагирует на ее голос.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – зовет его бабушка, и НЛО послушно следует за ней. Проходит совсем немного времени и она уже пользуется им как столиком. Сначала, накрыв его красивой кружевной салфеткой, они с дедом пьют за ним чай, потом играют на нем в домино. Когда дед бьет камнем по черной поверхности. НЛО звонким детским голосом кричит: «Рыба!» и хохочет.

– Вот же, шалопай! – бабушка перемешивает камни для новой партии.

Следующими с инопланетянами устанавливаем связь мы с Антоном. Мы забираемся на диск, и он катает нас по дому. Возвращаясь к отправной точке маршрута, он звенит как старомодный трамвай и объявляет дедушкиным голосом:

– Автовокзал, Староконный рынок. Вагон идет в депо.

Мы спрыгиваем с НЛО и, дождавшись, пока на нем загорятся зеленые лампочки, залезаем снова.

В пути НЛО исполняет популярные мелодии из мультфильмов, сквозь которые до нас долетают отрывки папиных телефонных переговоров: «Нет! Нет! Я не говорю по-китайски!» Или: «Ну, хоть инструкцию вы можете мне прислать?!»

Перед ужином папа сообщает, что фирма-изготовитель НЛО закрылась и обращаться с претензиями не к кому.

– Фирма-ширма! – говорит дедушка. – Какой-то китаец из Флашинга нашел эту штуковину на мусорке, продал ее на вашей интернет-барахолке и теперь – ищи-свищи!

Ночью я просыпаюсь от холода. Укутавшись в одеяло, подхожу к открытому окну. НЛО висит над заснеженным двором, по краям которого я замечаю движение. Я всматриваюсь. Это – еноты. Я узнаю их по полосатым хвостам. Никогда не представлял, что их так много в нашем районе! Их становится все больше, и прибывающие выталкивают из темноты тех, кто уже давно во дворе. Э-а, да тут не только еноты! Я вижу зайцев, пару-тройку опоссумов и еще – джину соседских котов. Но что привело их сюда?!

Вдруг НЛО окрашивается в чудесный оранжево-сиреневый цвет. Он меняется в оттенках, и животные замирают, замороженные им, как путник, увидевший в бескрайней степи спасительный огонек дома.

Свет НЛО становится ярче, ярче, и теперь мне хорошо видно, как каждый енот, каждый зайчик и дворовая кошка, вытянувшись в струнку, прикладывают правую переднюю лапку к виску, а скорее, к уху, отдавая свою звериную честь воздушному огню.

И вдруг огонь начинает подниматься. Выше, еще выше, быстрее, быстрее, потом ослепительно вспыхивает и превращается в далекую звезду, одну из мириад сияющих над нами.

И тогда вся окрестность оглашается горьким-горьким то ли воем, то ли плачем, каким плачет потерявшаяся в безбрежной вселенной душа бедного странника. Горячие слезы брызжут у меня из глаз, и я присоединяюсь к общему хору.

Пляж тысячи соборов

Мы едем по стране гортензий, эвкалиптов и кукурузы. Отец – за рулем, мать с картой в руках, подсказывает ему направление. Наш путь лежит к Пляжу тысячи соборов. Во время отлива огромные скалы поднимаются там к небу, как шпили огромных соборов.

Каждые десять минут мама торжественно объявляет: до Пляжа тысячи соборов осталось 100 миль! И подмигивает мне, сидящему на заднем сиденье.

Когда до пляжа остается 10 миль, мы въезжаем в туман. Сначала еще по его краям различимы деревья и дома, но скоро все исчезает в белой дымке. Папа снижает скорость и докладывает, что едва различает желтую разделительную полосу на дороге. Иногда слева перед нами появляются и исчезают сопровождаемые тревожными вскриками сирены два желтых пятна. Это – фары встречных машин.

Внезапно справа возникают черные рогатые головы. «Му-у-у», – плачут они, как и мы, потеряв ориентацию. Слева блеет кто-то невидимый и возможно тоже рогатый.

Наконец туман становится реже и мы видим зеленую вывеску: «Пляж тысячи соборов».

«Приехали!» Мама хлопает в ладоши.

Оставив машину, мы идем к берегу. Пляж – под нами. Вода отступила, и мы видим поднимающиеся из песка скалы. Они не похожи на соборы. Они похожи на суставчатые пальцы каменного великана, который пытался ухватиться за берег, но песок засосал его. Остались одни пальцы.

Мы спускаемся на пляж и ходим между наклонных столбов. Они покрыты мелкими черными ракушками и зелеными водорослями. О том, где начинается океан, можно судить по узкой полосе кипящего недалеке прибоя.

Родители фотографируются на фоне скал. Мама принимает смешные позы, изображая то бегуна, то прыгуна, то балерину. Туман между тем возвращается. Мы пытаемся найти дорогу назад по оставшимся на песке следам, но проступившая из-под него вода растворила их. Разбросанные тут и там лужи растут на глазах и сливаются в одну большую. Вода уже доходит до щиколок. Вельсье покидает лицо мамы.

– Как же мы отсюда выберемся? – спрашивает она.

– По навигатору, – уверенно отвечает папа и достает телефон.

Где-то далеко, не понять где, звонит колокол.

– Ну и дела, – говорит папа, медленно растворяясь в воздухе.

– Что случилось? – спрашивает тоже уже невидимая мама.

– Батарейка села. Наверное от сырости. Но это не беда, главное не терять самообладание.

– Хоть бы друг друга не потерять, – говорит мама. Она крепко сжимает мою руку, и это меня немного успокаивает.

Павел ДЕМИДОВ

КУПЛЕТЫ НА ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

***

Как только лошадь заговорит –
Бегут к ней няньки.
И с ними брадатый митрополит
С медузой в склянке.
Они измеряют её свободу
Линейкой долгой.
Они приносят вино и воду
Ведром и Волгой.
По вечерам ей читают книгу
О послушаньи.
И если кивает она и молчит –
Повышают в звании.

***

Лежит собака на полу,
В собачьей позе развалилась.
Я пригласил её к столу.
Она ничуть не удивилась.

Втыкает вилки острие
В котлету и хвостом виляет,
И приглашение моё
Её ничуть не удивляет.

Она молчит, и я молчу.
Она жуёт коврижку с маком.
Кефир подлил, зажег свечу.
Кефир так нравится собакам.

Павел Демидов родился в городе Кургане в 1969 году. Детство провел в Украине под Одессой. Закончил Иркутское театральное училище, в девяностых годах жил в Санкт-Петербурге, переехал в США в 1997 году. Живет в Калифорнии. Работает психологом поведения. В России печатался в журналах «Воздух», TextOnly, «Полутона». В 2019 году вышла книга стихов «Гнездо пешехода».

Я за ножом её слежу,
За поглощением чебурека.
Собака ест, а я сижу
В нелепой позе человека.

Сидоров

1.

У реки, где Сидоров и дзен,
Где от акварели все нечётко,
Не понять, какой сегодня день,
Отраженья это или лодка.

Тихо, чтобы рыбу не спугнуть,
Облако пересекает реку,
Проложив для Сидорова путь,
Недоступный всеу человеку.

2.

Декарт задумался, а Сидоров не смог
И жизнь свою прожил не по порядку.
При слове «лист» он представлял вилок,
А не тетрадку.

Он радовался шишке и сморчку,
Чему Декарт не знал бы применения.
Как можно – рыболовному крючку
Без уравниенья?!

И в день, когда природе хорошо,
А богу сладко,
Декарт задумался, а Сидоров ушел
Весь, без остатка.

3.

День на глаз, судьба на вес,
Сидоров на букву «эс»,
А за Сидоровым лес.

Где-то, вскопан и прополот,
Мается районный город,
Без причины выпить повод.

Но в пространстве меж деревьями
Ходят одиночки семьями
И животные, что с перьями.

Ходят вниз и ходят вверх,
Ходят в небе без помех,
Проще и бессмертней всех.

Ходят за спиной у Сидорова,
Существа досель невиданного.

***

Откуда столько пешеходов
И столько ног?
Кто их прогнал из коридоров
На снег дорог?
Истоптан каждый переулок.
Следы, следы...
В той бесконечности прогулок
Где я и ты?

***

Сосчитай все окна, затем умножь
Каждое на пару глаз и на острый нож,
Прибавь фикус на подоконнике и начищенные сапоги.
Записал ответ? Проглоти записанное. Беги.
Слейся с улицей, глаз не поднимай, молись
За соратников, за друзей, что перевелись,
И, если повезёт и страж ещё не закрыл врата,
Окажешься в парке, где одна скамейка не занята.
Присядь, старайся не выделяться. В твоей горсти
Найдешь список тех, кого не успел спасти.
И, поняв, что пропал и не вырваться, хоть убей,
Купи батон и накорми всех уток и голубей.

***

Помятая весна, лишенная покрова.
Все будет выглажено и помнётся снова.
Трамвай на двести человекомест
Проедет мимо. Столько он не съест.

И мы застрянем где-то по колено –
В делах возможно, а в грязи наверно.
Какой ты пешеход, когда ты гусь.
И я гусёнком за тобой плетусь.

***

В моем окне нарисованы пешеходы
Один спешит, другой загораживает проходы.
Что делает третий, не разобрать –
Его ещё не успели дорисовать.

***

Раньше, чем ты, раньше, чем я,
Раньше, чем со свистулькой чайник,
Раньше, чем центр и чем края,
И раньше бескрайнего – был начальник.

И был он и сложен, и был он прост
Как ты и я, но сложнее и проще,
А так как тогда ещё не было звезд –
Он сидел в темноте. Ни в лесу, ни в роще.

И думал он, глядя в пустой эфир,
Что было бы лучше создать квартиру,
В квартире стол, на столе кефир,
Микроба полезного в том кефире,

И в коробочке макарон,
Быстрой как самолёт заварки,
Чтобы улыбался пастух Мирон
И посмеивались доярки.

Так он придумал все то, что есть,
Чтобы больше не жить в печали.
Чтобы ты смог этот стих прочесть
И узнать, что было в начале.

***

На мокрой земле капли не имеют прав
Смесь озона и бензина
Взрывоопасна
И я выхожу чтобы почувствовать себя
На баррикадах.
Я нюхаю воздух как специалист
Подрывник.
И точно – раскат грома над головой
Заглушает крик и звонок брошенного велосипеда.

***

Между звёздами, где ты
Из материи другой –
В небе роются кроты,
Ищут воздух голубой.

Небо полное планет
И других вещей, и тел
Вроде есть, и вроде нет.
Где начало, где предел?

Птицы знают, но не так,
Как, конечно, знаешь ты,
Что звезда – всего лишь знак
Недоступной красоты.

***

Мы ели мороженое
И липким пальцам моим
Не хватало чего-то ещё
Как всегда время шло слишком быстро
Твой пломбир таял на глазах
Уходил в царство мертвых пломбиров
Мой испарился
И стал облаком
Ты заметила что облако
Напоминает гиппопотама
И тут пошёл дождь
И сразу закончился
И мы не успели промокнуть
И мы стояли сухие после дождя
На губах вкус пломбира
И держали друг друга
Липкими пальцами.

***

Зимой замёрзнет черствый хлеб.
(Он твёрдым был, теперь окреп.)
И воробья кормить придется,
Хлеб размочив в стакане солнца.

Игорь СИЛАНТЬЕВ

СОЗВЕЗДИЕ КОНДУКТОРА

Рассказы

Воспоминания и картошка

Стою у раковины и картошку чищу, а потом как стану вспоминать.

Вот шести лет отроду полез на угольную кучу за кочегаркой, а уголь мягкий, просыпается, под сандаликами крошится, и падаю я ладошками, а потом локтями, а потом коленками, и весь уже свалился в черноту поблескивающую, и чертенком бегу домой, на радость бабушке.

Что было дальше? А ничего не было, потому что беру я половник и по лбу себя. И кончилось воспоминание. Картошку чищу.

А то еще чищу картошку и вспоминаю, как в деревне у деда бежал по дощатым мосткам, а тут дыра, ну, доска прохудилась, а я туда ногой и влетел. И что дальше? А тоже ничего, потому что беру я шумовку и тоже себя по лбу. Кончилось воспоминание.

Картошку чищу.

А то еще вспомню, как села мне на голову птичка, а потом на землю свалилась. А я улыбнулся.

И сейчас с картошкой улыбаюсь. По лбу себя не стучу.

Простите

Каждый зарабатывает, как может. Вот и один человек, он что сделал – лег плашмя, лицом на мертвый асфальт, и положил рядом шапку. И дождь и снег на него падали и людские плевыки. А в шапку падали редкие деньги. Хватило или не хватило, не знаю, потому что, как все другие, обошел его стороной. Обошел стороной. И голубь замерзший свалился рядом, а дворник шырнул его метлой на обочину. А в шапке лежит припорошенная бумажка сотенная и пятидесятирублевка еще и пара монеток. Простите.

Плоская земля

Где-то я читал или слышал, что люди рождаются от женщин маленькими такими, но уже вполне готовыми человечками, а потом постепенно вырастают, пропорционально увеличиваясь

Игорь Силантьев родился в 1960 году, живет в Новосибирске. Стихи и проза публиковались в журналах «Звезда», «Сибирские огни», «Просодия», «Крещатик», «Футурум АРТ», «Квадрига Аполлона», «Двоеточие», «Артикуляция», «Литература», в различных сборниках и альманахах. Автор шести книг стихотворений и короткой прозы. В «Волге» публиковались стихи и проза (2018, 2019, 2021).

в размерах. Сам я такого, впрочем, ни разу не видел, поэтому отношусь к этой теории с трезвым сомнением. А также имею на этот счёт альтернативное мнение. Все дело в том, что люди растут от земли и постепенно. Сначала вырастают ступни и ноги, потом туловище, потом руки, плечи и шея, а потом уже голова. А бывает, и довольно часто, что голова не вырастает. Ну помешало что. Как в лесу деревья – тоже ведь не все с верхушками. Или ветер, или снег зимой обломит. И ничего, живут себе. Так и люди безголовые ничего, живут себе. Множество раз убеждался. А ещё я слышал, что земля плоская, но об этом порассуждаем в следующий раз.

Из Моцарта

К одному человеку пришел в квартиру другой человек и говорит:

– А можно, я у вас тут умру?

– Да пожалуйста, – отвечает один человек, – дело-то житейское.

Тут второй пришел, и третий, и десятый – и всем, представьте, помереть надо.

– Пожалуйста, пожалуйста... – отвечает вежливо один человек.

И множество людей таким образом поумирали в его квартире, так что уже пройти на кухню или в туалет было непросто.

Но одного человека это нисколько не трогало. Он думал о чем-то своем внутри головы, а временами еще приподнимал рубашку и пальцами на ребрах наигрывал какую-то очень знакомую мелодию, кажется, из Моцарта.

И время пришло

За окном проехал грузовик, и зазвенели стекла. Потом на кромку балкона припорхнули воробьи и принялись прыгать туда и сюда. Потом ветерок тронул открытую форточку, и она скрипнула. Потом снова проехал грузовик, и снова прозвенели стекла. А воробьи улетели. Потом открылась входная дверь, и форточку захлопнул сквозняк. Потом зазвенел будильник, потому что время пришло. Потом входная дверь закрылась, и форточка распахнулась. Будильник продолжал звенеть, и чья-то рука пошарила и ненароком столкнула его со стола. В это время за окном снова проехал грузовик, и задребезжали стекла. А будильник перестал звенеть, потому что его время пришло. Потом на балкон снова прилетели воробьи, чтобы попрыгать туда и сюда, и снова распахнулась входная дверь, а сквозняк захлопнул форточку. Потом чья-то нога поискала на полу тапочек, но не нашла его, зато задела будильник, и тот зазвенел. Потому что пришло время. А за окном проехал грузовик, ну и снова эти стекла. Входная дверь с треском захлопнулась, и форточка приоткрылась и скрипнула. Чья-то рука нашарила на полу будильник и поставила его на стол. Будильник перестал звенеть, но задрожали стекла, потому что за окном проехал грузовик. И время пришло. И чья-то нога и чья-то рука. Ах да, а на балконе воробьи танцевали танго.

Утреннее

Утром дворник Иван Иванович Иванов, смуглый и поседевший уже мужик, невысокий и грузный, и передние зубы не все, грохотно выкатывает на площадку перед подъездом мусорный бак, садится на лавочку и с затертой бумажки читает по слогам буддийскую мантру, ну которая

«Ом мани падме хум». И читает ее довольно долго, пока с небес не спускается инопланетная тарелка, на днище которой сияет портрет Иосифа Виссарионовича Сталина в орденах и звездах, а вокруг его сталинской морды порхают в крылышках личики членов политбюро различных исторических и доисторических эпох. Один член даже из Фанерозоя. А из тарелки на весь квартал звучит: «Ол ви ниид иизз лаав! Траммм-пара-па-памм!» Тарелка засасывает в себя мусорный бак, опустошает его и возвращает пустым Ивану Ивановичу Иванову. А потом с песней улетает, и Сталин любовно глядит на Ивана Ивановича Иванова и все уменьшается и уменьшается по мере отлетания тарелки. В это время к подъезду подходит пахнущий булочками курьер из Яндекс-еды. Да он и сам булочка, самоходная. Знаете, в последнее время стали делать таких съедобных курьеров из сдобного теста, румяных, а внутри изюм или цукаты. Заказываешь такого и съедаешь. Лучше компанией, чтобы сразу, а то засохнет. Тут к подъезду подпрыгивает похмельная ворона, какая-то вся неухоженная, небритая, и кричит: «Ну просто верлибр какой-то!» – и склевывает сдобного курьера, а заодно и дворника Ивана Ивановича Иванова. И где она таких слов набралась?

И так каждое утро.

Туда и сюда

Меня все больше и больше раздражали секунды. Я уже не мог их вообще терпеть, и поэтому выдернул секундные стрелки из своих часов. И у соседей, и у друзей, и у прохожих на улице, короче, у всех взял и выдернул из часов эти секундные стрелки. И успокоился.

Но потом меня стали дико раздражать минуты. И поэтому с минутными стрелками я проделал то же самое. Практически во всех часах, что вокруг. И мне снова стало хорошо.

Но не прошло и... В общем, меня просто взбесили сами часы, ну те, которых в сутках по двадцать четыре. Подумаешь! И я повырывал из всех часов во всем мире последние, часовые, стрелки, и лег на землю, тяжело дыша.

А мир вокруг не знал, что делать. Часы продолжали тикать, но время не понимало, куда ему идти, то ли вперёд, то ли назад. Мне было приятно видеть его замешательство, поэтому я лёг и улыбнулся шире земли.

А солнце показывало на меня пальцем и качалось маятником на своём небе туда и сюда.

Шляпа и гвоздик

Один человек всю жизнь прожил, а все не мог собраться прибить в коридоре гвоздик, чтобы на него шляпу вешать. Как приходит домой, так снимает эту свою шляпу с головы и крутит ее в руках и говорит себе: – Вот бы надо бы гвоздик прибить... – а потом кладет эту шляпу куда попало, ну и все. И так изо дня в день и всегда.

А однажды один человек, вернувшись домой, снова проговорил это свое с гвоздиком и шляпой, и снова положил ее куда попало и...

И что-то торкнуло его, и полез он в кладовку, и достал молоток и гвоздик, и вбил его в стену, оставив немного, сантиметра два, для шляпы, и повесил ее.

Повесил шляпу на гвоздик.

Тут бы уже радоваться одному человеку наступившей гармонии жизни. Вместе с нами.

Только на следующий день умер он.

Зато шляпа осталась на гвоздике висеть.

Что естественно, то не безобразно

В связи со сложной обстановкой по Красной площади ходят пограничники с винтовками. Туда, обратно и вокруг. И в составе наряда еще передвигается пограничная собака, огромная, в человеческий рост овчарка, и ко всему принохивается. И как принохивается к встречному гражданину, так тот разом все плохое, что в карманах, или за пазухой, или за душой держит, сразу все выкладывает. И с облегчением гражданину становится лучше. И обстановка объективно улучшается.

Одна проблема – пограничные собаки такие вот кучи на площади наворачивают, что обстановка снова ухудшается. И немногие туристы из Евросоюза, позажимав носы, окончательно разбегаются.

Тут сержант-пограничник выстреливает сигнальной ракетницей, и из служебной башни выбегает команда солдат в длиннополых верблюжьих шинелях и с совковыми лопатами, и закидывает содержимое в подъехавший камаз.

А Ленин, принохавшись, кричит из Мавзолея:

– Что естественно, то не безобразно! Что естественно, то не безобразно!

Такая обстановка.

Товарищи

Мужик один гулял по городу и с заходами на природу. А тут бомжик мимо ковылял с тележкой, набитой всячиной.

– Да кто ж ты такой? – спросил его мужик.

– Товарищ твой, – прорычал бомж.

Мужик показал ему кулак, и пошел себе дальше, и о камень запнулся, а из-под камня мышка выбежала и приготовилась удирать.

– Да кто ж ты такая? – и ее спросил мужик.

– Товарищ твой, – ровно такое же пропищала мышка.

Мужик топнул на нее ногой и дальше было поперся, только развернулся и на камень воззрился, о который запнулся.

– Ну а ты кто ж такой? – спросил и его мужик.

И видно было, что камню непросто слово сказать, так он нагрелся и затрещал и наконец:

– Товарищ твой, – выдал.

А мужик вот как пнет его – и увистал камень на обочину.

После зашел мужик на природу и прилег на травку, и насмешливо в сторону и промолвил:

– Товарищи, тудыть! – и почесал себе живот.

Услышали

Один человек проснулся утром и вспомнил, что сегодня Пасха, и сказал:

– Христос воскрес!

И отправился один человек умыться, но из крана вытекла тухлая вода, невыносимая на вкус и запах, и отшатнулся он от крана и не умылся.

Один человек кивнул головой и снова промолвил:

– Христос воскрес!

И открыл холодильник, чтобы насытиться, но только отшатнулся, потому что на него вывалилось много гнилой еды, невыносимой на вкус и запах.

Один человек едва облачился, потому что одежда его оказалась трухлявой и рвалась от прикосновения рук его, и выбежал из квартиры, и не рассчитал и свалился в лестничный пролёт, и разбился, и едва живой и уже почти мертвый воскликнул:

– Христос воскрес!

Тело его тлело и распадалось на глазах, и было невыносимо созерцать его, поэтому мы отвернулись. А один человек, по всей видимости, окончательно умер и, наверное, не услышал, как ангелы с неба пропели:

– Воистину воскрес!

Нет

Один человек встретил другого и крикнул:

– Тебя нет! – и для убедительности кинул в него ботинок.

Но и тот, не будь дураком, ответно бросил в первого ботинок и тоже прокричал, что этого нет.

Тут появился третий и заявил, что тех двух нет обоих, и логично зашвырнул в них по ботинку, за что ожидаемо получил в ответ оба два.

И четвёртый подошёл, и пятый, и семидесятый, и вот все они орут, что их нет, и куча ботинок летает в окружающей среде.

А я, несчастный автор, Богом сотканный из света, гляжу на них, гляжу, а их нет.

Одно и то же

Один человек умер и обнаружил, что на том свете все то же самое. То же небо и та же земля, те же пыльные улицы и кривые дворы, и тот же дворник метёт их. Той же метлой. И в том же магазине та же водка.

– Вот блин! – рассуждал один человек, приняв из горла той же водки, – зачем умирал-то?

Ворона на балконе

Один человек забыл, где у него сердце. Трогал себя там, ощупывал здесь – и все не мог понять. Ну, стучит что-то где-то, однако мало ли что у кого и где стучит. Может, это сосед стучит. Или часы на столе. Или ворона на балконе клювом долбит.

– А брошусь-ка я из окна, – решил один человек. – Сердцу наверняка станет больно, и я узнаю, где оно у меня.

Так, собственно, и вышло. Умирая разбитым на земле, один человек счастливо улыбался, держась рукой за свое сердце.

Подошва

Один человек шел себе и шел, а потом поменялся на выбежавшую из подворотни собаку. И бежал дальше собакой и бежал, а потом поменялся на упавший лист древесный, что ветер

принес. И катился дальше кубарем по асфальту и катился, а потом наступил на этот лист ботинок чей-то со стертой подошвой, и поменялся один человек уже на подошву.

– Вот и нашел себя один человек.

Это я за него сказал, потому что куда ему теперь говорить, подошве.

Зато живой

Одного человека никто не любил. Он уже привык к этому, но все же изредка его посещали немного странные мысли.

– Вот бы меня полюбила ночь! – мечтал один человек. И тщательно вымазал лицо сажей, чтобы стать похожим на ночь, а после бродил и бродил по улицам, пока весь город спал. Однако ночь вплоть до рассвета легкомысленно засматривалась на месяц и не замечала одного человека. И хорошо, а то стал бы он просто тенью.

Тогда один человек решил стать похожим на солнце и вымазал лицо яичными желтками, а после бродил и бродил по улицам, пока весь город работал. Но солнце вплоть до заката легкомысленно ссорилось с облаками и не замечало одного человека. И тоже хорошо, а то сгорел бы он тростинкой.

Тогда один человек вымазал лицо грязью, которую собрал с колес грузовика, стоявшего во дворе.

– Пусть меня полюбит земля, – решил он.

Один человек разулся и босыми ногами пошел по земле, и черви заволновались и высунулись из нор в предвкушении пира. Однако полил дождь и смыл грязь с лица одного человека, и черви поняли свою ошибку и разочарованно залезли обратно. И земля не приняла одного человека.

Так и не полюбил его никто. Зато живой остался.

В самом деле

Один человек проснулся утром и вместо того, чтобы продолжать жить свою обычную жизнь, схватил палку и стал колотить себя по спине и икрам и бегать, и снова колотить себя, и снова бегать и туда и сюда, и кругами и восьмерками, как будто хотел убежать от самого себя, но ничего не получалось, и рука с палкой снова настигала одного человека и колотила и колотила.

И мы наблюдали за ним, затаив дыхание, в полном непонимании, чем все это закончится, но это ничем не заканчивалось и один человек все бегал сам от себя кругами и восьмерками и колотил себя палкой, и уже всем надоел, да и дыхание уже закончилось, так что мы с шумом вдохнули и пошли жить свою обычную жизнь.

В самом деле.

Посвежело

Один человек жил себе довольно обычно, пока в его квартиру через открытую форточку не залетел комар, тоже довольно обычный. И этот комар сел на лоб одному человеку и изготавился его кусать. Один человек, понятно, хлопнул себя по лбу, но комара не убил. А комар тот, полетав и позудев, снова сел на лоб одному человеку, и последний наградил себя на этот раз ударом уже кулака, и снова безрезультатно. И в третий раз оный комар, накружившись по квартире, присел на лоб одному человеку, а тот поджидал уже насекомое с палкой. И выждав, покуда комар

вопьется кровоохотливо в кожу лба, один человек со всей своей разъяренной силой обрушил на крылатую мелочь палку и успешно убил его, но и сам при этом отдал концы. После этого наступила ночь, и через открытую форточку в квартиру задул ветерок. Посвежело.

Созвездие кондуктора

Я шёл по улице и чего-нибудь хотел. А мимо проезжал трамвай.

– Да! – сказал я себе и сел в трамвай.

И подходит кондуктор и спрашивает:

– А у тебя разрешение есть?

– Нет у меня разрешения, – отвечаю.

Кондуктор смерил меня взглядом и сказал:

– Подожди.

И достал из нагрудного кармана форменной одежды бумажку и что-то написал в ней. Получилось неровно, потому что трамвай бросало в стороны.

– Вот тебе разрешение, – сказал кондуктор.

Я посмотрел в бумажку и ничего не разобрал, потому что буквы были кривыми и наезжали друг на друга. Трамвай снова бросило.

– Разрешение на что? – спросил я.

– По предъявлению разрешения тебе разрешается смотреть по ночам на звездное небо.

– А кому предъявлять? – спросил я.

– Мне, – ответил кондуктор.

И я предъявил ему разрешение и вышел из трамвая и посмотрел на небо, потому что была ночь.

И по небу вдоль Млечного пути плыл кондуктор. Он был составлен из звёзд, с откинутой левой ногой и протянутой правой рукой.

Валерий ЗЕМСКИХ

***

Он вышел из шинели
из комнаты
из тёплого халата
из кожи вон
из мысли о себе

Он вышел из себя
Вернуться
не удалось

Удача
игра случайных сил
Или закон
Хоть вероятностный
Но мимо не проскочишь

Летает одинокий электрон
Не понимая кто он
И куда
Влечёт его неведомая сила
Где он сейчас
Как уловить
то
что неуловимо

***

Нет вы только посмотрите
Посмотрел
Но не увидел
Ничего
чего бы раньше не было
Всё те же люди

Валерий Земских родился в 1947 году в Волхове. Окончил физический факультет ЛГУ. Печатался в журналах «Нева», «Октябрь», «Воздух», «Волга», «Крещатик», «Аврора», «Северная Аврора», «Гвидеон», «Дети Ра», «Зинзивер» и др., в сборниках и антологиях, автор многих книг стихов. Редактор-составитель пятитомной антологии петербургской поэзии «Собрание сочинений». Лауреат премии им. Н. Заболоцкого. Стихи переведены на итальянский, английский, польский, румынский, словацкий и др. Живет Санкт-Петербурге.

То же Солнце
Что нечасто
    пробивается сквозь тучи
Тучи те же
Да и сам я
    тот же
        знаю что обман

Часто открываю книгу
Там толкаются
    теснятся
        буквы
        в сумраке страниц
Отворачиваюсь
    бросив
        недочитанной

Вы только посмотрите
Всё неймётся

***

Ждали многих
Не дождались
Многих не дождались

Сбились в кучу
Пили молча
Попытались сбросить тишину
    Не получилось

Разбрелись
А ждали многих
Кто-то перепутал дату
У кого дела
Кто просто передумал

Ждали
Но под вечер отпустило
И веселье еле тлевшее
Раздули
Так что не хватило ночи

Утром разошлись не глядя друг на друга

Ждали многих

***

Я знал что будет всё как надо
Мышь не проскочит
Моль не съест
Как надо я не знал

Уткнулся в дверь
Стеклянная
Но ничего не видно
Споткнулся о порог
Но не упал

Там наверху
Страницу пролистнули
Кивнули
Двигай дальше
Шёл в потёмках
Менялись вводные
И тасовали цели
И вот я здесь

***

Нечего жалеть время потраченное впустую
Экономь не экономь
Оно нас не пожалеет

Мораль или сказочку со слезой
Обойдётся
Жернова мельницы перетрут в пыль
И то и другое

Кто-то кочевряжится
Кто-то подносит спичку
Полыхнёт
Или сгниёт то что не доели мыши

Время поглотит
И костью в горле
Застрянет вопрос
Зачем
И что это было

***

Мы не можем смириться что цели нет
кувыркаемся выдумываем
расставляем
кто ближе
кто дальше
цветными карандашами раскрашиваем
мажем сажей
бог нервно курит в сторонке

Вышло не так как хотел
как хотел не помнит
махнуть рукой
пусть будет как будет
так ведь суетятся
хотят как лучше
нигде нет покоя

Бросает окурок на землю
чесет в затылке
надевает маску
становится на котурны
сплёвывает через плечо
идёт на сцену

***

Камень завернул в бумагу
Бросил в тёмное окно
Стекло не бьётся
Слаб замах
Или удар смягчает
Бумага с неразборчивым письмом
До адресата не дошло посланье
Хула или хвала в нём
Неведомо
Осталась пыль от камня

***

Какая разница куда летит
Воздушный шар
Какие ветры

Мне скучно бес
Твои забавы не выведут
Закрою на секунду
Глаза
Внизу пустыня
И копошатся
в песках
Мигая
фонариками
Крикнуть где я

Пошлют
Последую совету

Какая разница
Где лопнет оболочка
Где упадёт корзина для белья

***

Важное вчера
Остыло
Завтра не родилось
Но пахивает плесенью
Что мы будем делать милый друг
Куда пойдём
И надо ли
Улыбнись
Что остаётся
Что останется

ВСЕМ НА ДОЛГИЕ ГОДЫ

Рассказ

I

Моя покойная мама, всем на долгие годы, работала в столовой в Леляках. Мы сами жили рядом, в Подольском. В Леляках был железнодорожный полустанок – там останавливались пассажирские поезда, скорые и скоростные проезжали мимо. Мы с сестрой ни в чем не нуждались: была еда и крыша над головой. Одежду носили добротную, без дыр, перешитую. Из нашего окна были видны новые девятиэтажки в отдалении, а во дворе у нас росли береза и вишня. Первую посадил папа, и я помню ее еще зеленым ростком. О вишне ничего не могу сказать кроме того, что урожай она давала, но птицы его склевывали быстрее, чем мы успевали собрать. Начальная школа располагалась прямо в селе: серое двухэтажное послевоенное здание с тучными низкими колоннами. Помню мой первый классный кабинет, №21 на втором этаже. На стене между первым и вторым лестничным пролетом висела синяя дощечка с надписью «Не бегать!», причем первое слово было заклеено пластырем. Наша классная руководительница, женщина лет сорока из Полтавы, была особенно требовательна по части дисциплины. На уроках чтения нужно было водить карандашом по тексту из учебника, пока читали вслух. Тексты были небольшие, что-нибудь из Соколова-Микитова, и каждый читали столько раз, сколько позволяли сорок пять минут урока. Тем, кто отводил глаза от чтения или не успевал водить карандашом, делалась запись в дневник: «Поведение 2: не следит за текстом». Родители, как положено, снабжали школьников цветами на первое сентября, и наша классная, выбрав себе розы, отправляла остальные цветы в большую выварку, прямо при нас, а затем выносила ее в уборную. Росли мы хорошо, в полноценной семье, папа, мама и мы с сестрой. Мы ничем не отличались от наших соседей и одноклассников, и вполне может быть, что нам, нашей обычной жизни с уверенностью в завтрашнем дне, кто-нибудь завидовал. Я помню, мне было лет пять, мама со мной стояла в очереди за туалетной бумагой у сельпо. Шел снег, я сидела в санках, мама потом прямо на меня вывалила эти рулоны и потащила санки в сторону дома. Я крепко придерживала бумагу и думала о том, как я счастлива, что у нас все хорошо, что есть даже бумага, что дома ждет папа, и даже против Ляльки я не возражала. Все-таки старшая сестра, не у всякого есть такая.

Папа от нас ушел, когда мне было семь лет; он уехал в Белгород к еще одной своей жене. Его звали Арнольдом – звучное тяжелое имя. Он, так получилось, жил на две семьи какое-то время.

Борис Ильич Ильин родился на Украине в 1974 году, закончил факультет психологии Публичного университета Нью-Йорка и консультативный факультет Лонг-Айлендского университета. С 2010 года печатается в изданиях: «Ното Legens», «Крещатик», «Новый Журнал», «Артикуляция». Предыдущая публикация в «Волге» – «Обитатели дома» (2020, № 7-8). Живет в Нью-Йорке.

До ухода он со мной общался мало; Лялька с ним везде ходила как приклеенная. Но Лялька всегда к кому-нибудь липла, не умела существовать самостоятельно. А меня папа перед уходом посадил к себе на колено, посмотрел в глаза и сказал: доча, так надо. Сейчас почему-то не могу вспомнить, что я тогда чувствовала. Все, что вспоминается – как он сводил нас с Лялькой в кафе-мороженое и купил мне пирожное «картошку». Очень хотелось, чтобы он еще раз взял меня в это кафе и снова купил «картошку». Он ушел, и я его после этого лет двадцать не видела, приезжала навестить уже из Бугров. Так он и жил с женой в своем Белгороде. Плохо без отца. Отец, особенно для девочки, первый пример мужской заботы, любви, внимания. Еще в подростковом возрасте я поклялась себе в том, что у моих детей будет отец в доме, будет полноценная семья. Папа мой, теперь тоже всем на долгие годы, умер несколько лет назад, а я ничего толком не знаю ни про его родителей, ни про родственников по его линии. Знаю только, что какая-то родня приезжала в Белгород после его смерти, хотели делить имущество. Мне потом его жена писала. Но мне с ними делить нечего.

Лялька лет в тринадцать начала встречаться со взрослыми парнями; однажды привела какого-то, на вид уголовника. Сидел у нас на кухне, чистил ножом картошку. Как я хотела, чтобы он ушел! Боялась, что выберет момент, пырнет, ограбит, а он все анекдоты рассказывал.

В семнадцать лет Лялька вышла замуж за молодого человека по имени Зомик и вскоре уехала с ним в Ленинград. Родители его были родом из Бердичева, а в Ленинграде жили далекие родственники. Зомик выглядел старше своих лет, он был лысоват в свои двадцать, но Ляльку это не смущало. Сам был рукастый и до отъезда нам стены покрасил и побелил потолки. Мама стала собирать Ляльке с Зомиком в Ленинград тяжелую посылку ежемесячно. Складывала туда, что могла – соленья, домашнюю еду, консервы, даже сало – когда удавалось купить. Она связала им по пушистому свитеру серого цвета, под горло шла вставка из искусственной кожи на змейке. Лялька называла меня и маму мешанами, может быть даже всерьез.

Поселились они с Зомиком в общежитии Металлического Лензавода, на улице Руставели, 37, в комнате на троих с соседом. Зомик устроился в слесарный цех мастером второго разряда, собирал изделия ППН-21 и ПХЛ-014. Я так и не смогла понять, что это за изделия и для чего они нужны. Лялька окончила трехмесячные курсы копировальщиц и устроилась к Зомику на завод. Жили они скромно; мама считала, что посылки станут им большой подмогой, хоть Лялька и крутила носом. По маминой просьбе я упаковывала еду и вещи в посылку, а потом мы вдвоем несли ее на полустанок. Там раз в месяц останавливался на полчаса поезд, идущий на Ленинград. Коробки бывали тяжелыми, мы тащили их по насыпи вверх, я ненавидела эти походы. Мама, всем на долгие годы, умела уговаривать проводниц, а еще лучше проводников. Она заходила с проводником в вагон, возвращалась растрепанная и веселая.

Лялька забирала груз на Московском вокзале. Когда я приехала через несколько лет поступать в пединститут, оказалось, что Лялька раздает еду из наших посылок соседям по общежитию. Она говорила, что соседи – одна большая семья, но вряд ли кто-нибудь из них кормил Ляльку с Зомиком. Ни о чем подобном Лялька не рассказывала, только говорила, что для людей не жаль и что ей ни от кого ничего не нужно.

Мама моя, всем на долгие годы, была оптимисткой и не унывала даже когда ее сократили и нам какое-то время нечего было есть. Она довольно скоро устроилась продавщицей и уборщицей в сельпо, а потом ее снова взяли в столовую на прежнее место. Что там произошло – не знаю, мама не рассказывала, а я не спрашивала. Помимо основной работы мама всегда что-то продавала, перешивала одежду. Я знала, где у нее были припрятаны деньги на черный день. Как-то без ее ведома я почти взяла пятьдесят рублей, но устыдилась, и вообще ничего бы не вышло – хотела на сапожки, как раз появились чехословацкие, такие короткие замшевые на танкетке, с искусственной овчиной внутри. А где их носить? Все равно ведь пришлось бы объяснять, откуда они.

Черный день, слава богу, так и не наступил, а когда я заканчивала десятый класс, то решила поступать в пединститут в Ленинграде. А где еще? Лялька с мужем – там, а больше у меня по городам Союза никакой родни, если не считать отца. Лялька, конечно, та еще поддержка, но все же. Мама сначала очень расстроилась, никогда такой ее не видела. Я сказала, что поеду учиться в Ленинград, а она побежала к комоду и ляснула по зеркалу изо всех сил. Зеркало пошло трещиной, как вся наша жизнь пошло трещиной. Мы обе сели на пол, заревели, а у нее на руке порез, кровь идет, слезы капаят; говорит, ты как Лялька меня бросить хочешь, ты меня одну бросаешь. Ну, успокоились постепенно, промыли порез, перебинтовали руку.

Успокоились – это конечно, но забот добавилось. А у меня, тем временем, школьная любовь, а я не предохранялась. Наступил май, зацвели каштаны, а гостей все нет как нет. Ждала, ждала и решилась на разговор с Жорой. Так звали его, моего любимого, и не зря – теперь он, говорят, такой крупный стал, что когда где-то появляется, то первым входит его живот, а сам Жора на минуту-две запаздывает. Тогда, правда, он был менее впечатляющих габаритов, даже худой был, и живот его не держал нас на расстоянии. Пришла к нему, вызвала во двор, как обычно, мы так часами вдвоем разговаривали последние полтора года. Глубоко вдохнула, зажмурилась, и сказала: Жора, по-моему, я беременная. Дальше не помню, что было; я зарыдала, он в ответ зарыдал, на шум вышла Жорина мама, зашли в дом, сели на кухне, там сидели его папа и сестра Настя. Настя сразу спрашивает: так вы здесь теперь все жить будете? Помолчали немного, а потом Жорины родители и мы с Жорой отправились к моей маме на работу в столовую. И здесь так получилось, что ко мне как раз заявили долгожданные гости, понятно какие. Все не вовремя или же вовсе наоборот. Мы с Жорой пообещали друг другу, что никогда не расстанемся и в каком-то смысле обещание сдержали: я его помню и он меня, скорее всего, тоже.

А что еще я помню? Пединститут имени Герцена располагался на Мойке, а я остановилась у Ляльки с Зомиком в общежитии, у черта на куличках. Спала на полу; до Мойки было добираться часа три, не меньше, общественным транспортом с пересадками. Сначала километр пешкодралом до пр. Науки, оттуда около часа автобусом до Заневского проспекта, затем пересадка на пл. Труда в сторону ул. Желябова, а уж потом пехом до института минут десять. Что хорошо – абитуриентов, посещавших подготовительные двухнедельные курсы, кормили, бывали тефтели с картофельным пюре, часто давали гороховый суп. Из-за этого гороха мы стали называть учебное заведение пердинститутом – вообще, смех необходим в непростых обстоятельствах, а мои, хоть непростыми их не назову, доставляли много волнений. На Желябова я ходила в кафе «Пышки», мне так понравились эти печеные с сахарной пудрой по пять копеек штука, и завтрак сытный – пышка и стакан молока – значит день начался отлично. Я все хотела попробовать настоящей ленинградской жизни, ощутить ее на вкус, и пышки – первое, с чем город у меня ассоциируется. Ну и, конечно, с мамиными посылками Ляльке, куда без этого.

Вступительные экзамены, сдержанное свежее ленинградское лето, сочинение по вопросам педагогики, устные по истории СССР и английскому, письменный по алгебре и геометрии. Хуже всего у меня было с английским языком – еще зимой наша англичанка уехала с мужем в Якутию, и заменял ее преподаватель немецкого; английского языка он не знал и рассказывал об аграрной науке, сам был выпускником факультета землеустройства Киевской сельхозакадемии. Но ничего, я сама подучила и, кажется, была готова к испытаниям.

Они не заставили себя ждать. Меня выселили из Лялькиного общежития с формулировкой «неучтенное койко-место» и посоветовали обратиться в общежитие при институте. Я и обратилась, но мест не было. Вопрос требовал немедленного решения, а я успела познакомиться на подготовительных курсах с интересным мальчиком. Сережа был ленинградцем и тоже готовился к поступлению в Герцена – что удивительно, поскольку мальчик и не иногородний. Высокий, чернявый, он жил с бабушкой в однокомнатной квартире. Мы с Сережей сначала пару

раз красиво общались на курсах, и однажды отправились смотреть, как разводят мосты. Я у него осталась ночевать. Жизненный урок я уже выучила хорошо; я знала, что предохраняться – значит избежать ненужной головной боли. Сережа мне поставил раскладушку на кухне. Так и прожила у него до конца вступительной сессии, а к началу учебного года у меня уже была законная кровать в институтской общежитии.

Мы с Сережей провстречались весь учебный год, а потом его призвали – военкафедры у нас не было. Когда он вернулся, я как раз собиралась выходить за Вадика. Вадик был студентом в институте материально-технического обеспечения им. Хрулева, на факультете военно-тылового снабжения, и я быстро поняла, что тылы мои всегда будут снабжены и обеспечены. Он был стесняющийся, высокий, статный; сочетание физической мощи и стеснительности казалось привлекательным. Было непривычно ощущать свою власть над ним, здоровым мужиком; сразу почувствовала, что могу из него веревки вить даже не очень стараясь. Я бы дала ему в тот же вечер, но молодые ребята – как девочки-подростки: их легко спугнуть. Так и водила за собой кругами целый месяц: то в Летнем саду бродили, то в Эрмитаже скучали, то в пышечной топтались. Он покорно за мной ходил и не перебивая выслушивал всю мою болтовню.

Но я забегаю вперед. Экзамены я сдала на «хорошо»; на факультет педагогической коррекции, т.е. логопедии, был недобор, и меня приняли. Август был свободен; я провела сутки с Сережей – мы обошли пешком, кажется, весь город. Попрощалась с Лялкой и Зомиком и села в пассажирский Ленинград – Львов с остановкой в Виннице. За недели отсутствия мама показалась мне постаревшей, а наше жилье – бесцветным и маленьким. Дома меня ждало много работы – помогать матери со сборами, но, кроме того, я вдруг остро почувствовала, что действительно оставляю ее одну, и с этого момента без жалости уже не могла ни думать о маме, ни смотреть на нее.

Днем с мамой собирали вещи; смотрю в окно – вижу, идет Жорин папа в белой рубашке, глаженных штанах. Постучался в дверь, как-то церемонно спросил, можно ли войти. Сел на стул, мы с мамой тоже присели кто где. Ждем. У меня горло пересохло, я закашлялась. Он сразу начал говорить – пришел, мол, свататься, просит мать отдать меня за Жору. Здесь я не выдержала – стала сдуру смеяться. И хочу сдержать смех, а не могу – только кашлю, смеюсь, да еще икаю; даже живот заболел. Жорин папа подождал немного, встал и вышел. А я все смеюсь – его уже и в окне не видно. Мать мне пощечину влепила, икота вдруг прошла, смех с кашлем тоже. Молча стали собирать вещи по списку. Мать, всем на долгие годы, всегда заводила списки нужных вещей.

Мать решила съездить со мной – вещей было много, и вообще хотелось побыть вдвоем. Купили билеты в плацкартный вагон, и так повезло, что оба места внизу. Я полюбила путешествовать в поезде на дальние расстояния. Наш пейзаж не очень выразительный, равнинный: палитра зеленого и желтого цветов в теплое время года, лесные посадки сменяются полями, уходящими к горизонту, мимо идут такие же, как наше, села. Иногда задумаешься, а что если идти вот так через равнины к горизонту – что увидишь, что поймешь? Утренний озноб, влажные жесткие травы, минута – и ноги промокли в любой обуви, если не резиновая. А если резиновая, то просто холодно ногам. Но свежий воздух и особая тишина отвлекают внимание от влажного неудобства. Где-то слева, в километре – лесополоса. Деревья хвойные – отсюда кажется, корабельная сосна, и в сосновой тени еще холоднее. Небо смотрит своим бледно-синим холодком; по нему манной кашей размазаны редкие плоские облака. Если вслушаться в тишину, вглядеться в предметный мир, станет очевидно, как электрические разряды проходят сквозь строй травы, как ее листья, отягощенные каплями росы, трепещут и слаженно кивают, и с ними вместе кивают верхушки далеких сосен. Вот в сквозящем небе растянутые хрупкие волокна облаков устремляются вверх и там образуют круг, похожий на белый колючий венец. Пора смочь, пора принять решение раз и навсегда, пора прислушаться к молчанию всего вокруг, вглядеться

в повседневные предметы – они прячутся за упрощенным образом самих себя – солнце, трава, небо, термос достала из сумки, яйца вкрутую, хлеб, консервы – пора.

А пора была такая – сырая и пасмурная уже в сентябре – Ленинград не позволяет расслабиться. Общежитие стояло на пустыре возле Бадаевских складов – час пешком до института, или минут сорок, если на метро. Одной из моих соседок по комнате, Люде – двадцать шесть. Она по всякому поводу повторяет, что уже совсем старая.

- Нелька! (это она ко мне обращается). Ты куда дела мой кипятильник?
- А хрен его знает (так я отвечаю) где он, твой кипятильник. В тумбочке посмотри.
- Ой, я такая старая – могу на хрен сесть и просто сидеть, уже ничего не хочется.

Но это неправда: из нас двоих именно я практично отношусь к мужикам, а Людка всегда сгорает от любви, наперед не думает, дает сразу. Вообще-то я ничего дурного в том, чтобы сразу давать, не вижу. Здесь просто половое влечение, хорошее отношение к человеку, а как раз гореть надо учиться ровно и экономно, чтобы хватило надолго. Люди – просто мясо с чувствами и мыслями, и попробуй отличи одно от другого. А мясо и есть мясо – пока оно живо, ему хочется тепла, удобства, сытости и что там еще. С людьми разобраться не сложно, с собой бы научиться. Ну, взять, к примеру, Ляльку. Она же на самом деле добрая, отзывчивая, и люди ее интересуют, а расстается с ними запросто. Когда уехала в Ленинград, матери не написала ни разу, ни даже телеграмму не отправила, все ждала, что мать первой проявит внимание. Это, видимо, такая боль или обида, связанная с уходом отца, хотя что я знаю – я у нее не спрашивала. И на материнские похороны она не приехала – сказала, что денег нет на билеты.

По основам педагогики нам задали прочитать «Педагогическую поэму» Макаренко. Я долго ходила под впечатлением: подумать только, Макаренко сумел найти подход к малолетним преступникам, а мы не умеем к родным людям. Мама моя, всем на долгие годы, о такой науке ничего не знала, с нами обычно обращалась мягко, не ругала. Но если бы она умела то, что умел Макаренко – то, что мы проходили в институте – возможно и отец остался бы, и жизнь наша протекала бы менее беспокойно. К сожалению, мы учимся не на своих ошибках и не на чужих, а на ошибках, сделанных по отношению к нам самими родными людьми.

Я серьезно перелопатила в голове все мое детство и подростковый возраст, и зла на мать не держу. Но что не могу себе простить – ранней моей беспечности, несерьезного отношения к жизни. Я ведь видела, как упирается мать, старается устроить для нас сытое и приличное детство. Я могла бы и побыстрее понять, что жизнь – постоянная борьба за выживание, осложненная участием родных людей.

Прошло время, с Вадиком мы расписались. Родом он из Ленинградской области, родители живут в поселке Бугры, за кольцевой дорогой, ближе к северной части Ленинграда. Я закончила институт и получила направление в специальную среднюю школу-интернат имени М.А. Балакирева. Вадик поступил работать в судостроительный комбинат «Алмаз». Поселились мы в Буграх у родителей, свадьбу толком не сыграли, устроили небольшое застолье. Были мы, соседи, Вадикина тетка с мужем и сыном. Мама не приехала, заболела. Зомик пришел, а Лялька не смогла, и мы договорились, что с ней отметим отдельно.

II

– Нелли Арнольдовна, проработайте, пожалуйста, с Эдиком звук «ф».

Нелли Арнольдовна – это я, чтобы не было сомнений. Наша главная всех зовет по имени-отчеству: с одной стороны, это уважительно, а с другой – не позволяет расслабляться и перейти на приятельские отношения с начальством.

«Федя – фигляр и аферист, финты его трепны». Маленький Эдик смотрит испуганно, но повторяет старательно. Какой Федя, спрашивает, из первого Б?

В учетной записи помещается следующее:

Звук «ф» пр. удов. Нижняя губа прик. дент. проксим. при сохр. выступ. нижн. чел.

Жизнь скучна. В воскресенье с Вадиком и свекрухой смотрели безалкогольную свадьбу в передаче «Здоровье» по первой программе, и даже у них на телевидении не все как у людей. Мне, кстати, ведущая Белянчикова всегда нравилась, я и прическу себе завела как у нее: зачес назад с низким крупным пучком. Так вот, в передаче пьют кефир за здоровье новобрачных, и кажется, он сейчас у пьющих горлом пойдет. Вадик теперь приходит с работы с багровым лицом, как буряк, и такого цвета кожа хорошо подчеркивает голубизну его глаз. Если спросить, выпил ли он, ответ прозвучит отрицательный и задорный: пьют алкоголики, и всегда плодоягодную дрянь. Тот, кто употребляет водку или разведенный спирт, не пьет, а пользуется возможностью решить важные производственные вопросы: каждый серьезный договор – через стеклянный пиджак белой невесты.

Людка «старая» звонила. Муж ее теперь главный инженер ЛеАЗа – авторемонтного завода. И ладно, что это скорее мастерские, чем завод, но ведь Вадик мой – он главный только по занятию места на диване. Зато есть Лёшик, ему шестой год. Самый лучший на свете, только боится отца отпустить даже на работу – в пять часов вечером уже ждет у окна, и если Вадик к семи не заявится – истерика: «С папой что-то случилось». Так и живем, и многие так. Так живут практически все. И хорошо живут: голодными спать не ложатся, а страх, а скука с тоской – куда без них?

Вот мама моя, всем на долгие годы, чего добилась своим оптимизмом, своим деятельным подходом к жизни? Когда умирала, кто ей стакан воды подал, кто сидел в изголовье? Смерть и сидела. И хорошо ли умирать, когда некому глоток воды подать? Был у меня молодой человек на стороне, на пять лет меня моложе – тоже оптимист по жизни; мы в интернате познакомились – он приходил дочь навещать. И что, что я должна была сделать? Оставить Вадика – это тыфу, но Лешка? Лешка в чем виноват? Поступить, как мой папаша Арнольд, лишить Лешку отца? Я его в детстве звала «папа Нолик», до смешного точно. Звала с любовью, а он оказался полный ноль, бросил нас. Даже меньше, чем ноль – полный нолик он был, земля пухом. Такая точка отсчета. Но не надо сдаваться – меньше нуля не бывает, а значит живем все лучше, идем по направлению к счастью на долгие годы, и пусть облачные волокна образуют над нами круг, пусть травы и деревья послушно кивают, пусть синее небо раскрывает свои объятия – это идем мы.

Рафаэль ШУСТЕРОВИЧ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ (2020-2021)

вкратце

ночной зефир струит эфир
нет слишком растянулась строчка
блажен кто посетил сей мир
и точка

захлопни вовремя тетрадь
не требуй лишнего кусочка
нам не дано предугадать
и точка

о это чувство у черты
где прочее лишь оторочка
остановись мгновенье ты
и точка

блести во мгле кремнистый путь
как оскорбительна отсрочка
хотел воды я зачерпнуть
и точка

шумеры

Все умерли, особенно шумеры;
шумер шумел и умер – каламбур
не то чтобы годится в символ веры,
но характеризует город Ур

Рафаэль Шустерович родился под Москвой, жил, учился и работал в Саратове, с 1993 года в Израиле. По профессии инженер-физик. Поэт, переводчик стихов с английского и других языков. Публиковался в журналах «Крещатик», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Зарубежные записки». Автор «Волги» с 2010 года.

и ряд других. Шумер шумел и умер,
оставив клинопись и календарь,
и счет, и вес, но речи его зуммер
уже не слышен. Раб он или царь –

их всех навеки вынесли за скобки,
о чем и сообщают нам раскопки.

очки

если что и заслуживает внимания в мире Луки Джордано так это очки
среди невыразительных но помпезных заказных сцен мы то и дело встретим
человека в очках
се человек
и се человек в очках на него взирающий
автопортрет юнца в очках
старика в них же
древний греческий философ в солидном пенсне достойном Струве сороковых
или Хомского шестидесятых
само имя неаполитанского младенца говорило
ты будешь художником
близорук не беда вот волшебный прибор ты сможешь видеть все одновременно
зависть богов месть Несса Сусанну и старцев
первое пришествие посписочную смерть святых чуму в родном городе
лилии белоснежные на оплаченных поаршинно благовещенских полях
беспощадную очкастую сову в незаметном уголке разрушенного мира Арахны

скелеты пьедесталы поезда

в раю Дельво
нагота защищает лучше тактического обмундирования
вы идете обращая взгляды исключительно внутрь себя
встречи бессмысленны сделки никчемны гармония иммунна к искушениям
поезда из детства приходят и уходят пустыми
изошренные исследователи поднимают очки на лоб рассматривая невидимое
дождь идет всю ночь бессонница снится счастливым
мрамор состоялся
товарняк отогнан на запасную ветку

идеальный город

– Париж – пустыня, – поет Виолетта.

– Особенно во время комендантского часа, – добавляет Бернар.

– Идеальный город – тот, где нет никого, – рассуждает Лучано, – пропорция, симметрия, перспектива – вот что одухотворяет застроенные пространства. Человек здесь не нужен.

– Граненая Вандомская площадь это подтверждает, – вторит Бернар, – там в углу, за низкими воротами, укрылась моя академия, ее можно отыскать только во тьме.

– Париж – пустыня, – поет Виолетта, – найду ли свою любовь?..

Бернар раздевает город глазами – до наготы камня, сланцевых витрин, костлявых деревьев; за стенами в одиночках лелеют люди свои букеты сухого чертополоха.

– Париж – пустыня, – поет Виолетта. Ночной дозор необъятных черных зонтов. Неразличимы голоса зрителей: мы еще вернемся.

занятия

Он называет это «род занятий»,
поскольку заниматься на роду
ему написано такого рода
занятиями: мол, своди слова
в роды, семейства, классы и домены,
в элиты, пары, в казусы случайных
объятий, в подозрительные братства,
в обители жеманных целомудрий,
в траншейные бои, в толпу базара,
не забывая: да, ты дал зарок
не говорить о тайне, ту же тайну
всечасно выставляя напоказ.

лавры

круглоголовые пошли в атаку
звезды сулят победный исход
скиталец движется на Итаку
доверяя теории скрещенных хорд

к Земле приближается астероид размером
с быка его огненные рога
готовы к крайним осенним мерам
против наглежащего врага

ангелы Десятого легиона
слажено грузятся на суда
очередная подруга Пигмалиона

добивается апелляционного суда

все сущее настроено на удачу
до последних микронов выведен лимб
голос улицы разъясняет задачу
примеряющим нанонимб

надписи

Федору Успенскому

они рискнули но не победили
потом опять рискнули победили
потом пошли отстаивать победу
в боях так диктовала справедливость
и логика рассчитанного риска
бессовестных отчаянных голов
потом пошли писать историю
руническими знаками где змеи
и волки направляют незаметно
порыв читателя
и голоса предметов
вещают я такой-то сделан тем-то
подарен отнят снова передарен
уложен в яму чтобы мир подземный
не забывал о сказанной победе
куда бы ни катился верхний мир

в режиме идеального времени

Комета-двухвостка
заползает за плинтус горизонта
и продолжает движение
в загаженной темноте.

Котлы телескопов
все еще смотрят зорко:
те ли над нами,
или уже не те.

Что-то, заставляющее,
как кенигсбержца,
поднимать лицо подальше от городов,

Не помогает
биению сердца,
стоящему все больших трудов.

ЗЕМЛЯНЫЕ ПЧЕЛЫ

дождь смысл пчел
весь их город затоплен скрытый в песке
что-то пчелиный вождь не учел
в этом климатическом пояске
цивилизация похоронена забыта
тонкости искусства культуры быта
кулинария брачные церемонии
странности поведенческой гармонии
исчезли в одну нескладную ночь
атлантиде нечем помочь
мед знания мед любви
не распробованы
се ля ви

КОПИЯ

пиратская копия этой вселенной
запущена по холодку
там поят араком и водкой паленой
и в целом довольно куку

в левадах от наших отличные травки
безумна политика цен
но все ж внесены кой-какие поправки
и выжжен жестокости ген

Андрей ТОРОПОВ

***

Ласточки дом построили
В нашем дровянике,
Славно птенцов пристроили
В маленьком кулаке.

Так повторился Майкова
Самый обычный стих,
Сами друг друга лайкайте,
Не дожидаясь их.

Все-таки она вертится,
Даже с такой звездой.
Жесть, но сквозь зубы верится
В ласточкино гнездо.

Песенка

Никогда не бывает идеально,
Идеально будет лишь в раю.
На столе у нее гусь хрустальный,
Я об этом вам песенку спою.

Про высокое небо голубое,
Про зеленый и задумчивый лес.
Я могу рассказать вам такое,
Что вы знаете сами и без.

Для того необходимы поэты,
Чтобы напоминали о том,

Андрей Торопов родился в 1978 году в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил исторический факультет, аспирантуру Уральского госуниверситета, кандидат исторических наук, доцент, автор научных трудов по истории уральской промышленности. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Дети Ра», «Зинзивер», «Новая реальность», «Воздух», «Белый ворон», «Байкал», «Артикль», «Крещатик», «Волга», «Новая Юность», «Зарубежные записки» и др. Автор трех поэтических книг. Живет в Екатеринбурге. Работает главным специалистом в Управлении архивами Свердловской области.

Что вы помнили когда-то и где-то,
Ну давайте вместе песенку споем.

А когда мы закончим ту песню,
То натянем на плечи рюкзаки,
Пошагаем по жизни своей пресной
В рай, где держат за нас кулаки.

***

Река Утка впадает в Каспийской море
Через Чусовую, Каму и Волгу.
Мы впадаем в маразм, крайности, горе
Don't worry, be happy и ждать недолго.

Если б знал второе четверостишие,
Написал бы хорошее стихотворение.
Но вся жизнь – лишь перед бурей затишье,
Так смириться надо и есть варенье.

А я стану ждать на берегу Утки,
Вновь открою копи царя Соломона,
Мимо проплывет неудачной шуткой
Труп меня – веселого пустозвона.

***

Достанешь душу изнутри,
Когда вокруг сплошные глыбы.
Не насоли, не насмотри,
Дождись, придут грибы и рыбы.

Поющие в крапиве жгут
Охочие к объятьям руки,
Но обязательно придут
Любви задуманные звуки.

Есть память в слове «телефон»,
Вернешься в город, а в вагоне –
Любви обещанный вагон:
Десяток фоток в телефоне.

***

Не бейте бедного дракона,
Важнее совесть, чем пятак,

Нужна не вера, а икона:
На крыше аист, в речке рак.

Роятся ястребы над крышей,
На руку ловит хитрый грек,
Дракон – единственный нас слышит,
Великодушный человек.

Он болен, стар и безобиден,
Его должны мы защитить.
Дракона в зеркале увидим.
Простить себя и полюбить.

***

Кто придумал полиэтиленовый пакет,
Тот и есть величайший поэт.
А кто придумал кучу стихов,
Становится королем дураков.
Надо тоже что-нибудь изобрести,
Чтоб свое бессмертие обрести.
А потом заглянут в пакет,
А изобретателя там и нет.

Андрей ЛОМОВЦЕВ

ДРУГ МОЙ ПАЛЫЧ

Рассказ

Приветствую тебя, Палыч!

Как поживаешь, друг мой, достиг ли ваш корабль величественных берегов Антарктиды, или всё ещё крошите льды в Южных морях? Не дозвониться тебе, не достучаться, одно удовольствие настрочить письмо, как в старые добрые времена, и терпеливо дожидаться ответа.

Расписал по твоей просьбе несколько гексаграмм из Книги Перемен «И цзин», и в целом знаки положительно говорят о твоём решении остаться на зимовку. Так что дерзай. Пиши – будет время, и пришли фоток о суровых буднях морского перехода, буду ждать.

Ну а я расскажу про нашу жизнь, карантинную, особенности её и казусы.

Как говорится, никто и предположить подобного не мог, а случилось. Эпидемия. Кстати, космология маяя, описанная в священной книге «Пополь-Вух», гласит, что в эпоху Шестого Солнца такой катаклизм неизбежен.

После объявленных минздравом запретов затаились мы с Миленой на даче, в ставшей уже родной Гороховке. Ну ты помнишь наш синий домик на конце улицы, да столетнюю липу, что видно с дороги. Народу в деревне полно, интернет быстрый, магазин какой-никакой имеется, до уездного городка рукой подать, да и лето на горизонте, воздух, природа. В общем, неплохо.

Университет на карантине, приехать и забрать нужные материалы – большая проблема. QR-коды, штрафы, маски, которых не купить, кошмар. Студенты в разгуле, на онлайн-лекции, этот новый вид обучения, что сейчас в моде, собираются вяло. Сажу в тишине, проверяю работы по психологии у первокурсников, читаю материалы бездельникам с третьего, ну и – пишу адаптацию к «Методикам Феличе–Энде». Помнится, рассказывал тебе про исследования масчачусетского института. Совершенно уникальная работа, если удастся продвинуть её в России – отклик в психологических кругах обеспечен.

Вот представь, задают тебе вопрос при приёме на работу:

Случалось ли так, что родитель, или другой взрослый проживающий с вами, часто или очень часто, толкал вас, хватал, шлёпал или бросал в вас что-нибудь? Возможно, однажды он ударил вас настолько сильно, что у вас остались следы удара, или вы получили травму?

ДА... НЕТ... (Если – ДА, поставьте цифру один).

Андрей Ломовцев родился в 1968 году в подмосковных Мытищах. Закончил Московский гуманитарный институт, кафедра психологии. Впоследствии занимался предпринимательством. Закончил школу трейдеров в Москве и школу йоги в Индии (инструктор). Обучался в литературной мастерской Андрея Аствацатурова, школе «Хороший текст», участвовал в литературных семинарах и марафонах. Публиковался на портале «Гуру арт» (Берлин).

Согласись, мало кто из россиян ответит – нет. И таких заковыристых вопросов там прилично. При этом в США данные опросники – повсеместная практика.

Да уж. Вот и я в лёгком шоке, ведь для сравнения – когда читаешь наши опросники, ощущение, будто живёшь в каменном веке, Я тебе пришлю позже в полном объёме, считаешь, это увлекательно – поверь.

Ну этот вопрос вторичен, когда дело касается моих собственных практик. Хотя помню, с какой долей иронии ты к ним относишься, но согласишься – твою экспедицию я предугадал совершенно точно. Самое интересное, Палыч, иногда судьба выдаёт мне удивительные знаки, переплетая их с текущими событиями, и душа наполняется обеспокоенностью и тревогой – не слишком ли много мне дозволено знать, чего ждать завтра? Представляю, что ты подумал, но не торопись с выводами, просто прочти.

Я приведу тебе один день – наполненный уникальным опытом, что привёл к неоднозначным выводам.

Суббота. 18 апреля 2020 года. Село Гороховка

8.00. С утра радостно взвизгнул телефон, и перво-наперво я выглянул в окно. Делаю так постоянно, независимо от времени года и местонахождения, упражняюсь в технике – хоу-тянь (упёр у китайцев), по-нашему – Метод Первого Знамения. Кстати, практиковали и римляне, и греки, и германцы, и даже индусы.

Работает. Правда – через раз.

Так вот – смотрю; не летят ли птицы, нет ли дыма на горизонте, всё ли в порядке во дворе. И слава Вселенной, небо – залито лазурью, чисто и светло, ни облачка. Солнце брызжет теплом от радости нового дня. Трава ещё не выползла, но грязь на дорогах подсохла. Открыл окошко – свежо, запах приветливый, фермеры говнецо на поля вывезли, сороки под окном ругаются. И тут – смех.

Вижу соседа нашего, Ефима Дарского. Широченный, точно кадушка, пенсионер, в светлом плаще до пят, в шляпе, с палкой, и улыбка во весь рот. Потешный человек, милый. Плетётся бывший доктор санэпиднадзора с семейством, дочь под стать папаше – на тракторе не объехать, жена сухая веточка, да три внука мал мала меньше. Идут – дорогу шеренгой перекрыли, смеются, детки шепелявят – воробьёв пугают. И разлилась в моей душе благодать, увидеть с утра Еврея – к удаче! А если их шесть, чем не чудо.

Как говорят китайцы, шесть – гладко. В нумерологии число это – вселенское равновесие. Для начала дня, думаю, – очень даже замечательно, до мурашек пробрало, вот так утро!

К десяти, в великолепном расположении духа и состояния, застёгиваю на правом запястье – браслет синего агата, потому как без него ни шагу с детства не делаю. Мать, ещё помню, учила, прежде чем из личного пространства шагнуть, не забудь защиту-браслет. Он у меня на силиконовой нити, с серебряным замком, с квадратами цвета глубокого космоса, и, если всмотреться, кажется, там теряются звёзды и туманности. И есть бусины с прожилками серого и голубого, в них можно увидеть кольца Сатурна в миниатюре. Мать привезла его из Мексики, что-то копала в очередной раз, на Юкатане, в далёких восьмидесятих. Повесила мне на руку и сказала, что теперь дурного глаза, зависти и клеветы – могу никогда не бояться. Сильная штукавина короче.

Спустился на кухню. Тринадцать ступенек со второго-то этажа, и на каждой по знаку – Боги древних майя, и хотя супруга говорит, что пора бы заканчивать с юношескими увлечениями, но

нет, не могу. Как можно, скажите на милость, я этих богов с шести лет возлюбил. С момента как книгу у матери на столе полистал, так и втюрился навсегда в древнюю культуру.

Спускаюсь, значит. Высоту ступеней специально со строителями подгадывал. Тринадцать для меня цифра сокровенная, у майя означала тринадцать небес и столько же божеств. Имена их – от зубов отскакивают, будто вчера учил; Ицамна, Ах-Пуч, Эк-Чуах, Иш-Чель – это моя любимица, богиня луны, покровительница деторождения. Когда Милена детям начинает званивать, одному в Канаду, другой в Питер, третьему в Рим, с благодарностью Иш-Чель вспоминаю, ну а кто, как не она, помогла.

Когда наверх поднимаюсь, позволяя себе поразмышлять о Тринадцати воротах Милосердия и Тринадцати фонтанах, прописанных в Каббале, тоже, извините, книга, достойная внимания. Или взойду мыслями к мистическому тексту «Зогар», где говорится о священном старце о трёх головах, что бродит на тринадцати дорогах любви. Может, и я где, на тех развилках, заплутал.

В общем, хорошие, добротные ступеньки из натурального дуба.

На кухне Милена, бодрая, в расписном халате, в бежевом фартуке, волосы в пучок, очки на носу, сосредоточенно смотрит новости и хлопочет с блинчиками. Непонятно, к чему внимания больше. Скворчит масло, гундит дикторша на экране, запахи витают – объеденье, ваниль с миндалём, а мне вот чайник заварной срочно требуется. Не начинаю завтрак без Сычуаньской техники – гадания на чайных листьях. Заливаю кипятка в мелколистовой и блюдце сверху. Созерцаю минуты три. Звук на ящике выключаю, никаких новостей в этот момент, тишина нужна. Милена бубнит, а я смотрю. Если в чайнике одна чаинка слева всплывёт, а две справа – благоприятность на весь день обеспечена, во всех отношениях.

Закрутилось шесть, а значит, счастья придётся ждать – долго. Отнёс этот не позитивный момент на счёт карантина и принял за блинчики. С медком изумительно зашли.

К полудню присел за работу. Лекций сегодня нет, только двадцать курсовых прочесть, ну и статью доделать. Зажёг палочки Голубого лотоса, опустил в вяжущие глубины перевода, позабыв и о перекурах. К обеду дошёл до таблиц опросника, в очередной раз удивившись дотошности заокеанских диагностов-психологов, и тут услышал – карабкается по лестнице возбуждённая Милена. Шаг у неё тяжёлый, ступени взвизгивают, ругаются, вот и сама – взлохмаченная, с глазами испуганной рыси.

– Потоп, Игнат, спускайся скорее, тонем.

Эх, неужели благоприятность, поданная с утра знаком шести евреев, – исчерпалась?

Колобком качусь по лестнице, позабыв про Богов и Апостолов. Выбегаю в сад. Мать Божья, адские воды хлещут из-под забора, бьются мелкой волной о деревянные стены беседки. Полноценное озеро. Беда.

Первое, что приходит на ум – сосед Василий, Вася, Васька, гражданин-товарищ Салазкин, в очередной раз спасает утонувший в грунтовых водах подвал.

Василий бывший дальнбойщик, своего рода демон улицы. Покрытый ржавчиной рефрижератор Вася пристроил вдоль забора, и теперь грузовик плачет маслом, заливая обочину.

Обычно с утра гражданин-товарищ Салазкин хмур и расстроен, и лицо его носит печать внутренней болезни, и значит, при встрече лучше обойти стороной.

Знаки, говорящие о восстановлении Василия, появляются к обеду; округу заливает «хрустальный» звон посуды и запах подгоревшего шашлыка.

Ближе к вечеру – Вася раскован и весел, собирает гостей на свои «пиры Валтасара». Он терзает гитару и поёт, используя техники горлового пения народов Севера.

Как цыгане уходят табором в небо, так Васька отправляется с «гостями» в ночное. Цензурные речи сотрясают воздух, но встречаются и любопытные обороты, пригодные для внесения в толковые словари. За полночь, когда выкатывают на небосклон звёзды, следует финальная битва, где хозяин, судя по выкрикам, отчаянно сражается с гостями «нетрадиционной ориентации». И только ближе к утру воцаряется на улице тишина.

Так или иначе, бойко журча по уклону, поток превратил наш участок в Гороховский Залив, 17. Осталось дожидаться открытия купального сезона и прикупить к тому времени ласты.

У меня нет ни малейшего желания выходить на унижительный уровень соседских разборок. Словно глубоководная рыба Бассогигас, попытался залечь на дно. Сверкнув на солнце очками-перископами, плавно отхожу в дом – мол работа, статья.

Но Милена, упёрши руки в широкие бока, ждёт. Взгляд из-под очков тревожно-суровый.

– Игнат, пора уже остановить это безобразие! Сколько можно?

Безобразие, извините, весит под сто кило, и ростом – я под мышку дышу. И главное, судя по времени – сосед не перешёл во вторую фазу брэнного бытия, а мне бы дожидаться третьей стадии – музыкальной, тогда и дискутировать проще. В общем, у меня есть время подготовиться.

Скрипя костями, заношу себя наверх. Вдоль стены мой любимыми стеллаж, где гордо красуется «История Китая» на верхотуре, и пылится внизу «Таро – теория и практика».

Хватаю со второй полки Книгу Перемен «И цзин», что там говорят знаки? Без этого не может быть верных решений, я себя знаю. Курительные палочки разжигать некогда. Шепчу вопрос, вдох, роняю на пол цзяо-бей, искривлённые деревянные плашки. Если обе падают на выпуклую сторону – это Инь, остановись, не иди дальше. Ложатся на плоскую – Ян, действуй продвигайся вперёд.

Выдох, выпало – Инь. Вот ведь дела, а как же водохранилище в саду?

Есть ещё верный метод, взбросить три монеты, где орёл идёт к двум, а решка к трём, но надо долго писать гексаграммы, на час-другой минимум.

Солнце ушло, затянуло тучами небо, на кухне гремит стульями Милена, зовёт меня вызывающе громко, и судя по голосу – явно идёт на грозу. Плонул, кинул куртку на плечи и вперёд. Была не была.

Время к четырём. Желудок сводит, щекочет лысину ветерок, я закурил – затянулся. Благодать, банный дымок бьёт в ноздри, где-то соседи растапливают баньку. Суббота же.

Только вышел за калитку, Отец Филимон навстречу. Эх. Деревенька у нас небольшая, на полста домов, а собор отгрохали – с федеральной трассы купола отсвечивают. Внутри мрамор, мозаика, витражи на окнах – красотища. Видать – денег не жалели, грехи отмаливая. Батюшка, если в гражданское переодеть, от мордатых спонсоров неотличим будет, видал я их. За пару лет отец Филимон перевёз в деревеньку сестру с мужем, двоюродных братьев, что активно купили в округе свободные земли, да каких-то там, тетек-дядек-племяшей. Козы у батюшки, молоко, сыр катает, пирожки печёт, грехи отпускает – хозяйственник в общем,

Он видимо сестру проводывал, третий дом её слева по улице. Лицо у священника круглое что блин, серьёзное, борода седая, пушистая. Сколько ему, за полтинник наверно, почти ровесники.

Не по себе слегка, представляю, как выгляжу, в домашних штанах, лыжной куртке и с сигаркой.

– Доброго дня, Игнатий Васильевич!

– И вам, отец Филимон!

Доброго это хорошо, да только Священника встретить – к неудаче. Мне уж и курить неохота.

Подошёл к калитке соседа, доска потрескалась, краска облупилась, потемнела от времени. Сбоку, на столбе деревянном, шестёрка болтается, а единичка сорвалась, затёртая в песке лежит. Вздрыгнул я, шесть Евреев с утра, шесть чайнок всплыло, это третья шестёрка за день. Можно по-разному отнестись, даже и не заметить, но три раза по шесть у меня до сего не встречалось. Одна шестёрка в плюс, но две-то в минус.

Вдохнул, грудь расправил, калитку толкнул – широко шагнул.

И в общем, не удивительно, что послал меня Вася дальнобойщик. Громогласно, с прищуром в оплывшем глазе, сглатывая янтарную бороду пива с холодной стенки огромной кружки, Вася заявил, что Правила при сливе не нарушал. И указал, ухмыляясь, координаты выхода.

Так посылают экспедиции в дальние земли, в глубокий космос, без слёз, без тоски в глазах, без надежды на возвращение.

Бросало мне небо знаки – не суйся, пиши, проверяя лекции, высохло бы, и дело с концом. Не послушал, теперь живи на острове, в грязи слов вымазанный, профессор, блин.

Дело к ужину. Милена пожарила лосося, и запах, который я никогда не любил, разлетелся по всему дому. Вспомнилось, как однажды, в бытность моей работы в стройотряде, Санхар, студент из Узбекистана, пожарил в обеденной палатке селёдку. Тошнотворная вонь держалась неделю, и Санхар не ночевал эти дни в лагере и ходил сильно взгрустнувший. А мы невзлюбили рыбу.

Под лосося открыли бутылку красного.

Тут Милена и говорит.

– Представляешь, звонила сегодня Марина, ну помнишь, анестезиолог из городской хирургии? Знаешь, сколько у них заражённых этим вирусом, шестьдесят шесть человек, и коек не хватает.

Я и не понял сначала, о чём она. Больничка от нас в десяти километрах, из силикатного кирпича довоенной постройки в два этажа, с отвратным запахом хлорки, и даже удивительно, что столько народу приняла. Ну коек не хватает, и что. Сижую, жую.

И тут меня накрыло – опять шесть, шестьдесят шесть. Вспотел, будто чаю в жару выпил, потекло под мышками, неуютно стало, сердце тревожно застучало. Знаки.

Вот тебе, профессор, распишитесь и получите: шесть евреев, шесть чайнок, на калитке водяного-дальнобойщика шестёрка, и всё случайность? Возможно ли такое.

Это вселенная дублирует сигналы, для особо одарённых – шестьдесят шесть в социальном послании.

Ё-моё, так и суббота шестой день.

Всё. Взмок. Ослаб. Милена в беспокойстве поглядывает, но я молчу. Вдохнул-выдохнул, побежал наверх, якобы наброски к статье чиркать, а у самого руки трясутся. Хватаю карандаш, листок, зуд у меня к нумерологии.

С миром цифр меня познакомил отец. Я тогда в шестом учился наверно, и он, помню, открыл занавес осторожно, поигрался с Числом Пи, нарисовал Золотое Сечение, напугал цифрой Смиа, заворожил последовательностью Фибоначчи. И я подсел, стало интересно. Лет в двадцать, уже в университете, залпом прочёл Мартина Гарднера, «Математические чудеса и тайны». Как минимум месяц выдавал сокурсникам факты, от которых кружилась голова. Меня сразила тогда мистика цифр в биографии Авраама Линкольна и Джона Кеннеди.

Линкольн был избран президентом в 1860 году, а Кеннеди – в 1960-м.

Оба были убиты в пятницу. Линкольн – в театре Форда, Кеннеди – в автомобиле Ford.

Обоих на посту сменили члены демократической партии по фамилии Джонсон.

Эндрю Джонсон родился в 1808 году, Линдон Джонсон – в 1908-м.

Секретарей Линкольна и Кеннеди звали Джон и Линкольн соответственно.

Убийцы президентов родились в 1839 и 1939 годах.

Джон Уилкс Бут застрелил Линкольна в театре и сбежал на склад, а Ли Харви Освальд, убивший Кеннеди, стрелял из склада и скрывался в театре.

В именах обоих убийц на английском языке по 15 букв.

Бывает же такое.

Но вернёмся к субботе. И вот, посидел, поразмышлял, карандаш сгрыз в процессе, голова на разрыв – цифры, знаки, совпадения.

Десять ходики отщёлкали. Слышу, телевизор внизу зашипел, про коронавирус. Я так и замер в кресле, как гончая на старте, которой зайца в кустах показали, но с поводка не спустили. Corona virus. Эх, изопсефия нам в помощь, а ведь это метод перевода букв и слов в числа.

Итак: Согопа – 6 букв.

Судорожно схватил словарь английского, отцифровывал буквы, занёс в таблицу, получил двадцать шесть цифр.

A-1/ B -2/ C -3/ D-4/ E-5/

F-6/ G-7/ H-8/ I-9/ J-10/

K-11/ L-12/ M -13/ N-14/

O-15/ P-16/ Q -17/ R-18/

S-19/ T-20/ U-21/ V-22/

X. Y. Z-26/.

Подставил слово.

C- 3/ O-15/ R-18/ O-15/ N-14/ A-1/.

Получил, $3+15+18+15+14+1=66$.

Что имеем; само слово шесть букв, и в сумме 66, итого ТРИ шестёрки.

Вот к чему шестёрки через день протянулись, мама дорогая. Вирус с числом зверя, да в високосный год. Чутьё подсказывает, к благополучию не скоро вернёмся.

Вот такую историю хотел поведать тебе, дорогой друг. Не знаю, как на это посмотришь, но мнение твоё – интересно. Возможно, соображения мои немного сумбурны, но должно быть в жизни место мистическому, и это, похоже, тот самый случай.

Не мёрзни там среди льдов, передавай привет капитану Яковлеву и пингвинам! Возвращайся в целости, но не торопись – в мире пока полная хрень творится.

Береги себя.

Обнимаем,

Игнат и Милена Матюхины

Антон БОТЕВ

ОСНОВЫ КИРОВСКОГО АКЦЕНТА

Вернулся на родину и провел там две недели.

Первым делом понял основы кировского акцента. Кировский акцент тут везде; я сам за два дня начал говорить по-кировски. Подобно Анри Пуанкаре и Уильяму Гамильтону я тоже могу указать точный момент открытия. Если первый заносил ногу на ступеньку омнибуса в Кутансе, второй прогуливался по Брумбриджу в Дублине, то я, например, был в магазине «Красное&Белое». Продавец на кассе спросил у меня примерно так: «Карточка-то наша есть ли?» – и я неожиданно для себя ответил «нету», не «нет», а «нету», что для меня не характерно, я стараюсь обходиться минимумом звуков. Именно в это мгновение, одновременно с осознанием того, что я сказал что-то по-кировски, меня и осенило.

Настоящий кировчанин никогда не ответит «нет». В Кирове почти любая фраза должна заканчиваться заударным слогом (в редких случаях – ударным), но в любом случае этот последний слог – ударный, заударный – должен быть дольше прочих, с небольшим, легким таким, повышением интонации. Предпоследний же, то есть ударный, слог должен быть, наоборот, короче остальных. Эти два последних слога образуют общий повышательный комплекс, который в идеале должен быть в конце каждой фразы. И используется по возможности даже внутри одного предложения. Если фраза заканчивается ударным слогом, к ней можно добавить частицу «то», или «ли», или «ведь», чтобы ударение на последний слог не падало, классический пример «ты в магазин-то пойдешь ли?» вместо «ты в магазин пойдешь?», это предложение дробится на две фразы, каждая из которых оканчивается на заударный.

Если же ударный слог не последний и не предпоследний, у кировчан есть следующая хитрость: они добавляют не «то», не «ли», а один из комплексов «ли хоть», «хоть-то», «то хоть», «хоть ли» и т.д. Ударение в этом случае, естественно, падает на предпоследний слог, а последний тянется. Этот комплекс, конечно, можно прибавить и к последнему ударному слогу.

Конечно, есть фразы, которые закончить безударным проблематично («как я ему и говорю»), но мышление кировчан уже автоматически так устроено, что такие фразы редки, кировчанин в разговорной речи таких фраз инстинктивно избегает.

Вместе с довольно быстрым произношением всех остальных слогов и использованием местных словечек («ак», «че», «буди») это, по-моему, и составляет неповторимый кировский акцент. Быстрое произношение в данном случае – эвфемизм для игнорирования, вместо безударных слов употребляется шва, звук, который, например, можно услышать между «т» и «р» в слове «театр».

Способ борьбы с энтропией

Я вернулся на родину с целью повидать маму и сестер, а также немного, как бы это, отдохнуть, подышать запах родных осин, побродить с былым наедине ничем, ничем не беспокоясь, случайно увидеть, возможно, на улице кого-нибудь из прошлой жизни, снова испытать детские страхи, съездить в Казань, Слободской, осмотреть микрорайоны деревни Дурни или Бздюли, чтоб без меня обратный самолет растаял где-то в шуме городском. Но жизнь, как известно, вносит свои коррективы, и мой так называемый отпуск накрылся так называемой пиздою. Почти

все время я сидел на съемной хате и работал, и только ежедневно ходил из центра (ул. Карла Либкнехта) в район ДК «Родина» (ул. Мельникова) и еженощного возвращался из района ДК «Родина» в центр. Так что города я практически не видел, но из того, что видел, особенно заметно, что Киров, как самостоятельная сущность, выработал, наконец, способ бороться с энтропией.

Чтоб ввести читателя в курс дела, следует для начала сказать, что в двухтысячетучные годы он долго энтропии проигрывал. Он входил в запустение, дороги были все в ямах, уборку мусора оптимизировали, разбивая город на дворничьи участки все большего размера и увольняя лишних дворников, пока их не осталось совершенно, мусор не убрали вообще ниоткуда, ветер гонял по улицам пакеты, в центре росла крапива. Город постепенно и равномерно разрушался. Это было типичное наступление энтропии в соответствии со вторым началом термодинамики.

В последние годы энтропии не стало меньше, но город научился ее канализировать. За какими-то местами стали следить, зато другие, наоборот, стали полностью непригодны для жизни. Моей родной улице Мельникова, например, частично повезло. Там положили и регулярно перекладывают новый асфальт, теперь там уже долгое время нет ям. С другой стороны, асфальта на всю улицу Мельникова не хватило, в частности, не хватило на тротуар, и он совершенно разрушился, дорожка заросла, пройти по ней, не споткнувшись, стало сложно.

То же самое везде. Взять, скажем, сад около дома. Раньше он равномерно зарастал сорняками, теперь зарастает только в избранных местах, зато уж там, где он это делает, нынче просто целина (а там, где нет сорняков, малина колосится лучше).

Самая грустная картина – на улице Крутикова, бывшей Мориса Тореза. Раньше это была улица как улица, не хуже прочих, с двухэтажными домиками; когда у нас был ремонт (в девяностоголодные), государство в лице правления завода им. Лепсе позволило нам временно проживать в одном из них. Ах, девяностоголодные годы! Дворников было полно, наша семья сама промышляла этим ремеслом. Когда город решил канализировать энтропию, улица Мориса Тореза как-то почти целиком оказалась во внешней вселенной, где бушует стихия. Мимо этих двухэтажных домиков теперь просто не пройти. Наступает лес. Когда-то культурные заросли деревьев, робко растущие между домами и овощными ямами, превратились в сплошной полог: идешь как будто в зеленом тоннеле; воняет, как будто насрано. Скорее всего, насрано, удобрено. Говорят, двухэтажные дома собираются сносить, но там еще кто-то живет, окна по случаю жары открыты, внутри явно есть жизнь, доносятся какие-то звуки. Дальше метров сто НОВОГО асфальта, дальше за перекрестком асфальтовое покрытие дороги вообще куда-то делось, как будто специально сдирали, хотя зачем, целый квартал просто без асфальта, какие-то камни, песок. Раньше это был приличный квартал с детским садиком, в котором потом сделали публичный дом. Не уверен, что по этому куску улицы ездят машины. Я в детстве и юношестве ходил по ним, и это были хорошие улицы, кланюсь. Теперь по ним не то что проехать, пешком пройти сложно.

Есть и другие маршруты, по которым я ходил в девяностоголодных, а теперь там ничего. Например, в коротком проходе мимо овощных ям с каждым разом все больше битых стекол, а проходов от железки в район Болота или, например, на улицу Возрождения теперь просто нет, густейшие заросли, куда все кидают мусор. Это царство энтропии.

Зато там, где город от нее отгородился, теперь все очень хорошо и культурно. Все ремонтируют и чинят, не хуже, чем в цивилизованном мире: в Латвии или в Москве. Детский садик «Пчелмучка», раньше открытый всему новому, гостеприимно открывавший свои веранды желающим выпить юношам и девушкам, теперь отрезан от мира глухой железной синей стеной высотой два с половиной метра, являя собой утерянный навсегда райский сад детства.

То есть если смотреть в среднем, то энтропия все так же наступает, но теперь только в избранных местах. Точно так же с энтропией борется и человечество в планетарном масштабе и в фантастических произведениях. Мир в Кирове точно так же поляризуется, как и в целом в России. От этого всего очень странное и скорее неприятное ощущение.

Филейка

Начало девяностогого было противоречивым временем, с одной стороны, есть было нечего, с другой, было много чего другого, несъедобного. Мой отец, царствие ему небесное, скупал все появляющиеся в то время книги, а я как раз был книгочей, ставил себе целью, например, когда болел и в школу идти не приходилось, прочитывать по одной книге в день. Конечно, читал много трэша; но все-таки благодаря простоватому стихийному библиофильству отца, допустившему немного энтропии в мою жизнь, я есть тот, кто я есть. Он скупал совершенно разные книги, с презрением относясь к такому понятию, как жанр. Среди купленных им книг были и конспирологические откровения подполковников ГРУ, и справочники, как солить огурцы, и, например, «Встречи», произведения молодых кировских авторов. Оказывается, молодых кировских авторов было дохрена, на двести с лишним страниц. Эту книгу я, конечно, до конца неасилил, но одно стихотворение запомнилось. Каждый раз, приезжая в Киров, я пытался эту книгу найти, но так и не находил. Искал стихотворение в интернете и тоже не находил, в интернете его нет. Спасибо сестре, в этот раз так совпало, что в Кирове мы были одновременно, и она эту книгу нашла.

Перечитав стихотворение, я понял, что только думал, что оно запомнилось; на самом деле оно запомнилось фрагментарно, несколькими строчками, наверное, двумя последними: я его перечитал: там много лишнего, но оно все так же передает уныние и безнадежность кировской жизни; в юности я не был с ним согласен, для меня это было описание некоторой соседней жизни, которую я подозревал, и моя жизнь, как мне казалось, была не такая. А описанная в стихотворении жизнь меня все время вчуже привлекала, в нем (стихотворении) есть посконная правда, выраженная деталями. Это стихотворение о Филейке – соседнем с нами районе, не совсем соседнем, через ОЦМ. Наш район Старое Лепсе дружил с Филейкой против ОЦМ, на Филейке располагалась площадь XX партсъезда и списанный гражданский самолет, в котором держали кинотеатр, а также Северная больница. Это край города, первым принимающий на себя удар энтропии, дальше только деревня Ганино с дурдомом, Санниковы и слобода Большое Скопино.

Я бы написал не так, стихотворение, возможно, было бы менее личным, но смысл был бы тот же. Может быть, это плохое стихотворение, но это стихотворение молодого (на 1990-й г.) кировского автора, Ольги Журавлевой, и для меня оно важно. Тем более, его нет в сети. Короче, довольно предисловий, –

На Филейке в шесть утра подъем.
Двери хлопают, как выстрелы из пушек.
Пять минут мы как-нибудь найдем,
Чтобы оправдания послушать.
Ты – мои, а я твои уже
Не расслышу за вселенским гулом.
Мы живем на первом этаже,
А с Филейки холодом подуло.
Надо срочно окна утеплять,
И кормить вареной рыбой кошку.
Я с шарами тусклыми кровать
Загоню кому-нибудь за трешку,
И завешу шторой голубой
Окна, что с тоской глядят в пространство.
На Филейке в 23 отбой –
Мы уснем с тобою на матрасах,

На холодном крашеном полу,
В ноги бросив старенькую шубу.
Сны, как прошлогоднюю золу,
Ворошить рукою смело буду.
И найду случайно уголек
Прошлогодний, потому нестрашный.
На Филейке вдоль и поперек
Ходят тени без вести пропавших.
Смотрят в щели и скребут в окно,
Растворяясь в утреннем затишье.
Слава Богу, на дворе светло –
Серебрятся шиферные крыши.
Мы надежно заперты замком,
Голубая штора на окошке.
Между нами ласковым комком
Мирно спит беременная кошка.
Нам Филейка протрубит подъем,
Я забуду все ночные бденья.
Как нам выжить этот день вдвоем,
Эту скуку, эту муку – воскресенье.

Интересные личности

Ровно неделя, как я в Кирове. Все это время, как уже сказано, я каждый день хожу из центра в район ДК «Родина» и каждую ночь возвращаюсь на хату, где работаю и ночую. Ходить, даже ночью, по городу совершенно не страшно. Я прохожу по местам, где школьником опасался хулиганов и киднэпперов, и места эти теперь, попав в одну из категорий радикализовавшегося города, либо совершенно цивилизовались, либо, напротив, совершенно одичали. Кировские расстояния теперь кажутся очень маленькими. Возможно я, проходя по ним, как бы избываю свои детские страхи, но это вряд ли, упомянуть такую возможность меня обязывает лишь педантичная добросовестность. Не знаю, как насчет кировчан, они, наверно, привыкли, но для меня вернуться в Киров –поддаться энтропии, погрузиться в абсолют, буквально-таки раствориться в теплой первобытной утробе, где все дозволено и ничего не стыдно, где ты такой же как все, инстинктами чувствуешь, что можно и чего нельзя, на все наплевать и ничего не страшно. На свою жизнь наплевать. Ты перемещаешься в пространстве, но одновременно как будто являешься частью жидкости и перетекаешь из одного места в другое. Воду можно резать ножом, можно бить ее топором, но это ничего не изменит. В моих кировских мыслях появляются мудрость и афористичность самого простого, доступного всем пошиба.

За неделю моих странствий в пути мне попало три не сказать странных, это было бы неправильно – три необычных персонажа.

1. В первую же ночь, когда я возвращался, точнее сказать, в первый раз шел на хату, в первом часу ночи, Киров не был еще первобытной утробой, и улица Кутшо была еще опасной. В ее начале стояла машина с включенными габаритами, а подальше, через дом, происходили некоторые терки, туда лучше было не ходить. Я миновал этот перекресток и пошел к Октябрьскому проспекту, и меня тут же окликнули.

В тени стоял человек, он спросил, тороплюсь ли я. Я сказал, что вообще-то да. Доведите меня до круглосуточного магазина, сказал человек, проигнорировав мой ответ. А вы что, не можете, сказал я. Я подумал, что он пьяный. Я слепой, сказал человек. А где этот магазин, сказал я. Да тут, недалеко, сказал он. Ну, пойдёмте, сказал я и дал ему руку. Нет-нет, сюда, сказал я. А потом

доведите меня обратно, сказал слепой. Нет, я сказал же вам, что я тороплюсь, сказал я. Ну а как я обратно пойду, спросил слепой, риторически. А вот тут безопасно, сказал я, проигнорировав его вопрос. Конечно, если б я совсем растворился в кировском Брахмане, как я это сделал позже, я бы поступил уже не так.

Круглосуточный магазин действительно оказался чрезвычайно близко. В открытой двери горел свет, а на крыльце беседовали продавщица и две другие женщины. Серега, чего тебе не сидится, сказала одна женщина. Не помню, что ответил слепой Серега. А я его сегодня видела, еще спросила, покурить-то есть, чего ему не сидится, интересно, сказала та же женщина. Чего тебе не сидится-то, Серега, спросила у него продавщица. Мне в магазин надо, сказал Серега. Третья женщина все время молчала. Или, вроде, поддакивала то одной, а то другой. Вы торопитесь, спросила меня женщина, которая вечером видела Серегу. Вообще-то да, сказал я. Ну, вы идите, я его доведу, сказала женщина, и я пошел дальше.

2. Вторые необычные личности, которых я видел, были двое пьяных. Был примерно час ночи. Они стояли на улице Профсоюзной, упершись друг в друга лбами, точно как два барана. Оба при этом шатались. Я не хотел, чтобы какой-нибудь гипотетический наблюдатель связал меня с ними, поэтому быстро свернул в темный переулок, который в этот момент показался мне нужным, то есть ведущим в хату. Переулок оказался просто входом в совершенно посторонний двор. Я стал оттуда выходить, во тьме напоролся ногой на проволоку, которой в Кирове принято ограничивать парковочные места, и чуть не упал, совсем как те пьяные. Пьяные как раз разошлись, в том смысле, что отделились друг от друга, расцепились рогами, и один пошел вперед, а второй кричал ему Леха, Леха. Леха! Оба по-прежнему шатались. Леха посмотрел на меня оценивающим пьяным взглядом, но тут же отвел глаза. Таким образом, пока мы не дошли до следующего, нужного мне, перекрестка, мне так и не удалось отвязаться (в глазах гипотетического наблюдателя) от этих пьяных. Наблюдателей, впрочем, не было, ни гипотетических, ни реальных.

3. Третья интересная личность была не в такое позднее время, напротив Троллейбусного парка, или, может быть, уже Хлебозавода. Навстречу ехали какие-то довольно поздние и неинтересные велосипедисты, интересную личность они объезжали. Интересная личность была в рабочей одежде, типа спецовки, у нее была большая сумка с камнями, она вытаскивала камни из сумки и красиво раскладывала их по лужам (а в тот день было много луж, прошел ливень). Это была уже вторая лужа, в первой лежало довольно много камней, а в сумке хватало камней, наверно, еще на пару луж. Зачем она так внимательно и тщательно раскладывала по лужам камни, тем более часов в одиннадцать – я не понимаю. Если б я совсем растворился в кировском Брахмане, в общинности, я бы обязательно спросил у него, чего это он это делает-то, но пока держусь, моя индивидуальность мне еще почему-то нужна. В Кирове это гордыня, но я пока не готов. Это была третья удивительная личность, встреченная мною в моих скитаниях от дома родителей до съемной хаты, и, наверно, самая странная.

(Я не описываю здесь женщину-карлика с собачкой, которую встречаю регулярно; однако упомянуть ее стоит, потому что ни один хороший текст не может существовать без упоминания карлика).

Хаос

Я (почти) все время ходил по местам, расположенным на фронтире борьбы с энтропией, на границе, в лимитрофной зоне¹, но есть ведь и места определившиеся, места, полностью погруженные в Хаос, и места, полностью подчиненные Порядку. Большое Скопино, Ганино, Вересники – места, погруженные в Хаос, и всегда были погружены в Хаос, и, судя по тому, как обстоят дела, вечно будут погружены в Хаос. Это другой мир, располагается он менее чем в километре от Цивилизации. Его обитатели – хаоситы, такие же, как цивилизованные люди, только с дру-

¹ Очень подробно о лимитрофных обитателях см. в моем тексте «Лимитрофный человек», Волга, №9, 2014.

гим знаком, как лешие. Они никогда не прочтут этих заметок, поэтому я могу писать о них что угодно.

Слобода Большое Скопино находится в пятнадцати минутах от моего дома на Мельникова. Нужно выйти на железную дорогу и медленно пойти направо. Через пять минут железка пройдет под мостом (это не просто мост, это одна из главных транспортных артерий города, Октябрьский проспект), еще через три минуты свернет направо уже железная дорога, а путнику нужно свернуть с нее налево и пойти по пустынной дороге мимо какого-то то ли охранного агентства, то ли строительной фирмы, потом справа начнутся и тут же кончатся сады, а дорога резко пойдет вниз, с уклоном градусов пятнадцать, не меньше, слева будет обрыв, ведущий вверх, а справа зелень и разрушенные дома, и все вниз, вниз, вниз, и можно уже не отмечать ориентиры, потому что ты уже в Большом Скопино. Но ни одного дома ты не видишь, место это совершенно пустынное, там нет НИЧЕГО, только дорога, деревья, кусты и некоторый первобытный ужас от пустоты. Иногда проходит случайный рыбак в сапогах и с удочками или тяжело поднимающиеся вверх искупавшиеся личности. Людей здесь и вообще мало, а местных еще меньше, они, кажется, прячутся; во всяком случае, все, исключая рыбаков и детей, смотрят друг на друга с изумлением, как бы думая: «И куда же это мы попали? Да еще и так близко от дороги, по которой ходят троллейбусы? Ну надо же! Подумать только, пятьсот, нет, триста метров от Октябрьского проспекта, одной из главных артерий города – и уже стирается с тебя налет цивилизации, ты один на один с природой и с другими такими же заблудшими сюда душами». Примерно с таким выражением смотрят на тебя встречные.

Если еще спуститься вниз, можно дойти до Вятки, вернее, сначала до кустов, потом до Вятки, минуя все же несколько домов. В детстве мы несколько раз ходили с родителями купаться в Скопино, возвращались всегда в темноте или сумерках, ярко горели окна этих нескольких изб, и потом бесконечный подъем вверх, вверх, вверх, все выше, к железке – и вот ты почти дома. Характерно, что человек, проживая долго на одном месте, постепенно как бы рассеивает туман войны вокруг места своего появления на свет, выбирая во время прогулки то одну окрестность, то другую, расширяя ойкумену – так вот Скопино всегда было запретной зоной, никому даже в голову не приходило ходить туда гулять.

Вересники – другая разновидность хаоса. Все то же самое, что в Скопино, только они ОБИТАЕМЫЕ. Это тоже слобода, так же близко от города, прямо напротив центра, и тоже находятся у Вятки (весной их каждый год заливают). По Вересникам даже проходит автобус номер десять, так что местным, чтобы попасть в цивилизацию, приходится принимать человеческий вид, а то не пустит кондуктор. Единственное, что хранит город Киров от нашествия обитателей этого места в их первозданном виде, с лошадиными либо песьими головами – Трифонов монастырь с его святой водой.

Погружение в абсолют

Когда я писал, что в Кирове как будто растворяешься в Брахмане, я ведь не шутил. Это была не фигура речи. Здесь ты в самом деле теряешь индивидуальность и становишься частью чего-то большего, а части бояться целого грешно. Ты чувствуешь такое единение с народом, какого не чувствуешь нигде, ни в Москве, ни в Латвии. В Латвии люди, даже русские, не говоря уж о латышах, слишком сами по себе, не в смысле индивидуальности или эгоизма, а просто отчего-то не сливаются с социумом. В Москве люди уже западные, их слишком много и они слишком разные. Даже мои сокурсники, которые остались в России и не уехали, стали западными. Здесь же, в Кирове, как будто ввергаешься в родную пренатальную среду. На второй день ты говоришь с таким же акцентом, как и прочие. Если ты не выделяешься, бояться тебе нечего, потому что ты такой же, как все; если в тебе нет агрессии, то с тобой ничего не случится, отсюда традиция иметь блаженных. Бояться тебе стоит, если ты чужой, среда агрессивна к чужим, так же, как желудочный сок агрессивен к пище, он ее переваривает, среда не дает другим долго быть

другими, и ты, даже блаженный и неагрессивный, все-таки тоже несешь в себе это свойство, которое чужие чувствуют и становятся к тебе враждебны. Потому что ты представляешь не себя, а свой народ.

Поэтому русские по сути своей не европейский народ. Может быть, московские русские – да, а русские малых городов – еще нет. Я это почувствовал даже в Калининграде, даже в Калининграде погружаешься в эту среду, но чувствуешь меньше, ну это понятно, потому что Калининград все-таки относительно западный город, и, самое главное – я не местный. И понимаешь про Калининград, кстати, только когда оказываешься, вернее сказать, погружаешься в Киров.

Когда видишь ничтожность и величие одного человека, ничтожность и величие целого народа, когда различие между человеком и народом не качественное, а количественное, и понимаешь, как хрупок и убог человек и тем самым весь мир, тебя охватывает жалость и гордость за него, тебе хочется что-нибудь сделать для этого человека (и мира), ну, хотя бы заплакать. Хочется стать Буддой. Когда видишь старушек, торгующих у входа в бывший двадцать пятый магазин, убогих, нищих, просто бедных, больных, несчастных, толстых, глупых, с этим смешным акцентом, ничего не боящихся не из смелости, а из фатализма и незнания, мрущих и нарождающихся, в спортивных штанах, карликов, пьяных, слепых, с микрокредитами, с Альцгеймером – понимаешь две вещи. Во-первых, ты такой же, как они, они такие же, как ты. Во-вторых, хочется всех спасти, спасая одного, спасаешь весь мир, это все становится ясно как день. Брахман, или абсолют, в который погружаешься – надличностная индифферентная душа мира, первооснова всего. Растворяясь в народе, тем самым растворяешься в стихии. В Европе и даже современной Москве Будда или Иисус появиться не могут. Хотя нет, в Москве может быть, в гомогенном Щукино или Зябликово. По этому признаку (наличие Будды и Иисуса) евреи или индусы такие же, как русские, отсюда, кстати, возможно, и ненависть к такой же токсичной к чужакам, как русские, еврейской среде.

Скоро все это исчезнет, конечно. Раньше Москва тоже была такой, во времена, например, Пушкина. Пластмассовый мир победит окончательно. Я не могу сказать, какой мир лучше, пластмассовый мир – всего лишь удобный и довольно точный термин, я не вкладываю в него негативного смысла. Конечно, европейские люди не смогут почувствовать себя частью чего-то большего (русские тоже этого не рефлексируют, просто для них это есть – вот и все), не испытывают вселенской русской тоски и великой же радости, зато много чего приобретают взамен – ту же вшитую в них индивидуальность. Мир меняется, ну и ладно, пускай меняется, тут мы ничего сделать не можем (и не желаем).

Когда я был ребенком, я всей этой «русскости» не понимал, потому что с этим жил с рождения. Понадобилось прожить двадцать лет в Москве, потом еще шесть лет в Риге, потом вернуться в Киров и только тогда почувствовать разницу.

Порядок

Я (почти) все время ходил по местам, расположенным на фронтире борьбы с энтропией, на границе, в лимитрофной зоне, но есть ведь и места определившиеся, места, полностью подчиненные Порядку и места, полностью погруженные в Хаос. Окрестности Цирка, Театральная площадь – места, подчиненные Порядку. Это другой мир. Один мой друг читал эти заметки и не узнавал город, он думал, что я о другом городе пишу, но нет, – он просто всю жизнь прожил в центре, около Театральной площади. Эх, эти люди, не выбиравшиеся из города, не выдавшие жизни. Мы учились с ним в одной школе, и ему нужно было пройти четыре квартала, а мне проехать полгорода. На четвертом троллейбусе, идущем от Филейки по Октябрьскому проспекту, по Карла Маркса, по Ленина (там я и выходил и шел в школу по Труда), потом мимо рынка, Привокзальной площади в какие-то далекие ебенья на Чапаева. И кто больше видел жизни?

Около Цирка раньше располагалось колесо обозрения. Этого колеса одного не хватало, чтоб в одиночку сдерживать энтропию. Место там было хоть и цивилизованное, а все равно на границе ми-

ров. Под колесом обозрения был шалман с чебуреками, пельменями и пивом, играла громкая музыка, сидели постоянно пьяные. Чуть дальше был автовокзал и железнодорожный вокзал, чуть ближе, с другой стороны – парк обшарпанных аттракционов, например, лодка, которая раскачивалась с ужасающей амплитудой, или паровозики. С верхней точки колеса видно было только вершины окружающих его деревьев, что делало саму идею этого сооружения несколько абсурдной, обозрение с этого колеса сложно было назвать увлекательным. Впрочем, между деревьями постоянно ходили люди, подходили к другим аттракционам, что привносило в катание некоторое разнообразие. Также вдалеке можно было разглядеть крышу Цирка или Диорамы, что привносило еще больше разнообразия.

Теперь рядом построили второе колесо обозрения, и все наладилось.

Это второе колесо выше первого раза в два или в полтора. Под ним располагается сердечко, на фоне которого можно фотографироваться, билетная касса, а также мороженщица. Кроме того, вокруг него не стоит деревьев, а, наоборот, лежит сравнительно открытая местность, и даже с прудом. С верхней точки видно с одной стороны леса, окружающие Киров, и за ними Нововятск, а с остальных сторон многоэтажки. Внизу стоит массовик-затейник и непрерывно громко развлекает многочисленных детей. Все так же ходят внизу люди, направляясь к парку аттракционов, уже не таких обшарпанных, а Цирк и Диораму видно полностью. Старое колесо обозрения тоже осталось и даже работает, привлекая, видимо, неимущих граждан, желающих покататься на колесе обозрения, но не обладающих необходимыми средствами на новое, большое колесо. Таким образом, теперь в окрестностях Цирка и гостиницы «Вятка» находится одновременно два колеса обозрения. Вот это порядочек, это порядок, цивилизация. Хаосу тут места нету. Люди расслаблены и не ведают о внешней угрозе.

Цивилизация укрепляется не только в окрестностях гостиницы «Вятка»! Взять, например, центр. В окрестностях Театральной площади есть множество магазинов, в кофейне предлагают любой вид кофе с любым видом молока или молокоподобной жидкости. Можно горячее, можно холодное. И одновременно, пока потребляешь этот кофе, тебе распечатывают документы, которые ты принес с собой на флэшке или скачал из интернета. Можно скачать, например, реферат, а можно поэму «Мцыри», а можно и самому сочинить стишок и распечатать его, а почему нет? «На Филейке в семь утра подъем», например. Вот как все удобно и разумно придумали, одно слово – цивилизация. Работники кофейни приветливы и улыбаются тебе, и не хочешь, а скажешь: Ах, какое хорошее у вас место, – и они снова улыбнутся, а то и засмеются от радости.

Да что кофейни! Положим, мне надо было побриться, а то у меня от местной соборности начала вдруг густо расти борода. Нашел в интернете барбершоп, позвонил туда, записался в тот же день на семь вечера. Имя мастера было какое-то нерусское, мне показалось – кавказское.

Какое там! Подходя к барбершопу, я заметил выходящего оттуда покурить молодого чернокожего. Возможно, это мой мастер, подумал я с волнением. Поднявшись на крыльцо, я вошел в дверь, потом в другую – и сразу понял, что попал туда, куда записывался, потому что за стойкой сидел еще один чернокожий и разговаривал с другим, посветлее, но, скорее, африканской расы. Садитесь, сказал он мне, барбер сейчас придет. Я сел и осмотрелся. В барбершопе было три или четыре кресла, на каждом (кроме моего) кого-то брили или стригли, и везде парикмахеры были, ну, как вам сказать? откровенно говоря – негры. Для Кирова это, наверно, экзотика, несмотря на всю цивилизацию, но, сдается мне, это были не настоящие барберы. Мой, например, расцарапал мне всю шею, да и только.

Интересная личность

На второй неделе, когда Киров почти переварил меня, были следующие интересные личности. Вернее, интересной личностью выступал уже больше я, потому что различие между «я» и «не-я» истончается и все стирается, стирается.

1. Первым знаком того, я был принят землей-то вятской, был следующий. Без десяти минут полночь я шел по своему обычному маршруту с улицы Мельникова до центра, ради разнообразия не пырясь в телефон на покемонов, а пырясь, наоборот, на прохожих, которых в тот ночной час на улицах было весьма мало, но и по случаю жары более, чем можно было бы предполагать, с видом грозным и цисгендерным, несмотря, с одной стороны, на серьгу в ухе, зато, с другой стороны, и с бородой. Навстречу какой-то пацан, лет, может, двадцати с чем-то. Идет и говорит здарсьте. Я, конечно, тоже говорю ему здарсьте, но не останавливаюсь. Зато останавливается он и объясняет мне, что часто здесь ходит и все время меня встречает. Ну надо же, говорю, а я что-то внимания не обращал, но не в этом моем ответе суть. А в том, что меня уже на улицах народ местный узнает и здоровается, уважение выказывает, за своего признает. Приняла, приняла меня земля Вятская! Почти растворился уже я в своем народе сердешном. Не поминайте лихом!

2. Я остановился, чтобы снять покосившийся сарай в Троллейбусном переулке, стал примериваться, чтоб получить его щелкнуть, и услышал сзади голос местного жителя, автохтона: а че это вы наш сарай-то снимаете? Местный житель просто так сидел в подъезде напротив сарая, он ничего не делал, просто ему, видимо, нравилось сидеть с голым торсом в темном подъезде. Нравится, говорю я. Че это он нравится, удивился автохтон. Ну, косой, говорю. Че косой? Косой, говорю, сарай-то. Ну и че, косой? Ну обычно-то прямые сараи, а этот-то косой. И это нравится, что косой? Ну да, необычно, другие-то сараи прямые, а этот-то косой. Станный вы какой-то человек, счел нужным сообщить мне автохтон. Кажется, он меня не одобрил.

3. В районе монастыря одна женщина старых лет в платочке увидела меня и без особого выражения лица перекрестилась.

4. В последний день в Кирове вышел в соседний дворик посидеть на лавочке. Рядом урна, из нее торчат ручки пакета, как уши мультипликационного кролика, вокруг лавки развешано белье на таких специальных железных штуках. Сел думать думать. Только начал, смотрю, приближается старушка в платочке и с тазиком для белья, смотрит на меня и говорит, Галя, ты ли че? Я говорю, не, я не Галя. А она смотрит на меня так мирно и говорит: а я думала, Галя. Ну я тогда белье соберу? Собирайте, разрешил я, а сам встал и пошел домой, чего я там буду сидеть, пока она белье собирает. Оглянулся через несколько метров, и вижу, что она за мной идет, по направлению к мусорным контейнерам, в руке у нее пакетик с мусором, и тоже крестится.

5. Упомянутые барберы в центре города, не могу их не вспомнить.

(Конечно, снова женщина-карлик, которую я не описываю, я встречал ее раза четыре. Я вижу ее третье поколение, они, можно сказать, мои соседи, я даже знаю, где они живут и немало историю их семьи, но писать об этом не буду, потому что это все-таки реальный человек, зачем ему лишняя слава?)

Фарватер

Этот рассказ был бы неполон без описания моего еженощного маршрута. Мне бы хотелось, чтоб это была большая поэма, написанная, предположительно, в стиле ирландских саг, как «Плавание святого Брендана», но не стилистически, стилистически у меня имеется фантазия написать это одним абзацем, (не этим, этот вступительный), и я намереваюсь потратить на ее написание не меньше того времени, что я трачу на свой путь (а лучше больше), то есть полчаса или час, в зависимости от того, захожу я в магазины, останавливаюсь половить покемонов и т.д. кроме того, путь может варьироваться, все ответвления описывать не буду, но, может быть, одно опишу. Не знаю, кому это будет интересно читать, текст задумывается и как художественный, и как познавательный, и как сентиментальный, и как краеведческий, то есть примерно всем и никому, как и полагается русскому народу.

итак погнали

Мой путь начинается на улице Мельникова, одной из тех улиц, что в нашем районе заасфальтировали, то есть там, где энтропия временно проигрывает. Нужно пройти мимо ряда одноэтажных строений, выстроенных еще при Сталине и уже начинающих постепенно разваливаться (с другой стороны находится синий глухой забор детского сада «Почемучка»), дойти до пересечения с улицей Гайдара, где уже есть несколько достопримечательностей: во-первых, это магазин «Красное&Белое», в котором продается не только красное и белое, но и, например, прозрачное; во-вторых, детская площадка напротив, мимо которой ходят пьяницы с бутылкой наперевес; в-третьих, конечно, магазин «Ассорти», бывшая «Чарка», потерявший алкоголический флер с приходом «Красного&Белого», но все равно закрывающийся в одиннадцать. После «Ассорти», если идти вверх по улице Гайдара, целый дом не происходит ничего интересного, зато потом с левой стороны начнется школа № 45 имени тоже Гайдара, в которой я учился целый год, и о которой у меня остались исключительно приятные воспоминания, в частности, там я впервые в сознательном возрасте понравился девушке (потом такого не было примерно пять лет), а с правой стороны будет дом, в котором умер мой дед. Все это хрущевки или сталинки, наш район застраивался как рабочий поселок для эвакуированного сюда из Москвы завода имени Лепсе, а сам Иван Иванович Лепсе, кстати, был латыш. Дорога идет в гору. Дальше сквер, в котором раньше каждый Новый год ставили горку, не знаю, как сейчас, наверно, не ставят, потому что теперь его облагородили, там красивые скамейки, фонарики, клумбочки, словом, это стало плохим и злым местом, а когда-то, наоборот, было очень хорошим и добрым местом. На лавочках все время сидят парочки или компании, и оно все время освещено, плохое, злое место. Слева от сквера находится ДК «Родина», это основной местный ориентир, если сказать таксисту «я живу в районе ДК “Родина”», он примерно понимает, сколько денег с тебя взять. После сквера находится короткий неосвещенный участок, потом улица Кутшо, где я встретил слепого. Вместе со слепым мы следуем до круглосуточного магазина, в здании, которое находится уже на Октябрьском проспекте; в этом же здании находится еще один магазин «Красное&Белое». В соседнем здании находится магазин с благородным названием «Бристоль», в котором продается примерно то же самое, что в магазине «Красное&Белое», кроме мяса (ибо мясо, как известно всякому, тоже бывает как красное, так и белое). Этот отрезок очень хороший, он всегда ярко освещен, там бульвар, там гуляют местные жители, в каждом доме или магазин, или какой-нибудь штаб ДОСААФ, или мастерская. Весь алкоголь работает до одиннадцати, так что мне это уже нерелевантно. Минувя около трех домов, выходишь к площади Лепсе, а площадь Лепсе это один из майлстоунов нашего города, если сказать таксисту, что ты живешь в районе площади Лепсе, он примерно понимает, сколько денег с тебя взять. На площади Лепсе находится магазин «Глобус», бывший двадцать пятый, а также круглосуточная аптека, в которую по ночам нужно звонить, тогда открывается окошко, и милостивая аптекарша вводит тебя в неведомый мир лекарственных препаратов. Дверь она при этом (по ночам) не открывает. Около двадцать пятого днем и ночью сидят продавцы различных ягод, днем больше, ночью меньше. Во время девяностогодных там сидели в основном продавцы спичек, работавшие на спичфабрике «Красная Звезда», ныне очень удачно, я считаю, переименованную в «Феникс», которым платили зарплату спичками. Посреди площади Лепсе стоит памятник Кирову, и вокруг него ездят автомашины, их (памятников Кирову) в городе Кирове всего два, второй находится у ЦУМа. Перейдя дорогу, попадаем на остановку «Площадь Лепсе» с многочисленными ларьками, среди которых выделяются микрозаймы (там в основном микрозаймы), изготовление ключей и кофейня с феноменально несладким какао. Забыл сказать, на всем протяжении Октябрьского проспекта с левой стороны находятся корпуса завода имени Лепсе, но они уже в основном служат другим, каким-то неведомым целям, ну, например, там есть беспонтовый торговый центр, но некоторые корпуса все еще заводские. Так или иначе, идем дальше, и с правой стороны начинается стадион и спорткомплекс «Родина», родина команды по

хоккею с мячом «Родина», пострадавший в результате рейдерского захвата, а с левой все продолжается завод имени Лепсе. На этом заводе работала моя бабушка, и если бы его сюда не эвакуировали, то не родилась бы ни моя мама, ни сестры, ни я. После окончания завода и стадиона с левой стороны находится перекресток с улицей Северное Кольцо, а потом жд станция Киров-Заводская, а с правой трасса для картинга и Троллейбусный парк, с доской почета и троллейбусами. По ночам там орут чайки, хотя ближайшая река довольно далеко, может быть, километр или полтора. После троллейбусного парка начинается Хлебозавод номер пять, там все время одуряюще пахнет свежим хлебом, написал и тут же сам испытал голод. Там, в общем, уже точно можно сказать, что наш район заканчивается, а начинается центр, поэтому дальше неподробно. Откровенно говоря, наш район заканчивается уже на площади Лепсе, не тут он оканчивается совсем, целиком и полностью, окончательно. В общем, дальше улица Октябрьский проспект поворачивает направо, под углом сорок пять градусов, и я поворачиваю вслед за ней, там снова пара магазинов, еще один магазин «Красное&Белое», детский садик (а слева просто сквер), потом! потом находится гостиница «Молодежная», принадлежащая ЦДООШ (центру дополнительного образования одаренных школьников), очень хорошей организации, каждый год устраивавшей ЛМШ (летнюю математическую школу), повлиявшей на мою судьбу не меньше сумасбродного библиофильства моего отца. Потом еще несколько домов, кафе, магазины и, наконец, перекресток с улицей Профсоюзная, по которой надо свернуть влево, и скоро будешь на месте. Это неинтересно, это уже начало совсем центра. Из интересного на улице Профсоюзной могу выделить забегаловку под названием «Плов готов». Если же пройти чуть дальше по Октябрьскому проспекту, увидишь настоящий танк Т-34, правда, на постаменте, и кино внутри него нет.

ВОТ МЫ И ДОМА

Это основной путь, отклонения от него минимальны – например, можно пройти мимо ДК «Родина», а можно мимо аптеки (неописанной), можно пройти по Кутшо, а можно по Мориса Тореза, можно срезать угол между Октябрьским проспектом и Профсоюзной, а можно не срезать, и так далее. Но есть и полностью альтернативный путь – Троллейбусный переулок, где люди с песьими головами, где солнце заходит на востоке.

Троллейбусный переулок

По Троллейбусному переулку можно попасть от Танка, до, грубо говоря, улицы Мельникова. Это червоточина в пространстве. Слишком часто ею пользоваться не стоит, об этом мне говорит новообретенный инстинкт кировского жителя, особенно не стоит им пользоваться ночью, хотя некоторые считают, что не стоит им пользоваться и днем.

Как я уже писал, если идти от Танка домой, надо идти по Октябрьскому проспекту вдоль нескольких зданий, гостиницы «Молодежная», магазинов автопринадлежностей, «Красного&Белого», хлебозавода № 5 с его когда-то процветающим магазином тортов, троллейбусного парка, трассы для картинга, спорткомплекса «Родина», только потом попадаешь на площадь Лепсе, откуда разными путями можно попасть и домой. Все это время ты понемногу сворачиваешь влево и, таким образом, глобально обходишь троллейбусный парк (справа), что удлиняет твой путь.

Но можно пройти и более или менее по прямой, держа троллейбусный парк по правую руку, и выйти к улице Лепсе (не площади!), а оттуда уже домой. Получается, ты идешь домой не по дуге, а по хорде. Эта хорда и есть Троллейбусный переулок, с частично пересекающимся или сливающимся с ним Машиностроительным переулком. Чтоб туда попасть, нужно с Профсоюзной улицы не сворачивать на Октябрьский проспект, а просто идти дальше вперед, и очень скоро

местность понизится, и упруешься в гаражи, но сдаваться не надо, между гаражами много тропок, которые ведут еще на уровень ниже, и это и будет Машиностроительный переулок. Машиностроительный переулок устроен как натуральные ебень, там вообще ничего нет, иногда вроде какие-то гаражи, а так заборы и зелень, или просто общее повышение рельефа. За заборами непроходные промзоны, если их каким-то волшебным образом пересечь, то выйдешь на железку, которая ведет уже совсем к моему дому, но их не пересечь никак, поэтому надо просто идти направо по совершенно пустынной местности, по грунтовой дороге, естественно. Идешь по этой дороге, и довольно долго ничего не происходит, но потом начинается цивилизация. Это вступает в свои права Троллейбусный переулок, на котором есть дома, даже трехэтажные, во дворах которых висит белье и сидят, бездельничая, дети и подростки, есть бараки, есть гаражи, есть кривые сараи, о которых я уже докладывал. Ездят иногда машины. Опоры ЛЭП стоят прямо на дороге. Однако вокруг все равно, в основном, пустыри и растительность. Множество тропинок и даже дорожек отходят налево, суля, казалось бы, проход к вожденной жд, но им не стоит верить, попадешь в очередные гаражи или в болото, или упруешься в забор. С первого раза пройти без ошибки по улочкам в районе Троллейбусного переулка и выйти к улице Лепсе невозможно. Несмотря на название, по этому переулку ни разу в жизни не ездил ни один троллейбус, так же как в Машиностроительном переулке, я уверен, ни разу не построили ни одной, даже самой захудалой, машины. От Троллейбусного переулка имеются ответвления, и, если знать, можно выйти от него хоть к хлебозаводу, хоть к спорткомплексу «Родина», но нам надо к улице Лепсе. Около улицы Лепсе это уже не переулок, а лабиринт парковок и гаражей, откуда ты попадаешь во дворы.

Помимо того, что это червоточина в пространстве, это еще и лакуна во времени – там все так же, как было в застойносемидесятые. Я был там два раза, хотя меня и отговаривали ходить туда. Но у меня тут (непроизвольно) помимо растворения в своем народе выработалась особая манера передвигаться по таким местам: я немного горблюсь, а руки вот так вот слегка сгибаю, как будто у меня такие бицепсы, что руки не могут разогнуться до конца. Хожу я при этом как бы вперевалку, а пространство обзираю немного как бы исподлобья. И такая мимикрия работает.

Наконец, кратко о пути от улицы Лепсе к улице Мельникова. Одним предложением – дорога эта как раз из тех, где победила энтропия. Ходить там раньше было Можно, а теперь, конечно, тоже Возможно, но Не Стоит.

Ритмическое строение кировского акцента

Наш кировский акцент-то ведь многие хвалят за его, что ли, певучесть. Меня самого что-то долго удивляло, а в чем его особая певучесть. Долго думал и понять-то никак не мог, а потом как-то осенило, что ли. Всего и делов-то в его такой что ли особой ритмической структуре и смене ударных и безударных. Я писал ведь, что фраза тяготеет к окончанию «ударный-безударный», но только этого мало. Помимо этого наиболее яркого признака вятского акцента, у него так-то должно быть еще одно свойство: что в разговорной-то кировской речи ударные слоги отталкиваются от друг друга, совсем как одноименно заряженные частицы.

И двух ударных подряд не бывает почти никогда, пусть хоть даже хоть на стыке что ли двух предложений или фраз или че хоть – как я писал, отдельная фраза нечасто оканчивается на ударный, и так же редко она на ударный начинается.

И более того, два ударных, разделенных одним безударным-то, тоже не такое-то частое и явление. Упомянутые частицы «то», «ли», «ведь» и так далее служат для отдаления ударных от друг друга хотя бы на два безударных. На некоторые теоретически ударные слоги для выполнения этого правила ударение не ставится. А главка, которую вы только прочитали – утрированный пример нашего кировского акцента.

Валерий СИЛИВАНОВ

АНАГРАММЫ ПРО ЖИЗНЬ НА ФИЗТЕХЕ В 90-е

От автора: Анаграмма – текст из двух частей, составленных из одного и того же набора букв. Например, переставляя буквы, но не добавляя и не удаляя ни одну из них, слово СЛОВО можно превратить в ВОЛОС, а ТРЕШУЛИ ПО НОСУ – в ИССТУПЛЕННО ОРУ.

В этой форме я написал воспоминания про студенческую жизнь в Московском физико-техническом институте (МФТИ) в первой половине 1990-х.

***

Студента Колю всегда ужасно тянуло все крушить. Например, бить зеркала в коридоре общаги. После он воцерковился и начал творить жуткое количество добрых дел. Благоустроивал храмы, готовил к изданию душеполезные книги и непременно помогал всем, чем мог. При этом увлеченно занимался наукой.

Вскоре героя арестовали за порчу на улицах рекламных щитов с неприличным, на его взгляд, содержанием.

Затем полностью оправдали в суде, так как учли – громил он только всем во благо. Будто б не криминал тебе.

Потом Никола женился на судье, вынесшей этот приговор, и они завели огромную кучу детишек.

***

Многие у нас после третьего курса переехали из долгопрудненской общаги в московскую, в Зюзино. И это однажды привело к странным и суровым последствиям.

Толя после института получил MBA в Чикагском университете и остался пока в Штатах. Как-то он, весьма незадачливо, не успел продлить вовремя паспорт РФ, так как погрузился в работу и сутками упорно трудился на Уолл Стрит, как бык на пашне. Наконец все же собрался и зашел в наше консульство, где сказали, что сейчас нужно переподтвердить его подданство.

Спустя пару недель его позвали и сухо сообщили с мерзкими усмешками:

– Вам отказано в выдаче паспорта. Вы не гражданин РФ.

Толя обомлел, вскипел:

– Что? Искусно шутите. Не купился. Право, это слишком.

– При распаде СССР проживали в другой стране.

Валерий Силиванов родился в г. Первоуральске в 1972 году. Закончил Московский физико-технический институт. Автор слоговых палиндромов и анаграмм. Публиковался в изданиях: «Другое полушарие», «Журнал ПОэтов», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Черновик», антологии «Свобода ограничения» и др. В 2011-м выпустил книгу анаграмм «Двуногие приматы! Гуманоиды! Привет!». Живет в Москве.

- В России! Казус. Заявляю протест.
  - Успокойтесь! Хотите письменное доказательство? Смотрите, вот ответ на запрос долгопрудненского отдела МВД: «Отбыл: Керч».
  - Да не в Керчь, а в Москву на улицу Керченскую.
  - А тут не так написано.
- Так необыкновенно глупо Толик лишился гражданства.

***

- Однокурсник Игорь сказал, что никогда больше не поедет в США.
- И почему? Ведь ты же там учился два года и тебе нравилось?
- (Он закончил Уортон, лучшую бизнес-школу в стране и в мире.)
- Как-то я поехал в Штаты на встречу выпускников, и в аэропорту на паспортном контроле у меня не совпали отпечатки пальцев. Очевидно, из-за какого-то сбоя.
  - И чего потом? Уверен, разобрались.
- Отвезли в полицию. Посадили в клетку. Провел там много часов. Допрашивали не понарошку. Тупо, зверски ругались. Очень-очень гнусно. Кошмар.
- Хорошо, разное бывает. Как-то это слабая причина, чтоб не ездить в Америку. Не такая безумная трагедия.
  - Да, точно. Через год, по-детски улыбнувшись, снова полетел на встречу выпускников.
  - Ну и как?
  - Повторилось точно то же самое.

***

- В стройотряде на Курилах я получил сотрясение мозга и потерял память. Сначала меня принесли в дом, где обитали наши физтехи. Обнаружив амнезию, все жутко заволновались.
- Валера, а ты совсем не помнишь, что летели из Москвы на самолете?
  - Нет.
  - Суровое дело. А как плыли на корабле с Сахалина на Итуруп?
  - Нет.

В замешательстве люди беспокойно заерзали.

Я вспотел. Утомленно лежа на матрасе, жалобно охал.

Серьезно, не игра. Немыслимо, бляха-муха. Немыслимо.

- Ладно, а чему равен интеграл от синуса пяти икс? А производная от икс в степени икс?
- Получив ответы, решили – не так фатально я ударился. И отправили к врачу.

***

Девяносто второй год. Конец работ в стройотряде. Мы с Дмитрием Петровичем решили вдвоем лететь с Итурупа на Сахалин на самолете.

Почти сутки добирались на попутках до аэропорта. Кстати, там все водители всегда останавливались сами, если идешь по дороге, и предлагали бесплатно подвезти.

А когда мы приехали, выяснилось, что самолет улетел, а следующий будет через неделю. Вот фиаско! Вот какая жуть и жесь. Однозначно. Увы.

И крутая же досада, поверьте.

Мы титанически страдали. Расстроено ругались и охали. В тревоге чесали черепа - гадали, что делать. Нам посоветовали: тут везут семьи офицеров, – попробуйте договориться с экипажем, чтоб вас взяли на борт. Шанс! Подошли к командиру:

– И кто вы, люди?

– Студенты.

Ответил:

– Давайте садитесь.

Мзду не принял. Вопиюще легко подействовало. Успех.

Так мы и долетели – лихо добрались до места на десантном самолете.

***

Помнится, на военных сборах не только жили, ели, преглупо маршировали, как тупоумные особи, но и феерично и могуче водили хороводы.

А именно – в ночи перед отбоем смыкали руки вокруг футбольного поля и, хохоча, неторопливо шли и хором орали дивные и ужасные песни.

***

Виталий Юрьевич, наш сосед по физтеховскому общежитию в Долгопрудном, регулярно ездил в гости к друзьям в МГУ на пару суток. И как-то раз по весне он направился туда, как обычно, и совсем неожиданно для нас пропал на неделю.

Когда возвратился, прикурил один. На вопрос, как живут в МГУ, сипло проинформировал: «Да я не знаю». Оказалось, студент по пути нехило зашел на секундочку на чей-то день рождения в соседнюю с нами общагу, где потом был все время.

***

Весной я с Виталием Юрьевичем и Юрой релаксировал на террасе. Попивая эль, вспоминали звездные и оттяжные студенческие годы. Поевши с охотой до отвала, Виталик честно поведал, что раз он угодил с воспалением легких в больницу в Долгопрудном. Положили на кушетке. Терапия.

Там медики вежливо и настойчиво просили его помочь возить умерших пациентов из палат в морг. За это Виталика еженедельно отпускали в выходные дни на волю.

«Слушайте, очевидно, вся история – полная ерунда, – слегка невесело перебил Юра, – ты просто не лечился в долгопской дурке».

***

Как-то Виталик, всем нам на зависть, крепко спал почти до обеда. Самозабвенно дрых. И пришло предложение:

– Надо устроить ему ПОБУДКУ.

Мы все деликатничали:

– Не пора.

Он забавно храпел.

Кто-то, покривившись, мудро подсказал с убеждением:

– Надо устроить тапком ПО БУДКЕ.

***

Бывало, лежа высоко у себя на кровати на втором ярусе, Дмитрий Петрович метал ножи в дверь комнаты. Весьма сурово и умело. Как ниндзя. С запалом. Притом скажу, что дверь запирали не всегда.

Опасно. И как-то дома чуть не пролилась кровь.

Едва кинув нож, Дима (а его рост – два метра) не удержался и, быстро взыв, упал метеором.

А приземлился он живым. Без травм, увечий, синяков. Красота.

***

На втором курсе шли с Димой по студгородку, и с нами заговорил человек. Он оказался интересным, невероятно красноречивым рассказчиком. Ученым и кандидатом в народные депутаты. (Тогда проводили первые в России парламентские выборы.)

Мы увлеченно внимали его речи. Ну и время бежало совсем незаметно.

Он смиренно поведал нам о себе. Говорил о науке, лидерстве, идеологии, гармонии мира, важности демократии. Мудро вразумлял нас. Причем редкостно красочным языком.

Часа через три, надрывно взывая к чувству долга и к совести, спросил:

– Как, умные вы мои, пойдете на выборы?

– Нет.

– А почему?

– Мы несовершеннолетние.

***

Один раз соседи решили употребить в пищу голубей, так как мнили – ими реально всем можно кормиться даром. И не то, чтоб жизнь жутко заставила, а так. Шальные молодые герои отловили пару штук во дворе и, весело похвастав, принесли на кухню.

Вовсю начали разделывать, но все-таки не смогли преодолеть брезгливость и отдали туши нашим полудиким котам. Те их тоже жрать не стали, но лихо порвали на куски и буйно разнесли кровавые ошметки и перья по всему общажному коридору.

***

Это, ребята, отчет о диком баловстве. Студенты МФТИ на первое апреля картинно красили рельсы.

После было так. Утро. Темнота. Быстро идет первая электричка, светит фонарями, а рельс не видно.

Владимир ОРЛОВ

ВЯЧЕСЛАВ ЛЕБЕДЕВ: КОНЦЕРТЫ БЕЗ ПУБЛИКИ

Вячеслав Михайлович Лебедев родился 28 сентября (10 октября по новому стилю) 1896 года в Воронеже, следовательно в этом году мы отмечаем его 125-летний юбилей. Пишут о поэте нечасто, в основном в связи с пражским литературным объединением «Скит», существовавшим с 1922 по 1940 год; соответственно, и стихотворения публикуются в основном этого периода. Между тем после своей первой книги «Звездный крен» (Прага, 1929), – единственной, изданной типографским способом, Лебедев составил еще 34 машинописных сборника, большинство из которых датировано послевоенными годами. Почти ничего из этих сборников не опубликовано.

В Чехословакии Лебедев оказался в 1922 году, после эвакуации армии Врангеля из Крыма, транзитом через Константинополь, Болгарию, Югославию и Австрию. Окончил инженерно-строительное отделение Пражского университета, работал чертежником. До войны публиковался в периодике, участвовал в заседаниях пражского «Скита поэтов».

После начала второй мировой долгое время о Лебедеве ничего не было слышно. Глеб Струве в своей книге о зарубежной русской литературе, изданной в 1956 году, высказал предположение, что Лебедев мог вернуться в Россию.

Во многом это результат того странного положения, в котором оказался Лебедев после того, как Чехословакия попала в сферу влияния Советского Союза: лишенный русскоязычного окружения, он не мог распространять свои стихи даже как самиздат, а об официальных публикациях под двойной цензурой – чешских властей и советских кураторов – долгое время и речи быть не могло. В то же время по другую сторону железного занавеса, как видим, не было достоверных сведений даже о том, жив ли поэт, а если жив – где находится. Сам Лебедев о послевоенном существовании в Праге писал: «Ведь почти все мы здесь, за немногими исключениями, – “от ворон отстали, а к павам не пристали”, по русской пословице. И эта “двойная эмиграция” – вещь довольно жестокая. Если уже нет внутренней, творческой связи ни по ту сторону, ни по эту сторону рубежа, то изоляция получается полной»¹.

Однако именно благодаря книге Струве, которая каким-то образом попала в руки Лебедеву, он дал о себе знать: сообщил, что продолжает жить в Праге, сильно болел (туберкулезом), но продолжает писать стихи. Вскоре пять его стихотворений были опубликованы в «Новом Журнале» под псевдонимом «Виктор Ляпин» с примечанием редакции, что они получены из-за железного занавеса от поэта, которого там не печатают. Еще три стихотворения под тем же псевдонимом появились в 62-й книге «Нового Журнала» (декабрь 1960 г.).

Псевдоним был необходим хотя бы потому, что последствия зарубежных публикаций в свете недавнего скандала с «Доктором Живаго» были непредсказуемы. Сам Лебедев написал в своем первом письме Струве: «Хотя о культурном сотрудничестве с Западом и много говорится, но пример Пастернака действует устрашающе. Вообще живем мы плохо, я в особенности: на работу не принимают, “неблагонадежный”...»²

Переписка двух литераторов, завязавшаяся в 1959 году, была довольно бурной: в период 1960–1961 гг. Лебедев переслал Струве больше ста своих стихотворений, написанных в разное время. Естественным образом возникла идея издания книги, с чем Струве обещал помочь. «...я

¹ Письмо Лебедева Струве от 18 мая 1961.

² Письмо Лебедева Струве от 21 апреля 1959.

бы назвал ее – “Веретено”¹. Это просто, конструктивно и со значением. Вариант более красивый, но, пожалуй, саморекламный – “Павлинье перо”²... Относительно имени – конечно, Вячеслав Лебедев, даже и под угрозой каких-либо неприятностей. Ведь жизнь, Глеб Петрович, идет к концу, так чем же ее и отметить, как не книжкой со своим именем?»³.

Однако смелости хватило ненадолго, и уже летом 1960 года Лебедев начинает задумываться о том, как бы и книжку издать, и возможных неприятностей избежать. Поскольку Струве был готов взяться за предисловие, Лебедев начинает подсказывать, как его «правильно» написать. «Вы сможете в нем сказать несколько слов и о том, как эти стихи попали к Вам в руки, чтобы несколько помочь мне здесь в случае неприятных и пытливых расспросов по этому поводу. Скажем так, приблизительно: что ядро книжки переслал я Вам еще в 1948 году (до “холодной войны”), но тогда у Вас не было возможности ее напечатать. Дальнейшие новейшие стихи попали к Вам окольным путем через общих знакомых в виде приложения к моим письмам и т.д., так что у Вас со временем накопилось их достаточное для издания количество. Так как их лирическая тема преимущественно эмигрантская, что исключает возможность печатания их в Сов. России, то Вы решили включить их в эмигрантскую литературу, принимая во внимание их некоторые достоинства и устраняя этим естественную возможность их полной и бесцельной пропажи»⁴.

Такие метания между желанием публиковаться и опасениями, что это может сказаться не только на судьбе его стихов, но и на его собственной, были, судя по дальнейшей переписке, весьма характерны для Лебедева. Например, если в первом письме он присылает стихи, которые «...не подкрашены политически каким-либо жонглированием. Просто обыкновенные стихики обыкновенного мечтателя»⁵, то по мере укрепления письменных уз со Струве рискует передавать ему и тексты с более сомнительными строчками:

Днем – туманно, ночью – мгlisto.
Нет на небе ни звезды.
Труп застывший коммуниста
У забытой борозды...⁶

Если весной 1961 года Лебедев говорит о ситуации, сложившейся после своих первых публикаций с осторожным, но оптимизмом: «Теперь о книге. Еще месяц-полтора – и можно будет сказать, что мою вылазку за проволочные заграждения или не заметили, или решили оставить без внимания. Дело Пастернака было даже здесь принято со сдержанным неодобрением»⁷, то уже в следующем письме он ноту осторожности существенно усиливает: «В связи с такой установкой только на “чистую” поэзию, надо исключить из состава книги те стихи, в которых проскальзывают “протестантские” настроения, как то: “Подарок из Парижа”, “Хозартель”, “Лайка”, “На Луне” и др.»⁸.

Публикация в шестом сборнике альманаха «Мосты» состоялась под собственным именем автора (с полного его согласия, данного Струве в очередной период смелых решений) и с редакционной сноской – к сожалению, с редакционной же опечаткой в ней: «Эти стихотворения присланы редакции лицом, получившим их от автора для опубликования. Автор живет в Праге, где еще в 1919 году им была выпущена книга стихов “Звездный крен”; потом его отдельные стихотворения и поэмы печатались в “Воле России” и других журналах. После второй мировой войны стихи. В. Лебедева в печати почти не появлялись»⁹.

¹ Среди машинописных сборников, составленных Лебедевым, имеется «Веретено» (1955–58).

² Среди машинописных сборников, составленных Лебедевым, имеется «Павлинье перо» (1950–55).

³ Письмо Лебедева Струве от 20 мая 1960.

⁴ Письмо Лебедева Струве от 27 июля 1960.

⁵ Письмо Лебедева Струве от 21 апреля 1959.

⁶ Полный текст см. в настоящей публикации.

⁷ Письмо Лебедева Струве от 30 мая 1961.

⁸ Письмо Лебедева Струве от 30 июля 1961.

⁹ Мосты. 1961. № 6. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ. С. 70.

Уже ошибка в дате (1919 вместо 1929) показалась автору весьма существенной. А на первое предложение сноски Лебедев реагирует особенно нервно: «Сомнительность» примечания <...> ощущалась мною и из-за этой ошибки в дате и из-за совершенно непонятного для меня желания рассказать всем читателям <...> каким именно путем были получены эти стихи: их передало в редакцию одно лицо, которому сам автор послал для опубликования. Т.е. – стопроцентная вина автора свидетельствовалась перед целым миром с совершенной очевидностью <...> Недавно нашумевшая история с Пастернаком (какое большое имя это было!) показывает, что литературное сотрудничество с Западом считается предосудительным, а это примечание добровольно уличало меня в нем»¹. Только много позже Лебедев признаёт, что на сноску никто никакого внимания не обратил, хотя мнительно договаривает, что «невидимые» последствия все-таки были.

И все же сама идея книги была похоронена только после ареста проживающего в Праге видного общественного деятеля, идеолога евразийства, Петра Николаевича Савицкого, – как раз за публикацию стихотворений (под псевдонимом Востоков) в парижском издательстве. То, что Савицкого под давлением европейских правозащитников вскоре выпустили, уже не могло повлиять на решение Лебедева: «Обостренная международная обстановка затрудняет и культурные сношения. На днях я узнал, как жестоко поплатился за парижское издание П.Н. Савицкий. Совершенно очевидно, что в настоящий период времени и в ближайшее будущее абсолютно не приходится считать с возможностью издания моей книжки или какого-либо печатания моих стихов в журналах. <...> Все присланные Вам материалы, если можно – сохраните. Я надеюсь, что обстановка снова изменится...»²

Переписка на этом временно прекратилась, но спустя несколько лет ситуация действительно начала меняться, и последняя оговорка пригодились. Случайно встреченный Лебедевым в 1966 году на пражских улицах Вадим Морковин³ передал ему привет от Струве, и надежда вновь постучалась в сердце поэта. К тому времени приоритеты у Лебедева несколько сместились и, «набив мозоли на руках» от стучания в двери московских журналов (значит, были и такие попытки), Лебедев открыл другой фронт и пошел по переводчикам, в надежде опубликоваться хотя бы по-чешски.

Однако возобновившиеся отношения со Струве заставили Лебедева опять задуматься о возможности зарубежных публикаций на русском, и вскоре, как ему показалось, он нашел выход: что если пойти официальным путем, через чешское министерство культуры? Ведь культурные контакты с Западом к этому моменту уже не возбранялись, а неприятный случай с Савицким-Востоковым, как пояснили Лебедеву, был вызван исключительно тем, что тот действовал подпольно. Правда, был еще совсем недавний случай Синявского – Даниэля (и Лебедев – по-видимому, на случай возможного отступления – не обошел эту тему в письмах Струве) – но ведь те тоже действовали «подпольно», он же будет – официально.

Недолгие поиски привели поэта в созданное при министерстве культуры литературное агентство «Дилия», которое и призвано было решать такие вопросы. На словах выглядело все прекрасно: для публикации на Западе необходимо было предоставить в «Дилию» тексты сборника и договор с зарубежным издателем, который бы гарантировал выплату агентству как минимум 50 долларов (они, за вычетом комиссионных, выплачивались затем автору в кронах по официальному курсу); ну и предоставить 15 авторских экземпляров – но это уже сущие пустяки. Для книги было придумано новое название: «Погоня»⁴ и состав, который теперь формировался не Струве из присланных ранее текстов, а самим автором: сначала уже изданный в 1929 году «Звездный крен», потом довоенные стихи из периодики («Воля России») и сборников «Скита», и лишь потом более поздние стихи – и то только до 1950 года.

¹ Письмо Лебедева Струве от 30 мая 1961.

² Письмо Лебедева Струве от 11 ноября 1961.

³ Также бывший член «Скита поэтов»; в 1969 году подготовил книгу писем Марины Цветаевой к Анне Тесковой.

⁴ Среди машинописных сборников, составленных Лебедевым, имеется «Погоня» (1935–40).

Что не понравилось Струве в предлагаемой схеме – можно только гадать. То ли он принципиально не хотел подписывать какие-либо договора с коммунистами, то ли не был уверен, что в самый последний момент его корреспондент опять не пойдет на попятную. Надо также учитывать, что собственного издательства у Струве и не было, а уговорить подписать документ стороннюю организацию тоже дело не простое. Так или иначе, Струве внезапно замолчал. В газетной статье памяти Лебедева он переложил ответственность за прекращение переписки на своего корреспондента: «То, что Лебедев перестал мне писать после февраля 1967 г., тоже осталось необъясненным»¹. Это заявление выглядит странно, если учитывать, что как раз в февральском письме 1967 года Лебедев прямым текстом говорит о том, что он так и не получил ответа на два предыдущих письма, написанные еще в 1966 году, и поэтому надеется получить хотя бы ответ, объясняющий такое молчание. Но и этого объяснения, судя по отсутствию обычной для Струве отметки об ответе, Лебедев не дождался.

Поэтому, когда тот же Морковин при такой же случайной встрече, но уже в 1969 году опять «передал привет» Лебедеву от Струве, то дня через три получил от первого «задыхающееся от бешенства письмо, со всякого рода несуразностями»², вроде того, что Струве его возненавидел за недостаточно высокую оценку книги своих стихов и приветы от такого человека ему, Лебедеву, не нужны.

Со здоровьем у поэта, судя по всему, в это время было уже плохо. Тот же Морковин пишет: «Я его видал примерно месяц тому назад. Он заходил ко мне за советом, жаловался на бессоницу, вызванную нервным расстройством. Я думал, что это Бог весть из-за каких событий, а оказывается потому, что ему вовремя не выплатили какой-то гонорар. Потом моя жена его видала в приемной у наших участковых врачей, он ходил от одного пациента к другому и все расспрашивал, который из них лучше. Был не брит и запущен»³.

Лебедев скончался, по-видимому, от инсульта, или, как чаще говорили в то время, апоплексического удара: его нашли мертвым в комнате, в которой он запирался на ночь. Обычно датой его смерти считают 6 июля 1969 года. Струве, однако, ссылаясь на Морковина, дважды – в статьях 1969 и 1976 годов – называет 6 июня, и достоверной следует признать именно эту дату⁴. С местом захоронения неясно: более распространена версия, что Лебедев похоронен на русском кладбище в Ольшанах; Морковин, однако, пишет о чешском Виноградском кладбище.

Что известно точно – единоличной владелицей архива Вячеслава Лебедева с момента его смерти и до 1994 года была чешская переводчица Гана Врбова-Пискачкова. Книга выполненных ею переводов на чешский под названием «Koncerty bez publika»⁵, во многом готовая уже в конце 1960-х, в силу известных событий тогда свет так и не увидела и вышла только в 1995 году. После смерти Врбовой литнаследство Лебедева – в т.ч. те самые 34 машинописных сборника – поступило в Чехословацкую академию наук, где и находится по сей день, не вызывая особого интереса у российских исследователей. Как следствие, книги стихов Лебедева на русском языке мы до сих пор не имеем.

Наша публикация полностью основывается на архиве Г. Струве в ГАРФ (фонд 10003.14.159).

¹ Струве. О Вячеславе Лебедеве // Новое Русское Слово. 9 мая 1976.

² Там же.

³ Письмо В. Морковина Г. Струве от 30 января 1969.

⁴ Письмо Морковина Струве с сообщением о смерти Лебедева датировано 13 июня 1969; кроме того, на нем есть пометка Струве «Отв[ечено] 16/VI»

⁵ Среди машинописных сборников, составленных Лебедевым, имеется три варианта (100, 126 и 159 страниц соответственно) книги «Концерты без публики». Все они датированы 1965 годом и, как можно предположить, представляют собой избранное различной степени полноты.

Вячеслав ЛЕБЕДЕВ

(1896–1969)

СТИХИ ИЗ НЕИЗДАННЫХ КНИГ

Публикация, подготовка текста Владимира Орлова

Лечебный день

Свет бескрылый. Кусты орешника.
Карты, книги и кегельбан.
Доктор ходит, как бог средь грешников,
Не внимая ничьим мольбам.

Да его и просить-то не о чем:
Все приходит само собой.
Нашей жизни пустые мелочи
С давних пор решены судьбой.

Вот и ты свою жизнь растрчивал,
Словно жизни и сносу нет!
Вкось и вкривь был написан начерно
Твой поспешный, пустой сонет.

Муть лекарств все темней и яростней.
Только даль все светлей и ясней,
Словно жизнь идет через заросли,
Выходя на опушку дней.

И такие они дремучие,
Расклубившись и вкривь и вкось,
Так напрасно мне сердце мучают
Тем, что было и пронеслось...

Все проходит своей дорогою –
Счастье, горе, любовь и труд.
– Никого на земле не трогай:
Все мечтают. И все – умрут.

Хозартель

Это имя им
Стало качеством:
Пол мы вымоем
Чисто-начисто!

Двери выскоблим,
Как на мельнице.
Счастье близко ли
К вам, артельницы?

Окна – заревом,
Всеми блесками
Разбазаривай:
Жить здесь не с кем им...

Пляшут в воздухе
Мётлы, веники.
Этот воз трухи –
Всё изменники!

Сыплют бисером,
Солью, крохами.
Всех их выселим,
Чтоб не охали!

Всех проверкою
Переделаем,
Жизнь коверкая
Поределую:

Безнаказанно,
По условию,
Так, как сказано
В предисловии.

Войска

Целый день томит тоска.
Целый день на полустанке
Едут с песнями войска:
Артиллерия и танки.

Голосами среди скал
Эхом дальние метели.
Эти песни я слышал
Еще в детской колыбели.

Разве просто – умирать?
Разве нужно – сон и ладан?..
Тридцать лет... И вот опять
В ворота стучат прикладом...

Выгляни на двор в окно
(Стекла что-то запотели...) –
Ты их знаешь так давно,
Эти серые шинели...

Вон, толпятся у ворот,
Под гармонь затеяв пенье.
Удивительный народ,
Непонятное терпенье!..

В рабочей столовой

Густо по столовой
Ходит дым еловый.

– Что сегодня варишь,
Кашу и оладьи?..
Милый мой товарищ,
Мы с тобой поладим!

Встанем от обеда –
Жить нам больше нечем –
И считаем беды:
Очень скучный вечер...

В жизни мало света.
Но о чем ни спросим:
Осень или лето? –
Отвечают: осень.

Мы с тобой – две свечки
И горим без толку.
Мы с тобой – овечки,
Поджидаем волка.

Милый мой товарищ,
Что ты мне подаришь?

– Подарю разлуку,
Подарю развязку:
Вражескую руку,
Дружескую ласку...

Протест

Не хочу ни тьмы, ни ночи,
И давно прошу об этом.
Я на жизнь уполномочен
И поверен быть поэтом.

Но взволнован странной речью
Шелестящих лип и вязов,
Я о жизни человеческой
Не слышал от них ни разу.

Не хочу ни зла, ни гнева,
Я расту со всеми вровень:
Солнце – справа, месяц – слева
Подымает в небе брови.

Недовольны только люди,
Лишь они не знают счастья,
Наложив в огромной груде
Все разломленные части.

Вот винты – и все без гаек.
Без колес ржавеют оси...
Кто так глупо помогает
В самом жизненном вопросе?

И, сочтя без труб бассейны
Объективно и научно,
Я опять весь день рассеян,
Потому что в жизни – скучно...

Синица

За окошком, на рассвете,
Тонкий посвист – Фить, фить, фить!..
Может это – южный ветер
Хочет сон ваш оживить?

Нет, не ветер... И не снами
Сердце к сердцу говорит.
Что случится завтра с нами,
Если пламя –
догорит?

Знаю я, что вам не спится
Под пустую птичью речь,
Как бахвалится синица
Море синее зажечь.

Чтобы петь...

Чтобы песни хорошие петь,
Я к природе ходил для начала
Слушать осени звучную медь.
Но она, как на зло мне, молчала.

Я хотел рассмотреть до утра
Все ее непонятное тело.
Вот и вынул я ветвь из костра,
Но она на ветру догорела.

И досадно, и горестно мне
Что сгорела и ветка вторая.
А пол-неба в таком же огне
Целый вечер горит, не сгорая.

Если сделаю что-нибудь так,
То природа, наверное – этак...
(Например, непонятный пустяк
С этой парой обугленных веток!)

Все в природе пылает, горит
Мощной злобой или любовью.
Я не мог заучить этот ритм
У ночного ее изголовья.

И теперь мы с природой – враги.
Дружба часто на злобу похожа.
Я просил, и не раз – Помогите!
Но она ни за что не поможет...

На польском побережье

На кривой тропинке – грязь.
Лес в сосновой бурке.
Море, бешено резвясь,
С ним играет в жмурки.

Море блещет как алмаз
И на отмель рыбью
Ходит на день сотни раз
Крупной, круглой зыбью.

Летний полдень пуст и тих.
Пуст и тих поселок.
Много здесь друзей моих,
Только нет – веселых...

О разлуке, о судьбе
В этот полдень летний
Позови меня к себе
На рыбачьи сплетни.

Ветер сдует каждый грех
На песок прибрежный.
Ветер будет круче всех,
Будет самый нежный.

Как орел, летит вперед
По тропинке скользкой:
Обнадеживать народ
За границей польской!

Истоки

Голубые созвездья
Выплывают с востока.
Мы всё ходим и ездим,
Возвращаясь к истоку.

Изумительный слепок
Влагой полночи мою,
Там, где всё было слепо;
Там, где всё было тьмою.

Стебель света до корня
Выжжен влагою едкой.
Мы живем всё покорней
В громыхающей клетке.

Уже не было света,
Уже не было мира.
Лишь забвенья и лета
Серебрились пунктиры.

Белый бисер созвездий
Гас на утренней коже.
Мы всё ходим и ездим,
Но вернуться – не можем...

Стихи о времени

День прошел, в невозвратное канув.
Даже вспомнить прошедшее – лень...
Непонятная речь великанов
Шелестела по паркам весь день.

В их широких, развесистых лапах,
Перекинутых в небо, как мост,
Были стиснуты сумрак и запах
Изменяемых временем звезд.

Усыплен шелестящею речью,
Мне пред будущим жаль было встать.
Я расслышал, что завтра же встречу
Всё, что встретить хотелось опять.

Что прошло – бездыханно и пусто.
То, что будет – лицо божества.
Настоящее! – Вот оно, чувство
Человечности и торжества!..

Экскурсия в замке

От лип и туч в аллеях – тень.
А почва – скудна и гориста.
Сюда приходят каждый день
С соседней станции туристы.

Они наводят кодаки
На развалившиеся башни
И словно кормят из руки
Тень жизни – бурной, но вчерашней.

И улыбаясь, как во сне,
Глядят сквозь узкие бойницы,
Подставив ветру и весне
Пустые городские лица.

Здесь каждый фунт для них – как пуд.
Нет, не подмять его рукою!
И, уходя, вдруг запоют
О новом счастье и покое.

О, как легко мы верим снам!
Кто подарил надежду людям?
Нет, не покоя нужно нам:
Мы счастливы, когда мы любим.

Ненужный разговор

«Опять трудиться?» – Что вы, что вы...
Всегда трудиться, не «опять»!

Отходит утренний почтовый
В пять сорок пять. В пять сорок пять.

Еще темны и хмуры окна.
Рассвет как поезд, – опоздал.
И целый год я мерзну, мокну,
Идя поспешно на вокзал.

И жизнь, и утро хлынут разом.
Какой ненужный разговор!
Смотри вперед зеленым глазом,
Как перед въездом – семафор.

Грохочут, ахая, составы
На запасных путях зимы.
Не надо спорить. Вы неправы:
Всегда и всюду правы – мы!

Вечер в Европе

Ты живешь, как растение,
Теплой грустью ужалено,
А вокруг – запустение,
А вокруг – лишь развалины...

Не пройти перекрестками
Не столкнувшись с патрулями.
С их веселыми, хлесткими
И певучими пулями.

За костелом, над скверами,
Небо тоже измучено
Непрерывными, серыми,
Неподвижными тучами.

Ты проснешься – с тревогами,
А уснешь – с опасеньями
И неожиданными, многими
Голосами весенними.

Круговорот

Днем – туманно, ночью – мглисто.
Нет на небе ни звезды.
В поле холодно и чисто
У забытой борозды.

Кто-то взрезал землю плугом
И, вскипев, коня отпряг.
Кто-то с недругом иль другом
Шел с винтовкою в овраг.

И огнем, и дымом сея
В окровавленную муть,
Голубиная Рассея
Подставляла бурям грудь...

По кострам шипела злоба,
По полям свистела месть.
Всё прикрыла крышка гроба,
Все прошло... И снова есть!

Днем – туманно, ночью – мглисто.
Нет на небе ни звезды.
Труп застывший коммуниста
У забытой борозды...

Прощеный день

Нет зимы – и всё иначе:
Птичий свист и шелест ив.
Днем прощеным обозначен
Рек ликующий разлив.

Все так зыбко, непохоже,
И душа из бытия,
Из отмершей старой кожи,
Выползает, как змея.

Утра дальний звук как эхо
Повторяет: – Нет вины!
Задыхаются от смеха
Волны синей глубины.

Нет, не бойся расплескать их –
Все безмолвно прощено!
Ветер птицам на закате
Сыплет красное пшено.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ В ОБЕЗДОЛЕННОСТЬ

Светлана Бойм. Будущее ностальгии / Перевод с английского Александра Стругача. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 680 с. – (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

Ностальгия оказывается для Светланы Бойм универсальной метафорой перманентного разлада с миром, накрывающего современного человека с головой. Когда «мы это не лечим». Однако время от времени возникает призрачная надежда, что понять причину дискомфорта означает если и не снять его, то хотя бы оседлать, найти корни, чтобы, в конечном счете, хотя бы посмотреть в правильном направлении. И, если получится, оформить себе примерное лечение.

Оно, по Бойм, заключается в сопротивлении явлениям, да и самой природе модернистского времени как такового – темпорального режима, приходящего к нам из законченного прошлого практически на пустое место. И оттого так сладостно похожего на архетипическое изгнание то ли из Эдема, то ли из Золотого века наивности и чистоты. *«Ностальгия – это восстание против модернистского понимания времени, истории и прогресса...»* (18).

Модернизм обречен на ностальгию (она его анима) из-за культа новизны и постоянных изменений. Раз мы все время движемся вперед, то обязательно откуда-то уходим, что-то покидаем. Впрочем, не факт, что куда-то дойдем, вынужденные и стихийные эмигранты, лишенные и исторической родины тоже. Изгнанники («...основная черта изгнанника – двойное сознание, двойная экспозиция различных времен и пространств, постоянное раздвоение» (492)), порой не покидающие родного дома, внутри которого тоже ведь можно легко укрыться хандрой, вне зависимости от времени года.

«Географические карты близости расширялись на протяжении столетий, от небезопас-

ных средневековых шкер – уголок у окна или в коридоре, уединенные поляны за рощей, опушки леса, до претенциозных буржуазных интерьеров XIX века с бесконечными курьезными шкафами, комодами и тумбами с ящиками, до промежуточных пространств XX века: заднее сидение автомобиля, железнодорожное купе, бар в аэропорту, электронная домашняя страничка...» (485).

Разрыв между традицией (традиционным обществом, его ценностями, представлениями о мире) и постоянным обновлением (прогрессом, имеющим линейное воплощение) накладывается на моменты (элементы) фундаментального самоощущения любого взрослого человека, много чего оставившего в собственном прошлом. В том числе ситуацию переключения из детства в юность, а после и в зрелость. Все это делает проявление ностальгии в мире непреодолимым, неискоренимым. Вот как деньги или же религии: универсальным тeneвым эквивалентом всего, что с нами происходит и корнящегося в самом строе психологии, неотделимым от нее.

Ностальгия, чем-то напоминающая, видимо, фантомные боли, оказывается неизбежным симптомом самого того что ни на есть обычного развития человека. В ситуации модерна, и тем более постмодерна, сила такого симптома (набора их) неизбежно удваивается. Ощущение потери (даже той, что никогда не было) и пропущенных звеньев (важных), а так же того, что жизнь проходит мимо, а центр мира находится в другом месте и мстит за это – следствие всеобщих установок, воспринимаемых нами единственно возможной данностью того, как устроено актуальное понимание времени и пространства в XX, и тем более в XXI веке.

Синдромы пустоты, тревожащей, неоформленной (находящейся «на полях общественного, она локальная и индивидуальная, не-обязательная и неинструментальная» (485)), но столь безответно манящей, не при нас сложились, но мы, изначально пропитанные модернистским мировосприятием, являемся «типическими представителями» и выразителями

идей линейной темпоральности, определяющих течение и наших собственных жизней.

«Опасность ностальгии состоит в том, что она, как правило, путает реальный дом и воображаемый. В экстремально выраженных формах она может создавать фантомную родину, ради которой человек готов даже умирать и убивать. Неотрефлексированная ностальгия рождает чудовищ. Однако именно это чувство – а именно скорбь от утраты своего места и невозможности повернуть время вспять – находится в самой сердцевине порядка вещей в эпоху модерна...» (129).

Я к тому, что подобные формообразующие материи неодолимы в принципе, ведь это и есть основа того самого химсостава времени, из которого и состоит эпоха.

С другой стороны, поскольку модернизировать – естественная среда всеобщего обитания, заметить ее, выделить в нечто особое и лишенное интенциональной прозрачности сложнее всего. Для этого необходимо развивать в себе многослойное исследовательское отчуждение, сочетающее философию с социологией, антропологию с искусствоведением.

«Чтобы раскопать фрагменты ностальгии, нам нужна двойная археология памяти и места, а также двойственная история иллюзий и фактических практик...» (23).

Важнее всего найти единственно верное соотношение между общим и частным, между теорией и практикой, между формулировками и примерами. Между мясом и гарниром. Между аналитикой и беллетризованным нон-фикшн, ну, да, применяя, по возможности, двойную экспозицию.

Книги с задачами, схожими с теми, что ставила перед собой Светлана Бойм, обычно состоят не столько из описаний и определений феномена, положенного в основу универсальной метафоры всеобщего эквивалента, сколько из примеров, иллюстрирующих основной авторский тезис.

Пользоваться чужими биографиями (Ван Гог будет иллюстрировать здесь безумие или одержимость, Хемингуэй – пьянство, Вульф – смертоносную депрессию) много легче, нежели составить собственную, оригинальную карту явлений.

Дело даже не в том, что обычно автор ставит эксперимент на себе, методично, раз за разом объезжая все искусства автофикшн, не впадая в исследование ни в мемуарность, ни в свободную эссеистичность. Просто «энергии заблуждения», выделяемой явлением, которое автор пытается сейчас описать, почти всегда мало для серьезного (книжного) объема.

Пересечение дисциплин, которые позволяют автору превратить становление понятия в анфиладу глав, показывающих явление ностальгии то со стороны философии, а то антропологии, конечно, удлинняет эту повествовательную дорогу, но еще не гарантирует синтеза.

Кажется, «Будущее ностальгии» состоит из текстов, написанных в разные времена, и потому описывает явления из разных культурных и общественных сфер, специально переработанных Бойм в обобщающий нарратив.

Единство ему сообщает непреходящий авторский интерес, являющийся причиной разнородных исследований, а не следствием внимания к фильмам о динозаврах или же особенностям процесса реставрации фресок Микеланджело в Сикстинской капелле. Бойм всюду ищет и находит симптомы, с разных ракурсов объясняющие, что ностальгия и ее подвиды – тотальная «трансцендентальная неприютность» (Дьёрдь Лукач). Причем, *«в традиции русской философии от Чаадаева до Бердяева трансцендентальная неприютность рассматривается не как особенность модернистского самосознания, но как составляющая часть русской национальной идентичности. Метафорическое изгнание (обычно прочь от временного повседневного бытия) – это предтеча странствий “русской души” (494)»*, из-за чего исследование приобретает дополнительное тематическое расширение и эксклюзивность.

В последовательном приближении к сердцевине понятия, которое знают все, но которое ускользает от определений, книга Светланы Бойм кажется мне отечественным отражением «Чернил меланхолии» Жана Старобинского. Изданная «НЛО» в 2016 году, она точно так же «проводит материал» коренной метафоры исследования (меланхолия как образ жизни,

избавиться от которого невозможно, что и превращает ее из «неисцелимого недуга в неизлечимую форму бытия»), она объясняет причины зарождения понятия, а также извивы развития, разбухающее от века к веку. Неслучайно «Чернила меланхолии», упоминаются в «Будущем ностальгии» уже в первой главе.

«В отличие от меланхолии, которая ограничивается сферами индивидуального сознания, ностальгия касается взаимоотношений между частной биографией и биографией сообществ или наций, между личной и коллективной памятью...» (20).

По мере удаления от момента хаоса и переломка «Большого взрыва» всеобщих начал, законов и правил, буквально все материалы и материи «успокаиваются» и «входят в русло» неизбежной дифференциации. Частным следствием этого (?) оказываются схематизация и упрощение каждой из составляющих, говорим ли мы о развитии отдельного организма, об эволюции конкретного государства или же институализации любых возможных организаций, хоть общественных, хоть культурных.

Модерность как раз и находится на той стадии развития, когда «повседневная жизнь» окончательно входит, уже вошла, в полосу тотальной стандартизации, учета и контроля, впрочем, сохраняющих пока еще предпоследние связи с «кровью и почвой», но уже утратившей первородность.

«Во-первых, чем быстрее и шире темпы и масштабы модернизации, тем более консервативными и неизменными становятся новые традиции. Во-вторых, чем сильнее риторика преемственности по отношению к историческому прошлому и акценты на традиционных ценностях, тем более избирательно представлено само прошлое...» (105).

Ориентация на коллективные формы памяти сближает объемный том Светланы Бойм с текстами Алейды Ассман и проблематикой нынешней «мемориальной культуры», вылившейся, помимо прочего, в столкновения «войн памяти». Хотя, конечно, Ассман («НЛО» выпустило практически все основные ее работы), в отличие от Бойм, предельно политизирована и, насколько это возможно, безличностна.

Иной раз сборники концептов ее о специфике «общей истории» и «памятных мест», составивших центр актуальной коммеморации, выглядят «справочной литературой».

Бойм менее установочна, более свободна и поэтична. Литературна, наконец. И в этом, кстати, ей весьма помогает переводчик – архитектор Александр Стругач, работавший с автором в режиме постоянного диалога.

«В конце концов, ключевые слова, определяющие глобализм – прогресс, модернити и виртуальную реальность, были изобретены поэтами и философами: прогресс был придуман Иммануилом Кантом; сущестительное “модернити” – креатура Шарля Бодлера; виртуальная реальность впервые была представлена Анри Бергсоном, а вовсе не Биллом Гейтсом...» (21).

Там, где немецкая исследовательница вещает с трибуны от лица всего прогрессивного человечества, американка российского (советского) происхождения делится примерами из собственной жизни, сидя с единомышленниками в кулуарах.

Между тем Ассман и Бойм заняты схожим заданием: обе они делают видимыми и наглядными, отныне закономерными, процессы, подспудно формирующие идентичность всех ныне живущих. То, как и каким образом магистральные, но кажущиеся не слишком структурированными (непойманными описанием) процессы эпохи «подстригают» наши внутренние глаза.

Определение дискурсивных ориентиров через других авторов дает возможность лучше понять замысел Бойм, первоначально выглядящей фланером, с неограниченной эссеистической свободой блуждания по жанрам и видам человеческой деятельности, хотя в основе ее книги, несмотря на все видимые вольности, существует четкий, доказательный план. Но становится он очевидным не сразу (хоть структура книги и детально объясняется в предисловии), а по мере увеличения разнокалиберных материй. Особенно «везет» в этом смысле масскульту, буквально паразитирующему на разных видах человеческой нехватки и недостаточности, всевозможным «общим местам» и «не-местам».

Разница исследований Старобинского и Бойм, образующих дуальную пару, в том, что

меланхолия исследуется в диахронии, тогда как замеры ностальгии берутся автором в синхронии. Не столько вглубь, сколько вширь истории актуальных явлений, существующих в памяти современников с подачи новостных программ, премьер в кинотеатрах, в жизни или в интернете.

Впрочем, Старобинский, в отличие от Бойм, конечно же, демонстративный диагностический однолюб – его «Чернила меланхолии» затрагивают, в основном, лишь тексты, проникнутые непреходящей тоской, чаще всего квазинаучного и мета-медицинского характера. Все эти диагностические трактаты в античности и в эпоху Просвещения, плавно переходящие в поэзию Нового и Новейшего времен. Бойм с архитектурой, урбанизмом, попсой и маргинальными кафешками более разнообразна. Более близка к «обычности существования».

Хотя, анализ стихотворения Бодлера «Стоял я, оглушен толпою городской...», которым Бойм открывает галерею примеров ностальгии, воплощенной в культурных артефактах, почти мгновенно делая типический переход от Бодлера к Беньямину и его «ангелу истории», вполне сопоставим с описаниями Старобинского и легко представим внутри «Чернил меланхолии» по соседству с, например, эссе о Мандельштаме.

«Для Бодлера шанс на достижение счастья открывается в мгновение ока, а остальная часть стихотворения – это ностальгия по тому, что могло бы быть; это не ностальгия по идеальному прошлому, а по настоящему совершенному времени и его упущенному потенциалу. В начале поэт и неведомая женщина двигаются в том же ритме длительного прошедшего времени, ритме бушующих парижских толп. Встреча приносит поэту шок узнавания, а затем пространственную дезориентацию...» (64).

Надо сказать, что методологические ссылки книги Светланы Бойм, составляющие теоретический хребет ее собственной ремы, почти всегда предсказуемы. Старобинский и Бодлер, Ассман и Арентс, ну, а если разговор заходит об теории фотографии, то Барт и Зонтаг. Это дает возможность экономить усилия, сжимать метод до знакомых всех тезисов, двигая книгу

силой собственного примера и оригинальных определений по самому широкому спектру тем, причем самые остроумные и точные делаются автором впроброс.

Ибо тут «Будущее ностальгии» делает резкий разворот в сторону «изобретения повседневности» Серто и «не-мест» Оже, начинает ковыряться в «археологии мегаполисов», ну, то есть переходит от теории к практике.

Вторая часть книги посвящена «перевыдуманным традициям», оставляющим (или же не оставляющим) следы в повседневной жизни Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга (родной город Светланы Бойм), Берлина и пары городов Восточной Европы, которым она уделяет гораздо меньшее внимание, так как практика полевых исследований здесь напрямую связана со степенью участия городов в авторской судьбе.

Родные мегаполисы более известны и понятны, мы сформированы ими, являемся их частью, даже если сменили место жительства и находимся в другом месте, тем не менее продолжая нести внутри себя особенности их структуры и самоощущений.

То, что может быть совершенно незаметным со стороны (ведь «всюду жизнь»), наш личный опыт наделяет повышенным символическим содержанием, который важно высказать кому-то еще: для Бойм, чья книга [прекрасно] переведена с английского, обобщает историю преодоления Россией коммунистического периода своей трагической истории через самые яркие и значимые артефакты.

Судьба монументальной пропаганды, сконцентрированной в парке «Музеон». Разумеется, восстановление Собора Христа Спасителя. Фестиваль «Неофициальная Москва», проводимой Сергеем Киреенко в рамках своей предвыборной компании на место столичного мэра в 1999 году. Напомню, что Киреенко, избиравшийся тогда от «Союза правых сил», привлек к кампании делателей тогдашней актуальной культуры – от Марата Гельмана до «Синих носов»: идеологический поворот, осуществленный им, с того самого времени идеально ложится, мог бы лечь, в событийную канву этой книги, рассказывающей, как разнородные явления жизни (скажем, для Питера

это судьба городского карнавала, культового кафе «Сайгон», трамвайных путей или же образа сфинкса на набережных) полностью со временем меняют свои смысловые знаки и символические значения.

Вспоминая фотографическую теорию Ролана Барта о стадиумах и пунктумах, Светлана Бойм неожиданно дает метаописание собственной архитектурной публицистики. Причем делает это она в главе, посвященной музею Владимира Набокова, появившемуся в перестроечном Санкт-Петербурге:

«Punctum – особая случайность, которая объединяет зрителя и изображение и приоткрывает некоторое знание, касающееся их обоих; он указывает на отметины в психике зрителя и воображение. Для Набокова этот punctum не в том, что представлено на фото, а в том, что останется невидимым...» (506).

Однако, крайне важно, что книга закончена в прошлом веке (показательно, что в издательских данных нигде не обозначена дата выхода оригинального английского текста, но Википедия говорит, что The Future of Nostalgia опубликована в 2001, став интеллектуальным памятником определенной эпохи, исчерпавшей себя именно в год выхода книги), а Светлана Бойм умерла. Пишет она, вроде бы, о недавнем прошлом, но очевидно уже ставшем историей, из-за чего память об этом спорит с знаниями настоящего – в том числе и о судьбе самого автора в ближайшие годы.

Смещение новостей и ретроспекции задает ее повествованию дополнительный драйв: рассказывая о политической, семиотической и, отчасти, коррупционно-криминальной стороне восстановления ХХС, или же о череде архитектурных проектов Берлина, претендующих на места разрушенного Городского дворца и Дворца Республики (к сожалению, Светлана никогда не узнает окончания их нынешней реконструкторской истории), она, с одной стороны, обращается только к иностранцам, из-за чего тщательно и детально проговаривает будто бы общеизвестную фактуру. Но, с другой стороны, все это общие места лишь для нас с вами и наших соседей по эпохе, вынужденно следивших за архитектурными проектами в посткоммунистических

столицах, тогда как подробности всего этого уходят раньше людей и хоронятся в архивах надежнее, чем на кладбищах. Понятно же, что «Будущее ностальгии» обращено не столько к современникам, сколько к потомкам, способным оценивать конец XX века с безопасной временной дистанции. Из-за чего название самого известного труда Светланы Бойм приобретает, начинает приобретать, дополнительные обертона и оттенки.

Но какое отношение все это политико-архитектурное бешенство имеет к беспросветной печали и тоске, накрывающей наши дома и души? Да, самое прямое и непосредственное: возобновленные объекты (особенно эффектно Бойм разбирает новые итерации много-страдальной берлинской синагоги, зафиксировавшей сразу все стадии ее разрушений, а также последнюю реконструкцию Рейхстага с стеклянным куполом сэра Нормана Фостера) – знаки не сшивания эпох, разобщенных глобальными катастрофами, но увековечивание травм, имеющих отныне самое что ни на есть наглядное воплощение.

Чем сильнее и глубже драма – тем выше ХХС, тем ярче блестит самоварное золото на его куполах, поскольку *«пошлость – это неочевидный обман, который обманывает не только эстетически, но и морально»* (535), поскольку именно *«китч имитирует лишь внешние эффекты искусства, но не его глубинные механизмы...»* (536).

Двойная экспозиция (память более *«не имеет единой привязки к родному городу, но раскрывается через взаимное наложение родной и чужой земель»* (495)), делающая видимым меланхолические излучения мест (причем даже необязательно руинированных, но «из стекла и бетона», отчаянно современных), напоминающие радиацию, присуща даже самым отчаянным домоседам из аборигенов. Что уж говорить о людях пришедших и этим обязательно духовно надломленных?

«Иммигрантский Берлин существует в краденном воздухе и нелегальных пространствах, в невидимых призраках и на воображаемых картах, наложенных на город. Это другой Берлин состоит из потайных переулков, подвалов, рекреаторов...» (410).

Борис КУТЕНКОВ

НЕ ВЫХОДЫ, НО ТУПИКИ

Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе / Составитель и редактор И. Дуардович. – М: Эксмо, 2021. – 432 с.

Тут «Будущее ностальгии» делает еще один крутой вираж, переходя к самым интимным и, на мой вкус, содержательным главам, посвященным судьбам и «индивидуальным творческим стратегиям» Владимира Набокова, Иосифа Бродского и Ильи Кабакова – чтобы приснопамятная оптическая триада «человек – природа – общество», хотя бы и в перевернутом виде обратной перспективы, осуществилась внутри большой книги, претендующей на всеобъемлемость. Литературные тексты, взятые в роли свидетельских показаний и документов (даже если это – предельно субъективные стихи и проза), лучше всего фиксируют следы травм и драм, при этом максимально минимизируя расстояние между писателем и читателем. А еще такая «личная интонация» возникает из наложения собственной биографии Бойм, писательницы и беглянки, на обстоятельства жизни великих художников. Способ производства, опять же, один и тот же, ведь *«иммигранты всегда ощущают себя на сцене, их жизнь состоит некоторого количества банального фикшена с периодическими романтическими всплесками и серой повседневностью...»* (488).

Хотя Бойм, разумеется, интересуют не только тексты эмигрантов, обративших прием остранения в стратегию выживания, но и памятные места, с ними связанные. В первую очередь, музеи и артефакты – хотя в момент написания мемориальной экспозиции в бывшей коммуналке Бродского еще не существовало, Бойм описывает инсталляцию, сооруженную из его шкафа и личных предметов, выставленных в Фонтанном доме.

Ситуация вынужденной бездомности, бегства и скитаний позволяет выработать особые степени остранения (тут, разумеется, возникает ссылка на теории Виктора Шкловского), не только «отделяющие искусство и не искусства», но, если совсем уже попросту, позволяющее выжить. Не сойти с ума. Холодность Набокова и Бродского, а также Кабакова – реакция на болезненный опыт неумной ностальгии, ставший приемом. Без него теперь, служащего постоянным болеутоляющим, уже вообще никак.

Изначально моё отношение к рубрике «Лёгкая кавалерия» (которая появилась на страницах журнала «Новая юность», затем стала лицом сайта «Вопросов литературы») было довольно неопределённым. Странность задачи мешала встроить проект в какую-то концепцию. Множество реплик самых разных авторов с их «свободными» впечатлениями от происходящего в современной литературе – ну и что?.. Если переходить на язык журналистики – невнятен целевой адресат: при таком диапазоне охваченных проблем и мнений рассчитана ли рубрика на того, кто уже ориентирован в именах и тенденциях? (Положим, мне весь набор авторов «Кавалерии» и предыдущие их высказывания известны – так что примерно понятно, чего и от кого ждать. Но возникало опасение: не дезориентирует ли вся эта бесконечная разновекторная солянка того, кто только погружается в процесс?.. Ведь никаких внятных путеводителей никто ему давать не собирается: читай, мол, N по законам, им над собой поставленным, NN – по законам NN, а что удерживает их в рамках общего поля, весьма неочевидно. Такой – ну, более выверенный – аналог Фейсбука...). Колонки Абдуллыева, положим, вернее было бы не смешивать с противоположными им по стилю и задачам; так лучше и для репутации критика, и для отделения зёрен от плевел. То же – с Воденниковым, Скворцовым, Балла... Что касается «быстроты» и «оперативности» высказывания – здесь тоже не вполне очевидно: в книге есть и тексты более или менее «толстожурнального» формата. С другой стороны, не я ли последние годы цитировал слова Юрия Тынянова: «Бывают исследования, которые при правильном наблюдении фактов приводят к неправильным результатам, – и бывают такие, которые при неправильном наблюдении фактов приводят

к правильным результатам»? Проще говоря – концепция, даже и бесполовая или отсутствующая, только малая часть дела; камень брошен, интереснее всего расходящиеся круги.

А круги расходятся. Проект стал резонансным. Высказывания «кавалеристов» – ныне обязательная часть литературных мемов, а рубрика – аналог той шуки, которая якобы нужна, чтобы карась не дремал (для кого-то и просто – образец непрофессионализма, часто по ошибке уравниваемого с личной обидой). Создатели проекта должны возблагодарить за этот резонанс главным образом К. Комарова и А. Жучкову – уверен, без них «Кавалерия» осталась бы одной из бесчисленных литературных рубрик. Но нужно понимать, что дело тут даже не в сути сказанного, а в форсированности тона, в истеричности жеста¹. Выход книги избранных сочинений «кавалеристов» в «Эксмо» – и, следовательно, обращённость всей этой солянки к широкому читателю – стал некоторой неожиданностью, так как вроде бы

¹ Эти форсированность и истеричность в случае первого проявляются на виртуальных страницах «Лёгкой кавалерии» и – в случае второй – в соцсетях. Тексты Жучковой в этой книге часто умны и интересны, в отличие от её сетевых выпадов. Иногда кажется, что за ними стоят два разных человека. Одно из её высказываний в книге характерно: «Критика пишется: Субъективно. Эмоционально. Оценочно-гиперболистично. С элементами публичного перформанса». Ничего дурного, разумеется, в этом бы не было. Если бы «публичный перформанс» у «кавалеристов» не напоминал так часто пляски на костях отживших полемик давности эдак тридцатилетней: скажем, в устаревшем споре о силлабо-тонике и верлибре, в котором давно расставлены все точки над i (ну ясно же, что в разговоре о поэзии ничто к этим формальностям не сводится). В своей заметке про изобретение велосипедов Д. Бавильский пишет как будто бы об этом: «...ведь в каждой новой дискуссии и повороте общественного мнения, будоражащего общественность в “Фейсбуке”, я вижу вопросы и проблемы, которые мы обсуждали с коллегами и в 1990-х, когда российская культурная журналистика начинала с буквального нуля, и в нулевых, когда оказалось, что все, что кажется нам горячими новостями, движется по кругу». И если бы то самое «эмоционально» не превращалось то и дело в «истерично», а «субъективно» – во «взбалмошно».

опровергает мои предыдущие суждения про «бэкграунд» адресата и дезориентацию новичка. Теперь, под одной обложкой, виднее, что получилось в совокупности, – и можно попытаться выявить какие-то тенденции. Если они, разумеется, есть (что не вполне очевидно – при столь разномастном и, видимо, вкусовом выборе критиков).

Что касается «бэкграунда» – всё оказалось так: неопиту лучше не брать в руки книгу (иначе вопросы «кто все эти люди?» и «почему подряд идёт столько разных высказываний на разные темы?» неизбежны). Надо сказать, что, объединившись под одной обложкой, статьи в сумме не утратили ощущения лёгкой хаотичности, но получили некоторую композиционную стройность под приправой тематики. Появились разделы, посвящённые отдельно – премиям, отдельно – критике, отдельно – поэзии... Какое-то подобие диалога возникает ближе к середине книги – где Р. Сенчин отвечает Д. Бавильскому, А. Жучкова – и Бавильскому, и Сенчину. Такой полилог выдержан в лучших традициях дискуссий 90-х и 2000-х, о которых сейчас приходится разве что читать в попадающихся на глаза старых номерах «Нового мира» (виват вечным «Библиографическим листкам»)². Внутрицевой диалог с тех пор оказался утрачен – не говоря уже о внятной полемике противоположных лагерей. И допускаю, что подобные претензии можно адресовать и, например, проводимым мной опросам – где ответы нередко выглядят как цепочка монологов при видимой объединённости одной темой. На подобное сетует А. Скворцов в одной из «кавалерийских» колонок – правда, в контексте того, что разные критики называют в рамках одного опроса ни в чём не схожие имена. Я бы на месте редактора рубрики (если проект получит продолжение) усилил момент диалога, пересечений точек зрения; возможно, изначально стоило делать разделы заточенными именно на полемику критиков друг с другом и объединёнными одной темой.

² Андрей Немзер, Анна Кузнецова, Борис Кузьминский, Александр Агеев – не знаю, говорят ли что-то эти имена новым поколениям (из присутствующих в рецензируемой книге участников литдискуссий тех лет – только Бавильский. И Ольга Славникова с единичным текстом).

Итого – некоторый монологизм не столько проблема книги, сколько проблема времени.

Но что же с объединяющей идеей?..

«Суть рубрики в том, чтобы налететь на условного “противника” и “помахать шашками в воздухе”, наметив тему для более детального рассмотрения в статьях», – пишет И. Дуардович (редактор рубрики, он же – составитель и редактор книги) в предисловии к самому первому выпуску «Кавалерии». «Налететь, наметив тему»... Так и хочется перефразировать известную поговорку: «после налёта темой не машут». Противоречие налицо. Косноязычие, увы, – тоже.

«Три года назад, когда я собрал первый отряд злобных критиков в рубрике “Легкая кавалерия”, из лучших текстов которой и составлена книга...» – он же, в предисловии к книге. Да нет, первоначально кажется, что не таких уж «злобных» (Комарова выпускают «на арену» только во втором разделе). Скорее унылых и скучающих по «широкому читателю», сетующих на состояние нынешней литературы... Вполне в духе «Вопросов литературы» последних лет. Один мой друг, с которым я обсуждал книгу, иронично заметил, что вместо «Как мы читаем» ей подошло бы название «Как мы ноем».

Уровень упадничества в книге, впрочем, порой зашкаливает. Интересно, что уже написав эти слова, я дошёл до посвящённой этой проблеме колонки редактора издания – всё того же Дуардовича («в литературе всё так плохо может быть только потому, что мы так думаем и говорим», пишет он и честно пытается разобраться и с ситуацией, и с собой). Однако общего настроения книги это не отменяет. «Проблема только с читателем, который мог бы быть, но которого почему-то нет. Современная русская литература угодила в информационную яму. Не буду повторять набивший оскомину тезис о кризисе критики – ведь уже и простая литературная журналистика сходит на нет. “Живу тускло, как в презервативе”, – эти давние слова В.Б. Шкловского может сегодня повторить едва ли не каждый писатель...» (это говорит далеко не самый глупый из авторов рубрики – уважаемый мной профессор Вл. Новиков, но его слова оказываются характерными для настроенческой ноты издания). Для

колонниста «Лёгкой кавалерии» литература – то, что: а) сводится к тенденциям – причём отрицательным – а не к именам и книгам; б) находится в ситуации застоя, уныния, «информационной ямы»; то, с чем всё не слава богу; в) то, по отношению к чему «отсутствие широкого читателя» равно отсутствию читателя как такового (налицо, кстати, вновь подмена понятий). «Сегодняшний день кажется мне в отношении литературы по-своему очень правильным и при этом, как все правильное, несколько скучным» (А. Варламов); «Для большинства книга превратилась из лучшего подарка, украшения интерьера и ежедневного утешителя в пылесборник и пережиток советского прошлого...» (Ш. Идиатуллин). Может быть, всё так и есть. Вот только – какую конструктивную задачу несёт подобная тональность разговора?.. Уверен: достойный выбор литератора даже в такой ситуации – писать о книгах, искать способы доносить до публики то, что кажется ему свежим, талантливым; всё это гораздо более ценно, чем вечное «жопа есть, а слова нету»¹.

Тем более и на любое унылое обобщение найдётся противоположное. Вот, скажем, тот же Идиатуллин пишет: «Литературные страницы и рубрики истреблены как класс в большинстве традиционных СМИ и телеканалов». Интересно, а «Горький», книжные рубрики во множестве газет – от «Учительской» до «Литературной», от «Коммерсанта» до «Новой», – или передачи канала «Культура» – это «нетрадиционные» СМИ? Или опять исходим из ложного процентного соотношения – по отношению к массовому спросу, то есть к искусственной точке отсчёта, советскому прошлому?.. Далее Идиатуллин снижает отторгающий пафос: «Люди, которые заточены на то, чтобы изучать и отображать жизнь социума, не должны молчать. Они должны искать и подсказывать если не выходы, то хотя бы тупики». Но этих выходов в книге нет, а состояние литературы преподносится как бесконечный без-

¹ Здесь цитирую «кавалерийскую» колонку Станислава Секретова – даже он в формате рубрики словно становится не собой и проявляет, видимо, давно рвущееся уныние. Притом что его усилия на литературной ниве – именно в жанре сдержанных рекомендательных рецензий – как раз заслуживают большого уважения.

выходный тупик. Имён, названий – того, что способно было бы указать читателю маяки в этом предапокалипсисе, – до обидного мало. (Пожалуй, исключения – А. Пермяков, который не очень любит в этой книге рассуждать о тенденциях, предпочитая рекомендовать тексты; О. Балла; текст Е. Пестеревой о Н. Сучковой, – всё это выламывается из структуры издания, но, может, оно и к лучшему). Зато вдоволь такой, например, фальшивой риторики: «Мы должны протянуть руку помощи тем, кто рожден для радостей, даруемых серьезным чтением, но лишен их, обманутый завистливой антилитературной сказкой»... Уф.

Я бы удивился, если бы общая ворчливая тональность книги не задевала попусту конкретные институции: «В газете можно было почерпнуть, что читать. Например, в той же “Литературной газете”» (А. Сальников о временах двадцатилетней давности). На месте «Литературной газеты» (которая выходит и сегодня и, кстати, стала куда интереснее после ухода Юрия Полякова), в принципе, могло бы быть упомянуто любое другое издание. Но дело не в ней, а в безответственности сказанного: ориентиров, «что читать», сейчас переизбыток. И газеты, и толстые журналы, причём и входящие в «Журнальный Зал», и находящиеся за его пределами... Я, например, регулярно читаю и «Литературку», и «НГ Ex Libris», и сайты, – качество, разумеется, везде разное, но вряд ли стоит жаловаться, что где-то упоминается мало свежавшихся книг. Уверен: только изучая каждый осколочек, можно получить представление о целостной мозаике. Почему личное незнание часто выдаётся за отсутствие предмета – вопрос, занимающий меня давно. Да и по поводу отсутствия читателя – сомнительно: достаточно приехать в любой провинциальный город, чтобы увидеть нешуточный спрос, очереди за книгами и автографами, вопрошающие глаза... Для меня такими вдохновляющими свидетельствами были поездки на Урал в 2015 и 2019 гг. Возможно, московцентризм и жизнь в соцсетях сбивают настройки и создают иллюзию ложной уравниловки.

И странно было бы, если бы среди буйной эклектики не попадались здравые суждения: «Вы не обязаны спрашивать себя – кому нужна моя книга. А если с вас это спросят, правиль-

ный ответ будет такой: моя книга нужна мне» – так и хочется порекомендовать этот текст Ольги Славниковой о мотивах, отбивающих у писателя охоту создавать очередной роман («ваша книга никому не нужна», звучащее изо всех утюгов; объективная опасность превращения книги в «корабль-призрак»). Хотя книгу изначально рекомендовать не собирался – но вернёмся к словам Тынянова, приведённым мной в первом абзаце: бестолковая идея – и, как побочный эффект, интересные частные результаты...

В тех случаях, когда «кавалеристы» всё же говорят о книгах, обнаруживается тенденция к чистому – и, увы, вновь унылому – реализму. Всё, что в статье десятилетней давности было беспощадно маркировано Аллой Латыниной как «язык доклада партийного функционера 50–70-х годов»¹, оживает: «А вот Александре Николаенко было не стыдно, а жизненно важно писать Бобрыкина изнутри себя, открываясь миру» (А. Жучкова; пропустим оборот «открываясь внутри себя», который внимательный редактор бы как минимум подчеркнул); «Беллетристика часто бывает интересна, но бесполезна, а хорошая документальная книга, созданная автором на основе своей жизни или же мастерски имитирующая это, почти всегда полезна. Правда, книг таких становится все меньше. Документальная проза чаще всего обращается в прошлое, в историю, автобиографию заменяют биографии. Представители нового реализма, лет пятнадцать назад пришедшие со своими человеческими документами и наделавшие немало шума в литературном мирке, заставившие читателя, раз-

¹ Латынина А. Манифестация воображаемого. Нова ли «новая критика?» // Знамя, № 3, 2010. «Пришли новые молодые авторы со своим мировоззрением, принципами, талантом. Большинство из них выбирает реализм... Реализм может быть только одним – честно отражающим окружающую действительность». Это – из сборника «Новая русская критика. Нулевые годы» (М.: Олимп, 2009), составленного Романом Сенчиным из наиболее заметных статей молодых критиков. «Такие рутинные фразы на советском новоязе уже несколько десятилетий стыдятся повторять “ортодоксальные критики”», – метко заметила тогда Латынина. Ничего, как видим, не меняется.

уверившегося найти честное и близкое в современной прозе...» (Р. Сенчин) – дальше можно не читать.

(Впрочем, и у Сенчина в «Как мы читаем» есть статья, в которой я согласен буквально с каждым словом, – о приверженцах «альтернативной критики» а-ля Кузьменков, отвращающих людей от чтения. Единственное, здесь мне не хватило уточнения, что нередко эта разгромная критика добивается побочного эффекта: цитаты привлекают внимание к книге, комментарий же остаётся в стороне. Это, безусловно, не входит в задачу автора – и было бы интересно узнать, скольким книгам тот же Кузьменков сделал невольную рекламу вопреки собственным ожиданиям. Столкнулся и я с таким побочным «пиар-эффектом» несколько раз после публикации своих статей – и минимизировал количество отрицательных суждений: не потому, что боюсь «ответочки», а потому, что чувствую, как некоторые потенциальные герои моих текстов ждут этого пиара. Что понятно в условиях тотального невнимания друг к другу.)

«Реалистический» же подход к литературе аккумулируется в словах С. Баталова (уже в разделе, посвящённом поэзии): «Так вот, в каком-то смысле ни одно, даже самое великое стихотворение не может быть сильнее прямого и честного высказывания обычного человека. Под такие прямые высказывания эти стихи и мимикрируют». Дальше, что интересно, идёт вполне себе апология «стихов прямого высказывания». Интересно, понимает ли критик, насколько слово «мимикрирует» опровергает всю стройную картину? А «прямое и честное высказывание» – хм, уж не апология же антиискусства, пропаганда всё того же пресловутого «реализма» в поэзии, копизма по отношению к действительности?.. С. Баталов пишет: «Так что будем надеяться, что это всего лишь страница – яркая, может быть, самая яркая и значимая в современной поэзии, но, надеюсь, никак не последняя». Да нет, страница, вполне себе освоенная тем же соцреализмом – и не очень понятно, что же в ней «яркого и значимого», судя по описанию тенденций. Что-то проясняют имена, вовсе не похожие на соцреалистов: О. Васякина, Г. Рымбу, Е. Симонова. Но – в силе ли «прямого высказывания»,

в отражении ли «повседневности» ценность этих текстов?.. Или все баталовские определения – сплошь ярлыки: к кому хочешь, к тому и привешивай (хоть к «Вагине» Рымбу, хоть к любому «традиционалисту» – при всём их принципиальном различии), и ошибка в самой методологии критика?

Но это далеко не худшее, что здесь попадает. Есть и образцы откровенно «жёлтого» стиля: «Да, мне жутко не нравится кошачья обложка книги. Да, мне не нравится мимишный настрой. Более того, мне не нравится сочетание имени автора и тематики произведения» – уровень аргументации бывает и таков. Хватает и лексики, откровенно недопустимой в литературном разговоре. «Испражнения», «доморощенных жлобы и снобчиков», «гаденькая пустотность и тараканистая грязца умозрительной высоколобости», «выдаваемых за стихи рвотных излияний» – все эти выпады К. Комарова уже стали поводами для мемов и сделали «рекламу» проекту И. Дуардовича. А ведь в начале книги нам деликатно говорили: «Кто-то скажет, что грань мы порой переступаем. Не соглашусь, во всяком случае стараемся не переступать, поскольку о вкусах спорим, но исключаем любую претензию на монопольное владение истиной и территорией» (И. Шайтанов). Но что такое процитированные высказывания, как не «переступание грани» и не попытка «монопольного владения»? Создаётся странное ощущение, что Игорь Олегович Шайтанов – который напрямую не участвовал в издании, но, по словам из предисловия, «всё это время подсказывал и направлял нас», так или иначе задаёт тональность разговора о поэзии в этой книге – проецируя на него давно известную войну между «Вопросами литературы», с одной стороны, и «Воздухом» и «НЛО», с другой. Жаль, что эта война ведётся сейчас подобными методами – напоминающими больше подъездную брань.

Что хамство в книге становится осознанным *raison d'être*, ясно из фразы И. Дуардовича: «Но ясная ругань уж точно лучше мудреной похвалы. В конце концов, а понимает ли мудрец, за что он хвалит? Или это только сильное желание похвалить, берущее верх над всем остальным?». Сказано косноязычно и закручено, но позиция, в принципе, понятна; хотя

я бы не оперировал такими категориями, как «похвалить» и «поругать», – мне ближе презумпция понимания. Ценности отрицательной критики, разумеется, тоже никто не отменял: плохо лишь, когда она превращается в переход на личности: «Прожаренная, как курица гриль, девушка 26 лет» – да, колумнисты «Лёгкой кавалерии» позволяют себе и это. А то, что – по словам одной из «кавалеристок» – в 90-е «малоизвестный критик Сергей Соседов еще мог позволить себе сказать очень популярной Салтыковой, что у нее нет голоса, и даже назвать шваброй, что было грубо, но справедливо» – приводится как достоинство, – сильно понижает этический уровень книги. Апофеозом всего этого, пожалуй, можно считать очередной перл от составителя: «Это крутая фраза, так как в ней вся нетерпимость, все презрение, все непонимание».

Но и в «нетерпимости, презрении и непонимании» есть свои пределы. «С тех пор Кузьмин упорно душит силлабическую тонику вонючими верлибрами», «о том, что способно примирить Дмитрия Кузьмина с силлабо-тоникой»... Ясно одно: авторы рубрики не открывали журнал «Воздух» последние лет десять (процент тех, кто пишет силлабо-тоническим стихом, там совсем немал – имена перечислять не буду, их тьмы и тьмы, откройте, почитайте¹). Кстати, и сама статья Константина Комарова под броским заголовком «Кто может примирить Дмитрия Кузьмина с силлабо-то-

никой» построена на явном передёргивании: в ней говорится о номере «Воздуха», который открывает огромная подборка Кати Капович. No comments, как говорится...

Предвижу: после таких слов меня запишут в стан «актуальных поэтов» и увидят в моих словах апологию «околовоздуховского» сегмента. И – предвижу наклеивание ярлыков, мол, чьих будете, от имени какого круга говорите, – как будто разговор сегодня может быть лишь от имени «круга», а не от собственного имени. Нет, никакой апологии в моём суждении нет – так же, как и попытки очернить круг противоположный. Для меня вообще вторичны в современной поэзии тенденции, куда интереснее имена и тексты. И в «Воздухе», так же, как в Prosodia и любом другом журнале с отчётливо выраженной позицией, мне важны скорее исключения – об этом я писал в статье «На обочине двух мейнстримов» («Интерпоэзия», 2018, № 2). То, что не вписывается в мейнстрим издания, в его вкусовой вектор, а поражает неожиданностью – и именно несоответствием формату (что, с моей точки зрения, и есть главный критерий выдающегося дарования). Ближе всего к моей позиции в этой книге оказывается Артём Скворцов, который в слегка фельетонном ключе приводит точки зрения двух противоположных лагерей: форсированный отклик на «воймеговскую» книгу Геннадия Русакова со стороны «авангардиста» – и столь же форсированный на финалиста премии Драгомошнюк, написанный «традиционалистом»... (Обе реплики, разумеется, выдуманы Скворцовым – но хорошо представимы в действительности). К концу этого текста хочется узнать, к какой же точке зрения склоняется сам Скворцов, – ожидаемо, что ему будет ближе «традиционализм» и Русаков, но позиция критика оказывается более мудрой и взвешенной: «Очень интересно было бы узнать об отношении к нынешним параллельным поэтическим мирам читателя, скажем, из 2119 года. А вдруг он равнодушно пройдет мимо и тех, и этих, предпочтя им, как само собой разумеющееся, поэта, которого не причислишь ни к “архаистам”, ни к “новаторам”, почти не замечаемого современниками, но пишущего то, что впоследствии эстетически будет представлять всю нашу эпоху?..». Таков, на мой взгляд,

¹ Есть и такие откровенные передёргивания: «Проблема Кузьмина в том, что, по его собственным словам, как бы он ни фрондерствовал и анфан-терриблствовал, он все равно остается более известным в качестве внука Норы Галь» (В. Ширяев). Нет, разумеется, к Кузьмину – как и к любому другому литератору – можно относиться по-разному; и вопросов к нему – как к человеку, отстаивающему свой символический капитал, и порой крайне резко, – множество. Но если уж вести полемику – то не столь грязными «сетевыми» методами, больше напоминающими травлю в Фейсбуке. (Про это – в своём ответе К. Комарову на страницах «Как мы читаем» – по поводу потоков грязи, излитых на стихи В. Бородина, – исчерпывающе высказалась О. Балла. Та её реплика запомнилась многим – тем паче что единственная у этого мирного критика исполненная в подобной тональности.)

Дмитрий Гаричев – резко выламывающийся из «средневоздуховского» мейнстрима. Таков совсем молодой Владимир Кошелев – автор последнего на данный момент номера «Воздуха» (смотрящийся в нём белой вороной). Такова Ганна Шевченко, публикующаяся в «Prosodia» (а ранее – в «Арионе»): автор, вроде бы и соответствующий мейнстриму «арионовского» бытописания, но с отчётливым лица необщим выражением. И именно на таких авторов и хочется обращать внимание.

Не то – со стороны редактора книги. В искренней, но весьма путаной заметке И. Дуардович, как мне кажется, меняет местами причины и следствия, – начиная со своей усталости от поэзии и отношения к ней как к «рутине» и «быту» и продолжая разговором о недовольстве современным её состоянием: «Поэзия перестала рождать новые смыслы и миры; наконец, не возник новый язык – тем сколько угодно, а языка нет» – и прочая, и прочая характерная для «Кавалерии» риторика. Настораживает слово «рутинёрство»: да, безусловно, все мы «винтики журнального процесса», литературоцентризм для нас – всё, но само отношение к редакторской работе как к быту и к «заполнению ячейки» – тревожный симптом. И если ничто не вызывает удивления, радости перед новым автором, желания нести это зная дальше, кричать «Новый Гоголь явился» – не признак ли это собственной усталости (не хочется говорить «профнепригодности»)? Боюсь когда-нибудь обнаружить эти симптомы в себе. И прогнозировать, насколько этот симптоматичный текст характерен в принципе для настроения книги (как корабль назовёшь...), – тоже не хочется¹. Но печальные

¹ В дальнейшем – ещё более откровенное признание И. Дуардовича: «Так я понял, что слишком устал от поэзии, глаз замылился, привычные методы отбора перестали работать. Нет, хуже. Я понял, что мне давно все равно, и вот это “все равно” напугало больше всего – вот она, профнепригодность». Про то, стоит ли с таким настроением создавать раздел поэзии в книге, предназначенной широкой аудитории, – умолчу: не мне судить, в конце концов. Однако хочется верить,

догадки есть. Любопытно, что почти ни одного (!) имени в поэзии на всю книгу не упомянуто в положительном ключе – походит на некий нонсенс; с прозой и нон-фикшн дела получше...

И последнее.

Возможно, это прозвучит неожиданно – на фоне всего сказанного выше – но мне очень нравится эта книга. Я изучил все 430 страниц буквально за один вечер – притом что читал все эти колонки и ранее, сразу после их выхода на сайте. Перечитывал споря, соглашаясь (чаще споря и не соглашаясь, а часто ловя себя на читательском диссонансе между удовольствием от бойкого стиля газетной передовицы – и пониманием, насколько вредна для разговора о литературе эта забористость. Переходящая, как ей свойственно, в подзаборность).

Как часто бывает с бесполовыми, невыверенными порождениями – книга получилась живой: именно в силу отсутствия внятной идеи. Потому и в моей рецензии идеи не будет. Со всем хамством и эмоциональными перегибами, со всей невыверенностью целевого адресата и невнятностью задач – «Как мы читаем» – тот срез современной литературы, без которого её уже невозможно представить. Литературы, к строительству которой чувствуешь себя причастным: творящейся здесь-и-сейчас, в сетевом пылу².

Да и представить литературный Фейсбук таким, как эта книга, – отфильтрованным, хотя бы и так, – не худшая картина из возможных.

что именно редакторский «замылившийся» глаз, а не осознанная провокационность, допускает в «Как мы читаем» грязные методы сетевой полемики, все эти передёргивания. В конце концов, первое – излечимо и восстановимо; второе – уже похуже, ибо относится к области этики.

² Интересно, какие обновления претерпит рубрика в связи с новым редактором – Анной Жучковой: ей «рутинёрство» точно чуждо, а энергии не занимать. Правда, как в том фильме, «эту энергию бы да в мирных целях».

Контакты:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru

Алексей Слаповский (проза)

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 18 октября 2021 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.